3 1761 08820934 1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

ТОМЪ IV

„ДНЕВНИКЪ и ПИСЬМА"

ИЗДАНІЕ
Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

1908

Н. БИЛИБИНЪ. 1906

LR
T6542
Tolstoi, Aleksyei Konstantinovich, Graf

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Polnoe sobranie
СОЧИНЕНІЙ
Sochineny
гр. А. К. ТОЛСТОГО.

Съ портретомъ графа Алексѣя Толстого и критико-біографическимъ очеркомъ С. А. Венгерова.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

v. 4

513539
4. 11. 50

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп , № 29.

ДНЕВНИКЪ.

ДНЕВНИКЪ.

1831.

23 марта 1831 г.—Въ деревнѣ Mistra сѣли мы въ гондолу и отправились рано поутру въ Венецію.

Черезъ нѣсколько времени представилось глазамъ нашимъ вдали что-то бѣлое, и наконецъ довольно ясно могли мы различить дома и башни Венеціи.

Достигнувъ до самаго города, проѣхали мы по нѣсколькимъ длиннымъ и узкимъ каналамъ и остановились на каналѣ Grande, въ «Albergo dell 'Europa»; немного отдохнувъ и позавтракавъ, пошли мы гулять въ сопровожденіи чичероне, Antonio Re, котораго рекомендую всѣмъ путешественникамъ, какъ одного изъ опытнѣйшихъ и ученѣйшихъ путеводителей.

Мнѣніе, что въ Венеціи нельзя обойтись безъ гондолы, не справедливо; хотя улицы очень узки, можно, однако, почти вездѣ пройти, исключая немногіе дома, у которыхъ крыльцо выдается только на каналъ.

Гондолы очень узки и длинны; по срединѣ у нихъ—маленькая будочка, обитая чернымъ сукномъ, а на концѣ — желѣзный гребень и топоръ. Гребцы ѣздятъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ и ловкостью; сидя въ лодкѣ, опасно высовывать голову, оттого что топоръ другой гондолы можетъ ее отрубить. Также надо остерегаться прыгать въ лодку, когда въ нее садишься, ибо полъ, сдѣланный изъ тонкихъ досокъ, можетъ проломиться.

Входить надо задомъ, въ противномъ случаѣ неловко будетъ обернуться, чтобы сѣсть на скамейку, оттого что будка очень узка. Въ ней могутъ помѣститься четыре человѣка; двое — на скамейкѣ противъ гребня и двое — на

обѣихъ боковыхъ скамейкахъ; сверхъ того, есть еще довольно мѣста внѣ будки.

Мы пришли на площадь св. Марка.

По обѣимъ сторонамъ находятся красивыя колоннады и кофейные дома, далѣе возвышается дворецъ Дожа, а на концѣ площади—богатая церковь св. Марка.

Снаружи и внутри выложена она мозаиками, каждая колонна изъ рѣдкаго камня, и даже полъ составленъ изъ разныхъ сортовъ мрамора.

Въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ фасадѣ, стоятъ извѣстныя четыре бронзовыя лошади, привезенныя сперва изъ Коринѳа въ Римъ, изъ Рима—въ Венецію, изъ Венеціи—въ Парижъ, а оттуда—опять въ Венецію.

Онѣ были очень хорошо позолочены, но теперь позолота начинаетъ съ нихъ сходить.

Дворецъ Дожа находится близъ церкви.

Онъ готической архитектуры и весьма богато украшенъ снаружи и внутри. Мраморная лѣстница Великановъ, получившая имя отъ статуй Марса и Нептуна, колоссальной величины, ведетъ на площадку, гдѣ короновали дожей и гдѣ отрубили голову дожу Marino Falieri, который покусился уничтожить республику.

Недалеко оттуда находились въ длинной галлереѣ львиныя головы съ открытыми пастями, вдѣланныя въ стѣну.

Въ эти пасти могъ каждый бросать доносы на кого бы то ни было; они падали въ комнату инквизиторовъ, и обвиняемый получалъ на другой день повелѣніе явиться въ инквизицію.

Преступниковъ сажали въ темницу, соединенную маленькимъ покрытымъ и совсѣмъ темнымъ мостикомъ съ дворцомъ.

Этотъ мостикъ называется Ponte dei Sospiri, т.-е. «мостъ вздоховъ», потому что приговоренныхъ къ смерти вели по оному въ комнату инквизиторовъ, откуда ихъ отсылали на эшафотъ или, еще хуже того, въ Piombi. Это — темницы подъ самою крышею дворца, выложенныя свинцомъ, который отъ солнца такъ раскаливался, что люди, тамъ запертые, скоро въ страшныхъ мученіяхъ умирали.

Намъ показали также темницу Казановы, который столь страннымъ образомъ избѣгнулъ смерти.

Въ подземельяхъ, находящихся подъ дворцомъ, есть также темницы, но мы въ нихъ не были.

Нельзя себѣ представить богатства и роскоши комнатъ

дожей. На каждомъ шагу встрѣчаешь прекрасныя картины, статуи древности, рѣдкости разнаго рода; всѣ потолки позолочены, карнизы, двери украшены рѣзною работою и мраморомъ, стѣны мастерски расписаны.

Въ одной залѣ висятъ портреты всѣхъ дожей, кромѣ одного; на мѣсто его нарисовано черное покрывало съ золотою надписью: «Hic est locus Marini Faliero decapitati pro criminibus».

Въ Венеціи очень много хорошихъ картинъ, особливо венеціанскихъ живописцевъ, какъ: Тиціана, Тинторето, обоихъ Пальмъ и пр.

Прекрасная картина Тиціана, представляющая Воздвиженье Богородицы и считаемая за его лучшее произведеніе, находится въ Академіи Художествъ.

Тутъ же хранятся рисунки разныхъ знаменитыхъ живописцевъ и рукопись Леонардо да-Винчи (da Vinci), который писалъ съ правой стороны на лѣвую, статуи, гипсовыя снятки и, между прочими примѣчательными вещами, любимый рѣзецъ Кановы и правая его рука.

Лѣвая его рука находится въ Римѣ, сердце—въ церкви Frari, въ Венеціи, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ, а тѣло похоронено въ Possanio, мѣстѣ его рожденія; здѣсь показываютъ также домъ, гдѣ онъ умеръ.

Что касается до архитектуры, то здѣсь можно найти много прекрасныхъ дворцовъ, выстроенныхъ Палладіо, Сансовино и Скамоцци; но они почти всѣ опустѣли и начали обрушиваться; съ тѣхъ поръ какъ Венеція перестала быть республикою, богатые владѣтели ихъ обѣднѣли, а имѣніе ихъ досталось здѣшнимъ купцамъ и мѣняламъ.

У одного изъ этихъ купцовъ купилъ дяденька, между прочими вещами, одинъ уборный ящикъ, принадлежавшій кипрской королевѣ Екатеринѣ ***, изъ фамиліи Корнари, имѣвшей прекрасный дворецъ на Canal'ѣ Grande. Теперь и этотъ дворецъ пустъ и запущенъ, и обладатель его дошелъ до такой бѣдности, что принужденъ давать въ Англіи уроки, чтобы не умереть съ голоду.

Эти разваленные дома, мертвая тишина на улицахъ и, къ тому же, черныя гондолы даютъ печальный видъ Венеціи.

Однакоже тишина сія прерывается иногда криками и спорами венеціанцевъ, которые, какъ и прочіе итальянцы, кричатъ во все горло, каждый свое, не слушая другъ друга и дѣлая знаки ногами и руками.

Каждый день здѣсь продаютъ большое количество разныхъ рыбъ, морскихъ раковъ и улитокъ; все это называютъ они общимъ именемъ: «frutti di mare».

Колодцевъ здѣсь очень мало, но зато много цистерновъ, гдѣ собирается дождевая вода.

Говорятъ, что здѣсь почти всегда хорошая погода, но съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, безпрестанно идетъ дождь.

Гондольщики замѣчаютъ, что когда при дождѣ вода опустится въ каналахъ, то на другой день бываетъ хорошая погода.

Вода нѣсколько разъ опускалась и подымалась, а хорошей погоды еще нѣтъ.

Несмотря на то, мы каждый день ѣздимъ въ гондолѣ, смотрѣть все, что здѣсь примѣчательнаго.

Мы были въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, который хотя не очень великъ, но довольно красивъ; кромѣ этого сада, есть еще здѣсь дворцовый и публичный, въ которомъ я не былъ.

Картинныхъ галерей очень много въ Венеціи; между прочимъ, видѣлъ я галерею Гримани, гдѣ находятся прекрасныя картины Тиціана и извѣстный «Купидонъ» — Гвидо Рени.

У этого Гримани есть тоже очень хорошее собраніе древностей и статуй, которыя онъ теперь, изъ бѣдности, принужденъ продавать.

Всѣ сіи вещи находятся въ прекрасныхъ комнатахъ съ позолоченными потолками, большими мраморными каминами и расписными стѣнами.

Къ числу его статуй принадлежитъ одинъ бюстъ Микель-Анджело (который Гримани сначала никакъ не хотѣлъ продать, послѣ же, однако, онъ на это согласился, и дяденька купилъ «Сатира» со многими другими вещами) — бюстъ, представляющій смѣющагося сатира.

Никогда не видалъ я столько выраженія въ мраморномъ бюстѣ; онъ смѣется и принуждаетъ васъ къ смѣху.

Я мало видѣлъ до сихъ поръ статуй Микель-Анджело, но думаю и не безъ причины, что если это не самое лучшее, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ родѣ.

Одинъ англичанинъ предлагалъ Гримани за эту голову четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, но онъ не согласился на то, ибо у него не было тогда недостатка въ деньгахъ.

Вообще въ Венеціи много хорошихъ статуй, какъ, на-

примѣръ, похищеніе Ганимеда, находящееся во дворцѣ Дожа и приписываемое Фидіасу. Это маленькая группа, весьма искусно изъ бѣлаго мрамора вырѣзанная. Далѣе, одна греческая статуя во дворцѣ Гримани натуральной величины, представляющая древняго оратора, который, выступивъ впередъ, завернулъ лѣвую руку въ тогу.

Лучше всего сдѣланы складки тоги; жаль только, что она немного попортилась, когда съ нея снимали слѣпокъ для французскаго короля.

Говорятъ, что эта статуя должна представлять Демосоена, но ничего нѣтъ, что̀ бы сіе доказывало.

Между древностями заслуживаютъ особенно примѣчанія четыре бронзовыя лошади, о которыхъ я говорилъ выше.

Мы были здѣсь въ кварталѣ Жидовъ, составляющемъ особый городокъ, съ узкими, вонючими улицами и высокими, но дурно и нерегулярно построенными домами.

Здѣсь мы узнали о жидовскихъ колбасахъ, сдѣланныхъ изъ гусинаго мяса, для того что жиды не ѣдятъ свинины.

Тутъ же продаютъ много овощей, но Венеція ими не такъ богата, какъ рыбами и frutti di mare; столъ здѣсь не дорогъ.

Однако мы въ день платимъ четыре луидора — около восьмидесяти рублей. Луидоры и наполеоны, большею частью непринятые въ другихъ странахъ, въ большомъ употребленіи въ Венеціи. Австрійское серебро здѣсь также ходитъ, но бумажекъ и мѣди не принимаютъ.

Мы хотѣли пробыть здѣсь только пять дней; но покупка вещей у Гримани насъ задержала. Вещи, которыя дяденька у него купилъ, суть слѣдующія: безподобный бюстъ Фавна, о которомъ я уже говорилъ; древній бюстъ, представляющій молодого Геркулеса, съ большимъ порфировымъ пьедесталомъ, двѣ порфировыя колонны, девять столовъ, изъ которыхъ два съ камнями, вдѣланными въ дерево, одинъ изъ стараго флорентинскаго мозаика, четыре изъ африканскаго мрамора и два изъ vert antique, четыре мраморныхъ сосуда и шесть картинъ, одна изъ которыхъ Тиціана, и представляетъ дожа Антоніо Гримани во весь ростъ.

Сія послѣдняя картина висѣла въ большомъ залѣ съ прочими портретами предковъ Гримани.

Не желая показать венеціанцамъ, что онъ принужденъ продавать свои вещи, просилъ онъ дяденьку, чтобы ихъ перевезли къ намъ ночью. Послѣ сего начали ихъ вечеромъ укладывать и кончили на другой день поутру.

Тогда пришелъ одинъ членъ Академіи Художествъ и приложилъ печать на ящики, которые отправятъ моремъ въ С.-Петербургъ.

1 апрѣля. — Въ пять часовъ утра выѣхали мы изъ Венеціи и, проѣхавъ черезъ Падуу и Виченцу, прибыли вечеромъ въ Верону.

Верона—большой, прекрасный и очень старый городъ.

На другой день, рано поутру, поѣхали мы посмотрѣть огромный римскій амфитеатръ, находящійся посреди города, и который до сихъ поръ очень хорошо сохранился. Внутри амфитеатра, вокругъ всей арены или мѣста сраженія, сдѣланы ступени одна надъ другой, такъ чтобы зрители, на нихъ сидящіе, не могли мѣшать другъ другу.

Подъ ступенями находятся темные погреба, съ желѣзными рѣшетками, гдѣ запирали дикихъ звѣрей. По обѣимъ сторонамъ арены сдѣланы ворота, изъ которыхъ впускали на сцену воду, когда представляли «навмахіи» или морскія сраженія.

Недалеко отъ амфитеатра находятся древнія римскія тріумфальныя ворота.

Отсюда пошли мы въ соборную церковь, находящуюся возлѣ трактира, но не успѣли хорошо ее разсмотрѣть, оттого что все уже было готово къ отъѣзду.

И такъ сѣли мы въ карету и пріѣхали еще засвѣтло въ Бергаму.

Бергамо—тоже древній и большой городъ; улицы широки и чисты, дома большіе и высокіе.

Бергамо находится за три станціи отъ Милана.

На дорогѣ встрѣчаются красивыя дачи, обсаженныя миртовыми деревьями и кипарисовыми, большіе виноградники и много плачущихъ ивъ и фруктовыхъ деревьевъ.

Мы пріѣхали въ Миланъ въ 12 часовъ утра и остановились въ «Hôtel Royal».

Еще издали увидѣли мы огромную соборную церковь, извѣстную подъ именемъ Dôme de Milan.

Она считается за первую послѣ церкви св. Петра въ Римѣ.

Это ужасное готическое зданіе, съ высокими башнями, сдѣлано изъ бѣлаго камня и усыпано съ верху до низа мелкими арабесками рѣзной работы и прекрасными мраморными статуями и барельефами.

На этой церкви считается башней 400, а статуй 5.500.

Она слабо освѣщена большими готическими окнами съ цвѣтными стеклами; когда солнечные лучи въ эти стекла ударяютъ, то высокіе своды и длинный рядъ колоннъ, ведущій къ алтарю, покрываются какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, котораго невозможно изъяснить; вы входите въ древнюю церковь и шаги ваши раздаются въ пространномъ зданіи; тѣнь разноцвѣтныхъ стеколъ рисуется передъ вами на каменномъ полу и на готическихъ колоннахъ, вы переноситесь мысленно въ старыя времена среднихъ вѣковъ, въ васъ пробуждаются чувства, которыя бы въ другомъ мѣстѣ молчали.

Достопримѣчательныя вещи въ Миланѣ показываетъ намъ графъ Гардекъ, для котораго дяденька привезъ изъ Вѣны письма. Мы были съ нимъ на гуляньѣ и видѣли тамъ здѣшняго вице-короля, эрцгерцога Рейнера. Графъ Гардекъ водилъ насъ въ его дворецъ и дворцовый садъ, который очень красивъ. Въ этомъ дворцѣ есть одна кладовая, въ которой набросаны, кое-какъ, всѣ статуи, бюсты и портреты Наполеона, находившіеся прежде во дворцѣ. Въ немъ не оставили ни малѣйшей вещи, на которой было бы его имя.

Я былъ съ дяденькой у знаменитаго живописца Migliara, который прекрасно пишетъ архитектурныя зданія и особенно хорошо знаетъ перспективу. Дяденька купилъ у него двѣ большія картины масляными и четыре ландшафта водяными красками. Первая картина представляетъ миланскую больницу, а вторая—Campo Santo въ Пизѣ. Migliara подарилъ мнѣ одинъ эскизъ карандашомъ своей работы представляющій баталію.

Мы выѣхали изъ Милана 6-го апрѣля утромъ, но наканунѣ нашего отъѣзда поѣхали посмотрѣть извѣстныя здѣшнія маріонеты; — эти маленькія куклы такъ хорошо сдѣланы, что издали ихъ можно почесть за настоящихъ людей, хотя онѣ не болѣе десяти вершковъ.

Выѣхавъ изъ Милана, остановились мы недалеко отъ Павіи, чтобы посмотрѣть знаменитый монастырь Картезскихъ монаховъ, находящійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Говорливый cicerone вышелъ къ намъ навстрѣчу и началъ сперва показывать фасадъ, который весь покрытъ барельефами. Внутреннія стѣны украшены картинами «al fresco», т.-е. такими, которыя написаны на *свѣжей,* еще не засохшей извести; алтари блестятъ серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями; вся церковь изобилуетъ флорентинскими мозаиками. Всѣхъ сихъ драго-

цѣнныхъ вещей такъ много, что нельзя понять, какъ столько богатствъ могли быть соединены въ одномъ мѣстѣ. Этотъ монастырь построенъ въ четырнадцатомъ столѣтіи герцогомъ Галеацомъ Висконти.

Выйдя изъ монастыря, пустились мы опять въ путь и, проѣхавъ у рѣки Тичино мѣсто, гдѣ Ганнибалъ одержалъ побѣду надъ Публіемъ Корнеліемъ Сципіономъ, остановились ночевать въ деревнѣ Нови. На другой день пріѣхали мы въ большой и богатый городъ Генуу.

Генуа построена амфитеатромъ на берегу Средиземнаго моря у Морскихъ Альпъ. Съ одной стороны защищаютъ ее горы, а съ другой — реветъ и бушуетъ море, высокія башни возвышаются одна надъ другой и дикіе aloës и кактусы покрываютъ стѣны генуэзскихъ укрѣпленій.

Всѣ города сѣверной Италіи, которые я до сихъ поръ видѣлъ, превосходятъ Генуа своимъ мѣстоположеніемъ; но дома и другія строенія хотя необыкновенной величины, не имѣютъ той красоты, которою отличаются миланскіе дворцы и почти всѣ строенія Венеціи. Однако, есть нѣсколько дворцовъ съ прекрасными мраморными лѣстницами, колоннадами и террасами, достойными примѣчанія. Между прочимъ, видѣли мы дворецъ Дурассо, въ которомъ есть хорошая галлерея картинъ. Улицы темны и большею частью такъ узки, что экипажи не могутъ по нимъ ѣздить. Площадей въ Генуа немного и онѣ очень малы и почти всѣ нечисты, какъ въ прочихъ городахъ Италіи, оттого что всю дрянь выбрасываютъ на улицу. Жители тоже очень неопрятны. Они одѣты, какъ венеціанцы, въ короткихъ штанахъ, короткой коричневой мантиліи и красномъ колпакѣ. Иные носятъ также длинную, широкую мантію, которую они закидываютъ на плечо такъ, что видны одни только глаза.

Мы ѣздили здѣсь смотрѣть галерею звѣрей, въ которой находятся слонъ и носорогъ—вѣроятно, только второй въ Европѣ, послѣ того, котораго срисовалъ знаменитый Альбрехтъ Дюрреръ.

Онъ отъ трехъ до четырехъ футовъ вышины и отъ семи до восьми длины; рогъ его очень толстъ и коротокъ, верхняя губа гораздо длиннѣе нижней, ноги толстыя и кожа лежитъ складками на спинѣ; когда ее подымешь, то подъ ней видно красноватое тѣло. Слонъ былъ прикованъ за ногу къ полу.

Онъ поднималъ хоботомъ фрукты, которые ему давали,

и растворялъ огромную пасть, когда ему хотѣли что-нибудь бросить. Онъ безпрестанно качался съ одной стороны на другую и бралъ пищу изъ рукъ. Въ этой галереѣ были еще медвѣдь, обезьяны и нѣсколько попугаевъ.

Мы видѣли здѣсь одного человѣка, показывающаго обезьянъ, которыя плясали на канатѣ; между ними была одна изъ рода орангъ-утанговъ, съ красными щеками.

Она вздыхала, поднимала глаза кверху, зѣвала, садилась на скамейку и дѣлала знаки, будто бы человѣкъ. Когда господинъ ее билъ, то она взглядывала на него, какъ будто бы хотѣла упрекнуть въ жестокости, однимъ словомъ, такъ она была похожа на человѣка, что мы долго думали, что (это) кто-нибудь переодѣтый.

Мы были здѣсь на дачѣ маркиза Негри, находящейся на высокой горѣ, съ которой видна вся Генуа, вдали голубое море, а съ другой стороны высокія горы. Эта дача красивѣе всѣхъ другихъ въ окрестностяхъ Генуа. Въ саду сдѣланы аллеи изъ розовыхъ кустовъ, покрытыхъ цвѣтами, а возлѣ его дома растетъ на вольномъ воздухѣ пальмовое дерево.

Дяденька купилъ здѣсь у одного продавца картинъ портретъ Христофора Колумба, (писанный) неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ очень хорошо былъ сдѣланъ, но его испортили, когда хотѣли уложить.

10 апрѣля.—Сегодня утромъ выѣхали мы изъ Генуа и ночуемъ въ деревнѣ Borghetto. Отъ самой Генуа досюда не переставали мы видѣть прекрасныя дачи у берега морского, лимонныя и померанцевыя деревья, миртовыя рощи, дикіе aloës, пальмы, кипарисовые и оливковые лѣса.

Возлѣ дороги лежатъ цѣлые утесы мрамора, скалы покрыты плющомъ и другими вьющимися растеніями, а море, сливающееся съ небомъ, еще болѣе украшаетъ безпрестанно мѣняющійся ландшафтъ.

11 апрѣля.—На дорогѣ отъ Borghetto до Луккіо продолжали мы наслаждаться прекрасными видами, съ тою только разницею, что природа сегодня гораздо болѣе была дика, надъ нами висѣли скалы, подъ нашими ногами открывались пропасти, водопады съ шумомъ падали съ высотъ.

Проѣхавъ чрезъ маленькій городокъ незавидной наружности, увидѣли мы человѣка, бѣгущаго во весь духъ къ нашей каретѣ. Прибѣжавъ, спросилъ онъ у насъ на дурномъ французскомъ языкѣ, не хотимъ ли мы посмотрѣть

собраніе статуй, находящееся въ ближнемъ домѣ. Онъ много началъ намъ разсказывать о сихъ статуяхъ, все приглашая насъ ихъ посмотрѣть.

На вопросъ, какъ зовутъ городокъ, который мы проѣхали, отвѣчалъ онъ:—«Каррара». Мы хотѣли воротиться, чтобы посмотрѣть знаменитыя мраморныя руды, но карета такъ далеко отъѣхала, пока онъ говорилъ, что мы не хотѣли терять времени и поѣхали далѣе.

Вечеромъ пріѣхали мы въ красивый городокъ Лукку.

12 апрѣля.—Флоренція находится за восемь почтъ отъ Лукки или около шестнадцати нѣмецкихъ миль. Проѣзжая рано утромъ черезъ Пизу, успѣли мы только увидѣть извѣстную кривую башню.

Еще не доказано, нарочно ли она такъ построена, или она опустилась отъ времени.

Мы намѣрены поѣхать еще разъ изъ Флоренціи въ Пизу, чтобы посмотрѣть сей достопримѣчательный городъ; но теперь мы такъ спѣшили, что только имѣли время тамъ перемѣнить лошадей.

На дорогѣ встрѣчали мы много крестьянокъ, дѣлающихъ знаменитыя флорентійскія шляпы.

Онѣ не употребляютъ никакого инструмента, но плетутъ ихъ однѣми руками и съ чрезвычайною скоростью. При семъ дѣлаютъ онѣ движенія пальцами, будто вяжутъ чулки.

Въ Флоренцію пріѣхали мы въ четыре часа пополудни и остановились въ трактирѣ «Hôtel des Quatre Nations», на берегу Арно.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой въ разные магазины и, между прочимъ, въ одну русскую лавку, гдѣ продаютъ чай. Купецъ намъ очень обрадовался, началъ насъ о многомъ разспрашивать и рекомендовалъ свою жену портниху.

13 апрѣля. — Сегодня только успѣли мы разсмотрѣть Флоренцію.

Дома здѣсь высоки, красивы и регулярно построены, улицы широки и вообще городъ довольно чистъ, т.-е. въ немъ менѣе воняетъ, чѣмъ въ другихъ.

Купола здѣшней соборной церкви считаются за одни изъ первыхъ, но мнѣ не нравится ея архитектура.

Здѣсь дѣлаютъ много хорошихъ алебастровыхъ и мраморныхъ статуй и вазъ.

Мы здѣсь видѣли также фабрику флорентійскихъ мозаиковъ.

Намъ показали много готовыхъ «pietri durri», назначенныхъ украшать алтарь соборной церкви; они отлично были сдѣланы и какъ нельзя лучше подражали природѣ.

14 апрѣля.—Сегодня были мы еще во многихъ лавкахъ, гдѣ продаютъ статуи и другія мраморныя вещи.

Статуи суть большею частью копіи тѣхъ, которыя находятся въ здѣшней Галереѣ.

Въ лавкѣ Pisani показали намъ двѣ вазы изъ зеленаго мрамора, уже кѣмъ-то купленныя; двѣ подобныя вазы купила великая княгиня Елена Павловна, когда она была во Флоренціи, а теперь заказалъ себѣ такія же графъ Витгенштейнъ.

Мы были также на площади del Gran Duca; на ней стоятъ въ покрытой галереѣ статуи разныхъ художниковъ XVI-го столѣтія.

Лучшая пьеса, безъ сомнѣнія, есть групъ Ивана Болоньезскаго, представляющій похищеніе одной изъ сабинокъ.

Подлѣ нея стоитъ знаменитый бронзовый «Персей» Бенвенуто Челлини. Въ одной рукѣ держитъ онъ кривой мечъ, а въ другой голову Медузы. Туловище ея лежитъ подъ нимъ, но трудно, однако, разобрать его положеніе.

Далѣе же находится бронзовый групъ Donatello, представляющій Іудиѳу, отрубливающую голову Голоферну. На пьедесталѣ вырѣзана республиканская надпись: «Exemplum salutis publici cives posuere MCCCLXXXXV».

15 апрѣля.—Не далеко отъ сихъ статуй находится, возлѣ стараго великогерцогскаго дворца, Галерея.

Мы видѣли въ ней множество статуй, прекрасныхъ картинъ, древностей и другихъ вещей сего рода.

Галерея сія состоитъ изъ многихъ залъ, получившихъ имена отъ главныхъ статуй, въ нихъ находящихся, напр. зала Ніобы, зала Гермафродита и пр.

Въ одной изъ нихъ находятся четыре большихъ и весьма хорошихъ стола изъ флорентійскаго мозаика.

Такихъ большихъ я никогда еще не видалъ.

Сегодня еще не успѣли мы видѣть всю Галерею; надобно бы употребить болѣе недѣли, чтобы разсмотрѣть однѣ только статуи.

16 апрѣля.—Мы еще разъ ходили смотрѣть Галерею.

Описывать статуи было бы слишкомъ долго; я назову только самыя извѣстныя: знаменитая Венера Медиційская считается за лучшую. Тутъ же стоятъ: «Невольникъ» (Le

Remouleur), «Бойцы», облокотившійся «Аполлонъ», «Фавнъ» и другія, которыхъ я не припомню.

Всѣ онѣ, однако, менѣе или болѣе повреждены; у Венеры и у Фавна сломаны головы и руки, но Микель-Анджело очень искусно дополнилъ, что̀ недоставало у сего послѣдняго.

Здѣсь показываютъ неоконченный бюстъ Брута, тоже Микель-Анджела, и маску Сатира, того же художника, которую онъ сдѣлалъ на шестнадцатомъ году.

На площади еще есть двѣ статуи, о которыхъ я не говорилъ. Первая—«Нептунъ» колоссальной величины, служащій украшеніемъ для фонтана, сдѣланнаго въ царствованіе Космы I-го, по рисункамъ Амманато. Онъ окруженъ нимфами, тритонами и другими морскими божествами.

Вокругъ всѣхъ сихъ статуй сидятъ въ разныхъ положеніяхъ бронзовые сатиры.

Объ одномъ изъ нихъ разсказываютъ здѣсь странный анекдотъ,—вотъ онъ (надобно знать, что фонтанъ находится подлѣ самой гауптвахты): въ одну ночь исчезъ сатиръ, сидящій къ ней ближе другихъ, и несмотря на всѣ поиски никакъ не находили, куда онъ дѣлся. Наконецъ, какъ-то узнали, что одинъ англичанинъ его укралъ и увезъ съ собою; но такъ какъ *для сего не имѣли* достаточно доказательствъ, то англичанинъ остался съ сатиромъ, а у фонтана видно еще теперь пустое мѣсто.

Другая примѣчательная статуя есть Косма I на лошади, вылитый изъ бронзы.

17 апрѣля.—Сегодня ходилъ я съ г. S.*** въ садъ «Böboli», принадлежащій къ великогерцогскому дворцу. Садъ не очень красивъ, но изъ него весьма хорошо виденъ городъ и окрестности, а во дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Palazzo Pitti, есть знаменитая галерея картинъ и статуй, которую иные предпочитаютъ Галереѣ (Uffizi).

Въ этомъ дворцѣ находится Венера Кановы.

18 апрѣля.—Сію знаменитую статую видѣли мы сегодня. Она стоитъ почти въ томъ же положеніи, какъ и Венера Медиційская, съ тою только разницею, что послѣдняя не имѣетъ никакого покрывала. Галерея картинъ считается за *первую въ свѣтѣ.*

Въ ней находится знаменитая картина Рафаэля: «La Madonna del Seddio». Картинъ изъ голландской школы здѣсь очень много и, между прочимъ, портретъ Рембранда,

имъ самимъ написанный; фигуры Рубенса почти всѣ отвратительны, особенно же женскія; здѣсь также есть нѣсколько картинъ Леонарда да-Винчи, но лучшія, которыя я видѣлъ, суть, по мнѣ, голова Медузы и его собственный портретъ въ Галереѣ.

Я только сегодня узналъ, что на той сторонѣ Арно, противъ нашего трактира, жилъ знаменитый *Данте*; въ сосѣднемъ домѣ умеръ поэтъ *Альфіери*, а немного подальше живетъ теперь прежній голландскій король.

Голландскаго короля видимъ мы часто въ зрительную трубку у окошка въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ, съ своею бѣлою собакою.

20 апрѣля.—(19-го апрѣля я не писалъ, потому что у меня болѣли зубы). Мы были вчера съ г. П*** въ церкви св. Лаврентія.

Въ одной сакристіи, выстроенной Микель-Анджеломъ, показали намъ нѣсколько прекрасныхъ груповъ того же художника. Одинъ изъ нихъ представляетъ «Смерканіе и Зарю»,—они изображены двумя лежащими божествами и поставлены на гробницу Лаврентія, герцога Урбинскаго. Другой групъ украшиваетъ гробницу Іюліана, герцога Немурскаго и представляетъ «Ночь и День».

Надъ каждымъ памятникомъ поставлена статуя одного изъ герцоговъ.

Въ этой же сакристіи находится Богородица Микель-Анджела, но апостолы, стоящіе у нея по бокамъ, не его работы.

Всѣ сіи статуи только начаты, но видно, что̀ бы онѣ были, когда бы ихъ окончили. Сама церковь еще не достроена, но всѣ стѣны уже выложены лапись-лазури, яспи-сомъ, дорогимъ гранитомъ, мраморомъ и другими камнями.

Изъ церкви пошли мы къ продавцу флорентинскихъ мозаиковъ, у котораго дяденька купилъ нѣсколько вещей для браслетовъ и большой кусокъ краснаго мрамора.

Сегодня я почти никуда не ходилъ, оттого что принималъ лекарство и сверхъ того цѣлый день шелъ дождь.

Я ѣздилъ только съ дяденькой покупать рисунки, но ничего не взялъ, оттого что дорого за нихъ просили.

21 апрѣля.—Нынѣшній день погода не лучше была вчерашней, но, несмотря на то, мы ѣздили съ г. П*** въ одну партикулярную галерею картинъ. Онъ приносилъ намъ сегодня показывать одну древнюю голову сатира, изъ

паросскаго мрамора, которая, по его словамъ, принадлежала Микель-Анджелу; за эту голову просили 14 піастровъ, но если г. П*** мнѣ ее сторгуетъ за два червонца, то я ее куплю (не оттого, что она, какъ онъ говоритъ, принадлежала Микель-Анджелу, ибо мнѣніе его ни на чемъ не основано, но потому что я увѣренъ въ ея древности и что работа и отдѣлка ея мнѣ нравятся).

Сегодня вечеромъ былъ дяденька у одного купца и купилъ у него много мраморныхъ вещей.

22 апрѣля. — У насъ обѣдалъ г. П***. Онъ купилъ голову сатира и отдалъ ее скульптору, чтобы онъ къ ней придѣлалъ бюстъ изъ алебастра. Я думаю, что онъ завтра будетъ готовъ. Маменька давно уже ищетъ себѣ собаку, а сегодня приносили ей двѣ, но она ихъ не купила, оттого что онѣ ей не нравились.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой на гулянье «Cascino», въ которомъ мы уже разъ были.

23 апрѣля.—Сегодня ходилъ я съ г. S*** и г. П*** въ Академію Художествъ; дорогой встрѣтили мы знаменитаго гравера Моргена, который поселился во Флоренціи и продолжаетъ работать.

Въ Академіи Художествъ показали намъ много гипсовыхъ снятковъ и большое собраніе новыхъ и старыхъ картинъ. Кромѣ сего есть тамъ еще рисунки Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ знаменитыхъ художниковъ, а на дворѣ, между прочими статуями стоятъ два група Ивана Болоніезскаго, изъ которыхъ одинъ есть модель «Похищенія Сабинокъ», а другой представляетъ «Добродѣтель, попирающую Злобу».

Мы также были въ церкви San Spirito, примѣчательной однѣми сѣнями (17 шаговъ длины и 7 ширины), которыхъ потолокъ состоитъ изъ одного куска сѣраго камня, находимаго въ окрестностяхъ Флоренціи. Потолокъ сей и выработанъ Сансовино.

Въ другой церкви видѣли мы нѣсколько мраморныхъ барельефовъ, представляющихъ разныя сцены изъ исторіи Флоренціи и сдѣланныхъ неизвѣстнымъ мнѣ художникомъ; никогда не видалъ я еще такихъ прекрасныхъ барельефовъ, какъ эти: композиція, рисунокъ, — все въ нихъ хорошо. Фигуры болѣе обыкновеннаго выпуклы и очень подражаютъ природѣ.

24 апрѣля.—Сегодня обѣдалъ у насъ человѣкъ весьма достопримѣчательный своими приключеніями.

Это былъ г. Афендуловъ, котораго жители острова Кандіи избрали королемъ въ одномъ возмущеніи противъ турокъ.

Четырнадцать мѣсяцевъ управлялъ онъ островомъ, но когда англичане донесли о семъ русскому правительству, то императоръ Александръ I осудилъ его на изгнаніе изъ Россіи, не ограничивъ, притомъ, продолжительность сего изгнанія; и такъ г. Афендуловъ живетъ во Флоренціи, не рѣшаясь возвратиться въ отечество.

Онъ родомъ малороссіянинъ, роста средняго, волосы у него сѣдые, лицо—длинное и покрытое рябинами, носъ—орлиный и темно-сѣрые глаза, которые безпрестанно движутся.

Онъ довольно долго у насъ пробылъ и разсказалъ о странныхъ своихъ приключеніяхъ.

Мы были въ греческой церкви, но когда мы ѣхали домой, засталъ насъ дождь и промочилъ до костей.

Всѣ жалуются на нынѣшнюю весну и говорятъ, что она обыкновенно бываетъ лучше.

25 апрѣля.—Г. Афендуловъ приходилъ къ намъ сегодня и принесъ нѣсколько рисунковъ для альбома, о которыхъ его просила маменька.

Я ходилъ съ m-r Wanu и S*** смотрѣть послѣднее произведеніе Микель-Анджела; это—статуя, которая только-что начата, и трудно догадаться, что̀ она представляетъ: человѣкъ, опираясь о землю ногою, держитъ въ рукѣ (лѣвой) что-то похожее на книгу; вотъ все, что̀ я могъ разобрать. Остальное такъ неясно означено, что невозможно его различить. Статуя сія вдѣлана въ стѣну одного дома, близъ коего стоитъ также римскій граничный столбъ пирамидальной формы, но съ сломаннымъ верхомъ.

Мы прошли мимо камня, на которомъ часто сиживалъ Данте и любовался куполомъ соборной церкви; камень этотъ находился прежде на другомъ мѣстѣ, но когда перестроивали улицу, то вкопали его въ тротуаръ.

Г. П*** водилъ насъ въ одну лавку, гдѣ продавался эскизъ Леонардо да-Винчи, представляющій двухъ собакъ.

Картина очень хороша, и, можетъ-быть, дяденька ее бы купилъ, еслибъ цѣна болѣе была умѣренна, но въ Италіи картины бываютъ часто такъ до̀роги, что невозможно за нихъ заплатить и половину требованной цѣны.

Мы были также во дворцѣ Vecchio, бывшемъ прежде великогерцогскимъ дворцомъ.

Передъ фасадомъ стоятъ двѣ колоссальныя статуи, изъ которыхъ одна Микель-Анджела и представляетъ Давида, другая—Bascio Bandenelli и представляетъ Геркулеса, убивающаго Какоса.

Посреди двора находится порфирный фонтанъ съ бронзовымъ амуромъ Andrea da Verrochio, который г. П*** очень расхвалилъ. Въ комнатахъ нашли мы нѣсколько древнихъ мебелей, много картинъ и другихъ вещей, которыя теперь будутъ продаваться на аукціонѣ.

Стѣны расписаны al fresco — Salviati и Vasari, а потолокъ большой залы покрытъ картинами масляными красками, сего послѣдняго. Въ этой же залѣ стоятъ нѣсколько группъ Vincento Rossi, «Добродѣтель, попирающая Злобу», Ивана Болоніезскаго, и групъ Микель-Анджела, представляющій «Побѣду и Побѣжденнаго».

26 апрѣля.—Поутру ѣздили мы къ живописцу Müller, который пишетъ ландшафты водяными красками, но гораздо хуже, нежели Migliara.

Отъ него мы поѣхали къ живописцу Gherardi, который тоже пишетъ ландшафты, но его не застали дома.

Вечеромъ приходилъ онъ къ намъ, и дяденька купилъ у него много рисунковъ.

Г. Афендуловъ пилъ у насъ чай.

Сегодня мы уже все уложили, оттого что завтра уѣзжаемъ въ Римъ.

27 апрѣля.—Въ пять часовъ утра покинули мы Флоренцію, и въ сумеркахъ пріѣхали ночевать въ городъ Arezzo, мѣсто рожденія Мецены и Петрарки. Домъ сего послѣдняго существуетъ до сихъ поръ: онъ ничѣмъ другимъ отъ прочихъ домовъ не отличается, какъ мраморною доскою съ надписью. Здѣсь есть красивая готическая церковь, примѣчательная фресками Вазари и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Передъ церквой стоитъ на колоннѣ древняя изувѣченная статуя Мецены. Она, повидимому, сдѣлана изъ глины; сама статуя красновато-желтаго цвѣта, исключая тѣ мѣста, гдѣ она повреждена, которыя совершенно красны.

28 апрѣля.—Дорога была очень дурна и мѣста гористы. Три раза принуждены были припрягать къ нашимъ экипажамъ быковъ.

Мы пріѣхали ночевать въ Foligno.

29 апрѣля.—Къ крайнему нашему сожалѣнію, не увидали мы знаменитаго каскада Терни.

Мы проѣхали черезъ деревню Терни, не останавливаясь въ ней, ибо проливной дождь намъ помѣшалъ, а каскадъ весьма теряетъ, когда солнце покрыто облаками.

Намъ еще разъ припрягали быковъ.

Мы ночуемъ въ Civita Castillana.

NB. *Намъ дали прекрасный ужинъ.*

30 апрѣля.—Сегодня утромъ прибыли мы въ Римъ.

Послѣ долгой ѣзды по предмѣстьямъ, выѣхали мы, наконецъ, въ ворота самаго города.

Первое, что̀ представилось глазамъ нашимъ, была огромная и прекрасная площадь—Piazza del Popolo. По срединѣ возвышается высокій египетскій обелискъ — и четыре египетскіе льва испускаютъ изъ пастей каскады.

По обоимъ концамъ площади сдѣланы фонтаны, украшенные мраморными групами, а за ними видны красивые сады и дачи. Проѣхавъ черезъ сіе прекрасное мѣсто, остановились мы на Piazza del Spania, гдѣ обыкновенно живутъ иностранцы.

Нанявъ домъ, принадлежащій одному трактиру, дяденька послалъ человѣка за г. С***, который тотчасъ къ намъ пришелъ.

Черезъ нѣсколько времени пошли мы съ нимъ гулять и зашли въ церковь св. Петра. Сначала не сдѣлала она на меня большего впечатлѣнія, но когда я ее хорошо разсмотрѣлъ, то увидѣлъ ея непонятную вышину.

На площади, передъ церковью, бьютъ два прекрасные фонтана, которые, при большомъ вѣтрѣ, брызгаютъ по всей площади.

Отсюда пошли мы въ Пантеонъ, бывшій прежде римскимъ храмомъ, но превращенный теперь въ церковь. Примѣчательнѣйшее въ Пантеонѣ есть огромные купола, которые немного болѣе купола св. Петра. Въ круглой стѣнѣ сдѣланы углубленія, въ которыхъ, вѣроятно, стояли статуи боговъ.

Пантеонъ освѣщенъ сверху отверстіемъ въ крышѣ. На полу сдѣлана дыра, куда стекаетъ дождевая вода.

1 мая.—Сегодня были мы еще два раза въ церкви св. Петра.

Чѣмъ чаще въ ней бываешь, тѣмъ болѣе видишь чрезвычайную ея величину. Каждая вещь въ этой церкви, когда ее сравниваешь съ другими, кажется обыкновенной величины; когда же на нее смотришь особенно, то она кажется колоссальною.

Въ часовнѣ, принадлежащей къ церкви св. Іоанна, показали намъ мраморную лѣстницу, считаемую за ту самую, по которой Іисусъ взошелъ въ домъ Пилата. По ней не ходятъ иначе какъ на колѣняхъ. Здѣсь должно еще гдѣ-то быть копье, коимъ римскій воинъ прокололъ Іисусу бокъ; и *что всего лучше—обломки лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ!!*

Мы ходили также въ Coliseum или Collosseum, гдѣ уже мы вчера были.

Это огромный амфитеатръ, построенный въ царствованіе Веспасіана; онъ овальной формы; стѣны его состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ колоннъ: первый рядъ дорическій, второй—іоническій, а третій—коринѳскій.

Архитектура Коллосея отличается отъ архитектуры веронскаго театра тѣмъ только, что внутри перваго нѣтъ тѣхъ ступень, которыя служатъ скамейками второму; вмѣсто ихъ сдѣланы въ Коллосеѣ своды балконами (безъ перилъ), на которыхъ зрители по произволу могли стоять или сидѣть.

Чтобы предохранить Коллосей отъ буйства народа, построили въ немъ нѣсколько часовень и крестъ, который имѣетъ свойство уменьшать за каждый поцѣлуй цѣлымъ днемъ пребыванія въ чистилищѣ.

Весьма простое и полезное заведеніе для грѣшниковъ!

2-го мая.—Мы ѣздили съ г-номъ Соболевскимъ и Шевыревымъ смотрѣть знаменитое собраніе статуй и картинъ въ Ватиканѣ. Ватиканъ въ большомъ видѣ то же самое, что̀ Галерея во Флоренціи. Извѣстнѣйшія статуи суть: «Аполлонъ Бельведерскій», «Лаоконъ», «Меркурій», извѣстный подъ именемъ Бельведерскаго «Антиноя», «Мелеагръ», «Торсо Геркулеса» и статуи Кановы: «Персей» и «Бойцы».

Я бы не кончилъ, еслибы хотѣлъ описывать все, что̀ видѣлъ въ этомъ дворцѣ; довольно того, что я назову тѣ вещи, которыя болѣе другихъ мнѣ показались примѣчательными.

Въ одной видѣлъ я вазу изъ одного куска порфира, удивительной величины, имѣющаго величины по крайней мѣрѣ шесть футовъ въ поперечникѣ; она стоитъ на древнемъ мозаичномъ полу и окружена перилами. Въ Ватиканѣ есть еще музей египетскихъ древностей и собраніе мраморныхъ надписей.

Три большія залы наполнены одними гипсовыми снятками.

Въ библіотекѣ есть много рѣдкихъ рукописей, но мы тамъ не были. Верхній этажъ содержитъ галереи, расписанныя Рафаэлемъ, извѣстныя подъ именемъ «Рафаэлевыхъ Ложъ».

Въ Сикстинской часовнѣ показываютъ знаменитую картину al fresco Микель-Анджела, представляющую «Страшный Судъ», но она такъ почернѣла отъ времени и отъ дыма свѣчей, горящихъ въ церкви, что вся картина составляетъ одно пятно, въ которомъ съ большимъ трудомъ можно разобрать нѣсколько фигуръ.

Мы ѣздили еще на дачу Milo, построенную на руинахъ дворца Августа; руины очень хорошо сохранены, но не совсѣмъ открыты. Весьма любопытно видѣть, сколько со времени римлянъ возвысилась въ городѣ земля; это можно легко примѣтить, смотря на древніе памятники, колонны, храмы, тріумфальныя ворота и пр., которые теперь нѣсколькими футами ниже новыхъ строеній.

Траянская колонна, тріумфальныя ворота Константина и много другихъ служатъ тому примѣрами.

Ихъ фундаменты такъ глубоко были погружены въ землю, что они теперь, когда ихъ открыли, находятся совершенно въ ямѣ.

Комнаты дворца Августа, на дачѣ Milo, такъ засыпались землею, что надобно въ нихъ сходить по лѣстницѣ, какъ въ погребъ.

На этой дачѣ есть хорошенькій садъ съ розовыми аллеями и клумбами.

Отсюда пошли мы смотрѣть скалу Тарпейскую, съ которой римляне сбрасывали преступниковъ.

Она теперь совсѣмъ застроена домами.

3 мая.—Сегодня ѣздили мы во дворецъ Farnesina смотрѣть «Галатею» Рафаэля и картины al fresco Julio Romano и другихъ живописцевъ.

Мы были также въ монастырѣ, гдѣ умеръ Тассъ и гдѣ еще показываютъ его комнату, его зеркальце, поясъ, рукопись и бюстъ, сдѣланный послѣ его смерти.

Комната очень проста и ничѣмъ отъ прочихъ не отличается. Ее могутъ видѣть только мужчины, а женщины въ нее не входятъ безъ позволенія папы, потому что она находится посреди комнатъ монаховъ. Намъ показывали въ одной церкви мѣсто, гдѣ распяли св. Петра.

4 мая.—Мы ѣздили смотрѣть руины дворца Кесарей.

Насъ повели по другой лѣстницѣ при свѣтѣ факеловъ въ подземельныя комнаты, гдѣ видны на стѣнахъ и потолкахъ очень хорошо сохраненныя живописи; но сихъ комнатъ мало; остальныя еще не открыты.

Руина, которая лучше всѣхъ сохранена, есть, по моему мнѣнію, храмъ Весты, на берегу Тибра.

Онъ остался почти такъ же, какъ и былъ прежде, но теперь превратили его въ церковь. Не далеко отъ сего храма находится большой круглый камень, похожій на жерновъ, на которомъ вырѣзано человѣческое лицо, съ открытымъ ртомъ, называемый, не знаю, почему — Bocca della verita. Этотъ камень служитъ римлянамъ страшилищемъ для дѣтей, такъ, какъ въ Германіи — Knecht-Ruprecht, а у насъ въ Россіи—Бука.

Мы были у живописца Брюллова, который началъ писать для князя Демидова большую картину, представляющую послѣдній день Помпеи.

Кромѣ сего, есть у него много портретовъ и другихъ картинъ, которыя всѣ очень хороши. Брюлловъ считается за лучшаго живописца въ Римѣ.

5 мая.—Я ходилъ съ г. Соболевскимъ во дворецъ Кесарей, чтобы искать древностей.

Мы долго тамъ ходили, но ничего не нашли.

Оттуда пошли мы въ Campidolio—(Capitolium). Тамъ показали намъ нѣсколько хорошихъ статуй и картинъ и, между прочимъ, древнюю бронзовую волчиху съ Ромуломъ и Ремомъ, которую считаютъ за этрусское произведеніе, но на одномъ мѣстѣ она очень повреждена отъ ударившей въ нее молніи. Эту волчиху описываетъ какой-то римскій писатель: если не ошибаюсь, Титъ Ливій.

Г. Брюлловъ приходилъ вечеромъ къ намъ и пилъ у насъ чай.

6 мая.—Мы ѣздили сегодня въ Коллосей и видѣли тамъ странную церемонію, въ которой монахи съ завѣшанной головой ходили вокругъ арены и пѣли хоромъ.

При входѣ стоялъ такой же монахъ и сбиралъ милостыню, звоня въ колокольчикъ.

Монахи гораздо болѣе похожи были на духовъ, нежели на то, что они есть, и всю церемонію скорѣе можно было бы счесть за колдовство, нежели за духовный обрядъ.

Въ сѣрыхъ мантіяхъ, съ суконною маскою на лицѣ, въ которой прорѣзаны были только двѣ дырочки для глазъ,

медленно двигались они между руинами, и послѣдніе лучи заходящаго солнца, освѣщающіе ихъ сквозь древніе своды, дополняли волшебство сей сцены.

Говоря о монахахъ, вспомнилъ я объ одномъ классѣ сихъ людей, примѣчательномъ страннымъ родомъ жизни, который они ведутъ: францисканы или доминиканцы, не помню, какъ ихъ зовутъ, живутъ только подаяніемъ другихъ. Они ходятъ по улицамъ съ осломъ, котораго навьючиваютъ всякой всячиною: платьемъ, мебелью, рогожами и всѣмъ тѣмъ, что имъ подадутъ. Эти монахи, однако, продаютъ иногда очень хорошій саладъ. Мы часто его у нихъ покупали.

7 мая. — Сегодня поутру ѣздили мы съ г. Шевыревымъ въ студій Торвальдесона и видѣли тамъ много статуй и моделей, сдѣланныхъ отчасти имъ самимъ, отчасти его учениками.

Въ залѣ, содержащей произведенія самого Торвальдесона, показали намъ модель Христа, появляющагося апостоламъ; оригиналъ находится въ соборной церкви, въ Копенгагенѣ. Всѣ хвалятъ эту статую и говорятъ, что она лучшая, которую сдѣлалъ Торвальдесоно. Мнѣ кажется, однако, что въ лицѣ Христа мало выраженія, и что статуи апостоловъ, находящихся въ той же залѣ, ее превосходятъ. Тутъ же стоитъ модель статуи Понятовскаго, Меркурій, вынимающій мечъ, чтобы убить Аргуса, Ганимедъ, барельефы, представляющіе тріумфъ Александра, и многія другія.

Послѣ обѣда поѣхали мы за городъ, посмотрѣть фонтанъ, у котораго по преданію бесѣдовалъ царь Нума съ нимфой Эгеріей.

Мы проѣхали мимо гробницы Сициліи Метеллы, которая въ средніе вѣка превращена была въ крѣпость.

Фонтанъ находится возлѣ густой рощи, въ теплой гротѣ, изъ которой съ быстротою стремится чистый ручей и теряется въ кустарникѣ.

Въ гротѣ лежитъ древняя изломанная статуя безъ головы, облокотившаяся на урну.

Возвращаясь по мощенной дорогѣ Via Appia, сдѣланной еще при римлянахъ, зашли мы посмотрѣть гробницу Сципіоновъ, въ которой, однако, ничего нѣтъ примѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ, ибо большая часть подземельныхъ ходовъ сдѣланы въ теперешнее время и бывшія въ нихъ надписи переведены въ Ватиканъ, а на мѣсто ихъ поставлены копіи.

8 мая.—Сегодня не былъ я нигдѣ и не видалъ ничего примѣчательнаго.

Мы намѣрены ѣхать въ Неаполь 11-го мая, и г. Соболевскій также съ нами ѣдетъ. Дорога отъ Рима до Неаполя сдѣлалась еще опаснѣе, нежели прежде. Здѣсь носятся слухи, что разбойники недавно ограбили англійское семейство.

Вотъ что̀ я слышалъ объ образѣ, которымъ они грабятъ проѣзжихъ: остановивъ экипажъ, вынимаютъ они путешественниковъ и кладутъ ихъ на полъ лицомъ къ землѣ. Это называютъ они face a terra. Пока одинъ изъ разбойниковъ обыскиваетъ карманы лежащаго, другой приставляетъ къ нему ножъ или держитъ надъ нимъ заряженное ружье, чтобы при малѣйшемъ сопротивленіи его убить.

Послѣ сей операціи отпускаютъ они на волю бѣдныхъ ограбленныхъ; или если они замѣтятъ, что путешественники богаты, или что они принадлежатъ къ высшему сословію людей, то они уводятъ съ собой одного или нѣсколько изъ нихъ, назначивъ остающимся цѣну ихъ выкупа, которая непремѣнно должна въ назначенное время находиться подъ такимъ-то дубомъ или подъ такимъ-то камнемъ. Деньги отдаютъ пастухамъ; они большіе друзья разбойниковъ, также какъ и ветурини (veturini) или наемные кучера, на которыхъ они рѣдко нападаютъ. Если разбойники не получаютъ въ назначенное время условленной платы, то они отрубливаютъ у плѣннаго уши, руку или ногу и отсылаютъ ее къ тѣмъ, къ которымъ онъ принадлежитъ.

Если же и это не помогаетъ, то они просто убиваютъ плѣннаго.

Ничего не служитъ (сто̀итъ?) взять съ собой отрядъ драгуновъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ путешественники, ибо сіи господа, слѣдуя имъ свойственному влеченію, при первомъ шумѣ убѣгаютъ, что̀ есть мочи, и прячутся куда могутъ.

9 мая.—Сегодня ходили мы еще разъ въ Ватиканъ, но такъ мало пробыли тамъ, что не успѣли ничего хорошаго видѣть.

10 мая.—Я былъ съ дяденькой у одного антиквара.

Онъ купилъ у него двухъ тигровъ, сдѣланныхъ изъ древняго камня, котораго теперь болѣе не находятъ.

У насъ обѣдалъ Брюлловъ и нарисовалъ мнѣ въ альбомъ картинку.

11 мая. — Сегодня вечеромъ пріѣхали мы въ «Molo di Gaeta», прекрасный трактиръ у берега моря, въ саду съ померанцевыми деревьями посреди руинъ дворца Сципіона.

Мы проѣхали черезъ Понтинскія болоты, въ которыхъ доктора запрещаютъ спать, чтобы не получить лихорадки, ибо сіи мѣста очень нездоровы.

Разбойниковъ я не видалъ, но мы встрѣтили мужиковъ съ ружьями и штыками за поясомъ.

Дорогой старались мы болѣе говорить, чтобы не заснуть, и пріѣхали такъ въ «Molo di Gaeta».

Когда сдѣлалось темно, то всѣ деревья въ саду заблистали маленькими огоньками, которые потухали, зажигались, опускались, подымались, кружились и бросались во всѣ стороны.

Это были маленькіе жучки и летучія букашки, но издали казались они искрами.

12 мая.—Сегодня передъ обѣдомъ пріѣхали мы въ Неаполь и остановились въ трактирѣ «Victoria». У насъ очень красивыя комнаты и изъ окошекъ прекрасный видъ на море. Вечеромъ пріѣхали мы на главную улицу Неаполя—Toledo. Она освѣщена множествомъ фонарей; на тротуарахъ разставлены раскрашенныя и позолоченныя будки, въ которыхъ продаютъ фрукты и лимонадъ.

Мы проѣхали по берегу моря и видѣли Везувій, но онъ теперь не извергаетъ огня.

13 мая.—Мы ходили гулять по городу. Почти всѣ дома Неаполя съ плоскими крышами, и это съ непривычки кажется очень страннымъ.

Мы видѣли много lazzaroni, о которыхъ я много слышалъ еще въ Россіи.

Этотъ классъ людей не имѣетъ никакой обители и живетъ только тѣмъ, что его употребляютъ, чтобы нагружать корабли, таскать ноши и пр... Когда же у lazzaroni нѣтъ работы, то онъ ляжетъ въ свою корзину и спитъ. Lazzaroni ходитъ въ одной рубашкѣ; у иныхъ и ея нѣтъ, а только маленькіе, коротенькіе штаны.

Вечеромъ ходили мы съ г. В*** на гулянье въ Villa Reale, состоящемъ изъ длинной аллеи на берегу моря.

14 мая.—Мы были еще въ Villa Reale и хотѣли посмотрѣть, какъ рыбаки вытащатъ сѣти, но у насъ не стало терпѣнія, ибо они трудились болѣе двухъ часовъ, но вмѣсто невода вытащили однѣ веревки и поѣхали на лодкѣ, чтобы

его вытянуть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Вечеромъ мы были въ гротѣ Posilipo, происхожденіе которой вовсе неизвѣстно, но сдѣланной по преданію чортомъ.

Она имѣетъ болѣе полуверсты длины и освѣщена фонарями, горящими безпрерывно. На горѣ, въ которой она прорублена, находится гробница Виргилія, но мы ее не видали.

Возвращаясь домой по ухабистой и дурной дорогѣ, принуждены мы были выйти изъ коляски и идти довольно долго пѣшкомъ, потому что экипажи съ трудомъ могутъ по ней ѣхать.

Проѣзжая мимо Везувія, увидали мы надъ нимъ маленькій дымъ.

15 мая.—Я ходилъ въ Villa Reale. Тамъ было очень много народа, оттого что сегодня воскресенье.

Болѣе не были мы нигдѣ; большую часть дня шелъ дождь. У насъ были г. В. и графъ и графиня М., которые возлѣ насъ живутъ.

16 мая. — Мы видѣли похороны одного генерала. Все войско, бывшее подъ его командой, шло впереди при звукѣ трубъ, флейтъ и барабановъ, обитыхъ чернымъ сукномъ.

Покойника несли за нимъ въ открытомъ гробѣ. Здѣсь обычай хоронить женатыхъ въ закрытомъ, а холостыхъ людей въ открытомъ гробѣ.

Послѣ обѣда были мы въ Ботаническомъ саду, за которымъ такъ дурно смотрятъ, что дорожки заросли мохомъ.

19 мая.—Третьяго дня послѣ обѣда поѣхали мы въ городъ Castellamare, чтобы посмотрѣть знаменитую Помпею, находящуюся въ близи.

Но такъ какъ уже было поздно, то мы недолго тамъ пробыли и отложили на другой день нашу поѣздку.

Переночевавъ въ Castellamare, возвратились мы въ Помпею.

Она состоитъ изъ довольно прямыхъ и довольно широкихъ улицъ; храмы и дома очень хорошо сохранены, но всѣ безъ крышъ. (Это происходитъ оттого, что деревянныя бревна, которыя поддерживаютъ крыши, сгнили и превратились въ песокъ).

На стѣнахъ видны фрески не хуже тѣхъ, которыя пишутъ въ наши времена, и полы, дворы и иные тротуары (??) выложены прекрасными тротуарами.

Улицы вымощены большими плоскими каменьями, прикрѣпленными одинъ къ другому желѣзомъ.

На нихъ еще видны глубокіе слѣды колесъ.

Жаль, что всѣ мебели и вещи, найденные въ домахъ, переведены въ неаполитанскій музеумъ.

Гораздо было бы любопытнѣе видѣть ихъ такъ, какъ ихъ нашли въ тѣхъ же комнатахъ, на томъ же мѣстѣ.

Домы въ Помпеи всѣ раскрашены желтою и красною краскою; комнаты очень малы и расписаны красивыми фресками; посреди двора есть маленькій прудъ и въ саду фонтанъ, украшенный раковинами.

Каждый день открываютъ либо новый домъ, либо улицу, но lazzaroni, которыхъ на это употребляютъ, роютъ очень неосторожно.

Найденныя вещи отсылаютъ, какъ я уже говорилъ, въ неаполитанскій музеумъ. Тамъ показываютъ много древнихъ тарелокъ, кострюль, котловъ, глиняныхъ сосудовъ, бронзовыхъ вазъ, статуй и канделябровъ, безчисленное множество глиняныхъ и мѣдныхъ лампъ, нѣсколько столовыхъ ножей и ложекъ; вилокъ въ Помпеи вовсе не нашли, а выкопали много желѣзныхъ инструментовъ, имѣющихъ на одномъ концѣ остріе, а на другомъ ложечку. Острый конецъ употребляли древніе, вѣроятно, вмѣсто вилки, а ложечкой брали соль или что-нибудь другое.

Въ музеумѣ находятся также два хлѣба, найденные въ Помпеи, кусокъ пирога, яйца, финики, фиги—много другихъ фруктовъ—и еще совершенно свѣжія маслины. Тутъ же показываютъ разные женскіе уборы, золотыя ожерелья, серьги, кольца, браслеты и многіе другіе. Между многочисленными вещами, принадлежащими къ убору, нашли кристальную баночку съ румянами. Одна весьма примѣчательная вещь, найденная въ Помпеи и которая можетъ служить примѣромъ роскоши древнихъ, есть судно, для обыкновеннаго употребленія, изъ rosso-antiquo.

Мраморныя статуи также перевезены въ музеумъ, а вмѣсто ихъ оставлены въ Помпеи дурныя гипсовыя копіи.

Послѣ обѣда поѣхали мы на ослахъ въ горы, примѣчательныя прекраснымъ мѣстоположеніемъ.

Пріѣхавъ назадъ въ Castellamare, отправились мы обратно въ Неаполь и остановились дорогой въ Геркуланумѣ, который гораздо менѣе сохранился, нежели Помпея.

Насъ повели со свѣчами въ подземелье, въ которомъ находится древній амфитеатръ, залитый лавой.

Мы долго ходили по разнымъ коридорамъ, но не могли обозрѣть вдругъ цѣлаго театра.

Часть города, находящаяся внѣ подземелья, дурно сохранилась, но видно, что дома были построены на образъ помпейскихъ. На стѣнахъ также видны фрески, а на полахъ мозаики. Мы недолго пробыли въ Геркуланумѣ и возвратились въ Неаполь — посмотрѣвъ только амфитеатръ и остатки другихъ строеній.

20 мая.—Сегодня ѣздили мы на фабрику этрусскихъ вазъ, которыя дѣлаютъ на образъ древнихъ. Маменька себѣ нѣсколько изъ нихъ купила, но онѣ очень дороги. Поутру были мы еще разъ въ музеумѣ и видѣли знаменитую коллекцію настоящихъ этрусскихъ вазъ.

21 мая.—Сегодня не были мы нигдѣ, оттого что цѣлый день была дурная погода.

22 мая.—Дурная погода еще не перестала. Ночью была ужасная буря; поутру шелъ дождь; море до сихъ поръ волнуется.

При всемъ томъ, однако же, жарко, потому что сегодня вѣетъ африканскій вѣтеръ «широкко».

23 мая.—Сегодня видѣлъ я странный обрядъ, который, вѣроятно, не что иное, какъ остатокъ древнихъ римскихъ *Луперналій* или греческихъ *Бакханалій*. Человѣкъ, представляющій, вѣроятно, Силена, ѣхалъ на ослѣ, за нимъ шла толпа женщинъ и мужчинъ съ палками въ рукахъ, на которыхъ, какъ на тирсахъ, были привязаны сосновыя вѣтки.

Они кричали, пѣли во все горло и били въ бубны.

Процессія шла такъ отъ начала Кіяи (Chiaja—улица вдоль Villa Reale) до гроты Posilipo, гдѣ подъ большой пальмой сидѣли люди, также кричали и пѣли и пили вино.

Между тѣмъ ѣздили во весь духъ коляски взадъ и впередъ, наполненныя людьми, которые въ нихъ прыгали, махали руками и кричали что есть мочи.

Поутру, прежде нежели сей праздникъ начался, носили по улицамъ деревянную статую какого-то святого. Процессія монаховъ шла впереди и множество петардовъ хлопали вокругъ ихъ.

24 мая.—Мы пили вечеромъ у гр. Mestre чай. Всякій день собираемся мы влѣзть на Везувій, но до сихъ поръ онъ еще покрытъ облаками.

25 мая.—Сегодня вечеромъ уѣхалъ дяденька съ г. Соболевымъ (Соболевскимъ?) и архитекторомъ Ефимовымъ на

нѣсколько дней въ Помпею, чтобы тамъ снимать виды и купить древностей, если на это будетъ случай.

Вечеромъ былъ я еще разъ въ гротѣ Posilipo.

26 мая.—Мы ѣздили въ Torre dell'Anunziato возлѣ Помпеи, гдѣ остановился дяденька.

Отсюда поѣхали мы въ Помпею и довольно долго тамъ гуляли. Въ одномъ изъ домовъ я нашелъ кусокъ древняго стекла. Оно очень толсто, имѣетъ цвѣтъ морской воды, очень свѣтло, но не прозрачно.

Намъ показывали сегодня амфитеатръ, котораго мы въ прошедшій разъ не видали.

27 мая.—Мы ѣздили въ Puzzeoli, смотрѣть руины храма Юпитера Серапійскаго; о сихъ руинахъ я не могу много говорить, ибо онѣ состоятъ изъ нѣсколько колоннъ и развалеиныхъ стѣнъ. Но мы видѣли тамъ сцену, которая можетъ служить примѣромъ нрава итальянцевъ: два чичероне заспорили, кто изъ нихъ намъ будетъ показывать руины; они такъ разгорячились, что одинъ изъ нихъ схватилъ въ обѣ руки два камня и бросился на своего соперника.

Всѣ присутствующіе окружили бѣднаго чичероне, чтобы защитить его отъ ударовъ его бѣшенаго противника... Тутъ мы ушли въ подземелье древняго амфитеатра. Когда мы изъ него вышли, то онъ стоялъ съ окровавленнымъ лицомъ, прислонившись къ стѣнѣ, и изъ его ушей и носа текла кровь. Не знаю, умеръ ли онъ, или остался живъ.

28 мая.—Мы хотѣли влѣзть на Везувій, но дождь намъ попрепятствовалъ. Однако послѣ погода разгулялась.

Вечеромъ былъ у насъ гр. Mestre.

29 мая.—Сегодня были мы на Везувіи. Пріѣхавъ въ коляскѣ въ городокъ Резину, пошли мы къ извѣстному Salvator Maria.

На его дворѣ толпились, шумѣли проводники и носильщики—кто съ осломъ, кто съ муломъ, всякій выхваляя свое. У воротъ уже собралась толпа зѣвакъ, чтобы смотрѣть, какъ мы выѣдемъ; бѣдный Salvator, погруженный въ глубокій сонъ, пробудился криками проводниковъ, ословъ и муловъ, выбѣжалъ изъ своей комнаты и полусонный пустился съ нами въ путь. Мы тихо ѣхали по дурной и крутой дорогѣ, на которой видны струистые слѣды застылой лавы, такъ какъ она текла во время изверженія. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ хуже дѣлалась дорога, тѣмъ

рѣже становились деревья и травы и тѣмъ холоднѣе дѣлался воздухъ.

На половинѣ горы, на площадкѣ, окруженной большими липами, находился домикъ одного отшельника, у котораго обыкновенно путешественники останавливаются и отдыхаютъ. Мы также вошли въ его комнату позавтракать и опять поѣхали. Насъ провожалъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ, оттого что на этой дорогѣ недавно кого-то ограбили.

Наконецъ пріѣхали мы къ подошвѣ высокаго холма, состоящаго изъ одной золы, слѣзли съ ословъ и полѣзли пѣшкомъ. Ничего не видалъ я утомительнѣе этой прогулки.

Зола доходитъ до колѣнъ, и непривычный путешественникъ за каждымъ шагомъ долженъ спотыкаться или падать.

Иныхъ носятъ на носилкахъ, другихъ тащатъ на ремнѣ.

Долѣзли до верху, наконецъ открылся нашимъ взорамъ кратеръ.

Это—огромная бездна, наполненная застылой лавой отъ послѣдняго изверженія, смѣшанной съ сѣрой, мѣдью и другимъ металломъ. Онъ испещренъ всевозможными цвѣтами, краснымъ, желтымъ, зеленымъ, голубымъ, бѣлымъ и пр.; въ серединѣ возвышается новый кратеръ въ видѣ маленькаго холмика, изъ котораго выходитъ густой дымъ. Многія другія мѣста тоже дымились и въ иныхъ трещинахъ виденъ былъ огонь. Видъ съ Везувія безподобенъ; съ него можно разомъ обозрѣть весь Неаполь, Portici, Torra dell'Anunzio, Resina, Torre del Greco, Castellamare и Помпею, но сильный туманъ, окружающій кратеръ, мѣшалъ намъ ясно видѣть всѣ окружности.

У подошвы Везувія есть еще нѣсколько маленькихъ кратеровъ; всѣ въ видѣ пирамидальныхъ холмиковъ.

Мы недолго пробыли наверху. Съ кратера сошли мы весьма страннымъ образомъ: проводники наши взяли каждаго подъ руку и сбѣжали въ менѣе пяти минутъ внизъ.

Тутъ сѣли мы опять на ословъ и пріѣхали при свѣтѣ факеловъ въ Резину, гдѣ, сѣвъ въ коляску, отправились въ Неаполь.

30 мая.—Сегодня былъ у насъ Сальваторъ и принесъ купленные у него минералы и книжку, куда записывались путешественники.

Мы сегодня все уже укладываемъ, оттого что завтра уѣзжаемъ на пароходѣ «Sully».

31 мая.—Въ 9 часовъ утра взошли мы на французскій пароходъ «Sully» и отправились прямо въ Генуу.

Съ нами ѣхали: испанскій посланникъ герцогъ Толедскій съ женой и дочерью, князь Pignatelli, гр. de Raimond, капитанъ швейцарской гвардіи въ Неаполѣ; товарищъ его португалецъ Fetal, ѣдущій въ Бразилію, англійскій пасторъ Benet, датчанинъ Daird, одинъ нѣмецъ, четыре англичанки, двое дѣтей и слуги пассажировъ. Въ Civita Vecchia прибавился еще одинъ австрійскій курьеръ. Всѣхъ насъ на пароходѣ было около семидесяти.

Сначала все шло очень хорошо, но когда пароходъ началъ болѣе качаться, то намъ сдѣлалось дурно...

ПЕРЕПИСКА.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ С. А. МИЛЛЕРЪ

(ПОЗДНѢЕ—СУПРУГОЙ ПОЭТА).

1851.

1.

Пустынька, 22 августа.

Я здѣсь съ понедѣльника. Погода такая жаркая, что днемъ нельзя выходить. Должно быть не меньше 25 гр. Я хожу, насколько больная нога позволяетъ,—а вечеромъ ѣзжу верхомъ.

Сейчасъ только вернулся изъ лѣсу, гдѣ искалъ и нашелъ много грибовъ. Мы разъ какъ-то говорили о вліяніи запаховъ и до какой степени они могутъ напомнить и возстановить въ памяти то, что̀ забыто уже много лѣтъ. Мнѣ кажется, что лѣсные запахи обладаютъ всего больше этимъ свойствомъ. А впрочемъ, можетъ быть, мнѣ это такъ кажется, потому что я провелъ все дѣтство въ лѣсахъ. Свѣжій запахъ грибовъ возбуждаетъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній. Вотъ сейчасъ, нюхая рыжикъ, я увидалъ передъ собой, какъ въ молніи, все мое дѣтство во всѣхъ подробностяхъ до семилѣтняго возраста.

Это продолжалось, можетъ быть, лишь одну тысячную секунды, не больше. Всякій сортъ грибовъ имѣетъ свое особенное свойство, но всѣ они меня относятъ въ прошедшее.

А потомъ являются всѣ другіе лѣсные ароматы, напримѣръ запахъ моха, древесной коры, старыхъ деревьевъ,

молодыхъ, только-что срубленныхъ сосенъ, запахъ въ лѣсу во время сильнаго зноя, запахъ лѣса послѣ дождя... и такъ много еще другихъ... не считая запаха цвѣтовъ въ лѣсу...

2.

Пустынька, 14 октября.

...Ложь или зло имѣетъ тысячу формъ и видовъ, но правда и добро не могутъ не *быть едиными*. Такъ что если два или нѣсколько человѣкъ вернутся къ нормальному состоянію, непремѣнно будетъ общее сліяніе между ними, и въ этомъ сліяніи нѣтъ ничего печальнаго—оно насъ только приближаетъ къ Богу.

...Но теперь поговоримъ о Тургеневѣ. Я вѣрю, что онъ очень благородный и достойный человѣкъ, но я ничего не вижу Юпитеровскаго въ его лицѣ!..

Просто хорошее лицо, довольно слабое и даже не очень красивое. Ротъ въ особенности очень слабъ. Форма лба хорошая, но черепъ покрытъ жирными тѣлесными слоями. Онъ весь мягкій—весь такой же мягкій, какъ мои ногти.

Я вчера остановился, разсказывая тебѣ, что я видѣлъ Улыбышева. Тамъ было еще два господина... изъ «міра *искусства*», и они принялись обсуждать вопросъ о контрапунктѣ, въ которомъ я конечно ничего не понялъ,—но ты не можешь себѣ вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я вижу людей, которые посвятили себя какому-нибудь искусству.

Видѣть людей, которымъ за 50 лѣтъ, которые жили и живутъ во имя искусства, и которые относятся къ нему серьезно, мнѣ доставляетъ всегда большое удовольствіе—потому что это такъ рѣзко отдѣляется отъ такъ-называемой *службы* и отъ всѣхъ людей, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, живутъ интригами, одна грязнѣе другой.

А у этихъ добрыхъ людей, внѣ служебнаго круга—и лица другія. Такъ и видно, что въ нихъ живутъ совсѣмъ другія мысли, и смотря на нихъ можно отдохнуть.

Не хочется мнѣ теперь о себѣ говорить, а когда-нибудь я тебѣ разскажу, какъ мало я рожденъ для служебной жизни и какъ мало я могу принести ей пользы.

Я родился художникомъ, но всѣ обстоятельства и вся моя жизнь до сихъ поръ противились тому, чтобы я сдѣлался *вполнѣ* художникомъ.

Вообще вся наша администрація и общій строй—явный непріятель всему, что есть художество—начиная съ поэзіи и до устройства улицъ...

Я никогда не могъ бы быть ни министромъ, ни директоромъ департамента, ни губернаторомъ. Я дѣлаю исключеніе только для службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которая, можетъ быть, могла бы мнѣ подойти—но къ этому мы вернемся позже.

Я не вижу, отчего съ людьми не было бы того же самаго, что̀ и съ матеріалами.

Одинъ матеріалъ годенъ для постройки домовъ, другой—для дѣланія бутылокъ, третій—для издѣлія одеждъ, четвертый—для колоколовъ... но у насъ—камень и стекло, ткань или металлъ—всѣ полѣзай въ одну форму—въ служебную!.. Иной и влѣзетъ, а у другого или ноги длинны, или голова велика—и хотѣлъ бы, да не впихаешь!

И выходитъ изъ него чортъ знаетъ что̀ такое.

Это люди или безполезные, или вредные, но они сходятъ за людей, отплатившихъ свой долгъ отечеству,—и въ этихъ случаяхъ принята фраза: «Надобно, чтобы каждый приносилъ по мѣрѣ силъ пользу государству».

Тѣ же, которые не служатъ и живутъ у себя въ деревнѣ и занимаются участью тѣхъ, которые ввѣрены имъ Богомъ, называются праздношатающимися или вольнодумцами. Имъ ставятъ въ примѣръ тѣхъ полезныхъ людей, которые въ Петербургѣ танцуютъ, ѣздятъ на ученье или являются каждое утро въ какую-нибудь канцелярію и пишутъ тамъ страшную чепуху.

Что̀ до меня касается, я не думаю, чтобы я могъ быть хорошимъ сельскимъ хозяиномъ—я сомнѣваюсь, чтобы я съумѣлъ поднять цѣнность имѣнія—но мнѣ кажется, что я могъ бы имѣть хорошее вліяніе нравственное на моихъ крестьянъ—быть по отношенію къ нимъ справедливымъ и отстранять всякія вредныя возбужденія, внушая имъ уваженіе къ тому же правительству, которое такъ дурно смотритъ на людей не служащихъ.

Но если ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, какое мое настоящее призваніе—*быть писателемъ.*

Я еще ничего не сдѣлалъ—меня никогда не поддерживали и всегда обезкураживали, я очень лѣнивъ, это правда, но я чувствую, что я могъ бы сдѣлать что-нибудь хорошее,—лишь бы мнѣ быть увѣреннымъ, что я найду артистическое эхо,—и теперь я его нашелъ... это ты.

Если я буду знать, что ты интересуешься моимъ писаніемъ, я буду прилежнѣе и лучше работать.

Это—поприще, въ которомъ я безъ сомнѣнія буду обре-

ченъ на неизвѣстность, по крайней мѣрѣ надолго, такъ какъ тѣ, которые хотятъ быть напечатаны теперь, должны стараться писать какъ можно хуже—а я сдѣлаю все возможное, чтобы писать хорошо... Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и ощущалъ инстинктивное отвращеніе къ «чиновнизму» и—къ «капрализму».

Я не знаю, какъ это дѣлается, но, большею частью, все, что я чувствую, я чувствую художественно.

Я рожденъ художникомъ не только для литературы, но и для пластическихъ искусствъ.

Хотя я самъ ничего не могу сдѣлать какъ живописецъ, но я чувствую и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я самъ себѣ говорю, смотря на картину:—«Господи, если бы я могъ это сдѣлать... насколько бы я еще лучше сдѣлалъ».

Музыка одна для меня недоступна; это—великолѣпный край, который я вижу издали, который я отгадываю и вокругъ котораго я хожу—но не могу взойти въ него.

...Такъ знай же, что я *не чиновникъ, а художникъ.*

. . . . . .

1852.

3.

10 мая.

...Я хотѣлъ поговорить съ тобой о моихъ мысляхъ, о прямомъ вліяніи молитвы; я тебѣ это скажу въ нѣсколькихъ словахъ—разсуждать не могу—сердце не на мѣстѣ.

Я думаю, что въ нашей жизни соединяются предопредѣленіе и свобода воли, но мы не можемъ установить ихъ соотношенія. Отрицать совершенно свободу воли—значитъ отрицать очевидность, ибо, въ концѣ концовъ, если твой домъ горитъ, ты не остаешься тамъ сложа руки, но ты оттуда выходишь и большею частью этимъ спасаешься.

Итакъ, если мы допускаемъ это, мы можемъ до нѣкоторой степени руководить обстоятельствами, мы должны допустить свое воздѣйствіе и на другихъ людей; изо всѣхъ же дѣйствій самое могучее—дѣйствіе души, и ни въ какомъ положеніи душа не пріобрѣтаетъ болѣе обширнаго развитія, какъ въ приближеніи ея къ Богу. Просить съ вѣрой у Бога, чтобы Онъ отстранилъ несчастіе отъ любимаго человѣка—не есть безплодное дѣло, какъ увѣряютъ нѣкоторые

философы, признающіе въ молитвѣ только способъ поклоняться Богу, сообщаться съ Нимъ и чувствовать Его присутствіе.

Прежде всего молитва производитъ прямое и сильное дѣйствіе на душу человѣка, о которомъ молишься, такъ какъ чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Богу, тѣмъ болѣе вы становитесь въ независимость отъ вашего тѣла, и потому ваша *душа менѣе стѣснена* пространствомъ и матеріей, которыя отдѣляютъ ее отъ той души, за которую она молится.

Я почти-что убѣжденъ, что два человѣка, которые бы молились въ одно время съ одинаково сильной вѣрой другъ за друга, могли бы сообщаться между собой, безъ всякой помощи матеріальной и вопреки отдаленію.

Это—прямое дѣйствіе на мысли, на желанія, и потому—на рѣшенія той сродной души. Это дѣйствіе я всегда желалъ произвести на тебя, когда я молился Богу... и мнѣ кажется, что Богъ меня услышалъ... и что ты почувствовала это дѣйствіе,—и благодарность моя къ Богу—безконечная и вѣчная. Теперь остается то косвенное дѣйствіе, которое отстраняетъ несчастіе отъ любимаго человѣка, если молишься, напримѣръ, чтобы онъ совершилъ путешествіе безъ препятствій, или объ исполненіи его желаній, если они хорошія, и т. д. Чтобы отрицать это косвенное дѣйствіе, надо было бы отрицать предопредѣленіе, что̀ немыслимо.

Какъ можемъ мы знать, до какой степени предопредѣлены заранѣе событія и въ жизни любимаго человѣка?

И если они были предоставлены всякимъ вліяніямъ, какое вліяніе можетъ быть сильнѣе, чѣмъ вліяніе души, приближающейся къ Богу съ горячимъ желаніемъ, чтобы всѣ обстоятельства содѣйствовали счастію души друга?

Я, можетъ быть, дурно выражаюсь, но твоя душа достаточно понимаетъ мою, чтобы знать, что̀ я хочу сказать. Завтра я опять ѣду въ Царское, и надѣюсь, что мнѣ можно будетъ принести немного добра, высказывая правду о томъ, что̀ представляется въ фальшивомъ свѣтѣ.

Да хранитъ тебя Богъ, да сдѣлаетъ Онъ насъ счастливыми, какъ мы понимаемъ, т.-е. да сдѣлаетъ Онъ насъ лучшими.

4.

11 мая.

Я былъ два раза сегодня въ Царскомъ, утромъ въ $7^1/_2$ и потомъ я обѣдалъ у великаго князя (Наслѣдника)... Я очень доволенъ моимъ днемъ,—день не потерянный...

5.

13 мая.

...Мнѣ нужно тебѣ сказать одну особенность моего характера. У меня чувство роскоши, въ большомъ видѣ (en grand), очень развито!

Я люблю, чтобы были великолѣпные дворцы, прекрасные экипажи, но главное—художественные шедёвры,—но самъ не люблю ихъ имѣть. Я ихъ уважаю, я ихъ люблю, я ужасно страдаю, когда я вижу, что ими пренебрегаютъ, или ихъ портятъ, но я самъ ни за что не согласился бы жить въ роскошномъ дворцѣ. Еще пожалуй—имѣть художественныя вещи, но мнѣ противно было бы имѣть великолѣпный аппартаментъ—золоченый, или богато сервированный столъ, или ливрейныхъ лакеевъ, и т. д., и т. д...

Мои аристократическія влеченія — гораздо больше для другихъ, чѣмъ для себя.

6.

Парижъ, 30 мая.

Мы никогда не будемъ вполнѣ счастливы!.. но у насъ есть удовлетвореніе въ нашемъ обоюдномъ уваженіи, въ сознаніи нашихъ нравственныхъ устоевъ и добра, которое мы сдѣлаемъ другъ другу.

Я люблю это счастье, полное страданія и печали.

Отчего мнѣ случалось въ дѣтствѣ плакать безъ причинъ, отчего съ 13-лѣтняго возраста я прятался, чтобы выплакаться на свободѣ,—я, который казался для всѣхъ невозмутимо веселымъ?..

7.

Пустынька, 5 октября.

Я проснулся отъ шума вѣтра; страшная метель, продолжается уже два часа—все кругомъ бѣло. Если снѣгъ останется и больше не выпадетъ, можно будетъ завтра найти медвѣдей и лосей... Не думаю, что я бы пошелъ ихъ искать... развѣ только съ мыслью пріобрѣсти для твоихъ ногъ медвѣжью шкуру...

8.

6 октября.

Я прочелъ моей матери весь второй томъ «Записокъ Охотника», которыя она прослушала съ большимъ удоволь

ствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ очень хорошо,—безъ окончательной формы... оно какъ-то переходитъ изъ одного въ другое и принимаетъ всевозможныя формы, зависящія отъ настроенія духа, въ которомъ находишься... Мнѣ напоминаетъ это какую-то сонату Бетховена... что-то деревенское и простое...

...Какую великолѣпную вещь онъ могъ бы сдѣлать изъ Чертопханова! Если бы только онъ разработалъ этотъ характеръ артистично, не удовлетворяясь лишь однимъ наброскомъ, онъ могъ бы совершить литературный и философическій фокусъ,—онъ могъ бы заставить всѣхъ преклоняться передъ человѣкомъ, безъ воспитанія, неумнымъ, грубымъ, грязнымъ, пьянымъ, вращающимся въ кругу неинтереснымъ... Онъ могъ бы возбудить къ этому человѣку общій энтузіазмъ.

Что до меня касается, я восхищался этимъ человѣкомъ—такимъ, какимъ онъ его сотворилъ,—одна только «присядка» въ концѣ мнѣ испортила картину.

Чертопхановъ можетъ быть пьянъ и грубъ, но онъ не долженъ плясать, ему это не идетъ.

Когда я встрѣчаю что-нибудь подобное,—я чувствую, что энтузіазмъ подымается къ головѣ, по спинному хребту, такъ же, какъ когда я читаю прекрасные стихи. Многіе изъ его характеровъ—драгоцѣнные камни, но не обтесанные.

Мой умъ медленъ и находится подъ вліяніемъ моихъ страстей, но онъ справедливъ.

Думаешь ли ты, что изъ меня что-нибудь когда-нибудь выйдетъ?

И что̀ можетъ когда-нибудь изъ меня выйти?

Еслибы дѣло было только въ томъ, чтобы взять въ руки факелъ и поджечь пороховую мину и себя взорвать вмѣстѣ съ нею, я съумѣлъ бы это сдѣлать; но столько людей съумѣли бы также это сдѣлать... Я чувствую въ себѣ сердце, умъ—и большое сердце, но на что оно мнѣ?

Но у меня тоже есть лучъ свѣта впереди, и мнѣ всегда казалось, что я предназначенъ для чего-нибудь.

Андрей Шеньѐ тоже это думалъ, но онъ ошибся, такъ же, какъ, можетъ быть, и я ошибаюсь.

Въ этомъ лучѣ свѣта я всегда предвидѣлъ большую способность самоотверженія,—но во имя чего? Въ пользу кого? Не знаю...

1853.

9.

13 іюля.

...Настоящая дружба (я не говорю о любви) основана на постоянномъ и безграничномъ изліяніи одной души въ другую.

Въ душахъ нѣтъ неподвижности, онѣ всегда въ движеніи; когда двѣ души ищутъ одна другую и находятъ другъ друга, ихъ движенія, хорошія или дурныя, должны слиться въ одну душу.

Такъ какъ душа заключена въ тѣлѣ, ея движенія не могутъ быть отвлеченными, у всѣхъ ихъ есть какое-нибудь матеріальное примѣненіе. Чтобы никогда не удаляться отъ истины, не нужно опасаться матеріальнаго примѣненія, или матеріальной рамки, и не слѣдуетъ въ обоюдномъ довѣріи раздѣлять спиритуализмъ отъ матеріализма.

Одухотворять свое довѣріе—значитъ связывать его по рукамъ и по ногамъ и уменьшать его на половину...

10.

Петербургъ, 31 іюля.

...Есть эпоха моей жизни, о которой я тебѣ никогда не говорилъ, или говорилъ поверхностно; это—*артистическая* эпоха моей жизни—*мой XVI-ый вѣкъ*.

Не знаю почему, но мнѣ хочется говорить о ней сегодня. Мнѣ было 13 лѣтъ и мы были въ Италіи.

Ты не можешь себѣ представить, съ какою жадностью и съ какимъ чутьемъ я набрасывался на всѣ *произведенія искусства*. Въ очень короткое время я научился отличать прекрасное отъ посредственнаго, я выучилъ имена всѣхъ живописцевъ, всѣхъ скульпторовъ и немного изъ ихъ біографіи, и я почти-что могъ соревновать съ знатоками въ оцѣнкѣ картинъ и изваяній.

При видѣ картины, я могъ всегда назвать живописца и почти никогда не ошибался.

Я до сихъ поръ ощущаю то лихорадочное чувство, съ которымъ я обходилъ разные магазины въ Венеціи. Когда мой дядя торговалъ какое-нибудь произведеніе искусства, меня просто трясла лихорадка, если это произведеніе мнѣ нравилось.

Не зная еще никакихъ интересовъ жизни, которые впослѣдствіи наполнили ее хорошо или дурно, я сосредоточилъ всѣ свои мысли и всѣ свои чувства на любви къ искусству.

Эта любовь превратилась во мнѣ въ сильную и исключительную страсть.

Я жилъ всецѣло въ вѣкѣ *Медичи*, и я принималъ къ сердцу произведенія этого столѣтія такъ же, какъ могъ это сдѣлать современникъ Бенвенутто Челлини.

Съ тѣхъ поръ я сильно измѣнился, я заснулъ на этомъ, какъ на многихъ другихъ вещахъ,—но развѣ есть возможность остаться художникомъ при той жизни, которую мы ведемъ? Я думаю, что нельзя быть *художникомъ одному, самому по себѣ,* когда нѣтъ художниковъ среди окружающихъ васъ...

Энтузіазмъ, каковъ бы онъ ни былъ, скоро уничтожается нашими условіями жизни; но тогда я не зналъ этихъ условій и вполнѣ отдавался своему энтузіазму.

Въ Венеціи жилъ молодой *графъ Гримани,* единственный наслѣдникъ семьи. Онъ разорился, какъ большинство венеціанскихъ аристократовъ, и продавалъ свой дворецъ цѣликомъ и частями.

Дворецъ былъ наполненъ самыми прекрасными вещами на свѣтѣ, но увѣряю тебя, что, несмотря на надежду пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нихъ, мнѣ было тяжело видѣть эту разоренную семью, принужденную продавать своихъ предковъ, писанныхъ во весь ростъ Тиціаномъ, Тинторетто и другими.

Когда мы отправлялись въ гондолѣ во дворецъ Гримани и когда мы проѣзжали мимо другихъ дворцовъ, одинаково разрушенныхъ, владѣльцы которыхъ одинаково были разорены и въ долгахъ, я ощущалъ смѣшанное чувство уваженія, восхищенія, жалости и алчности, такъ какъ тогда существовало во мнѣ чувство собственности, которое я съ тѣхъ поръ совершенно утратилъ.

Моя алчность была главнымъ образомъ возбуждена великолѣпною мраморною головой фавна, самого *Микель-Анджело*, удостовѣренной столько же традиціями, какъ и документами семейства Гримани, находившимися у нихъ нѣсколько вѣковъ.

Эта голова, немного больше натуральной величины, не имѣла ничего кривляющагося—это былъ красивый, молодой фавнъ, улыбающійся, немного слишкомъ матеріальный и напоминающій, въ очень красивомъ видѣ, лицо Рубинштейна.

Онъ находится теперь въ домѣ Бутурлиныхъ на Почтамтской; очень дурно стоитъ и очень дурно освѣщенъ.

Когда послѣ многихъ переговоровъ, которые заставляли мое сердце биться, въ одинъ прекрасный день торгъ былъ

заключенъ, намъ принесли фавна и много другихъ художественныхъ произведеній въ гостиницу, гдѣ мы жили, между прочимъ портретъ дожа Антонія Гримани въ натуральную величину, писаннаго Тиціаномъ, я не могу тебѣ разсказать, что̀ со мной произошло... я прыгалъ, плакалъ отъ радости.

Бюстъ фавна поставили на полъ—я цѣлыми часами лежалъ около него, я пытался поднять его, мнѣ хотѣлось знать, могу ли я его спасти въ случаѣ пожара; какъ только у меня была свободная минута, я бѣжалъ къ нему... я не вѣрилъ своему счастью...

Даже теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, мое сердце слегка волнуется. Какая красивая вещь этотъ фавнъ, — одна изъ самыхъ красивыхъ, которыя я когда-либо видѣлъ!

Когда я разсказываю тебѣ про Венецію, всѣ эти воспоминанія встаютъ передо мной одно за другимъ; мнѣ кажется, я слышу шумъ, съ которымъ укладывались гондольерами весла въ гондолу, когда подходили къ какому-нибудь дворцу, — когда гребутъ, весла у нихъ совсѣмъ не шумятъ, — мнѣ кажется, я чувствую запахъ въ каналахъ, дурной запахъ, но напоминающій хорошую эпоху моей жизни!..

Я думаю, что если бы я поселился въ Италіи или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но окруженный людьми, *любящими искусство,* я могъ бы вернуться къ тому, къ чему я былъ предназначенъ.

Но какъ работать для искусства, когда слышишь со всѣхъ сторонъ слова: *служба, чинъ, вицмундиръ, начальство* и тому подобное?

Какъ быть поэтомъ, когда совсѣмъ увѣренъ, что васъ никогда не напечатаютъ, и вслѣдствіе того никто васъ никогда не будетъ знать?

Я не могу восторгаться вицмундиромъ, и мнѣ запрещаютъ быть художникомъ; что̀ мнѣ остается сдѣлать, если не заснуть? Правда, что *не слѣдуетъ* засыпать, и что нужно искать другой кругъ дѣятельности, болѣе полезный, болѣе очевидно полезный, чѣмъ искусство; но это перемѣщеніе дѣятельности труднѣе для человѣка, родившагося художникомъ, чѣмъ для другого...

11.

22 октября.

Я провелъ вечеръ у Шеміоттъ. Была масса народу. Поляки, и изъ русскихъ только я и Вельгорскій. Всѣ поляки,

изъ которыхъ нѣкоторые громадные, пробовали свою силу со мной, и я ихъ всѣхъ поборолъ по очереди. Мнѣ кажется, что я становлюсь сильнѣе, но всѣ находятъ, что я похудѣлъ. Мнѣ сшили новое платье всѣхъ цвѣтовъ; я бы тебѣ ихъ описалъ, если бы это не было такъ скучно. Ихъ шилъ Шармеръ. У Шеміоттъ была молодая княгиня Сангушко, удивительной красоты; она была вся въ бѣломъ. M-me Столыпина была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ воланами изъ черныхъ кружевъ и съ черными кружевами на головѣ; на ней была коротенькая пелеринка изъ голубого бархата, вышитая по восточному жемчугомъ и золотомъ...

Я нашелъ у Монтеня страницы еще болѣе грубыя, чѣмъ тѣ, которыя мы нашли вмѣстѣ, но несмотря на это я нахожу, что женщинѣ удобнѣе признаться, что она читала Монтеня, чѣмъ Альфреда Мюссѐ.

Монтень—наивенъ и грубъ, Альфредъ Мюссѐ—грязенъ съ намѣреніемъ быть грязнымъ, съ самодовольствіемъ, особенно въ пьесѣ «Гассанъ».

Я бы далъ читать Монтеня женщинѣ, которую я уважаю, несмотря на ужасный цинизмъ его выраженій; я бы осмѣлился это сдѣлать, потому что Монтень не намѣренно циниченъ. Я бы не осмѣлился дать читать А. Мюссѐ женщинѣ, которую уважаю, потому что онъ преднамѣренно циниченъ.

...Все это близко моему сердцу не по своей собственной важности, но со стороны моего общаго взгляда...

12.

25 октября.

У меня были внутреннія бури, доводившія меня до желанія биться головой объ стѣну. Причиной этого было лишь возмущеніе противъ моего положенія... Мнѣ кажется, что первобытное состояніе нашей души — сильная любовь къ добру или къ Богу, которую мы теряемъ съ холоднымъ прикосновеніемъ къ матеріи, въ которой заключается наша душа. Но душа не забыла совершенно свое первое существованіе, до ея заключенія въ то застывшее состояніе, въ которомъ она теперь находится... Это и есть причина тому чувству необходимости любви, которое мучаетъ иныхъ людей, и тому радостному чувству и счастью, которое они ощущаютъ, когда они, согрѣваясь и тая, возвращаются къ своему первоначальному нормальному существованію; если

бы мы не были скованы матеріей, мы бы сейчасъ вернулись въ наше нормальное состояніе, которое есть непрерывное *обожаніе* Бога, и единственное, въ которомъ можно быть безъ страданій; но матерія намъ мѣшаетъ и холодитъ душу настолько, что душа совершенно теряетъ свое первое свойство расплавленности (fusion) и переходитъ въ полный застой.

Богъ дозволяетъ, время отъ времени, чтобы въ этой жизни немного тепла оживило нашу душу и напомнило бы ей случайно то блаженное состояніе, въ которомъ она находилась до своего заключенія... и къ которому возвращеніе обѣщано намъ послѣ смерти. Это бываетъ, когда мы любимъ женщину, мать или ребенка...

13.

30 октября.

Сужденія свѣта о *моихъ лично* дѣйствіяхъ мнѣ безразличны.

Богъ и совѣсть — мнѣ судьи, и когда мой умъ сомнѣвается, твой умъ меня освѣщаетъ; у меня большіе непріятели—мой характеръ и моя впечатлительность...

14.

3 ноября.

...Я очень грустенъ и я скучаю, насколько мое горе мнѣ это позволяетъ...

...Работать мнѣ слишкомъ трудно... можетъ быть, я могъ бы писать смѣшныя вещи, но ничего не могу писать такого грустнаго и серьезнаго, какъ моя душа теперь.

Я понимаю, отчего натуры такія глубоко-печальныя, какъ Мольеръ и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь, хорошо оцѣнить, нужно быть внѣ этого, также какъ надо выйти изъ дому, чтобы срисовать фасадъ дома...

Мой двоюродный братъ пріѣхалъ изъ Малороссіи и привезъ съ собой такіе великолѣпные національные мотивы! Они мнѣ перевернули сердце...

...Никакая національная музыка не выразила свою народность съ такимъ величіемъ и силой, какъ малороссійская музыка, даже лучше великороссійской, которая такъ выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видѣла открывающуюся передъ тобой всю исторію Малороссіи, ты бы лучше по-

пяла характеръ народностей, чѣмъ читая Гоголя или Конисскаго.

Это — рѣзкія и неожиданныя ощущенія, которыя иногда испытываешь, и которыя открываютъ передъ нами горизонтъ, о которомъ мы не подозрѣвали, или который мы совсѣмъ забыли... Онъ пѣлъ безъ всякаго аккомпанимента.

Еслибы мнѣ оставалось только десять лѣтъ жизни, я бы охотно отдалъ половину, чтобы обладать красивымъ голосомъ или большимъ музыкальнымъ талантомъ.

15.

15 ноября.

Я оставилъ мать въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Рашель играетъ *Адріенн Лекувреръ*, и я пришелъ поговорить съ тобой...

Я вообще нахожу Рашель невыносимой и игру ея фальшивой и аффектированной; къ тому же она окружена толпой негодяевъ, которые играютъ еще хуже ея.

Въ самомъ дѣлѣ удивительна ея репутація.

Дѣланные эффекты, модуляціи голоса, то умирающія, то крикливыя, всегда подготовленныя заранѣе, всегда фальшивыя интонаціи, предназначенныя, чтобы вырвать аплодисменты, и которыя, по моему, вызываютъ ихъ точно изъ милости,—все это мнѣ надоѣло и дѣйствуетъ мнѣ на нервы...

16.

17 ноября.

Я былъ въ Царскомъ у Цесаревича, который въ самомъ дѣлѣ очень добръ ко мнѣ, гораздо больше, чѣмъ я этого достоинъ. Сегодня вечеромъ я долженъ написать письмо Тургеневу, который, какъ я уже тебѣ сказалъ, прощенъ и пріѣдетъ сюда...

Я пришелъ къ убѣжденію, что Рашель—актриса, слишкомъ часто не выказывающая драматическаго чувства и еще чаще чувства эстетическаго.

Ея драматическія *тонкости* выходятъ у нея грубыми какъ полѣно. Боясь, что публика ихъ не пойметъ, она выражаетъ ихъ бѣшеными движеніями тѣла и телеграфическими знаками, въ то время какъ искусство, равно какъ и природа и правдоподобіе, указываютъ, что ихъ слѣдуетъ передавать голосомъ и выраженіемъ лица.

Въ концѣ она умираетъ отъ отравы и какъ *любитель* подражаетъ агоніи, предсмертной икотѣ и конвульсіямъ.

Чтобъ дойти до этого великолѣпнаго результата, она ходила въ больницы смотрѣть, какъ умираютъ бѣдныя молодыя женщины. Однимъ словомъ, по моему, она — артистка непріятная и антиэстетичная.

Ея лицо умное и красивое, но игра ея безъ выраженія и непріятная.

1854.

17.

Москва, 15 іюня.

...Я пріѣхалъ въ половинѣ девятаго вечеромъ; мы ѣхали очень медленно; у меня былъ хорошій попутчикъ, тотъ, котораго я сперва принялъ за кондуктора, но я поговорю о немъ въ другой разъ; я только-что видѣлъ у Велегорскаго телеграмму, помѣченную нынѣшнимъ числомъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Непріятельскій флотъ въ числѣ болѣе 40 судовъ со вчерашняго дня подъ Кронштадтомъ, но военныхъ дѣйствій еще не открывалъ, держась внѣ выстрѣла».

Въ настоящее время, можетъ быть, началось...

18.

Петербургъ, 17 іюня.

Англичане, которые все еще стоятъ противъ Кронштадта, нѣсколько утѣшаютъ меня... они приближаются и удаляются, держась всегда внѣ пушечнаго выстрѣла; ихъ музыка слышна въ Ораніенбаумѣ... Завтра я ѣду въ Петергофъ... Англичане были отброшены съ урономъ съ форта *Алландъ*, имъ повредили два парохода...

19.

Петергофъ, 18 іюня.

...У меня является возможность ѣхать въ *шхеры;* я провелъ весь день съ Алексѣемъ Б.; мы хотимъ каждый вооружить 40 человѣкъ, и, быть можетъ, мы найдемъ еще любителя, который бы вооружилъ столько же...

Я пишу тебѣ очень безпорядочно, но у меня такъ много дѣла и столько пустяковъ по нашей экспедиціи—всего этого можно было бы избѣгнуть, если просто принять за образецъ финскихъ стрѣлковъ, которые у насъ подъ носомъ въ Петербургѣ. Только найти форму пули для этихъ чертовскихъ ружей заняло у меня болѣе восьми дней.

Цесаревичъ спросилъ меня сегодня, гдѣ я путешествовалъ; я сказалъ ему—на *Волгѣ*...

20.

20 іюня, въ городѣ.

...Рѣшено, что я ѣду въ шхеры; я заказалъ 40 карабиновъ, по 20 рублей каждый, и уѣзжаю какъ можно скорѣе, но не ранѣе трехъ недѣль, а если ранѣе, то лишь временно и для набора людей. Все дѣлается подъ предлогомъ прогулки на яхтѣ и безъ всякаго другого разрѣшенія, кромѣ какъ плавать въ шхерахъ.

Съ первымъ успѣхомъ, если таковой будетъ, мы испросимъ полномочія на партизанскія дѣйствія. Мнѣ кажется, что моя мать одобряетъ мои планы и находитъ ихъ вполнѣ естественными...

Но я говорю тебѣ про себя и не говорю, что мы одержали новую блестящую побѣду въ Грузіи; сегодня утромъ прибылъ курьеръ и привезъ 30 турецкихъ знаменъ, захваченныхъ кн. Андрониковымъ съ 13 орудіями.

Непріятель, въ числѣ 30 тысячъ, потерпѣлъ полную неудачу, оставивъ намъ три лагеря со всѣмъ, что̀ въ нихъ было, включая горячій обѣдъ, который былъ немедленно съѣденъ нашими солдатами.

Потери съ обѣихъ сторонъ еще неизвѣстны.

Англичане покинули сегодня утромъ Кронштадтъ и отступили по направленію къ Ревелю.

Вѣроятно то, что они только разгуливаютъ.

...Я не сказалъ тебѣ, что я въ Вязенкахъ купался въ Клязьмѣ въ то время, какъ мои сопутники мальпоста обѣдали, что̀ доказываетъ тебѣ, что я не такъ обжорливъ, какъ ты думаешь...

Сегодня я завтракалъ у Тургенева, между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, куда я поѣхалъ съ Маркевичемъ, и видѣлъ тамъ Анненкова и Некрасова.

Тургеневъ все тотъ же, озабоченный своими собственными мыслями, мало обращающій вниманія на мысли другихъ: тѣмъ не менѣе, онъ очень благородный человѣкъ... Говорятъ, что онъ женится на m-lle Тургеневой, но не знаю, правда ли это...

21.

23 іюня.

...Я провожу все время съ Б. Мы бѣгаемъ по городу, ходимъ къ оружейникамъ, ищемъ парохода, котораго найти

не можемъ, но безъ котораго обойдемся, ежели не найдемъ; но въ этомъ случаѣ наши дѣйствія будутъ затруднительнѣе и будутъ зависѣть отъ случайности...

Англичане, удалившіеся отъ Кронштадта, вернулись на разстояніе 60-ти верстъ, въ числѣ 6-ти судовъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ думаютъ, что они аттакуютъ Кронштадтъ послѣ-завтра, въ день рожденія Государя, но мнѣ это кажется невѣроятнымъ.

Б. только-что уѣхалъ въ Тулу, чтобъ наблюдать и торопить исполненіе заказанныхъ нами ружей... Я сейчасъ ѣду въ Царское, чтобъ хлопотать опять о нашихъ дѣлахъ, требующихъ большой предосторожности, въ виду того, что мы не хотимъ дѣйствовать офиціально, боясь отказа или зачисленія въ какой-нибудь полкъ.

Я долженъ тебѣ сказать, что всѣ наши люди будутъ именоваться матросами яхтъ-клуба и всякое дѣйствіе съ англичанами сойдетъ за случайную встрѣчу; иначе мы найдемъ препятствіе и противодѣйствіе со стороны властей. Сегодня вечеромъ я ѣду въ Петербургъ и въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ проектъ нашего будущаго отряда.

22.

25 іюня.

...Сегодня утромъ ожидали аттаки со стороны англичанъ; вмѣсто этого они исчезли неизвѣстно куда...

23.

Петербургъ, 26 іюня.

...Я въ городѣ, поздно... Завтра по желѣзной дорогѣ я ѣду на 2—3 дня въ деревню; моя мать уже тамъ.

Холера очень свирѣпствуетъ здѣсь и въ Петергофѣ; графъ Иванъ В. умираетъ.

Въ особенности умираютъ дѣти; я радъ, что Юрія здѣсь нѣтъ; поцѣлуй его за меня, я его очень люблю...

24.

Пустынька, 27 іюня.

...Я не буду ждать отвѣта отъ Б. Я поѣду въ Гельсингфорсъ, чтобъ вновь набирать людей.

Сегодня утромъ, до пріѣзда сюда, я получилъ разрѣшеніе Абазы пользоваться его судномъ «Рюрикъ». Понятно, что я имъ не воспользуюсь, но это разрѣшеніе дастъ мнѣ возможность набрать матросовъ.

25.

30 іюня...

...Англичане овладѣли островомъ Даго, а такъ какъ владѣльцы его (Унгернъ-Штернбергъ) вывезли заранѣе все, что̀ могли, включая стада, англичане изъ мести опустошили островъ, разрушая и грабя дома, не исключая домовъ знати. Они все ходятъ по заливу, но гдѣ они находятся—не съумѣю сказать...

26.

Петергофъ, 30 іюня.

...Крейцъ слышалъ отъ очевидца, что на Сешарѣ островѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Кронштадта, англичане разгромили крестьянскіе дома и разрушили и уничтожили топорами внутренность лютеранской церкви...

27.

1 іюля.

...Сегодня день рожденія Императрицы; я съ восьми часовъ утра въ мундирѣ; былъ у Цесаревича.

Исторія разбоя острова Сешаръ совершенно достовѣрна, и что̀ болѣе—по рапорту Непира своему правительству—видно, что *грабить берега* входитъ въ инструкцію англійскихъ адмираловъ.

Увѣряютъ почти навѣрно—англичане аттакуютъ Кронштадтъ и Свеаборгъ, но когда?—неизвѣстно. Получена телеграмма, объявляющая, что англійскій пароходъ подошелъ къ Свеаборгу—подъ парламентерскимъ флагомъ,—но еще неизвѣстно, чего онъ хотѣлъ.

Изъ Кронштадта виднѣются 52 англійскихъ корабля, которые стоятъ все на томъ же мѣстѣ.

Ты знаешь изъ газетъ, что, къ несчастію, мы покинули осаду Силистріи, и, что̀ еще важнѣе, наши войска очистили княжества.

Говорятъ, что 10 тысячъ человѣкъ послѣдовали за нами, чтобы избѣгнуть мести турокъ.

Война съ Австріей очень правдоподобна...

Газеты иностранныя объявляютъ, что французы посылаютъ 25 тысячъ человѣкъ для высадки на балтійскіе берега—изъ-за этого отложили отъѣздъ гвардіи на австрійскую границу.

28.

Петергофъ, 9 іюля.

...Англичане продолжаютъ разбойничать на берегахъ: они жгутъ сёла, стрѣляютъ изъ пушекъ въ суда лоцмановъ, которыя имъ встрѣчаются.

Пруссія за насъ и настаиваетъ, чтобы Австрія сдѣлала то же самое; на это смотрятъ какъ на хорошую вѣсть, но ты знаешь, что я не раздѣляю этой точки зрѣнія, и по моему гораздо желательнѣе имѣть Австрію какъ непріятеля...

29.

11 іюля.

...Очень поздно, я ходилъ по улицамъ и зашелъ къ Ронкони... Было уже 11 час., когда я вошелъ къ нему. Жена его была уже раздѣта, и она исчезла—онъ живетъ въ домѣ Ѳедорова, на Фонтанкѣ.

Онъ сочинилъ русскій гимнъ, который будетъ исполненъ преображенскимъ оркестромъ,—и онъ по этому случаю ходитъ часто къ Лярскому.

Завтра опять ѣду въ Пустыньку, или Алексѣевку, какъ ее зовутъ теперь. Тамъ буду пробовать ружья и новыя пули и учить стрѣлять одного человѣка, котораго беру съ собой.

...Мнѣ очень бы хотѣлось имѣть русскихъ въ компаньонахъ, и мнѣ хочется предложить Самарину присоединиться къ намъ; онъ русскій и имѣетъ состояніе. Онъ могъ бы вооружить человѣкъ 50.

На этихъ дняхъ буду искать въ Пустынькѣ желающихъ, между мужиками въ окрестностяхъ. Они всѣ мнѣ знакомы, но почти всѣ негодяи...

Такъ меня тянетъ начать поскорѣе нашу экспедицію... Конечно, не моя вина, что все такъ тянется, а все-таки мнѣ даже передъ тобой совѣстно, что мы такъ медлимъ...

Хотя я рѣшилъ,—если это не удастся, я пойду одинъ и присоединюсь, какъ вольноопредѣляющійся, къ войскамъ, ожидающимъ на берегу непріятельскій дессантъ...

30.

Алексѣевка, 19 іюля.

...Я намѣренъ уѣхать черезъ восемь дней въ Финляндію и не беру никого съ собой, кромѣ Дениса и другого человѣка... Пріѣхавши въ Гельсингфорсъ, я увижу, что̀ я могу сдѣлать съ моими слабыми средствами... т.-е. раздавая

мои ружья и дяди моего желающимъ и присоединяя къ себѣ вооруженныхъ волонтеровъ съ ихъ собственными ружьями, можемъ ли мы надѣяться что-нибудь сдѣлать, съ болѣе или менѣе равными силами?.. Если это невозможно будетъ, я ограничусь собираніемъ насколько возможно болѣе свѣдѣній на будущее и, осмотрѣвши немного берега, вернусь въ Петербургъ очень грустнымъ и озабоченнымъ...

...Видъ англичанъ меня ободрилъ; я ихъ видѣлъ сегодня утромъ—я былъ верстъ 15 за Ораніенбаумомъ, на Бронной Горѣ, откуда ихъ было видно отлично; я насчиталъ 31 судно. Шуваловъ и Арнольди, конно-гвардейцы, которые были со мной, насчитали 33. Англичане всякій день дѣлаютъ десанты отъ 20 до 50 человѣкъ—на неохраненныхъ берегахъ. Большею частью они себя хорошо ведутъ, но иные дѣйствуютъ отвратительно, подобно дикимъ...

Завтра я тебѣ скажу, отчего англичане идутъ въ шхеры, а сегодня—покойной ночи...

31.

Петергофъ, 22 іюля.

...Я здѣсь потому, что сегодня именины Цесаревны. По слѣднія извѣстія объ англичанахъ—съ острововъ Алландъ, гдѣ они соединили свои силы и думаютъ прозимовать.

Проектъ англичанъ прозимовать съ французами въ Финляндіи, во всемъ тысячъ 20—очень бы насъ обрадовалъ, еслибы мы были увѣрены въ Швеціи, но, какъ оказывается, мы не долго останемся съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ..

Въ Бѣломъ морѣ они подошли къ *Соловецкому монастырю*, и адмиралъ послалъ къ *командующему цитаделью*—такъ они назвали монастырь—требовать его шпагу, угрожая, въ случаѣ отказа, разрушить стѣны монастыря. Архимандритъ велѣлъ отвѣчать, что шпаги у него нѣтъ, но что онъ не намѣренъ сдать монастырь.

Тогда они начали бомбардировать его въ теченіе 10 часовъ и сожгли деревянныя зданія. Монахи отвѣчали 20 пушечными ядрами, которыя были имъ высланы на случай, и по истеченіи 10 часовъ англичане ушли.

Они зашли въ маленькій монастырь около Онеги, вошли въ церковь, въ которой находились четыре монаха... и послѣ безчиннаго поведенія—увезли колоколъ вѣсомъ въ 10 пуд.

Нѣсколько дней тому назадъ, Вел. Кн. Константинъ пробовалъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ парусную американскую лодку... На ней находились: Великій Князь, Исто-

минъ, Юшковъ, князь Евгеній Голицынъ, сынъ кн. Голицына изъ Коммиссіи прошеній—и, кажется, два матроса,—лодка перевернулась. Голицынъ потонулъ; другіе были спасены катеромъ, который шелъ за ними. Великій Князь такъ утомился отъ долгаго плаванія, что потерялъ сознаніе на катерѣ; особенныя знанія необходимы были для управленія лодкой...

32.

5 августа.

Вчера пришло извѣстіе, что три тысячи французовъ сдѣлали дессантъ въ Алландѣ, но ихъ отбили...

Подробности этого дѣла еще неизвѣстны. Сингаидъ окруженъ непріятельскимъ флотомъ, и можно въ него попасть лишь хитростью или переодѣтымъ.

33.

9 августа.

...Сегодня—такая прекрасная ночь, такъ много звѣздъ отражается въ водѣ, воздухъ теплый; когда я вижу подобную ночь, хотя я продолжаю такъ же сильно любить природу, мнѣ все кажется, что есть что-то лучшее, что̀ должно быть нашею цѣлью... Чувство это очень сильно во мнѣ—и всегда было, но это очень больно.

Вокругъ насъ масса цвѣтовъ, и воздухъ благоухаетъ, и глаза наслаждаются... Я чувствую недостаточность жизни... и хотя не говорю объ этомъ, но это чувство очень искренно во мнѣ...

34.

Выборгъ, 29 августа.

...Я догналъ Пьера и мы сейчасъ ѣдемъ вмѣстѣ... Знаешь, что очень можетъ быть—я увижу Непира! Ему, можетъ быть, пошлютъ депеши, насчетъ обмѣна плѣнныхъ—и я могъ бы быть посланнымъ съ ними...

35.

Гельсингфорсъ, 2 сентября.

Мы ѣдемъ въ Або и возвратимся черезъ три дня — къ 15-му или раньше мы будемъ въ Петербургѣ.

Цѣлый день я на ногахъ, былъ у разныхъ адмираловъ и у военныхъ властей. Мы провели вечеръ у Глазенапа,—братъ тверского,—тамъ былъ еще Стериваль, братъ m-me Карамзиной, который идетъ съ нами...

36.

10 сентября.

...Когда я тебѣ говорилъ о нашихъ военныхъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ, это всегда бывало послѣ разговора съ какими-нибудь военными авторитетами изъ здѣшнихъ. Они всѣ согласны въ пользу нашего предпріятія, но всѣ расходятся въ способѣ его совершить...

Ты не можешь себѣ вообразить, какой хаосъ совѣтовъ, указаній, предостереженій мы слышали съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, и черезъ сколько разныхъ совѣтовъ и мнѣній мы прошли!..

37.

20 сентября.

...У насъ другія горести, кромѣ тѣхъ, которыя касаются лично насъ. Мы потерпѣли большія потери въ Крыму, непріятель сдѣлалъ дессантъ, сраженіе длилось болѣе шести часовъ... непріятель потерялъ до 2.800 чел. — убитыхъ и раненыхъ, а мы, если вѣрить *слухамъ*, мы потеряли еще болѣе, и мы должны были отступить.

Теперь мы занимаемъ выгодную позицію — мы стоимъ спиной къ Бахчисараю и лицомъ къ морю. Если непріятель аттакуетъ Севастополь, мы можемъ напасть на него съ фланга и съ тыла. Съ 8 сент., день послѣдняго дѣла, до 16 сент. не было ничего новаго — непріятель ждетъ подкрѣпленія, а мы ждемъ дивизію, посланную намъ на помощь Горчаковымъ...

38.

Петербургъ, 27 сентября.

...Съ этой почтой я тебѣ посылаю романъ Алекс. Дюма и мистическія книги и философическія—напримѣръ:

1-я. О духахъ и ихъ манифестаціяхъ. Мирвилля.

2-я. О жизни душъ послѣ смерти. Делажа.

3-я. Принципы философическіе, политическіе и нравственные, сочин. полковника Вейссъ.

Изъ всѣхъ этихъ книгъ, книга Мирвилля мнѣ кажется всѣхъ лучше; Делажа—не дурная книга, но поповскій аргò въ ней мнѣ не нравится, а что касается до Вейсса,—нѣкоторая широта относительно женской нравственности и какая-то наклонность представлять себя Ловеласомъ меня возмущаетъ. Я себѣ добылъ другой экземпляръ Мирвилля

и читаю его; я очень рекомендую тебѣ эту книгу—можно не соглашаться *со всѣмъ*, что онъ говоритъ, но онъ пишетъ съ большою логикою и вѣрою—я почти-что всегда одинаковаго мнѣнія съ г-мъ Мирвиллемъ. И ты также будешь.

Прикажи тоже Пьеру ее прочесть.

У насъ нѣтъ никакихъ политическихъ извѣстій. Въ Севастополѣ все въ томъ же положеніи...

Тургеневъ не женился, онъ въ деревнѣ; если ты ему напишешь, ты мнѣ сдѣлаешь удовольствіе...

39.

15 октября.

...Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать про Лаблаша, — я только-что его видѣлъ у Вельгорскаго. У него въ самомъ дѣлѣ очень красивое лицо, онъ тебѣ бы очень понравился, еслибы ты слышала, какъ онъ разсказывалъ, какъ надо приготовлять разныя кушанья; онъ смѣется надъ твоимъ Луи Бланомъ, который проповѣдуетъ коммунизмъ и который самый причудливый человѣкъ насчетъ ѣды—и который ѣстъ дичь подправленною ломтиками ананаса... ты видишь, что онъ—свинья.

Вмѣсто того, чтобы раздавать свои деньги между бѣдными, онъ употребляетъ ихъ на ананасы для приправки жаркого—и онъ заказываетъ себѣ элегантные экипажи.—Зачѣмъ же онъ проповѣдуетъ противъ роскоши?

Лаблашъ разсказывалъ, какъ слѣдуетъ варить шоколадъ, и, показывая, какъ пѣна въ чашкѣ падаетъ, онъ садился на корточки... и дѣлался совсѣмъ маленькимъ... Онъ не для эффекта говоритъ съ жестами, у него это совершенно натурально. . . . . .

. . . . . .

Я вѣрю Богу, и у меня невысокое мнѣніе о разумѣ человѣческомъ, и я не вѣрю тому, что онъ называетъ возможнымъ и невозможнымъ — я вѣрю больше тому, что *я чувствую*, чѣмъ тому, что *я понимаю*, такъ какъ Богъ намъ далъ чувство, чтобъ идти дальше, чѣмъ разумъ. Чувство—лучшій вожакъ, чѣмъ разумъ, также какъ музыка совершеннѣе слова.

...То, что я тебѣ говорю—очень слабо, сравнительно съ тѣмъ, что я чувствую; есть многое въ душѣ, что только можетъ быть понято другой душой—всякое словесное объясненіе лишь затмеваетъ смыслъ.

40.

24 октября.

Ты несправедлива къ книгѣ Мирвилля: «Пневматологія»; я совсѣмъ не согласенъ съ тобою, что это—дурная книга; какъ можешь ты говорить, что авторъ не вѣритъ самъ дýхамъ—когда на всякой страницѣ чувствуется его убѣжденіе?! И потомъ ты говоришь, что вся книга—лишь собраніе фактовъ, которые онъ не связалъ и не освѣтилъ личною вѣрою. Ты, значитъ, не читала книги, или ты прочла нѣсколько страницъ гдѣ попало...

Чтò можетъ лучше доказать правду, чѣмъ *собраніе фактовъ*,—главное, если эти факты удостовѣрены доказательствами, заявленіями живыхъ людей и т. д.? Я, напротивъ, нахожу большую послѣдовательность въ данныхъ Мирвилля, много логики въ его опроверженіяхъ академическихъ отчетовъ и очень сильную личную вѣру...

Я нахожу, что это—большое достоинство, когда авторъ, желая установить истину, или по крайней мѣрѣ то, чтò онъ считаетъ оной, высказываетъ свои мысли съ точностью, очень категорично, вмѣсто того, чтобы допускать возможность читателю вставлять свои дополненія между строками и объяснять смыслъ на свой ладъ... Это хорошо лишь для произведеній воображенія или очень интимной переписки, какъ между тобой и мной.

Я съ тобой согласенъ, что онъ самъ не обладаетъ магнетическою силою (fluide), но мнѣ это совсѣмъ не нужно, и чѣмъ холоднѣе его логика, тѣмъ болѣе она въ меня вселяетъ довѣріе и тѣмъ яснѣе она.

Когда я читаю серьезную книгу, я хочу, ее читая, учиться, а не самъ сочинять.

Я тебя увѣряю, что твоя манія—видѣть въ авторѣ другое, чѣмъ онъ говоритъ—никуда не годится, и если у тебя есть эта способность, ты бы лучше ею воспользовалась, чтобы самой писать.

Хорошо въ поэзіи не договаривать мысль, допуская всякому ее пополнить по-своему, но въ такой книгѣ, какъ книга Мирвилля, которая написана для защиты существованія духа и въ опроверженіе всѣхъ сочиненій, утверждающихъ противное, которая, слѣдовательно, является сочиненіемъ, имѣющимъ цѣлью взвѣшивать всѣ защиты и опроверженія съ математической точностью,—всякая неясность выраженія, туманность мысли были бы совсѣмъ не-

умѣстны, даже если бы они имѣли то же обаяніе, какъ Jean-Paul...

Я не могу согласиться съ Мирвиллемъ насчетъ нѣкоторыхъ единичныхъ фактовъ. Я могу изъ этихъ фактовъ вывести другія заключенія, чѣмъ онъ выводитъ; я могу допустить, что *онъ лично* ослѣпленъ своимъ воображеніемъ или какими-нибудь фокусами, но я не могу не быть совершенно съ нимъ согласенъ въ томъ, что̀ онъ находитъ недобросовѣстнаго и нелогичнаго въ школѣ натурализма, которая опровергаетъ духовъ, потому что она ихъ не видала, и которая отказывается провѣрить возможность ихъ существованія только оттого, что она въ своей мудрости рѣшила, что они не существуютъ... Это совершенно то же самое, какъ исторія Змигродскаго съ петербургскимъ (?) факультетомъ, который отвергаетъ возможность принесенія пользы его лекарствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается уступить ему больныхъ, которыхъ они обрекли на смерть. Нѣтъ, ты несправедливо говоришь, что книга Мирвилля нехороша, и я продолжаю думать, что ты ея не читала, а только перелистала. Что касается до Делажа, — не имѣя никакого понятія о немъ, я не могу тебѣ сказать мое мнѣніе. Мнѣніе книгопродавца, у котораго я купилъ эту книгу: думаетъ, что онъ—спекулаторъ.

Есть еще новое сочиненіе Каганьѐ (Cahagnet), которое я тебѣ доставлю, если смогу. Что̀ мнѣ не нравится въ Делажѣ, то это то, что онъ помѣстилъ свой портретъ въ своей книгѣ; серьезный и скромный человѣкъ этого бы не сдѣлалъ...

41.

25 октября.

Я въ городѣ. Б. Николаи одержалъ большую побѣду противъ Шамиля, на Кавказѣ, но мнѣ неизвѣстны подробности и результатъ; можетъ быть, завтра я успѣю получить бюллетень...

Въ Севастополѣ ничего новаго, но надѣются удержать за собой городъ и отнять у непріятеля всякую надежду на этотъ годъ...

Мы посадили передъ домомъ въ Пустынькѣ большой дубъ со стороны двора; его перевозили изъ Никольскаго (4 версты), въ теченіе трехъ дней, пять паръ воловъ, двѣ пары лошадей и человѣкъ сто людей; его все время тащили на салазкахъ, хотя снѣгу не было, и тащили стоя; тебя бы интересовало это видѣть.

42.

Петербургъ, 29 октября.

...Я тебѣ не разсказалъ, что я на дняхъ былъ у Одоевскаго, на его *ораніенбаумскомъ вечерѣ;* это было собраніе разнородныхъ людей, между прочимъ—фрейлины Вел. Княгини Елены Павловны.

Ронкони сочинилъ слова и музыку національнаго гимна, примѣнимаго одновременно къ великой побѣдѣ и именинамъ Императора (ad libitum). Онъ очень разсчитываетъ на послѣднюю фразу, которую онъ мнѣ сказалъ на ухо по секрету нѣсколько разъ сряду.

Слова приблизительно слѣдующія:

Nicolai,
Troverai
Sedio e regno
In ogni cuor;
Troverai con fermezza
Sedio e regno in ogni cuor.

Онъ очень разсчитываетъ на выраженіе: «con fermezza», и думаетъ, что оно непремѣнно понравится Государю.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: «con fermezza», подымая при этомъ указательный палецъ кверху и глядя мнѣ въ глаза съ серьезнымъ видомъ: «Con fermezza! Questo piacerà, perche è affatto, nel suo carattere!»

Я ему сказалъ, что я съ нимъ совершенно согласенъ, и онъ только безпокоился, какъ можно перевести по-русски: «con fermezza»; я ему предложилъ слово *плотно,* но недоставало слоговъ, и онъ не принялъ мое предложеніе...

43.

8 ноября.

Извини меня, если я отложу свой отъѣздъ до 11—12; курьеръ долженъ пріѣхать изъ Севастополя; я хочу знать, что онъ привезетъ. До сихъ поръ извѣстія были хорошія, то-есть, что ничего новаго не произошло, и соединенная армія, кажется, пала духомъ.

Она частью отступила въ Херсонесъ, какъ будто бы желая опять отплыть.

Но не слѣдуетъ слишкомъ рано ликовать. Бомбардировка все продолжается, и у насъ много раненыхъ и больныхъ. Дай Богъ, чтобъ это хорошо кончилось. Наши удивительно

сражаются. Освободили каторжниковъ, — часть ихъ работаетъ надъ укрѣпленіями, другая удивительно сражается, и всѣ себя хорошо ведутъ.

Французы укрѣпляютъ свой лагерь, что̀ ставитъ насъ въ недоумѣніе: хотятъ ли они уѣхать, или зимовать въ Крыму.

Ихъ позиція неприступна.

Англійская армія, состоявшая изъ 24 тысячъ человѣкъ, уменьшилась до 11-ти.

Соединенная армія состоитъ тысячъ изъ 30, остальное— турки; у всѣхъ дурной провіантъ и недостатокъ въ водѣ и топливѣ.

1855.

44.

1 января.

...Я все думаю и грущу о Смальковѣ... Мнѣ кажется, это—кульминаціонный пунктъ моей жизни. ...Я не замѣтилъ зимы, ни дурной погоды. Мнѣ казалось, что была весна, я вывезъ изъ Смалькова впечатлѣніе зелени и счастья. Еслибы я могъ сконцентрировать свои принципы на остріѣ иголки, я бы это сдѣлалъ, что̀ не помѣшало бы мнѣ быть *милосерднымъ* къ натурамъ менѣе строгимъ... Мой другъ, намъ, можетъ быть, много лѣтъ жить на этой землѣ—будемъ стараться быть лучше и *достойнѣе;* ни ты, ни я не рискуемъ стать менѣе щедрыми... Завтра, если ничего мнѣ не помѣшаетъ, я уединюсь, чтобъ тебѣ дать отчетъ о вечерѣ Тургенева и объ обѣдѣ Маркевича. Некрасовъ просилъ у меня стихотвореній, но не знаю—дамъ ли я ему...

45.

3 января.

...И наконецъ я могу дать тебѣ отчетъ о вечерѣ Тургенева.

Онъ постоянно справляется о тебѣ, и онъ искалъ тебя въ твоей прежней квартирѣ и пошелъ спрашивать княгиню Мещерскую, что̀ съ тобой сталось.

Вотъ кто былъ на вечерѣ: онъ самъ, Писемскій, я, оба двоюродныхъ брата, Дружининъ, Панаевъ, актеръ Бурдинъ, господинъ, фамилію котораго я забылъ, господинъ изъ Оренбурга, фамилію котораго я также забылъ,

и еще два господина, которыхъ я совсѣмъ забылъ, а всего 12.

Писемскій читалъ одинъ изъ своихъ романовъ, очень скучный и весь составленный изъ описаній и діалоговъ, безъ малѣйшаго дѣйствія и безъ малѣйшаго анализа чувства (психологіи). Тургеневъ восторгался и восклицалъ: «прекрасно! какъ вѣрно!» etc...

Послѣ этого Бурдинъ представилъ съ большимъ талантомъ и большой правдивостью нѣсколько чрезвычайно пошлыхъ сценъ, и это меня огорчило: это—невѣрное направленіе, а талантъ его положительный.

Все это длилось очень долго. Прервали чтеніе, чтобъ дать отдохнуть слушателямъ, говорили и снова начинали читать.

Писемскій—человѣкъ жирный, маленькаго роста, лимфатичный и смуглый, съ маленькими пухлыми руками и съ очень оригинальнымъ выговоромъ, какъ у костромскихъ мужиковъ. Въ общемъ онъ похожъ на уѣзднаго судью.

Потомъ пошли ужинать; сначала были сыры, ростбивъ съ картофелемъ и *хрѣномъ* (какъ я думалъ объ тебѣ!). Мнѣ кажется, что была и рыба, но я не увѣренъ.

Потомъ подали что-то сладкое, мороженое или варенье, теперь я это забылъ, но тогда я хорошо замѣтилъ это, чтобъ тебѣ повторить...

На слѣдующій день я сказалъ Тургеневу, что вполнѣ отрицаю талантъ Писемскаго, или по меньшей мѣрѣ признаю за нимъ только талантъ commissaire-priseur, и онъ довольно вяло его защищалъ.

Обѣдъ Маркевича я могу описать тебѣ болѣе точно, такъ какъ онъ у меня свѣжѣе въ памяти. Насъ было: Маркевичъ, я, Алексѣй Жемчужниковъ, Тургеневъ, Некрасовъ и Арнольди. Было гораздо веселѣе и поучительнѣе...

Въ Севастополѣ на два фута снѣга и очень холодно; непріятель сильно страдаетъ. Бюллетени все тѣ же; ни съ ихъ, ни съ нашей стороны ничего не сдѣлано. Пироговъ пишетъ, что изъ 12 сестеръ милосердія, присланныхъ съ первымъ транспортомъ, семь заболѣли тифомъ.

Запахъ ранъ настолько силенъ, что онъ чувствуется на разстояніи полуверсты отъ Симферополя, куда перевезены раненые...

Нѣтъ мѣста, офицеры спятъ въ грязи... Телеграмма принесла извѣстіе, что нашъ дивизіонный генералъ Ушаковъ разбилъ на голову турецкую дивизію изъ 12 тысячъ человѣкъ около Тульчи...

46.

8 января.

...Еще 15 сестеръ милосердія заболѣли тифомъ... Завтра я поѣду къ Цесаревичу; можетъ быть, я узнаю еще что-нибудь про Севастополь... Пока могу тебѣ только сказать, что все находится въ томъ же положеніи, но число французскихъ перебѣжчиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Зуавы перебѣгаютъ къ намъ въ большомъ количествѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ французское правительство выдало имъ полушубки. Они находятъ, что это — самый подходящій костюмъ, чтобы покидать свой лагерь.

Одинъ изъ нашихъ солдатъ, послѣ продолжительнаго боя на штыкахъ съ англичаниномъ, будучи раненъ самъ и видя своего врага раненымъ, сказалъ ему: «комрадъ, комензи, бивштексъ!», послѣ чего они, поддерживая другъ друга, пришли на русскій перевязочный пунктъ, гдѣ ихъ помѣстили рядомъ и гдѣ они стали лучшими друзьями.

Зуавъ писалъ своимъ родителямъ: «Милые родители, я пишу вамъ изъ Севастополя. «А! Севастополь, значитъ, взятъ!»—скажете вы. Вовсе нѣтъ, это я взятъ. «Ахъ, несчастный!»—скажете вы. Вовсе нѣтъ, я гораздо счастливѣе, чѣмъ у себя въ лагерѣ»...

Я пишу тебѣ анекдоты, а сердце мое обливается кровью...

Я прочелъ *Кто виноватъ*, которое одолжилъ мнѣ Маркевичъ; это—замѣчательная повѣсть, прелестная, одно изъ тѣхъ произведеній, которое останется навсегда, и которое не можетъ пройти незамѣченнымъ, такъ какъ оно все написано однимъ сердцемъ.

Стиль очень плохой (въ смыслѣ синтаксиса)... На всякой страницѣ встрѣчаются quiproquo — смѣшныя двусмысленности... Но какъ чувство—очень хорошо, и злоба, которая высказывается въ книгѣ, окупается сердечною глубокостью; есть тамъ тоже много вульгарностей, но все это искупается цѣльностью, которая великолѣпна...

Этотъ человѣкъ глубоко чувствуетъ то, что онъ пишетъ... И названіе его повѣсти можетъ быть примѣнимо ко многимъ другимъ положеніямъ...

Рядомъ съ такими пошлыми и вульгарными людьми есть такіе благородные, такіе хорошіе, такіе (вѣрные) *правдивые* характеры!..

Въ самомъ дѣлѣ, отличная книга!..

Насколько Писемскій, Достоевскій и всѣ эти писатели

натуральной школы скучны и утомительны сравнительно съ этой книгой!

Тургеневъ, который гораздо тоньше и обработаннѣе въ своихъ произведеніяхъ, ничего не написалъ такого, что̀ стоило бы этой повѣсти. Что касается до нынѣшней *натуральной школы*, это—просто дурной хламъ, инвентарій мебели и пустые разговоры; просто жалко! и я не могу присутствовать при такихъ чтеніяхъ, не зѣвая...

Я былъ сегодня вечеромъ у Петра Шувалова, который увлекъ меня въ свою ложу слушать второй актъ «Гугенотовъ». Очень было прекрасно, но, къ сожалѣнію, я долженъ тебѣ сказать, что Тамберликъ оказался гораздо ниже Маріо... въ сценѣ дуэли, единственную, которую я видѣлъ...

47.

10 января.

...Когда ты пріѣдешь, я тебѣ непремѣнно приведу Писемскаго... Онъ любитъ читать, и я тебя буду имъ угощать... Тургеневъ—не человѣкъ; у него недостаетъ спинного хребта, какъ говоритъ Д. Ѳ. Т.—Я тебѣ недавно послалъ рукописную комедію его...

48.

18 февраля.

...Я хотѣлъ бы тебѣ писать, но у меня нѣтъ бумаги; я еще не легъ, я жду извѣстій, которыя Вельгорскій долженъ получить о Государѣ, которому очень плохо; завтра онъ причащается, хотѣли его сегодня причастить, но отложили до завтра.

Да хранитъ его Господь!

Я пришелъ сверху—ноги Государю завернули въ клеенку, чтобы притянуть подагру и вызвать боль; хирургъ, который его лечитъ 30 лѣтъ, находитъ, что ему лучше. Дай Богъ!..

Государь умираетъ—нѣтъ надежды...

(Другая записка).

Сейчасъ получилъ повѣстку—насчетъ службы въ крѣпости... Какъ бы я желалъ тебя видѣть... Я только-что вернулся изъ крѣпости, съ панихиды... Ты знаешь, черезъ нѣсколько дней я подаю офиціальное прошеніе о поступленіи моемъ въ стрѣлки.

49.

25 марта.

Я только-что вернулся изъ церкви, гдѣ я еще былъ въ качествѣ церемоніймейстера, такъ какъ я жду еще приказа. Такъ мнѣ было грустно, что я не могъ христосоваться съ тобой,—это такой хорошій, такой русскій обычай.

50.

28 марта.

...Я сегодня надѣлъ мундиръ... Государь меня милостиво принялъ въ полкъ. Въ петербургскомъ округѣ меня хотѣли выбрать въ ротные командиры, но личности, которыхъ я предупредилъ, воспротивились этому. Въ субботу я ѣду съ матерью въ деревню, а потомъ на два дня въ село Медвѣдь. Я ѣду поздравить графиню Шувалову,—ея сынъ женится на княжнѣ Бѣлосельской...

51.

15 мая.

Я провелъ очень грустный день... Но я былъ бы неблагодаренъ Господу Богу, еслибъ чувствовалъ себя несчастнымъ, имѣя такого друга, какъ ты. Мысль о твоемъ братѣ Юріѣ не покидала меня сегодня. Какъ бы хотѣлъ опять съ тобой посмотрѣть на его могилу,—это одно изъ моихъ лучшихъ воспоминаній. Это тоже было весной, когда мы тамъ были въ послѣдній разъ. Помнишь ли цвѣты, которые мы оттуда привезли? Поѣдемъ опять туда, какъ только будетъ возможно...

52.

20 мая.

Я съ сегодняшняго утра въ Медвѣдѣ. Мои товарищи, кажется, всѣ хорошіе малые, и мы подружились. Они скучаютъ смертельно и этого не скрываютъ. Мѣсто очень грустное, но окрестности очень красивы... Я—единственный съ усами, кромѣ Кушелева...

53.

23 мая.

Я измѣняю своему характеру: я, который нуждаюсь въ одиночествѣ, провожу всю жизнь съ товарищами. Когда я не на ученіи, я у нихъ, или они у меня. Мы играемъ въ

городки, гуляемъ... Есть между ними занимающіеся литературой и декламирующіе неизданные стихи графини Ростопчиной. Я предложилъ прочесть имъ свои стихи, и они имѣли большой успѣхъ...

Твой портретъ передо мной, и передъ нимъ букетъ ландышей и лѣсного жасмина, который я сорвалъ вчера въ Княжемъ Дворѣ, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ. Это—великолѣпное мѣсто; нужно пройти двѣ рѣки, чтобъ туда попасть; тамъ дворецъ и огромный паркъ; тамъ такъ много ландышей, что совѣстно ходить. Я не знаю полковника Жукова, который пріѣхалъ сегодня; говорятъ, что онъ—хорошій человѣкъ. Сипягинъ—хорошій, добрый, благородный малый, который обожаетъ свою роту, и чрезвычайно ею любимъ. Онъ за солдатами смотритъ, какъ за своими дѣтьми, и каждый день ходитъ въ больницу. Есть офицеръ изъ арміи, Дубскій, лицо котораго тебѣ очень понравится, добрый малый, очень скромный, очень изящный и русскій по наружности, впрочемъ, болѣе малороссъ, чѣмъ русскій... Есть тоже добрый и хорошій малый Кушелевъ; ему около 40 лѣтъ, высокій, сѣдой и черный; я его полюбилъ съ перваго взгляда... Впрочемъ, всѣ офицеры, кромѣ одного, мнѣ нравятся. Всѣ живутъ въ дружбѣ и *всѣ имѣютъ отвращеніе къ тѣлесному наказанію.*

54.

25 мая.

Завтра командиръ обѣдаетъ у меня, и я попрошу отпускъ на два или три дня...

...Я увѣряю тебя, что меня уже любятъ, всѣ очень откровенны и довѣрчивы со мной—я еще не имѣлъ случая заставить себя полюбить солдатъ, такъ какъ я ничѣмъ не командую... но я очень прилежно отношусь къ службѣ...

Сегодня лошадь моя пріѣхала—съ нею Кракъ и Денисъ...

55.

Медвѣдь, 9 іюня.

...Вотъ я опять одинъ—и болѣе, чѣмъ себѣ воображалъ... жизнь какъ камень на мнѣ лежитъ.

Сегодня утромъ, проѣзжая мимо св. Софіи, я вышелъ изъ тарантаса, взошелъ въ церковь—я молился за тебя и поставилъ свѣчу св. Софіи...

56.

Медвѣдь, 10 іюня.

...Все и всякій мнѣ непріятны—я хотѣлъ-было сѣсть за «Серебрянаго», но я еще не могу...

Меня прервалъ Бартеневъ, который пришелъ мнѣ разсказать со слезами на глазахъ, насколько жизнь юнкеровъ несчастна, и насколько начальство относится къ нимъ пренебрежительно; напр.: имъ говорятъ: «подите на конюшню и скажите, чтобы мнѣ заложили лошадей»... и т. д.

Мы себѣ обѣщали измѣнить это... Ты все думаешь о монастырѣ, а я мечтаю о старости рядомъ съ тобой,—хорошей старости, спокойной, доброй, полезной...

Я забылъ тебѣ сказать, что завтра обѣдаютъ у меня командиръ и Жуковъ—вотъ что̀ будетъ:

1-е. Картофельный супъ.
2-е. Рисъ съ почками.
3-е. Телятина съ луковымъ соусомъ.
4-е. Блины...

Я вижу твое доброе лицо и какъ ты смѣешься надъ моими обѣдами; ты находишь даже трогательнымъ, насколько они глупы!

Можетъ быть, и теперь ты надо мною смѣешься?

57.

16 іюня.

...У меня было 14 человѣкъ за обѣдомъ, включая Бартенева и Шахматова; они сидѣли рядомъ съ командиромъ... Всѣ безъ мундировъ — въ красныхъ рубашкахъ. Всякій день поютъ *Славу*...

58.

Медвѣдь, 18 іюня.

...Арбузовъ пріѣхалъ; я его еще не видалъ и не слыхалъ, но инстинктивно чувствую его пріѣздъ, по волненію въ батальонѣ... ...Я забылъ тебѣ сказать, что докторъ здѣшній—френологъ, и что онъ сказалъ мнѣ, что ни у кого не развито до такой степени чувство красоты, и что никто не имѣетъ такую способность *любить*, какъ я... Онъ еще сказалъ: «у васъ сильно развита привязанность, такъ что кого полюбите—не разлюбите»...

Арбузовъ пришелъ ко мнѣ со всѣмъ батальономъ—просидѣли нѣсколько часовъ...

59.

19 іюня.

...Когда мнѣ было 15 лѣтъ, я написалъ стихи:

Я вѣрю въ чистую любовь
И въ душъ соединенье;
И мысли всѣ, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдамъ я съ радостію той,
Которой образъ милый
Меня любовію святой
Исполнитъ до могилы.

Я тогда говорилъ только о любви до могилы; я не предвидѣлъ тогда, что любовь должна идти дальше... Покойной ночи... Посылаю тебѣ всю мою душу—да будетъ она всегда съ тобою...

60.

Петербургъ, 30 іюня.

...Полкъ пришелъ въ Славянку... и останется тамъ по крайней мѣрѣ до 15 іюля, а я остаюсь въ городѣ изъ-за ноги, которая идетъ лучше, но нуженъ еще нѣкоторый уходъ. Сидоровъ доволенъ раной, и черезъ два дня я надѣну мягкій сапогъ.

Послѣ 15-го мы ѣдемъ въ Красное-Село, гдѣ мы и останемся до предполагаемаго дессанта...

Если мы будемъ совершенно увѣрены, что дессанта не будетъ, мы, можетъ быть, *пойдемъ въ Крымъ*; что касается до бомбардировки Кронштадта, Ревеля или Свеаборга—она навѣрно будетъ, Англія ея требуетъ во что бы ни стало,—недаромъ же она деньги давала.

Вчера много непріятельскихъ лодокъ направились къ сѣверу отъ Кронштадта, и тамъ на берегѣ сожжены нѣсколько селъ... и мы обмѣнялись нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Въ Крыму ничего новаго; мнѣніе арміи противоположно мнѣнію Пелиссьѐ, котораго считаютъ сумасшедшимъ и взбалмошнымъ; все-таки приготовляются къ новому нападенію, но никогда духъ нашихъ не былъ такъ бодръ, такъ героиченъ; послѣдняя наша побѣда у стѣнъ Севастополя насъ укрѣпила и обезнадежила непріятеля, который, говорятъ, нехотя готовится къ новому бою...

61.

3 іюля.

...Я опять читалъ *Шенье*; очень хорошія есть, прекрасныя вещи, но тоже очень непристойныя (libres), и если ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ все, что̀ я думаю, — я нахожу, что Шенье въ своихъ образахъ, въ самыхъ непристойныхъ, нравственнѣе, чѣмъ Беранжѐ... Потому-что Шенье — только простой живописецъ и художникъ — тамъ, гдѣ Беранже — проповѣдникъ! Шенье описываетъ сюжеты безнравственные, а Беранже—апостолъ безнравственности, и его ученіе можетъ быть выражено слѣдующими словами: добродѣтель, цѣломудріе — лишь смѣшныя химеры; будьте милосердны, не будьте шпіонами и — наплевать на остальное; женщина распущеннаго поведенія и сестра милосердія стоятъ совершенно на той же точкѣ. — А твой пріятель Альфредъ Мюссѐ не имѣетъ ни ума Беранже, ни искусства Шенье; онъ просто танцуетъ — канканъ въ стихахъ; и я не знаю, почему—если женщина находитъ справедливымъ, что полиція запрещаетъ канканъ, отчего же она не возмущается, когда восхваляютъ Альфреда де-Мюссе?

Если когда-нибудь я найду экземпляръ Мюссе на твоемъ столѣ, я уже его не скипидаромъ оболью, а дегтемъ...

...Царю и Царицѣ очень понравились и *Слава*, и *Чарочка*. Царица хочетъ, чтобы я ей списалъ *Славу*...

62.

4 іюля.

...Я долженъ тебѣ сказать очень грустную вѣсть: Нахимовъ убитъ!.. Новая бомбардировка Севастополя продолжалась два дня, безъ результатовъ, и новая предполагаемая осада еще не совершилась...

Смерть Нахимова будетъ большимъ тріумфомъ для непріятеля. *Слава* принята въ трехъ батальонахъ и ее уже поютъ...

63.

Депеша отъ 30 августа.

Большая часть укрѣпленій нами взорвана. Непріятель при штурмѣ оставилъ у насъ въ плѣну 18 офицеровъ и 169 нижнихъ чиновъ...

64.

Москва, 8 сентября.

Я весь день бѣгалъ изъ одного дворца въ другой, былъ на разводѣ; парада не будетъ... Государь ѣдетъ сегодня

ночью въ Николаевъ. Мы тоже идемъ въ Николаевъ. Я возвращаюсь на 10 дней въ Петербургъ. Завтра будетъ молебенъ въ Кремлѣ—митрополитъ будетъ служить... и потомъ обѣдъ у Шевалье — гдѣ я живу, № 8 въ корридорѣ...

65.

Москва, 9 сентября.

...Я ужасно усталъ — я на ногахъ 18 часовъ. У насъ былъ тріумфальный маршъ черезъ весь городъ; молебенъ служили передъ Мининомъ и Пожарскимъ — митрополитъ служилъ и роздалъ намъ 100 тысячъ крестовъ, присланные царствующей Императрицей... Офицерамъ тоже дали по кресту, и я уже свой надѣлъ на шею...

Крыши и стѣны были покрыты народомъ—картина очень красивая и торжественная...

Пиши — въ Одессу, Е. Бл. Егору Ивановичу Бренделю—въ домѣ г-жи Нарышкиной—для доставленія Маіору Графу Толстому въ Штабъ Стрѣлковъ Императорской Фамиліи.

66.

Москва, 5 декабря.

...Я былъ у Подчатскаго; онъ живетъ съ сыномъ, которому лѣтъ 20, — у нихъ очень маленькая квартира, очень чистая, очень симпатичная, наполненная картинами, рисунками, акварелями—такъ спокойно, такъ *хорошо (добро)*. Онъ такой хорошій человѣкъ, и вездѣ, гдѣ онъ живетъ, его обстановка принимаетъ характеръ спокойства и чего-то деревенскаго. Я видѣлъ его въ разныхъ обстановкахъ, и всюду онъ вноситъ съ собой атмосферу простоты, хорошаго вкуса и что-то совсѣмъ особенное, — *античиновничество;* сынъ его—хорошій малый, занимается въ университетѣ; у него замѣчательный талантъ поэтическій...

Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько отрывковъ стихотвореній,— очень хорошія вещи.

Вообрази себѣ, что я сегодня вечеромъ написалъ маленькую вещицу, которая можетъ быть очень ничтожна, я не могу судить свои стихотворенія, особенно маленькія... Я хочу тебѣ ее написать, такъ какъ передъ тобой мнѣ не совѣстно, и я не придаю этому никакого значенія:

Въ колоколъ мѣрно звучавшій...

67.

20 декабря. Буслыкъ или Кашкино село—52 вер. отъ Озмы.

Здѣсь находится батальонъ... Ничего нѣтъ удивительнаго... не изъ-за чего перекреститься, чему сказать: слава Богу!

Черезъ два мѣсяца мы будемъ въ такъ-называемой позиціи, и вскорѣ нашъ батальонъ покидаетъ эту мѣстность; мы уйдемъ на 20 верстъ дальше...

68.

22 декабря.

Сегодня батальонъ отходитъ на свою окончательную позицію — въ другое болгарское село, подъ названіемъ Катаржи... 30 верстъ отсюда и 70 отъ Одессы. Тамъ я проведу зиму, но съ возможностью ѣздить въ Одессу.

Болгары—хорошіе люди, большею частью красивые, говорятъ на библейскомъ языкѣ; жены тоже красивыя и *честныя*—что̀ не нравится офицерамъ.

Опасности, которой мы подвергаемся теперь—это болѣзни.

Всѣ больны, и наиболѣе 600 больныхъ и умершихъ отъ тифа, диссентеріи и лихорадокъ.

Жуковъ тоже заболѣлъ, и меня назначили на его мѣсто, несмотря на то, что у меня сильный катарръ, но надѣюсь его вылѣчить Змигродскимъ, какъ только буду въ Катаржи.

Севериновка—село, въ которомъ стоитъ нашъ штабъ, а насъ всѣхъ разсѣяли по ближайшимъ селамъ...

69.

Катаржи, 26 декабря.

...Я командую нѣсколько дней первымъ батальономъ. Жуковъ боленъ и находится въ Одессѣ. Батальонъ размѣщенъ на трехъ пунктахъ, на разстояніи отъ 8 до 17 верстъ; вездѣ тифъ, диссентерія, у насъ нѣтъ докторовъ. Оба нашихъ—одинъ изъ которыхъ, Сидоровъ, боленъ—находятся въ Севериновкѣ со штабомъ; больныхъ перевозятъ туда то на волахъ, то на лошадяхъ; у насъ нѣтъ госпиталя, больные размѣщены по избамъ — одинъ на другомъ, умираютъ лицомъ къ лицу; мѣста совсѣмъ нѣтъ; выздоравливающіе разбросаны по всей Севериновкѣ и присмотру за ними никакого нѣтъ; они часто убѣгаютъ, ѣдятъ вредныя вещи у хозяевъ и опять заболѣваютъ. Вчера третья рота перевозила своихъ больныхъ черезъ наше село; одинъ изъ нихъ

скончался въ дорогѣ, и я принялъ его тѣло въ мой домикъ. Я хотѣлъ оставить его на всю ночь, но нашли возможность отвести для него пустую *землянку*... Сегодня я возилъ туда священника и присутствовалъ на панихидѣ. Какіе хорошіе люди болгары, гостепріимные, добродушные; они одѣты точно люди на картинахъ Каналетти—курящіе трубки на площади Св. Марка.

Во всякомъ домѣ находятся образа православные и портретъ Іоанна Цр҃ѧ Блга҃р.

Они ненавидятъ турковъ, отъ которыхъ бѣжали, и говорятъ библейскимъ славянскимъ языкомъ. Я никогда не былъ въ такой странѣ, но они мнѣ напоминаютъ мою повѣсть «Вурдалакъ».

...Снѣгъ совсѣмъ исчезаетъ, сегодня былъ весенній день; мы его провели большею частью сидя передъ домомъ, безъ шубъ, играя въ шахматы... Я даже сдѣлалъ два раза матъ Б...

...Я увѣренъ, что я всегда исполню свой долгъ,—но военная жизнь не по мнѣ. Когда война кончится, я постараюсь сдѣлаться тѣмъ, къ чему я все стремился — т.-е. — *художникомъ*...

1856.

70.

1 января.

...Мы въ Севериновкѣ съ Бобринскимъ, гдѣ мы ночуемъ у Арбузова, послѣ вечера въ честь Новаго года.

Наши больные превосходятъ число 800, и тифъ распространяется между населеніемъ...

71.

5 января.

Еще двое больныхъ: Скуратовъ и Бобринскій. Бобринскій крѣпился, крѣпился да и слегъ; вотъ онъ тутъ лежитъ за мной, и я его сейчасъ поилъ малиной...

Можетъ быть, такъ пройдетъ, а можетъ быть и тифъ—завтра узнаемъ.

72.

12 января.

...Я все еще въ Одессѣ изъ-за Бобринскаго, у котораго тифъ, также какъ у Ольхина, Скуратова, Головина, Арбу-

зова и Карпова; у Б... часто бредъ; прошлую ночь онъ послалъ за священникомъ... Онъ очень страдалъ...

73.

16 января, Одесса.

Бѣдному Б... очень плохо; его обливали холодной водой, что̀ его немного привело въ себя...

Самыя утѣшительныя слова докторовъ: «надежда не потеряна».

Какъ я подумалъ о тебѣ сегодня, когда неожиданный лучъ солнца освѣтилъ море—все это время туманы были невыносимые—ничего не было видно за 10 шаговъ. Я пошелъ къ морю; волны разбивались съ трескомъ и шумомъ и обдавали меня мелкимъ бѣлымъ и соленымъ дождемъ...

Я долго на нихъ смотрѣлъ, думая о тебѣ... Иныя волны были огромныя, онѣ какъ будто падали обратно на себя... точно водопадъ... а потомъ маленькія волны, кудрявыя, которыя подбѣгали, точно Андрейка—маленькими шажками... Время отъ времени виднѣется англійскій пароходъ.

Недавно стоялъ одинъ въ портѣ; онъ привезъ нашихъ плѣнныхъ и взялъ своихъ.

Я навѣщалъ плѣнныхъ французовъ и встрѣчалъ ихъ иногда на улицахъ; я съ ними говорилъ и находилъ ихъ учтивыми и приличными, несмотря на то, что они были изъ простыхъ солдатъ. Что же касается до англичанъ, я не понимаю, что̀ мы съ ними такъ церемонимся,—просто безпокойные грубіяны, которыхъ я бы быстро привелъ въ порядокъ, если я былъ бы градоначальникъ.

Турки лучше англичанъ,—и англичане ихъ преслѣдуютъ; эти бѣдняки достали себѣ какую-то жестяную посуду, чтобы черпать воду... Когда англичанинъ встрѣчаетъ турка, онъ вырываетъ у него посуду и давитъ ее ногами.

74.

17 января.

Болѣе чѣмъ половина полка хвораетъ, *гораздо болѣе половины.* Только и слышишь про несчастныхъ больныхъ безъ ухода и умирающихъ по 20 за-разъ.

И къ тому же еще прибавляются слухи о мирѣ, къ счастью неофиціальные, но всѣ возмущены этими слухами. Миръ теперь былъ бы большимъ несчастіемъ для всѣхъ, если это будетъ не въ такой формѣ, какъ говорятъ; всякій бы готовъ жертвовать *всѣмъ,* чтобы только продолжать войну.

Тѣ, которые думаютъ иначе, если они существуютъ— исключенія.

Я сегодня узналъ, что въ строю у насъ теперь 1.500 солдатъ—изъ 3.200, которыхъ мы имѣли при выступленіи.

Администрація отвратительна, возмутительный безпорядокъ. Меня назначили командовать чѣмъ-то въ родѣ образцовой роты, которая должна поставлять стрѣлковыхъ начальниковъ во всѣ полки—эта рота стоитъ верстъ за 40 отъ Одессы, на половину ближе, чѣмъ Катаржи. Я ничего не имѣю противъ этого, но мнѣ бы хотѣлось остаться еще нѣсколько дней здѣсь, чтобы знать, останется ли у меня Бобринскій, или умретъ.

75.

18 января.

Есть лучъ надежды для Боб... онъ чаще приходитъ въ себя...

76.

19 января.

Много говорятъ о мирѣ, но ничего нѣтъ офиціальнаго; большое было бы несчастіе этотъ миръ.

77.

Одесса, 21 января.

Боб... намъ даетъ много надежды, хотя опасность не миновала! Въ полку плохо идетъ—больные прибавляются... Толкуютъ о переговорахъ насчетъ перемирія.

78.

31 января.

...Мнѣ тяжело говорить о нашихъ страданіяхъ; въ общемъ я тебѣ скажу, что у насъ 28 офиц. больны тифомъ. Одинъ изъ нихъ, котораго ты не знаешь, умеръ, двое умираютъ, одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ. Жемчужникову лучше; Бобринскій совсѣмъ поправляется...

79.

1 февраля.

Иногда у меня бываютъ прозрѣнія безконечнаго счастія, котораго я не съумѣлъ бы назвать, ни опредѣлить, ни дать ему ни цвѣта, ни формы... что-то въ родѣ воспоминаній— или прозрѣнія; но эти рѣдкія явленія приходятъ и исче-

зають какъ молнія. Иногда же мысль о смерти представляется мнѣ какъ долго ожидаемое и желаемое разрѣшеніе долгаго диссонанса... и кажется, что будто въ смерти найдется совершенное и полное счастье...

...Здѣсь есть барышня Дараганъ; ея отецъ и мать, всѣ трое восторгаются моими стихами, напечатанными въ «Современникѣ»—«Колокольчики» и т. д.

Не бойся, мнѣ это не вскружитъ голову—я не тщеславенъ... Мы устраиваемъ нашу больницу на 400 человѣкъ, и мнѣ ее поручатъ.

На этомъ переписка пріостановилась вслѣдствіе болѣзни поэта, о которой сообщаютъ слѣдующія пять депешъ:

Депеша.

Подано въ Одессѣ... 3 марта 1856 г. 12 ч. 45 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 3 марта 1856 г. 1 ч. 46 м. пополудни.

Его Императорскому Величеству.

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого началась припадками тифоидальной горячки, которые наконецъ достигли самой высокой степени. Но со вчерашняго вечера болѣзнь значительно измѣнилась къ лучшему; прошедшая ночь была покойнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и больной подаетъ надежду на выздоровленіе.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 4 марта 1856 г. 12 ч. 54 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 4 марта 1856 г. 1 ч. 38 м. пополудни.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Улучшеніе состоянія болѣзни стрѣлковаго полка Императорской фамиліи маіора графа Толстого продолжается; онъ въ полномъ сознаніи. Ночью показался благодѣтельный потъ, послѣ чего больной спалъ спокойно. Вообще степень болѣзни значительно уменьшилась. У больного проявляется даже аппетитъ.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 5 марта 1856 г. 2 ч. 4 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 5 марта 1856 г. 3 ч. 24 м. пополудни.

Его Императорскому Величеству.

Маіоръ графъ Толстой провелъ вчерашній день и ночь спокойно; ночью у него вновь была испарина, обозначившая рѣшительный переломъ, и состояніе его улучшилось противъ вчерашняго. Флигель-адъютантъ Арбузовъ.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 6 марта 1856 г. 2 ч. 3 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 6 марта 1856 г. 4 ч. пополудни.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Вчерашній день и нынѣшнюю ночь состояніе здоровья графа Толстого было весьма удовлетворительно.

Сегодня утромъ нѣтъ ничего лихорадочнаго; началось настоящее выздоровленіе.

Депеша.

Подано въ Одессѣ 8 марта 1856 г. 12 ч. 20 м. пополудни.
Получено въ Зимн. дворцѣ 8 марта 1856 г. 1 ч. 45 м. пополудни.

Государю Императору
От флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого совершенно прошла; остается одна слабость, уменьшающаяся съ каждымъ днемъ.

«Слава Богу! теперь полагаю излишнимъ доносить ежедневно и довольствоваться еженедѣльно по одному разу».
(Собственноручная помѣтка императора Александра II).

80.

Москва, 26 августа.

...Все для меня кончено, мой другъ, сегодня моя судьба рѣшилась; сегодня—день коронаціи... Въ этой общей тьмѣ, одна мысль является передо мной лучомъ свѣта; можетъ быть, я съумѣю изъ этой ночи, въ которой всѣ должны ходить съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами, вывести на Божій свѣтъ какую-нибудь правду, идя на *проломъ* и съ мыслью, что *панъ или пропалъ!*

Но если положительно я увижу, что въ будущемъ я ничего не могу сдѣлать,—мнѣ кажется, будетъ грѣшно передъ самимъ собой продолжать жизнь въ направленіи діаметрально противномъ своей природѣ, и тогда, вернувшись къ собственной жизни, я начну въ 40 лѣтъ то, что я долженъ былъ начать въ 20 лѣтъ, т.-е. жить по влеченію своей природы...

Я знаю, что можетъ быть полезно даже ради истины лавировать и выжидать, но я не довольно ловокъ для этого: всякій долженъ лишь дѣйствовать по своимъ *дарованіямъ,* какъ говоритъ Deerslayer; въ моихъ дарованіяхъ я чувствую только одну возможность дѣйствовать—*идти прямо къ цѣли.* Чѣмъ скорѣе я пойму возможность или невозможность мнѣ быть полезнымъ, тѣмъ будетъ лучше.

Что я грустенъ, болѣе чѣмъ когда-либо, нечего тебѣ и говорить!..

81.

7 сентября, Москва, 1856.

...Я былъ сегодня утромъ у *Хомякова*, у котораго я нашелъ *Константина Аксакова*,—достойный человѣкъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ,—и былъ еще тамъ маленькій Поповъ; говорятъ, что онъ славянофилъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, какъ мое самолюбіе было польщено всѣмъ тѣмъ, что̀ они мнѣ сказали насчетъ моихъ стихотвореній... *Хомяковъ* мнѣ сказалъ, что онъ, прочитавъ *Спѣсь* и *Колоколъ*, хотѣлъ мнѣ написать письмо,—и они прибавили: «ваши стихи такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что если бы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народные».

Эти слова для меня—самая лучшая хвала, которую я могъ бы пожелать, и они не эти только два стихотворенія хвалили.

Аксаковъ, увидавъ меня, бросился мнѣ на шею.

Вообще меня гораздо больше знаютъ въ Москвѣ, чѣмъ ты думаешь, и люди, которыхъ я очень мало знаю и даже совсѣмъ не знаю,—спрашивали меня:

«Вы ли тотъ, который написалъ то или другое стихотвореніе?»

Какъ объяснить потребность писать, которая мною овладѣваетъ, именно, когда мнѣ всего меньше времени и возможности писать?

...Все, что̀ я чувствую, все, что̀ я думаю — я все выражаю въ стихахъ. ...Если успѣю, напишу завтра нѣсколько словъ—я выхожу изъ дому въ 8 утра, потомъ опять въ 12 ч. Завтра народный праздникъ, чрезвычайно серьезное дѣло — я поговорю о немъ съ тобой въ будущій разъ...

82.

8 сентября.

Вотъ что̀ я хотѣлъ тебѣ сказать про народный праздникъ: не думай, что это имѣетъ какую-нибудь важность по отношенію къ освобожденію...

Важность состоитъ въ томъ, что Государь и Его подданные будутъ имѣть случай оцѣнить другъ друга въ этотъ день,—и если устройство будетъ сдѣлано неумѣло, то оцѣнка можетъ быть невѣрная съ обѣихъ сторонъ...

Я отъ всего сердца желаю, чтобы все произошло прилично, спокойно и порядочно; но если будетъ иначе—не народъ будетъ виноватъ, а конечно администрація и полиція...

83.

11 сентября 1856.

...Я чувствую, что твои слова справедливы; ты убѣждаешь меня не унывать и продолжать прикладывать всѣ

старанія, и я это сдѣлаю, пока будетъ силъ; я уже дѣлаю—или, лучше сказать, продолжаю дѣлать все возможное, чтобы доводить правду—до кого слѣдуетъ.

Случаи не часто встрѣчаются, но я пользуюсь малѣйшимъ случаемъ и ловлю его за волосы, даже, пожалуй, вытягиваю за волосы!

84.

Москва, 13 сентября.

...Мало надежды, чтобы я могъ пріѣхать къ тебѣ въ эту осень.

Государь не ѣдетъ въ Кіевъ. Онъ скоро возвращается въ Петербургъ, гдѣ опять будетъ торжественный въѣздъ и повтореніе почти что всѣхъ московскихъ празднествъ.

Говорятъ, это начнется 4 октября, а Государь уѣзжаетъ 20 или 21...

...Я вернусь къ тебѣ какъ на родину... Это мое настоящее чувство около тебя, и мнѣ необходимо это чувство, чтобы не заразиться (общимъ духомъ). Впрочемъ, не бойся, не хочу стращать тебя, я не заражусь, а все же надо отдохнуть и подышать съ тобой роднымъ воздухомъ, родными мыслями. А про стихи все ты ни одного слова не говоришь,—стало быть, они тебѣ не нравятся?

Хомяковъ три раза ко мнѣ пріѣзжалъ, чтобы я далъ ихъ въ «Русскую Бесѣду», и говоритъ, что у меня не только русская форма, но и русскій ходъ мысли...

85.

Петербургъ, 1 октября.

...Я хочу заняться безъ тебя *моимъ искусствомъ*—меня къ нему влечетъ, какъ никогда... На желѣзной дорогѣ я много поправлялъ «the Assyrian», и я перевелъ «Sun of the Sleepless».

Мнѣ хочется посмотрѣть, лучше или хуже моего переводъ Фета.

Не знаю, займусь ли я опять Серебрянымъ... но очень хочется...

...Помоги мнѣ жить внѣ мундировъ и парадовъ.

Что касается до серьезной цѣли, которую я себѣ поставилъ, я никогда не потеряю ея изъ вида, и мысль о ней можетъ одна меня помирить съ временнымъ моимъ положеніемъ, въ которомъ все противорѣчитъ моей натурѣ...

Но въ моей личной жизни я хочу жить *искусствомъ* и

во имя *искусства.*—Моя натура возмущается при одной мысли, что ее хотятъ вытолкнуть на другую дорогу...

86.

9 октября.

...Я не знаю отчего, но у меня неодолимое желаніе писать,—я начинаю 4—5 вещей, всякій день... Чѣмъ больше пишу, тѣмъ болѣе пишется...

Протестъ противъ моего общественнаго положенія.

Панаевъ меня просилъ дать ему нѣсколько стихотвореній...

87.

Петербургъ, 5 октября.

...Я слишкомъ поспѣшилъ, посылая тебѣ *Вѣтку Акаціи;* я ее совсѣмъ передѣлалъ и посылаю ее теперь въ новомъ видѣ... Я увѣренъ, что ты нашла много нехорошаго, и именно это нехорошее я исправилъ—и я буду очень доволенъ, если я тебя угадалъ и опередилъ... Посылаю тебѣ еще маленькую вещицу—шутку, которая не для печати, но которая выражаетъ мою всегдашнюю мысль. Я ее написалъ сегодня утромъ и вѣроятно до почтоваго дня у меня будетъ еще что-нибудь... Я тебѣ все посылаю, какъ есть, но могу все передѣлать, если нужно...

...Я хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ, что такъ пишется теперь, чтобы написать что-нибудь хорошее... Поддержи меня, и у меня удвоится энергія... Ты логична—съ тобой можно разсуждать и спорить обо всемъ, кромѣ Шекспира, о которомъ ты не хочешь разсуждать, а только подтверждаешь...

88.

6 октября.

...Знаешь,—хотя это пріятно и хорошо, но мнѣ часто мѣшаетъ легкость, съ которой мнѣ дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3—4 редакціи той же мысли, той же картины, и мнѣ нужно было бы *свѣжее ухо,* чтобы выбрать одну изъ редакцій той же самой вещи,—и чѣмъ больше мнѣ нравится мысль или картина, тѣмъ болѣе я ее мѣняю и исправляю, такъ что иногда *теряю чутье сужденія.*

Сегодня съ утра я уже перемѣнялъ и измѣнялъ *Вѣтку Акаціи* такъ много, что я уже не знаю, что̀ надо оставить

и что̀ надо выбросить изъ разныхъ варіацій, которыя я написалъ; когда листъ бумаги исписанъ и весь перечеркнутъ, я переписываю заново, начисто, и черезъ нѣсколько времени новый листъ такъ же перемаранъ и перечеркнутъ, какъ первый...

...У меня есть еще нѣсколько вещей, относящихся къ Крыму, которыя я началъ во время нашего путешествія. Однѣ хорошія, другія слабыя, но онѣ всѣ добавляютъ цѣльность картины, и оттого я не рѣшаюсь ихъ уничтожить...

Я уже легъ-было и читалъ спокойно повѣсть Тургенева, но мнѣ опять захотѣлось тебѣ писать... Я ощущаю такую потребность говорить съ тобой о искусствѣ, о поэзіи, подѣлиться съ тобой всѣми моими мыслями и теоріями о искусствѣ, которыя движутся въ моемъ воображеніи.

Все это я чувствую ясно, но не умѣю ясно выразить; знаешь, что̀ я тебѣ говорилъ про стихи, витающіе въ воздухѣ, и что достаточно ихъ ухватить за одинъ волосъ, чтобы привлечь ихъ изъ первобытнаго міра въ нашъ міръ... Мнѣ кажется, это также относится къ музыкѣ, къ скульптурѣ, къ живописи.

...Я думаю, что часто, ухватившись за волосъ одного изъ первобытныхъ произведеній, мы такъ неловко его тянемъ, что у насъ остается въ рукахъ лишь разорванное или изуродованное произведеніе, и что мы продолжаемъ тянуть, тянуть къ себѣ кусокъ за кускомъ, отрывокъ за отрывкомъ, и потомъ мы стараемся все это вмѣстѣ склеить и дополняемъ сами, *изъ своего воображенія*, то, чего недостаетъ; мы замазываемъ то, что̀ мы сами испортили нашей неловкостью, неумѣлостью, и изъ этого происходятъ всѣ наши недостатки, наша нерѣшительность, которые такъ возмущаютъ артистическій инстинктъ...

Тургеневъ написалъ повѣсть, которую я тебѣ пришлю, и задача которой мнѣ кажется легче исполненія; говорится въ ней о женщинѣ 28 лѣтъ, богато одаренной природой, но которая черезъ свое воспитаніе жила всегда далеко отъ всякаго художественнаго занятія и всякаго чтенія, возбуждающаго воображеніе, и которой въ 28 лѣтъ, читаютъ въ первый разъ «Фауста», о которомъ она никогда ничего не слыхала и никакого понятія не имѣла, также какъ и о Гёте.

...Я не знаю еще, чѣмъ это кончится, но развитіе ея врожденныхъ артистическихъ чувствъ, которыя вдругъ просыпаются, довольно слабо описано...

Повѣсть Тургенева... въ родѣ его апельсина въ *Трехъ встрѣчахъ.*

Ты не знаешь, какъ хорошо я себя чувствую, какъ хорошо любится и разныя вещи пишутся.

Я началъ одну вещь, въ которой я говорилъ объ образахъ, витающихъ въ воздухѣ...

Очень странно развивать теорію въ стихахъ, но я думаю, что это мнѣ удастся.

Такъ какъ этотъ сюжетъ требуетъ много анализа, я выбралъ гекзаметръ—самые легкіе стихи... а вмѣстѣ съ тѣмъ это стихотвореніе даетъ мнѣ много труда,—такъ легко впасть въ педантизмъ.

Неужто я себя чувствую больше поэтомъ и художникомъ съ тѣхъ поръ, какъ я ношу платье анти-художественное и анти-поэтическое?

89.

10 октября.

Я хочу тебѣ сдѣлать маленькое удовольствіе: я досталъ великолѣпныя фотографіи Толедо, Венеціи, Бургоса и Гренады; ты найдешь ихъ въ рамкахъ на твоихъ стѣнахъ, и, разсматривая въ лупу, ты можешь разобрать: кирпичъ, мохъ, собакъ и испанскихъ мухъ...

90.

Царское-Село, 11 октября.

Какъ я тебѣ буду часто читать свои вещи и заставлять тебя говорить о нихъ... И мнѣ хочется тебя познакомить съ старымъ евреемъ-раввиномъ; онъ крещенъ и занимается трансцендентальными науками; зовутъ его *Левисонъ;* я съ нимъ познакомился на желѣзной дорогѣ,—человѣкъ очень интересный, и съ которымъ намъ можно будетъ говорить объ Элифасъ Леви.

Я окончилъ дидактическое стихотвореніе; я тебѣ его пришлю; я не знаю, удалось ли мнѣ оно, но для любопытства я тебѣ пришлю черновые листы — они такъ перечеркнуты и перемараны, что ты ничего не поймешь въ нихъ, но мнѣ хочется, чтобы ты была посвящена и принимала бы участіе во всѣхъ тайнахъ моей мастерской.

91.

14 октября.

...Я читалъ М. мои послѣднія вещи; онъ не любитъ *Вѣтку Акаціи,* но онъ очень восхищался *Всесильной*

волею Аллаха и тоже переводомъ изъ *Байрона, Ассиріяне шли;* другой переводъ ему не нравится, и мнѣ также, да и оригиналъ мнѣ не очень нравится...

Я переполненъ поэзіей болѣе, чѣмъ когда-либо, *на зло мундиру,* и я тебѣ сейчасъ спишу мою новую вещь, что̀ мнѣ будетъ очень скучно, такъ какъ это будетъ въ 50-й разъ...

М. былъ у меня, и мы вмѣстѣ переписали *Крымскіе очерки,* которые онъ завтра долженъ отнести Панаеву.

92.

Гатчино, 6 октября.

...Я здѣсь съ вечера и на два дня, если не на больше. Государь и Государыня и 30 или 35 дамъ и мужчинъ пріѣхали сюда и меня пригласили...

Завтра будутъ охотиться въ паркѣ; я, кажется, тебѣ разсказывалъ, что̀ это за охоты.

Императрица была очень добра ко мнѣ; она со мной разговаривала цѣлый вечеръ, и пригласила меня ужинать за ея столъ; остальные играли въ разныя игры...

...Да хранитъ Господь Императрицу! Она все дѣлаетъ, что̀ ей позволяетъ ея добрый и мягкій характеръ.

Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ.

Я говорю и повторяю это во всеуслышаніе, и я не боюсь прослыть за льстеца; я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно.

Я перечелъ то, что̀ тебѣ написалъ, и нѣкоторыя вещи зачеркнулъ, потому что я тебѣ писалъ подъ впечатлѣніемъ унынія; ты найдешь, что я непослѣдователенъ, но мое расположеніе духа измѣнилось къ лучшему, потому что я сегодня вечеромъ нашелъ случай сказать Государю одну вещь, которую необходимо было ему знать, и которую безъ меня онъ не узналъ бы.

Когда это мнѣ случается, я оживаю!..

Моя натура такая впечатлительная, что она сохраняетъ долго отпечатокъ; хорошее или дурное — оно остается на мнѣ долго послѣ минуты впечатлѣнія.

Не могу не вернуться къ Императрицѣ и не сказать, что я удивляюсь и любуюсь ею. Откуда она, я не понимаю, можетъ въ своемъ положеніи почерпнуть такія ясныя и широкія мысли въ полномъ смыслѣ этихъ словъ?

Я вижу, какъ она всегда старается смотрѣть и увидѣть

насколько можно дальше черезъ стѣну, которая ее окружаетъ; и потомъ у нея большое благородство и великодушіе въ сужденіяхъ, которыя ее заставляютъ смотрѣть очень безпристрастно на вопросы, противъ которыхъ вообще имѣются предвзятыя сужденія.

Да хранитъ ее Господь! повторяю я это отъ всего сердца, всякій разъ, какъ я ее вижу...

93.

Петербургъ, 19 октября.

...Я навязалъ на душу m-lle Д. Ѳ. Т—вой дѣло Р... Она—добрый человѣкъ, и мы съ ней очень симпатизируемъ; на вечерахъ въ Гатчинѣ мы большею частью проводили время вмѣстѣ; она очень торжествуетъ, что я — флигель-адъютантъ Государя... Была бы только причина торжествовать.

Она увѣряетъ, что у меня много общаго съ Аксаковымъ. Находишь ли ты это?

Мнѣ кажется, что Императрица говорила съ Вяземскимъ о моемъ романѣ; она со мной о немъ говорила съ настоящимъ интересомъ. Я просилъ Д. Ѳ. Т—ву дать мнѣ возможность прочесть нѣсколько стихотвореній Императрицѣ. Я хочу какъ можно болѣе и съ самаго начала поставить себя въ положеніе *художника* или человѣка *анти-практичнаго*...

Есть нѣкоторыя коммиссіи и слѣдствія, которыя я бы съ счастіемъ исполнилъ, если бы Государь захотѣлъ мнѣ ихъ довѣрить... И я сказалъ это Д. Ѳ. Т—вой. Такія дѣла, въ которыхъ не требуются особенныя знанія спеціальныя, но въ которыхъ нельзя допускать никакихъ снисхожденій къ высокопоставленнымъ лицамъ...

И есть теперь такіе случаи...

94.

25 октября 1856.

Мой другъ!—пойми все, что̀ заключается въ этомъ словѣ. День пришелъ, въ который мнѣ необходима твоя помощь, *чтобы мочь жить.*

Ты знаешь, какъ моя жизнь всегда была искривлена,—и теперь болѣе жестокимъ образомъ, чѣмъ когда-либо, самымъ больнымъ способомъ для меня...

Государь, не посовѣтовавшись со мной, хочу ли я этого и *могу ли я*, объявилъ мнѣ сегодня, что онъ мнѣ предпи-

сываетъ служебныя занятія, самыя антипатичныя для меня, и къ которымъ я совсѣмъ неспособенъ... дѣло идетъ о сектантахъ! Какъ я ни протестовалъ и ни выражалъ ему, въ самыхъ ясныхъ словахъ, что я не *чиновникъ,* а поэтъ,— ничего не помогло!..

95.

Царское-Село, 25 октября.

...Какую ты огромную перемѣну увидишь во мнѣ... Я и сильнѣе, и слабѣе, чѣмъ былъ... Сильнѣе потому, что я чувствую, что искусство пробуждается во мнѣ со всею силою и мощностью: поэзія постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ... точно приближающійся величавый сильный громъ все ближе и ближе; а проза со всей своей глупостью душитъ меня въ своихъ полипообразныхъ объятіяхъ...

Императрица—ангелъ; когда вы обѣ умрете, вы обѣ вмѣстѣ должны идти—не иначе... Она меня поняла. Она мнѣ помогаетъ; сегодня вечеромъ она заставила меня ей прочесть мои стихотворенія.

Я слѣдилъ за ней, во время чтенія; нѣсколько разъ она облокачивала голову на руку и безмолвно слушала... Она понимала, что̀ я читалъ. Главнымъ образомъ, я слѣдилъ за ней, когда я говорилъ *Въ странѣ лучей;* я нарочно ей прочелъ *Колокольчики* въ цѣльности; въ одномъ мѣстѣ, именно въ томъ, гдѣ заключается вся суть стихотворенія,— она сказала: «Какъ хорошо!» Она очень меня поддерживала и сказала мнѣ, чтобы я ей посвятилъ весь сборникъ; она прибавила: «Я не хочу, чтобы цензура окромсала его! «Je ne veux pas que la censure le rogne!» Она мнѣ сказала, чтобы я еще разъ пришелъ дочитать остальныя мои стихотворенія, и все, что̀ она говорила, имѣло положительное значеніе. Государь прослушалъ все, но ничего не говорилъ; только о Чуфутъ-Кале онъ сказалъ: «Какъ это хорошо!»

96.

26 октября.

...Я легъ и сталъ читать «Онѣгина»... Многія страницы были давно мнѣ знакомы, но въ этотъ разъ онѣ мнѣ такъ понравились, что я невольно сказалъ нѣсколько разъ:—Какъ прекрасно! какъ хорошо! ...А когда я дошелъ до описанія зимы въ деревнѣ, у меня брызнули слезы изъ глазъ...

Мои такъ часто льющіяся слезы, можетъ быть, слабость

съ моей стороны, и съ другими это бываетъ лишь въ минуты экзальтаціи, большихъ возбужденій, въ минуты апогеи любви и т. д.,—но что же мнѣ дѣлать, если всякая минута моей жизни проходитъ въ экзальтаціи и апогеѣ!

97.

27 октября.

...Сегодня я говорилъ съ знающимъ человѣкомъ о моей теперешней службѣ; онъ меня очень поздравлялъ въ этимъ назначеніемъ.

...Что до меня касается, я очень боюсь, чтобы эти занятія не были совершенно противоположны моей совѣсти... Эта мысль болѣе мучительна для меня, чѣмъ если бы мнѣ дали службу только непріятную и не подходящую къ моей природѣ, какъ большею частью административные посты.

...Я изъ-за этого не сплю ночей, не ѣмъ, у меня лихорадка, и мои руки леденѣютъ при одной мысли.

...Увидимъ... но ты знаешь, что если я не могу остаться честнымъ человѣкомъ на этомъ мѣстѣ, я уйду во что бы ни стало, хоть напроломъ!

...Спасибо тебѣ, за доброе, хорошее письмо, а на стихи ты, право, нападаешь...

Ассиріяне хороши; неправда, что они плохи, никто еще не сдѣлалъ такого точнаго перевода, ты предубѣждена противъ меня — больше ничего... И ты изъ чувства долга просишь у меня *Колокольчики*, чтобы позолотить пилюлю... Впрочемъ ты не одна, вчера m-lle Блудова мнѣ сказала: «Я прочла что-то ваше (détestable) отвратительное, а именно *Колокольчики,* въ «Современникѣ», — а по-моему, это одна изъ моихъ самыхъ удачныхъ вещей.

Я тебя увѣряю,—чтобы публика восхищалась чѣмъ-нибудь, необходимо, чтобы эту вещь хвалили въ журналахъ, или чтобы авторъ былъ высланъ, или разжалованъ... *или чтобы его никто лично не зналъ,* — это самое главное,—и потому у меня больше было успѣха въ Москвѣ.

Вообще люди не могутъ простить человѣку, котораго они давно знаютъ, что онъ — поэтъ... и что прежде этого не знали... Это открытіе всегда производитъ впечатлѣніе...

Нахальство, которое требуетъ строгаго наказанія, и мнѣ случалось видѣть людей, которые думали, что они меня сконфузятъ, говоря со мной о моихъ стихахъ...

Но надо признаться, что никого такъ мало не поддер-

живали, какъ меня... Я не могу не разсказать тебѣ одно очень серьезное сужденіе, которое мнѣ выразила m-lle T. о Жуковскомъ...

Его послѣднее произведеніе называется *Вѣчный Жидъ,* и я себѣ позволилъ сказать, что я нахожу стиль этого произведенія немного тяжелымъ и утомительнымъ...

«Правда,—сказала она,—я не могла прочесть безъ скуки, но я себя заставила прочесть его пять разъ, и я васъ увѣряю, что на шестой разъ скука была побѣждена».

Я очень любилъ Жуковскаго, но я не преклоняюсь передъ его литературнымъ достоинствомъ, которое необходимо прославлять потому, что онъ былъ преданъ царской семьѣ.

Двѣ противоположности, какъ ты видишь, приводятъ въ различныхъ кружкахъ къ тѣмъ же результатамъ.

98.

Петербургъ, 4 ноября.

...У меня такое *отвращеніе,* именно отвращеніе къ службѣ, какова бы она ни была, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, что даже если бы я хотѣлъ фокусомъ заставить себя подчиниться этому, я бы никогда не дошелъ до хорошихъ результатовъ, и потомъ—я ставлю *искусство, какъ пользу,* сто разъ выше службы...

...И къ тому же матеріалъ, изъ котораго я сдѣланъ, не можетъ найти здѣсь элемента сроднаго ему.

Что бы ни дѣлали, не найдутъ *цемента,* чтобы связать меня съ массой.

...Убить человѣка дурно, но убить мысль, умъ—хуже.

...Я возвращаюсь съ вечера Императрицы, гдѣ изъ мужчинъ былъ только я одинъ. Государь очень добръ и милостивъ.

...Государь очень добръ къ моему дядѣ; онъ нѣсколько разъ самъ былъ у него, и я ему ежедневно посылаю бюллетени.

99.

Петербургъ, 12 ноября.

...Третьяго дня, въ 11-мъ часу, мой бѣдный дядя скончался. Послѣдніе дни у него пропалъ голосъ, и онъ говорилъ только шопотомъ, и спрашивалъ меня постоянно, удовлетворены ли всѣ люди, которые за нимъ ухаживаютъ.

Онъ всѣмъ интересовался, и присутствіе духа не покидало его до конца.

Послѣ завтра его похороны въ Алекс.-Невскомъ; всѣ его жалѣютъ и многіе оплакиваютъ.

Еслибы ты знала, какъ горячо къ сердцу Императрица приняла смерть дяди.

Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно сердечная женщина; ни слова, ни дѣйствія ея не носятъ отпечатка оффиціальности. Она тоже могла бы взять себѣ девизъ: *Не слыть, а быть.*

Христосъ съ ней, она чудесная, прекрасная женщина...

Когда я тебѣ не пишу, я иначе съ тобой, я слушаю звуки стиховъ, которые витаютъ передо мною въ воздухѣ, и я стараюсь ихъ уловить—задержать. Я часто ошибаюсь и пишу не то, что̀ слышалъ, но у меня потребность прислушиваться къ этимъ звукамъ.

Я не знаю, какъ другіе пишутъ, но у меня всего чаще при приближеніи этихъ звуковъ волосы подымаются и слезы брызгаютъ изъ глазъ; никогда это не бываетъ для меня механической работой, никогда—даже при переводахъ.

100.

Царское-Село, 17 ноября.

Господи, Господи, когда же придетъ время, когда мнѣ можно будетъ забыть прошлое и будущее и жить только въ *настоящемъ?—Это—счастье на землѣ.*

Надо все или ничего; надо смотрѣть на прошлое и на будущее, какъ, я думаю, мы будемъ смотрѣть на томъ свѣтѣ, или же не дѣлать никакихъ предположеній на будущее и не имѣть никакихъ воспоминаній о прошедшемъ.

Я понимаю, что время есть лишь ложная или недостаточная идея, происходящая отъ ограниченности нашего ума, который не можетъ понять предметы иначе, какъ въ отдѣльности, и который не можетъ сознать ихъ въ одной цѣльности.

У нашей души только одно окошко, черезъ которое она видитъ предметы, одинъ за другимъ; когда стѣны отпадутъ, видъ откроется на всѣ стороны, и все представится одновременно; все, что̀ казалось противорѣчиво, объяснится самымъ простымъ образомъ, понятнымъ для ребенка; не будетъ больше времени — будетъ вѣчность, будетъ одна общая цѣльность, и слова: время, вѣчность — не будутъ имѣть смысла.

Я все это знаю, я думаю объ этомъ, и все-таки мнѣ

думается о всѣхъ диссонансахъ жизни, и мнѣ отъ нихъ больно...

Ты и я, мы чувствуемъ *то, что есть*, и оттого мы любимъ искусство, которое есть ступень къ лучшему міру.

Какъ странно, что я такъ хорошо знаю, что̀ такое музыка, и такъ мало ее понимаю. И насколько люди, презирающіе искусство, ограничены, и тѣ люди тоже, которые смотрятъ на эту жизнь какъ на конецъ и на цѣль нашего существованія, и которые относятся къ художникамъ какъ къ людямъ безполезнымъ, а ищутъ хорошихъ отношеній съ такъ-называемыми практическими людьми.

Художники—авангардъ, піонеры, которые идутъ впереди войска, и на которые войско смотритъ съ презрѣніемъ и жалостью.

Но если видишь дальше, чѣмъ масса видитъ,—развѣ, въ угоду ей, надо нарочно дѣлать себя близорукимъ, работать надъ ослабѣваніемъ зрѣнія, чтобы ровно видѣть то только, что̀ видятъ другіе?

Я не вѣрю этому... Я не сотворенъ изъ того же матеріала, какъ масса; можно ли отъ меня требовать тоже, что̀ отъ другихъ?.. Было бы смѣшно требовать отъ Ч*** или отъ Ш*** писать трагедіи или картины—всѣ бы смѣялись.

Но развѣ не такъ же безсмысленно требовать отъ меня, чтобы я былъ *чиновникомъ* или бюрократомъ?

...Но никто не смѣется надъ этимъ, потому что масса состоитъ изъ бюрократовъ, и что у нихъ нѣтъ довольно ума, чтобы понять, что не всякій созданъ по ихъ подобію.

Я перечелъ Гейне и нахожу, что онъ истинный поэтъ и поэтъ замѣчательный—и чрезвычайно оригиналенъ.

Какъ могъ онъ быть дурнымъ человѣкомъ?

Чувства злобы, ненависти и даже самыя низкія встрѣчаются въ его произведеніяхъ рядомъ съ самыми возвышенными и глубоко поэтическими чувствами...

Я еще написалъ маленькую вещь о Лорѣ: *Что ты голову склонила?*

101.

Пустынька, 25 ноября.

...Я тебѣ посылаю нѣсколько стихотвореній въ переводѣ, и не скажу тебѣ, кто авторъ оригиналовъ... Мнѣ хочется увидѣть, догадаешься ли ты? Никогда я не чувствовалъ такую легкость писать...

Еслибы я теперь издалъ свои стихотворенія, вышелъ бы цѣлый маленькій томикъ, включая переводы...

...Я всегда радъ признаваться въ своихъ ошибкахъ: вообрази себѣ, что я сталъ энтузіастомъ Пушкина,—не всего, но извѣстной категоріи его стихотвореній...

102.

1 декабря 1856.

...Чѣмъ ближе я всматриваюсь въ дѣло Комитета, тѣмъ сильнѣе я чувствую, что моя совѣсть смущена, и тѣмъ яснѣе я вижу, откладывая всякія соображенія въ сторону, что я не созданъ для такой службы. Несмотря на это, я не могу все это оставить, прежде чѣмъ во все вполнѣ окунуться, чтобы имѣть право удалиться, вполнѣ зная, въ чемъ дѣло (an connaissance de cause). Это—такое дѣло, въ которомъ не видишь ясно дорогу, по которой слѣдуетъ идти. Мнѣ невозможно выразиться понятнѣе въ письмѣ. Но въ этомъ случаѣ я не согласенъ съ самимъ собою, и Богъ знаетъ, достигну ли я этого примиренія!..

Еслибы, напримѣръ, меня употребили на дѣло освобожденія крестьянъ, я бы шелъ своей дорогой, съ чистою и ясною совѣстью, даже еслибы пришлось идти противъ всѣхъ. Но въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ я нахожусь—совсѣмъ не то, и не могли сдѣлать худшаго выбора.

Богъ со всѣмъ этимъ, *что будетъ, то будетъ!..*

...Всякій день я сильнѣе убѣждаюсь, что моя жизнь пошла по невѣрному пути, и что всѣ мои мысли, 20 лѣтъ тому назадъ, были справедливы, по крайней мѣрѣ что касается самого себя... Если я буду призванъ дать совѣтъ Юрію, я дамъ ему совѣтъ слѣдовать своему призванію, если у него такое будетъ, и не ломать свою природу. ...Но въ этомъ онъ счастливѣе меня,—никто и не подумаетъ навязывать ему искусственную природу.

103.

6 декабря.

Ты не можешь себѣ вообразить, какое презрѣніе я чувствую къ тому *презрѣнію*, съ которымъ спрашиваютъ меня или обо мнѣ: «Какъ, неужто вы серьезно собираетесь *сочинять?*» И слово *сочинять* достойно тѣхъ устъ, изъ которыхъ оно исходитъ...

Я доволенъ и гордъ, и торжествую, что ты одобрила мои стихотворенія, особенно дидактическое, къ которому я приложилъ много стараній и вниманія, и которое я люблю, несмотря на его «genre». Оно, конечно, массѣ не понра-

вится, но оно понравится тѣмъ, которые, какъ я, художники въ душѣ, и только художники...

Ты больше не отчаяваешься во мнѣ... Еслибы я былъ свободенъ, ты увидала бы, какъ бы я оправдалъ твою поддержку, несмотря на обстоятельства моей частной жизни, которыя такъ мѣшаютъ спокойствію души, столь необходимому для художника...

104.

13 декабря.

Такъ больно, такъ грустно, что мочи нѣтъ.

Какъ оно ни глупо, но попробую поговорить съ тобою о «Серебряномъ». Я не дотрогивался до него, но я его не покинулъ, и очень его люблю...

Правда, что надо его передѣлать, и обдѣлать неровности въ стилѣ, и дать характеръ Серебряному, у котораго никакого нѣтъ, и онъ даже блѣднѣе всякаго jeune-premier. Я часто думалъ о характерѣ, который надо было бы ему дать,—я думалъ сдѣлать его глупымъ и храбрымъ, дать хорошую глупость, но онъ слишкомъ былъ бы похожъ на Митьку.

Нельзя ли было бы его сдѣлать очень наивнымъ... воспользоваться характеромъ Л..., то-есть сдѣлать человѣка очень благороднаго, не понимающаго зла, но который не видитъ дальше своего носа, и который видитъ только одну вещь за-разъ, и никогда не видитъ отношенія между двумя вещами. Еслибы сдѣлать это художественно, можно было бы заинтересовать читателя подобнымъ характеромъ.

...Вчера я позвалъ къ себѣ на завтракъ Л. Н. Толстого; онъ очень хорошій человѣкъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ съ тобой познакомился...

Толстой написалъ свое *Юношество*, которое появится въ январьскомъ «Современникѣ». Я предвкушаю большое удовольствіе.

Тоже появятся нѣсколько моихъ вещей—и въ «Русск. Вѣстникѣ» также.

105.

13 декабря.

Для «Бесѣды» я берегу вещи болѣе спеціально-національныя; я наконецъ хочу, чтобы на меня обратили вниманіе, и хочу пріобрѣсти право гражданства. Дружининъ меня проситъ дать ему нѣсколько главъ изъ «Серебрянаго», но я ихъ дамъ «Современнику», если дамъ... Чтобы сдѣлать

себѣ имя, я тебя увѣряю, нужно брать количествомъ, а не качествомъ, что̀ не доказываетъ, что я могу удовлетвориться именемъ въ родѣ Александра Дюма, несмотря на то, что онъ написалъ *Три Мушкетера*...

1857.

106.

Петербургъ, 12 мая.

...Вчера я послалъ тебѣ длинное письмо съ дѣтскими письмами въ Парижъ; дѣти всѣ здоровы.

Они чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый...

Они всѣ на меня садятся и дергаютъ меня во всѣ стороны. Андрейка мнѣ разсказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ, и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... И онъ мнѣ разсказываетъ всѣ свои сны и проситъ меня на слѣдующую ночь опять взять его въ Америку...

Онъ хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія, статистическія, объ обезьянахъ и спрашивалъ: «Сколько ихъ всего на свѣтѣ? Будетъ ли 10 милліоновъ или меньше?»

А я, я всякій день его больше и больше люблю. Черезъ два дня они переѣзжаютъ въ очень милую дачу на Крестовскомъ, съ особеннымъ садомъ, отдаленную отъ другихъ.

107.

17 мая.

...Я подтверждаю, что это—совершенная правда:

Андрейка видѣлъ во снѣ лягушку, какъ я ему это обѣщалъ наканунѣ; онъ всегда почти видитъ во снѣ то, что̀ я ему обѣщаю, но иногда онъ меня укоряетъ, что я не сдержалъ обѣщанія. Недавно онъ мнѣ сказалъ: «Ты мнѣ обѣщалъ привезти изъ Америки двѣ лягушки, одну сѣренькую, другую желтенькую—зелененькая была, а сѣренькой не было; вмѣсто сѣренькой была бѣленькая»... Тогда я ему говорю, что онъ дурно видѣлъ, и онъ споритъ со мной: «ахъ, нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ была бѣленькая».

Я ему обѣщалъ вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть

обезьяна и играть на скрипкѣ—и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ...

Я написалъ тебѣ нѣсколько стихотвореній въ такомъ родѣ, который ты не будешь критиковать, но сегодня у меня никакой охоты нѣтъ ихъ переписывать... Пароходъ уходитъ сегодня, и мнѣ надо немедленно отправить это письмо на почту...

108.

Петербургъ, 5 іюня.

...Бобринскій необычайно добръ и нѣженъ ко мнѣ; такъ какъ онъ не могъ быть на похоронахъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Гатчино; онъ пріѣхалъ ко мнѣ къ Сергію... Я съ нимъ вернулся на другой день, и такъ какъ въ тотъ же день я сказалъ ему, что поѣду на Крестовскій, онъ захотѣлъ самъ со мной ѣхать, безъ моей просьбы; мы отвезли дѣтямъ апельсинъ... Но такъ какъ М. былъ тамъ и Ал. Жем. былъ со мной, и что время подходило къ тому часу, въ который я имѣлъ привычку ходить къ матери — мнѣ такъ страшно было больно, что я уѣхалъ.

Я еще ни одного дня не былъ одинъ съ своимъ горемъ!..

Я тебѣ написалъ въ Парижъ нѣсколько часовъ послѣ событія.

Ты—*мой другъ* во всѣхъ минутахъ моей жизни...

109.

...Петербургъ, 8 іюня.

...Я спокоенъ, и минутами я почти-что забываю, что̀ случилось, и я жду пробужденія; но дни и ночи проходятъ одни за другими, а я все не просыпаюсь...

Ты теперь мой единственный другъ—въ этомъ мірѣ, гдѣ я чужой...

110.

Петербургъ, 9 іюня.

Я ѣду сегодня вечеромъ въ Сергіевскую: панихида завтра, 9-й день.

...Мнѣ кажется гораздо больше времени прошло... черезъ нѣсколько дней я буду говѣть у Сергія — у меня большая потребность это сдѣлать...

111.

Царское-Село, 10 іюня.

Я здѣсь, чтобы проститься съ Государемъ, который ѣдетъ за границу на мѣсяцъ — да хранитъ Его Господь! Этотъ

человѣкъ такъ сильно желаетъ добра, и ему такъ дурно служатъ!..

...Ты знаешь, я не боюсь моральныхъ страданій и я никогда ничего не сдѣлалъ, чтобы ихъ избѣгнуть, но вечеромъ мнѣ невозможно оставаться въ этомъ пустомъ домѣ. Эту ночь я провелъ у Бобринскаго — вчера былъ съ нимъ у дѣтей...

Я былъ на 9-й день на богослуженіи въ монастырѣ; и я тамъ спокойнѣе, но часто, очень часто, у меня является надежда, что все это сонъ, и что я сейчасъ проснусь; я дѣлаю усилія, чтобы прервать сонъ, и мнѣ часто кажется, что я могу дойти до этого... Мнѣ приходитъ мысль, что наша теперешняя жизнь въ самомъ дѣлѣ—сонъ души; можетъ быть, мы видимъ сны, только такіе — одинъ разъ, а можетъ быть эти сны періодическіе, какъ наши...

Бываетъ со мной тоже, что я хочу написать матери — во время церемоніи не одинъ разъ мнѣ хотѣлось подѣлиться съ нею тѣмъ или другимъ случаемъ, который ей могъ бы быть пріятнымъ; какъ только какое-нибудь сочувствіе или сожалѣніе мнѣ кажется искреннимъ, мнѣ хочется ей его передать.

Потомъ мысль о ея смерти исчезаетъ совершенно, и я почти что удивляюсь, когда мнѣ о ней говорятъ.

112.

18 іюня.

..Я получилъ письмо отъ Хомякова, полное такихъ похвалъ, отъ него и отъ другихъ лицъ, что, вообрази себѣ, мнѣ это доставило много удовольствія, несмотря на мое большое горе.

Я тебѣ признаюсь, что я не буду доволенъ, если ты познакомишься съ *Некрасовымъ*. Наши пути разные...

Христосъ съ тобой, единственный мой другъ...

113.

Петербургъ, 4 іюля.

...Я тебѣ пишу всякій день—у тебя есть письмо въ Комо, Веве, Венецію...

Обрати вниманіе на характеръ ломбардскихъ церквей, постарайся изучить физіономію различныхъ архитектуръ.

Поѣзжай въ Верону,—тамъ есть ломбардскій соборъ и римскій амфитеатръ, очень хорошо сохраненный... и потомъ могила Ромео.

До свиданія, Богъ съ тобой.

Дѣти—хорошія дѣти, и я надѣюсь, что мы можемъ ихъ сдѣлать еще лучшими...

114.

30 ноября.

...Я такъ медленно подвигаюсь, что мало вѣроятія, чтобы я пріѣхалъ во-время...

Погода отвратительная, вѣтеръ воетъ, дождикъ идетъ, снѣгъ идетъ и теперь морозитъ...

Второе колесо сломалось, и я на одну станцію дальше Серпухова...

Напиши мнѣ два или три слова въ Кременчугъ, а потомъ въ Алупку.

Только я тобой и живу.

115.

Курскъ, 8 декабря.

...Мнѣ остается 500 верстъ до Кременчуга—и топь кончается... Если снѣгъ выпадетъ, я поѣду на перекладной, но что-то не похоже на это.

Я крѣпко увѣренъ, что я предназначенъ написать что-нибудь хорошее; я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе; но еслибы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собой.

Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается, и я себѣ сдѣлаюсь отвратительнымъ.

116.

Николаевъ, 13 декабря.

...Я нашелъ здѣсь записку изъ Петербурга отъ С. П., которая мнѣ передастъ другую, отъ 3-го, изъ Симферополя.

Василію Алексѣевичу, кажется, рѣшительно лучше.

Итакъ, я остаюсь здѣсь часть ночи и потомъ продолжаю путь...

Я написалъ нѣсколько стихотвореній во время тряской дороги... Я исправилъ тѣ, которыя я послалъ изъ Кременчуга, и которыя были совсѣмъ въ первобытной формѣ.

На станціяхъ, пока мѣняютъ лошадей, я записываю то, что произвелъ дорогой.

Осталось еще 400 верстъ до Алупки, а погода все хорошая; о снѣгѣ и помину нѣтъ...

117.

Симферополь, 8 декабря.

...Я имѣлъ извѣстіе о дядѣ въ Перекопѣ, и потомъ я встрѣтилъ, спустя нѣсколько станцій, графа Строганова, который его видѣлъ. Онъ говоритъ, что ему очень плохо, но нельзя опредѣлить, сколько это можетъ продолжиться.

Еслибы ты знала, какъ сжимается сердце при видѣ горъ и Чатыръ-Дага...

118.

Алупка, 9 декабря.

...Пройдетъ еще недѣля, прежде чѣмъ я оставлю Крымъ,— моего дядю отнесутъ въ монастырь Св. Георгія,—и потомъ, на одинъ день, самое большое, поѣду въ Меласъ. Монастырь верстъ 60 отсюда, и послѣ-завтра шествіе трогается въ путь.

Мой бѣдный дядя меня очень ждалъ, но онъ записалъ въ книжкѣ, прежде чѣмъ получилъ мою депешу, что онъ проситъ меня не пріѣзжать, чтобы не тревожить меня въ моихъ дѣлахъ, и что между нами не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, и что онъ увѣренъ въ моемъ чувствѣ къ нему — и онъ мнѣ и Борису поручилъ исполненіе его послѣдней воли, что̀ записано было имъ въ той же книжкѣ, въ родѣ завѣщанія.

Онъ сохранилъ присутствіе духа до послѣдней минуты... Онъ два раза причащался и оставилъ самыя трогательныя распоряженія, полныя вниманія для многихъ людей...

Говорятъ, что много розъ въ саду; я еще тамъ не былъ...

...Скорѣй, скорѣй бы все долой съ плечъ и начать жизнь...

119.

Алупка, 11 декабря.

...Сегодня мы отнесли дядю въ церковь; мы несли его на рукахъ; дорога была покрыта зеленью—лавровыя вѣтки, вѣтки розмарина въ цвѣту и разныя другія, совсѣмъ зеленыя вѣтки... Садъ почти весь зеленый; розъ нѣтъ, но много кустовъ, покрытыхъ желтыми цвѣтами; плющъ красивѣе, чѣмъ когда-либо; кипарисы покрыты шишками, и это придаетъ имъ видъ менѣе мрачный, чѣмъ лѣтомъ; есть мѣста въ саду, гдѣ лавровые кусты, простые и розовые, такъ пышны и густы, что можно себѣ вообразить настоящее лѣто...

...Завтра мы идемъ въ монастырь...

Я забылъ тебѣ сказать, что садъ полонъ птицами, которыя щебечутъ; особенно много дроздовъ. Въ лучахъ солнца пляшутъ миріады мушекъ...

120.

21 декабря.

(Какая-то станція 400 верстъ отъ Екатеринослава).

Ночь темная, и мнѣ пришлось вернуться на станцію, отъѣхавши лишь 5 или 6 верстъ. Ямщикъ изморился—онъ совсѣмъ измерзъ; вѣтеръ ужасный и метель—зги не видать...

...Ты не знаешь, какой громъ риѳмъ грохочетъ во мнѣ, какія волны поэзіи бушуютъ во мнѣ и просятся на волю...

Я еще написалъ нѣсколько вещей между станціями и усовершенствовалъ другія...

Погода проясняется, я ѣду дальше...

1858.

121.

16 января.

Вчера я обѣдалъ у Государя и сегодня былъ опять; многое, включая литературу, принимаетъ хорошій оборотъ. Дай Богъ Ему здоровья,—я говорю это отъ всего сердца.

1860.

122.

Лондонъ, 13 іюня.

...Ложусь теперь спать потому, что не спалъ и эту ночь; а завтра разскажу тебѣ разныя вещи... А теперь скажу только, что я, проходя мимо Hyde Park'a, видѣлъ змѣя (cerf-volant), такого хорошаго, что тотчасъ подумалъ объ Андрейкѣ, и постараюсь ему достать такого. Онъ имѣетъ форму птицы, летаетъ и машетъ крыльями, и потомъ спускается и садится на траву какъ птица, и все машетъ. Еслибы я такого увидѣлъ на охотѣ, непремѣнно выстрѣлилъ бы въ него. Его пускалъ очень толстый и серьезный человѣкъ, для собственнаго удовольствія.

Два часа ночи. Я только-что вернулся отъ Юма, и несмотря на боль, которую причиняетъ мнѣ наша разлука, я

не жалѣю о моемъ путешествіи въ Лондонъ, такъ какъ *сеансъ былъ поразительный.*

Боткинъ (В.) увѣровалъ; хочетъ завтра запереться, не выходить цѣлый день, чтобы обдумать все, что̀ онъ видѣлъ...

Насъ было: я, Боткинъ, жена Юма, г-жа Миллеръ-Гибсонъ (жена cabinet-minister), одна дама-компаніонка и потомъ Штейнбокъ. Прежде всего были явленія, которыя тебѣ извѣстны; послѣ этого продолжали въ полутемнотѣ; вся мебель задвигалась, передвинулась; одинъ столъ сталъ на другой, диванъ сталъ посреди комнаты, колокольчикъ гулялъ по всей комнатѣ и звонилъ въ воздухѣ, и т. д. Потомъ произвели полную темноту. Фортепіано заиграли сами собой, браслетъ былъ снятъ съ руки m-me Gibson и упалъ на столъ, *испуская лучи свѣта.* Юмъ былъ поднятъ на воздухъ, и я щупалъ его ноги, пока онъ леталъ надъ нашими головами. Руки обняли мои колѣни и брали мои руки, и когда я хотѣлъ задержать одну руку, она *растаяла.*

На столѣ лежали карандаши и бумага; одинъ листъ бумаги всунулся самъ мнѣ въ руку, и азбука сказала, что я долженъ его передать Юму; на немъ было написано: «Любите ее всегда. Н. Кролль» (Aimez-la toujours, N. Kroll). Почеркъ былъ совершенно схожъ съ почеркомъ матери m-me Юмъ, и мы его сравнивали съ ея письмами. Очень слабый голосъ послышался во время игры на фортепіано. Стукъ сильный, точно удары молотка послышались въ столѣ, подъ руками у Боткина. Подушка упала мнѣ на голову. Что̀ меня всего больше убѣдило, еслибы я не вѣрилъ,— это руки, которыя я чувствовалъ, которыя жали мои руки, хлопали по моимъ рукамъ, и которыя растаяли, когда я хотѣлъ ихъ уловить. Холодный вѣтеръ дулъ очень чувствительно вокругъ насъ, мы почувствовали ароматы—и у Юма послѣ сеанса руки горѣли и слезы лились изъ его глазъ. Жена его и онъ постоянно видѣли звѣзду на одномъ изъ стульевъ, но я не видалъ ее. *Видимыя* руки скользили около окна, слабо освѣщеннаго газомъ снаружи. Занавѣси на окнѣ были задернуты. M-me Gibson пригласила меня завтра вечеромъ къ себѣ, къ новому сеансу, но, къ несчастію, на этотъ разъ Боткинъ не приглашенъ, ради многочисленности гостей.

...Юмъ все цѣловалъ меня, ухвативъ обѣими руками за лицо, и плакалъ горько о своей belle-mère...

123.

Парижъ, 17 ноября.

...Я только-что вернулся отъ к-ни Бутерà, у которой я, по ея просьбѣ, устроилъ вечеръ съ *Дю Поте* (Du Potet).

Сеансъ былъ *великолѣпный* и не оставляющій мнѣ никакихъ болѣе сомнѣній насчетъ публичныхъ сеансовъ, которые мы вмѣстѣ видѣли.

Ничего не отсутствовало, даже магическое зеркало, и лица, которыя были магнетизированы, внѣ всякаго подозрѣнія сообщества; напр., гр. С. Б., которая заснула, откидываясь на спинку дивана, послѣ 10 пассовъ, и вопреки своему желанію противодѣйствовать.

Двѣ барышни Св... проявили феномены каталепсіи и покоренія воли совершенно удивительныя. Я все тебѣ разскажу въ подробностяхъ... Я думаю, я откажусь отъ поѣздки въ Голландію, чтобы остаться для сеанса Squire, который меня приглашаетъ. Ты понимаешь, подобные случаи рѣдко встрѣчаются, а Голландія останется на томъ же мѣстѣ—всегда...

1861.

124.

Петергофъ, 27 іюля.

Императрица—да благословитъ Богъ эту великодушную женщину,—узнавши, что я здѣсь, не подождала, чтобы я представился ей, но велѣла меня пригласить на вчерашній вечеръ, на новую ферму. И еслибы мои рѣшенія могли быть разрушены чѣмъ-нибудь, ея встрѣча это сдѣлала бы...

Государь былъ холодно милостивъ...

Многія лица мнѣ говорятъ, что онъ никогда не дастъ мнѣ безсрочный отпускъ. Я хочу предупредить ударъ и написать ему въ Крымъ. Говорить теперь невозможно.

Наслѣдникъ внушаетъ мнѣ огромную симпатію, настоящую симпатію—вотъ такъ бы и кинулся ему на шею!..

125.

Москва, 18 октября.

...Я прочелъ «Донъ-Жуана» Каткову и Аксакову...

Аксаковъ проявилъ такое негодованіе на поведеніе Донъ-Жуана, что онъ началъ его ругать, и увѣрялъ, что онъ—

тройная перегонка подлеца, вслѣдствіе чего онъ не достоинъ покровительства ангеловъ. Онъ сдѣлался совсѣмъ красный, и сказалъ, что вообще человѣкъ, который бѣгаетъ отъ одной женщины къ другой—негодяй, а исканіе идеала—лишь предлогъ для такихъ негодяевъ. Такъ я и думалъ, что эффектъ совсѣмъ пропалъ, но на другой день онъ мнѣ сказалъ, что это произведеніе изъ ряду вонъ, несмотря на всѣ недостатки, и что не надо принимать отъ Каткова менѣе 500 руб.

126.

31 декабря.

Я начну чтеніе у Императрицы съ 3-го числа, но не знаю, сколько дней это будетъ продолжаться...

1862.

127.

4 января.

...Вчерашнее чтеніе имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и предъидущее, съ тѣми же перерывами; сегодня я читаю той же аудиторіи, но у великой княгини Маріи Николаевны. Она меня спросила, что̀ я хочу къ ужину; я ей сказалъ: «картофелю съ лукомъ». Императрица ужасно деликатна; рѣдко обыкновенныя дамы бываютъ такъ деликатны. Она мнѣ сказала, что ей совѣстно меня задерживать такъ долго далеко отъ Пустыньки, куда—она знала—меня тянетъ вернуться... Она меня всякій разъ спрашиваетъ: «*Можете* ли вы придти завтра». Ты понимаешь, что я отвѣчаю, что я вполнѣ къ ея услугамъ...

128.

12 января.

...Мнѣ остается еще одно чтеніе послѣ вторника—будетъ послѣднее. Вчера мнѣнія раздѣлились: Императрица, великая княгиня Марія Николаевна и г-жа Веневитинова—протестовали противъ казни (въ «Князѣ Серебряномъ»); А. Толстой, Борисъ Перовскій и г-жа Мальцева нашли ее великолѣпной и громогласно просили, чтобы ничего не было измѣнено.

Сцена между старухой и Михеичемъ имѣла большой

успѣхъ. Я приглашенъ на балъ въ воскресенье... Мое нездоровье, которое выказалось вчера на чтеніи, меня извинитъ.

129.

4 іюня, понедѣльникъ, Царское-Село.

...Я ѣду въ городъ, гдѣ проведу день между Поповымъ и другими лицами; завтра поѣду въ Пустыньку, а послѣзавтра, 6-го, ѣду къ тебѣ въ Москву... Я говорилъ кому слѣдуетъ о Муравьевѣ—очень сильное предубѣжденіе существуетъ противъ сына. Я пытался спасти Аксакова, но неудачно.

1863.

130.

Шлангенбадъ, гостинница «Викторія», 9 мая.

Здѣсь очень хорошо; кругомъ лѣсъ буковый, и много-много дорожекъ, и вездѣ шумятъ ручьи, какъ въ Дивонѣ, только здѣсь гораздо лучше...

Послѣ того, какъ я тебѣ это написалъ, я пошелъ въ одну деревню, eine Stunde von hier, и шелъ туда все горами и лѣсомъ, и встрѣтилъ три рыжія улитки и одну зеленую ящерицу. У улитокъ у всѣхъ на правомъ боку была дыра, чтобы дышать, а у меня... нѣтъ такой дыры, и я долженъ дышать черезъ горло. И изъ той деревни я еще ходилъ за $1^1/_2$ версты смотрѣть одинъ глупый видъ и потомъ вернулся домой съ легкостью серны... А тотъ человѣкъ, который давалъ мнѣ простокваши, смѣется надъ людьми, которые говорятъ, что Шлангенбадъ простая вода, и называетъ ихъ дураками и свиньями. А я теперь не одинъ здѣсь. Отыскался еще какой-то шальной голландецъ и одна старая русская дама, но я ихъ не видалъ... А вотъ я и еще ходилъ. Пошелъ я по горамъ безъ дорожекъ, и не прошелъ я такъ сто шаговъ, какъ около меня очутилась толстая гнѣдая собака, вся изгрызанная другими собаками, должно быть безпокойнаго характера, но очень учтивая. Она подошла ко мнѣ согнувшись бокомъ и дала почувствовать, что желаетъ показать мнѣ мѣста. Я согласился. Вотъ она и повела меня разными тропинками, вела, вела, оглядываясь и возвращаясь опять (тутъ ли я?), и привела наконецъ въ какой-то храмъ славы; тамъ она легла и, вертя хвостомъ, еще издали смотрѣла на меня съ торжествомъ: «вотъ у насъ каково?»

А въ этомъ храмѣ славы стоитъ жертвенникъ и на немъ изваяны двѣ змѣи, выпивающія чашку съ молокомъ и крессъ-салатомъ, а надъ ними написано: «Графу Карлу и графинѣ Бетси фонъ-Грюнъ въ благодарность за сезонъ 1830»... Я сегодня былъ три раза въ ваннѣ и чувствую себя такъ хорошо, что хочу ѣхать завтра. Что-то ты, моя бѣдная, болѣзная? Другъ ты мой!..

Пиши въ Eisenach.

131.

Франкфуртъ, 11 мая.

...Я ѣду сейчасъ въ Вольфенбюттель, а оттуда въ Гарцбургъ или въ Дрёмлингъ, гдѣ Wilde Jäger, а оттуда въ Eisenach, гдѣ Wartburg, а потомъ черезъ Weimar въ Дрезденъ.

Проѣзжу я дней пять или шесть, чтобы протянуть время и не слишкомъ рано, до твоего пріѣзда, пріѣхать въ Дрезденъ. Душа моя, я знаю и понимаю, что тебѣ хочется посмотрѣть на дѣтей, какъ они будутъ жить одни безъ тебя, особенно маленькій Андрейка.

Я теперь совсѣмъ здоровъ... У каждой улитки есть, кромѣ рта, на правомъ боку дыра, чтобы дышать, а у сына человѣческаго нѣтъ дыры на боку, и онъ дышетъ только черезъ ротъ.

...Пожалуйста, купи себѣ что-нибудь очень хорошее, я послѣ проиграю его тебѣ въ шахматы!

132.

Harzburg, 13 мая.

Я не поѣхалъ къ Wilde Jäger, потому что Drömmling гораздо дальше отъ Брауншвейга, чѣмъ мнѣ сказали.

А завтра поѣду на мулѣ (сынъ осла и лошади) на Blocksberg, а послѣ-завтра вѣроятно въ Eisenach. Только досадно, что придется ѣхать черезъ поганый, скверный, проклятый Kassel! Онъ еще хуже Берлина. Мерзость, просто мерзость!.. Христосъ съ тобой, спать хочу!

133.

Прага, 13 іюня.

...Гагаринъ не далъ мнѣ спать всю ночь, и мы проѣзжали черезъ самыя хорошія мѣста; только вышло, что на Прагу намъ не дорога и мы сдѣлали огромный крюкъ.

Мы рѣшили, что здѣсь жить нехорошо, хотя много интереснаго, и что Дрезденъ лучше Праги!

134.

Carlsbad, 16 іюня

...Сегодня у меня очень болитъ спина, но я съ 5 часовъ утра до 1/2 девятаго вечера ходилъ и почти ни разу не сѣлъ.

Теперь ужасно хочется спать.

...Достань какую-нибудь русскую газету, — тамъ есть отличное заявленіе московскихъ студентовъ, напечатанное въ «Днѣ», по поводу польскихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ учреждаются національныя гвардіи.

135.

Carlsbad, 22 іюня.

...Сегодня я всталъ съ тяжелой головой, но, говорятъ, такъ должно быть, а вообще мнѣ хорошо, и я очень много хожу по горамъ, всякій день верстъ 15.

...Здѣсь очень много птицъ, и онѣ никого не боятся.

Намедни я сидѣлъ во время дождя подъ навѣсомъ и пилъ кофе (который здѣсь позволяется), а птица одна маленькая и мокрая прилетѣла и сѣла передо мной на спинкѣ стула. Я далъ ей крошку; она взяла и сѣла подлѣ моей чашки и продолжала ѣсть. Здѣсь есть тоже бѣлки, довольно ручныя, и никакихъ звѣрей никто не обижаетъ.

Нѣкоторыя сидятъ въ гнѣздахъ у самыхъ дорожекъ.

Я уже гораздо лучше дышу и не запыхаюсь на горахъ... Христосъ съ тобой.

Сегодня у меня былъ Seegen и сказалъ, чтобы я не слишкомъ много ходилъ и не выбивался изъ силъ. А я хожу, чтобы не заснуть.

Завтра мнѣ будутъ давать одинъ Mühlbrunn, безъ Schlossbrunn, т.-е. все сильнѣе и сильнѣе, но всего только 6 стакановъ, а въ 1826 году давали больнымъ по 20 стакановъ. Теперь никому столько не даютъ.

Самое лучшее время послѣ воды — часовъ въ 9, когда уже цѣлый часъ человѣкъ ходилъ и можетъ пить кофе; тогда онъ садится въ тѣнь, подъ деревья, и аки левъ бросается на кофе и на тотъ хлѣбъ, который онъ принесъ въ карманѣ, каждый изъ той булочной, которая ему по сердцу. Мы здѣсь нашли такой хлѣбъ, котораго даже нѣтъ и въ Россіи—почти одна корка, золотистая, не сожженная, а такъ и хруститъ, и хруститъ...

Сегодня я ходилъ въ эту булочную, и старая булочница

съ сыномъ (очень добрые) давали мнѣ урокъ, какъ его печь, и дадутъ рецептъ и планъ печи.

Ты знаешь, что я очень люблю австрійцевъ, ремесленниковъ и простыхъ; они чрезвычайно живые, добродушные каламбуристы и почти всегда красивые. Съ ними можно говорить всякій вздоръ, и они это очень любятъ. Нѣтъ ничего общаго между ними и сѣверными нѣмцами.

Здѣсь очень много шпіоновъ. Одного мы открыли, и онъ, будучи здоровъ, былъ принужденъ пить Mühlbrunn...

Не знаю, похудѣлъ ли я, но Гагаринъ нисколько, и все тужитъ о ѣдѣ и сердится...

136.

28 іюня.

...Мы съ Гагаринымъ сейчасъ вернулись отъ самой отдаленной и высокой горы, которая называется Aberg, и шли въ сумеркахъ по такимъ прекраснымъ мѣстамъ, что оба ахали отъ удовольствія. Между прочимъ тамъ было одно плоское мѣсто съ лѣсомъ, съ рожью и съ Иванъ-чаемъ, совершенно какъ въ Россіи, и такое прекрасное, что я все думалъ о тебѣ, и какъ оно тебѣ бы понравилось... А одно здѣсь мѣсто есть, на берегу Теплы, за городомъ, точно какъ Пустыньскій лугъ, который примыкаетъ къ Никольскому, и ростутъ на немъ всѣ тѣ цвѣты, какъ и въ Пустынькѣ, совершенно тѣ же самые, такъ что Гагаринъ и я—мы закричали.

И чеберу здѣсь много, и сѣномъ пахнетъ, и очень, очень хорошо вообще...

Днемъ я такъ глупъ, что для Павловой списываю всякій день только по двѣ страницы 3-го акта. Скоро кончу и пришлю ей. И читать днемъ не могу, а вечеромъ хочу спать...

Мнѣ по Андрейкѣ часто бываетъ скучно,—я его въ *самомъ* дѣлѣ люблю...

Христосъ съ тобой, моя милая...

137.

Карлсбадъ, 30 іюня.

Мы вернулись только-что изъ этого красиваго мѣста, о которомъ я тебѣ говорилъ и которое похоже на Россію... Гористое, все покрытое берестомъ и Иванъ-чаемъ, и сосновый лѣсъ, совсѣмъ черный, выдѣляющійся на прозрачномъ ночномъ фонѣ...

Сегодня мы опять заставили здороваго шпіона выпить стаканъ Мюльбрунна...

Г... нашелъ кусочекъ ветчины въ компотѣ изъ чернослива и страшно кричалъ и ругался...

Король прусскій очень добрый, Богъ съ нимъ! Пусть живетъ.

...Сегодня я наконецъ кончилъ списывать 3-й актъ; я его пришлю тебѣ, а ты дай его Павловой...

138.

Carlsbad, 10 іюля.

...Сегодня я сидѣлъ подъ деревьями и пилъ кофе съ хлѣбомъ на 6 крейцеровъ. Прилетѣло разное птитво, все мелкіе, и начали подходить въ припрыжку, кто въ черномъ жилетикѣ, кто въ пестренькомъ, кто во фрачкѣ, и всѣ бочкомъ, бочкомъ, и смотрятъ мнѣ въ глаза. Я имъ далъ крошекъ, и они съ ними начали возиться, а одинъ былъ такой жадный, что отымалъ у другихъ и хотѣлъ всѣ крошки забрать себѣ въ ротъ разомъ—жевалъ, жевалъ и наконецъ подавился.

Онъ былъ въ черномъ жилетикѣ.

Съ ними здѣсь всѣ безъ исключенія хорошо обходятся,—обходятъ кругомъ, чтобы ихъ не задѣть.

Вообще здѣсь народъ добрый! Только носятся слухи, что поляки хотятъ насъ зарѣзать на Мюльбруннѣ. Это, впрочемъ, я сейчасъ выдумалъ...

139.

Іюля 13, Карлсбадъ.

...И за то, что ты мнѣ не писала, скажу тебѣ, что у меня нога очень болѣла и вчера, и сегодня, и опять нѣмѣетъ, а ходить не мѣшаетъ, и когда сяду, то боль скоро проходитъ. И у Гагарина иногда это бываетъ, и у Ухтомскаго; и сербскій архіерей, очень живописный, намъ тоже разсказывалъ. Ему представлялъ насъ сербскій попъ, и завтра мы пойдемъ къ обоимъ. Попъ говоритъ по-нѣмецки, а архіерей по-русски очень хорошо.

И ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова про «пупъ земли» (извѣстный ресторанъ въ Карлсбадѣ — «Pupp»)... Очень тяжело рано вставать, когда человѣкъ только-что входитъ въ форсъ сна, и до сихъ поръ я не могу привыкнуть, а Гагаринъ всякій разъ опаздываетъ.

Когда мы были въ Прагѣ, онъ велѣлъ себя разбудить

въ 7 ч. А когда пришелъ Lohnbedienter, по имени Joseph, будить его, говоря: «Es ist sieben Uhr», ему показалось, что это продавецъ спичекъ, который предлагаетъ ему: sieben hundert (700) Zündhölzchen, и онъ сталъ кричать: «Gehen sie zum Täufel!» перевернулся на другую сторону и началъ спать, пока я его не стащилъ за ноги...

140.

16 іюля.

Я усталъ, потому что все ходилъ съ m-me Kalergi, которая разсказывала мнѣ всякую всячину про Польшу.

А передъ тѣмъ далеко, далеко ходилъ съ Гагаринымъ безъ всякихъ дорогъ.

Ужъ мы ходили, ходили, лѣзли, лѣзли, лѣзли, и наконецъ вылѣзли изъ лѣсу, почти къ самому Энгельсгаузу.

Тамъ нашли такое множество полевыхъ цвѣтовъ, что и сказать тебѣ не могу, и опять совершенно русское мѣсто; а когда я увижу что-нибудь хорошее, тотчасъ подумаю о тебѣ, и ничѣмъ порядочнымъ не могу наслаждаться безъ тебя.

Дорогу, по которой мы лѣзли, мы назвали *Чортзнакудитская*...

Теперь весь Карлсбадъ шумитъ на улицѣ, и сейчасъ будетъ Fackelzug для прусскаго короля.

А вчера въ концертѣ я сидѣлъ за нимъ и все время видѣлъ его затылокъ, очень бѣлый и гладкій. Камергеръ его сидѣлъ возлѣ него, изъ решпекта не на стулѣ, а промежъ двухъ стульевъ, на пустомъ мѣстѣ, и затылокъ его былъ еще толще королевскаго... У меня всегда на столѣ стоитъ букетъ розъ, а иногда очень хорошихъ бѣлыхъ лилій, которыя отлично пахнутъ. Покупаю я ихъ потому, что мнѣ всякій день предлагаетъ ихъ одна бѣдная и хорошая женщина.

...Достань себѣ бѣлыхъ лилій, онѣ прекрасныя и очень долго держатся. А когда я утромъ хожу пить воду, эта женщина даритъ мнѣ всегда одну розу, которую я втыкаю въ петлицу...

Гагаринъ не умѣетъ завязывать себѣ башмаковъ, — сегодня я ему завязывалъ.

Опять сдѣлалось очень поздно, надо мнѣ спать. Посылаю тебѣ карточку сербскаго архіерея; посади ее въ альбомъ и замѣть, какъ онъ хорошо стоитъ: точно венеціанскій дожъ, написанный Тиціаномъ.

141.

21 іюля.

...Вотъ какъ я поймалъ шпіона: мы разъ вылѣзли изъ карлсбадской дыры на гору, откуда идетъ плоское мѣсто до Энгельсгауза, и тамъ сѣли у самаго лѣса на лужокъ, спиной къ лѣсу, а дорога у насъ осталась далеко направо и къ намъ не было никакой ни дорожки, ни тропинки,— замѣчай!..

...Вотъ, черезъ нѣсколько времени—по той дорогѣ, которая направо отъ насъ, идетъ человѣкъ и входитъ, какъ слѣдуетъ, въ лѣсъ, и полагаемъ мы, что онъ на дорогѣ и продолжаетъ идти лѣсомъ къ Энгельсгаузу. А Гагаринъ между тѣмъ, какъ обыкновенно, пилитъ меня своей тещей, или жалуется на кухню, или, можетъ быть, сердится на что-нибудь изъ всемірной исторіи, только дѣло въ томъ, что болтаетъ. Пока онъ этакъ тонкимъ голосомъ болтаетъ, слышу я, что за нашей спиной въ соснахъ что-то шелеститъ, а онъ-то ничего не слышитъ. Я ему говорю: — Не шевелись, а прислушайся, тамъ что-то шелеститъ.—Онъ говоритъ: — Должно быть, звѣрь. — Я говорю: — Нѣтъ, не звѣрь; ты ступай прямо, а я забѣгу впередъ. — Да и забѣжалъ. А лѣсъ-то густой, такъ что за два шага ничего не видать. Какъ забѣжалъ я, тамъ опять зашелестѣло, да ужъ отъ меня. Тутъ я припалъ къ землѣ и вижу сквозь стволья, что отъ меня на четвереникахъ улепетываетъ человѣкъ. Я поскорѣй за нимъ, а онъ припалъ къ землѣ и растянулся какъ лягушка. Я ему: — Was machen Sie hier?—Да и замахнулся на него зонтикомъ. А онъ отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ:—Ich wollte nur einen...

И сдѣлалъ такое жалкое лицо, каналья, что мнѣ стало его жалко, и я, ничего не сообразивъ, отпустилъ его...

Только послѣ ужъ мы увидѣли, когда онъ уползъ, что это былъ тотъ самый человѣкъ, который шелъ по дорогѣ, и розанъ у него былъ—какъ у всѣхъ шпіоновъ, и никакого повода не было ему красться именно за нашей спиной, своротивъ для этого съ дороги, откуда онъ долженъ былъ насъ видѣть. Это именно былъ шпіонъ, самый настоящій, и мнѣ очень жалко, что я не далъ ему никакого порученія.

А того шпіона, котораго мы заставляли пить воду, уже больше не видать на водахъ; иногда только видимъ, какъ онъ идетъ по улицѣ и насъ избѣгаетъ...

142.

22 іюля.

...Я читаю съ большимъ любопытствомъ Ernest Renan, но онъ очень узенькій и говоритъ про Христа съ снисхожденіемъ, извиняя Его временемъ и средой, что Онъ, бѣдный, вѣрилъ чудесамъ. Былъ Онъ, по его мнѣнію, ума не слишкомъ дальняго, довольно перемѣнчивый въ Своихъ мнѣніяхъ, но впрочемъ человѣкъ хорошій. Много Ему повредило знакомство съ Іоанномъ Крестителемъ и къ добру Его не привело, но, къ счастью, Іоанну отрубили голову, и тогда опять все пошло хорошо. Болѣе всего Онъ обязанъ Своимъ развитіемъ галилейскому пейзажу. Еще, говорятъ, явилась очень интересная книга: Relazione degli ambassiadori della respublica di Venezia presso le corte del'Europa.

Достань ее себѣ...

Теперь мы каждый вечеръ пьемъ чай у Мещерскихъ и уходимъ довольно поздно...

143.

Carlsbad, 23 іюля.

...Я читаю Renan и очень его презираю. Это — гадкій католическій попъ, который сбросилъ ризу, но перенесъ въ свои новыя убѣжденія всѣ пріемы и всю недобросовѣстность дурного попа. И даже языкъ его гадкій.

. . . . . .

144.

26 іюля.

...Это чуть ли не послѣднее письмо, которое я тебѣ пишу. Мы хотимъ ѣхать послѣ-завтра; будемъ ночевать въ Гофѣ... Мнѣ такъ дѣлается весело, что я тебя увижу, что я сказать тебѣ не могу... И я такъ буду счастливъ опять въ моей комнатѣ и работать буду много...

Доказательство, что я умный — то, что намедни былъ концертъ въ Постгофѣ, и я, увидѣвъ на афишахъ Symphonie in C-moll von Beethoven, отправился туда заранѣе одинъ, безъ Гагарина и Вельегорскаго и Мещерскихъ, которые пришли позже, и засѣлъ и выслушалъ ее, а остальное не захотѣлось слушать, и когда пришли другіе, тихонько ушелъ боковой дорогой... Я здѣсь морально усталъ очень, и у меня сильный Heim-Weh.

145.

Карлсбадъ, 5 (17) сентября. Zum König von Sachsen, et non pas zum Oesterreichischenhof.

...Я вчера пріѣхалъ въ 11 ч. въ Шварценбургъ и могъ бы сейчасъ же уѣхать, еслибы какой-то носильщикъ мошенническимъ образомъ не унесъ мой багажъ, подъ предлогомъ мнѣ помочь; у него былъ сдобный голосъ, и онъ отдалъ мой сундукъ и мои шляпные ящики какимъ-то чужимъ людямъ. Возвращеніе себѣ моихъ вещей взяло болѣе часа; въ это время я успѣлъ прочесть на стѣнѣ, что существуетъ новый «Желудочникъ», лекарство: русское—Russische «Magenbitter», подъ именемъ *Малаковъ* — безошибочное средство противъ всякихъ желудочныхъ и общихъ недуговъ, выдуманное нѣкіимъ Шульцъ и продающееся въ Шварценбургѣ.

...Вывѣска изображала француза, англичанина, русскаго и турка—всѣ четверо держатся за руки на вершинѣ Малахова Кургана и пьютъ Russisches Magenbitter.

Я пріѣхалъ въ Карлсбадъ сегодня утромъ въ 6 ч. и остановился въ Oesterreichischen Hof, но не остался тамъ, такъ какъ у дѣвушки, которая показывала мнѣ комнаты, были грязныя ноги. У König von Sachsen меня приняли съ радостнымъ возгласомъ и восторгомъ. Пепи бросилась мнѣ въ объятія.

Мнѣ открыли великолѣпную комнату; но такъ какъ она не была убрана, я пошелъ пока къ «Элефанту» пить кофе, и тамъ тоже меня приняли съ криками радости.

...Все пусто здѣсь; улицы въ 6 ч. утра были совсѣмъ пусты, и когда я сѣлъ пить кофе,—воробьи, бѣдные, худые, голодные, пришли всѣ «пѣтушкомъ», смотрѣть мнѣ прямо въ глаза...

Я пошелъ къ m-me Rahden, которой я все разсказалъ, и она пошла спросить великую княгиню, когда она хочетъ меня принять, и меня сейчасъ же, тутъ же приняли, въ пальто, безъ всякихъ мундировъ.

Я все разсказалъ великой княгинѣ, и она сказала: «я подумаю» (о пенсіи поэтессѣ Каролинѣ Павловой); я буду у нея опять сегодня вечеромъ въ сюртукѣ, а завтра я у нея обѣдаю...

Я уже готовъ былъ сбрить бороду, но это оказалось ненужнымъ.

Великая княгиня думаетъ, что разрѣшатъ представленіе *Іоанна* (Грознаго)...

146.

19 сентября.

Я открылъ, что настоящій генералъ іезуитовъ — не «August», но баронъ X..., съ которымъ я имѣлъ сегодня длинный споръ о соединеніи церквей... Способъ, который онъ употреблялъ, то уступая, то отступая, чтобы потомъ дальше прыгнуть, убѣдилъ меня въ истинѣ моихъ предположеній...

Я прочелъ великой княгинѣ 1-й актъ «Іоанна», и потомъ я у нея обѣдалъ...

147.

Римъ, 30 декабря.

Какъ только я пріѣхалъ, я напился чаю и поѣхалъ въ коляскѣ—не осматривать самые дома, а мѣстность, въ которой они находятся.

Я тебѣ скажу совсѣмъ откровенно, что сегодня впечатлѣніе Рима не было благопріятнымъ: во-первыхъ, холодно и непріятно, къ тому же городъ почти не освѣщенъ, т.-е. одинъ Корсо освѣщенъ; остальныя улицы освѣщаются лишь рѣдкими и дурными фонарями, и много улицъ и даже изъ главныхъ не имѣютъ совсѣмъ фонарей, такъ что отъ Санта-Маріа Мажіоре до св. Іоанна Латеранскаго и оттуда въ Колизей—что̀ должно быть гораздо больше версты—я ѣхалъ въ совершенной темнотѣ; кучеръ сперва не хотѣлъ ѣхать, говоря:—Sa troppo oscuro!—Это уже слишкомъ похоже на Мглинъ!..

1864.

148.

Дрезденъ, 7 іюня.

Я провелъ все утро сегодня отъ 9½ до 4 ч. съ m-me Павловой, которая мнѣ прочла 1-ый актъ «Смерти Валленштейна»... Переводъ—верхъ совершенства; мнѣ доставило истинное удовольствіе сравнить его съ оригиналомъ, и все утро прошло въ поправкахъ, которыхъ я потребовалъ отъ нея въ иныхъ мѣстахъ, и которыя она исполнила очень охотно, подчиняясь всему, что̀ я говорилъ...

...Въ самомъ дѣлѣ, великолѣпный переводъ, но вотъ что̀ меня тронуло: какъ только m-me Павлова получила первыя деньги отъ Великой Княгини Елены Павловны, она дала 10 талеровъ Мальхенъ... и купила себѣ часы съ кукушкой, которая кукуетъ всякую 1/4 часа. О тебѣ она говоритъ какъ объ ангелѣ...

149.

Карлсбадъ, 27 іюня.

Я читалъ Гончарову «Смерть Іоанна». Онъ восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что̀ онъ осудилъ и даже сказалъ, что онъ на это *негодуетъ*.—Зачѣмъ сбылось предсказаніе волхвовъ? Это, молъ, невозможно. И зачѣмъ въ «Серебряномъ», котораго онъ ставитъ очень высоко, сбывается предсказаніе мельника. Про «Серебрянаго» онъ говоритъ, что это—подвигъ, и что меня только тогда оцѣнятъ, когда я умру,—а появленія «Смерти Іоанна» уже ждутъ со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Онъ же говоритъ, что она такъ хороша, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего ей подобнаго, *исключая «Бориса Годунова»*.

Онъ о ней пишетъ Тургеневу и все говоритъ про нее и относится ко мнѣ съ почтеніемъ, а за предсказаніе даже сердится. Онъ очень добрый и скромный...

...Сегодня шла по «Визѣ» одна женщина и несла корзинку съ кипфелями, а за ней шелъ одинъ очень маленькій мальчикъ, въ грязненькихъ панталонахъ и держался за ея платье; изъ задней панталонной прорѣхи торчала у него очень бѣдная рубашка. Когда женщина остановилась съ кѣмъ-то говорить, онъ тихонько вытащилъ изъ корзинки одинъ кипфель и началъ жадно ѣсть, а мать увидѣла и захотѣла отнять. Тогда онъ поскорѣй запихалъ кипфель за щеки и сталъ бѣжать съ крикомъ. Одинъ перчаточникъ вышелъ изъ лавки и поймалъ его. Тогда мать надавала ему шлепковъ и отняла остатокъ кипфеля, а онъ началъ горько плакать и опять уцѣпился за ея платье и пошелъ за ней маленькими шагами и все смотрѣлъ на корзинку... Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды; все это я сейчасъ выдумалъ, никакой такой даже женщины не было.

150.

Карлсбадъ, 6 іюля.

...Ты мнѣ никогда не вѣришь, а Гончаровъ говоритъ, что я стою совершенно особнякомъ въ русской литературѣ

и внесъ въ нее новый элементъ, и ни въ чемъ на другихъ непохожъ, а всѣ, дескать, другіе, и онъ самъ, столпились, дескать, въ одну кучку, и это, дескать, нехорошо.

А графиня *** говоритъ, что надѣется, что со мной встрѣтится *въ жизни*, а я говорю: — какое, говорю, мнѣ дѣло! Я люблю одну, а прочія всѣ трынъ-трава. Учтивость, пожалуй, окажу, но болѣе не требуй никто...

А теперь дождь и холодъ.

А Г. когда ѣстъ, то все жеванное показываетъ и говоритъ жуя, такъ что я не хочу безъ надобности болѣе съ нимъ обѣдать. Что̀ за откровенность?!

...Я сейчасъ былъ у графини ***, чтобы поблагодарить ее за то, что она сказала мнѣ вчера, что хочетъ встрѣтиться со мной *въ жизни*. Пока я ее благодарилъ, доложили, что пришелъ къ ней король прусскій. Это значило, что я долженъ очистить квартиру. Я ее очистилъ.

Внизу встрѣтилъ короля, который сказалъ мнѣ такъ: «Quel temps magnifique!» Иронія, значитъ, потому что холодно и дождь. Но я снялъ шляпу и отвѣчалъ какъ слѣдуетъ: «Magni-perbe, Sire». Вошелъ, то-есть, въ шутку короля, оцѣнилъ иронію...

Всѣмъ бѣднымъ людямъ здѣсь я дѣлаю визиты, а знатнымъ никому, развѣ—если дама. Учтивость оказать могу, а любви и не проси.

А у гр. *** есть дочь.

И вчера въ темнотѣ она мнѣ сказала:—«Видѣли ли вы мою дочь?»

— «О, нѣтъ, madame,—отвѣчалъ я.

— «Я хочу вамъ ее показать, я ею горжусь!»—сказала она.

— «Ну, показывайте»,—отвѣчалъ я.

— «Въ другой разъ»,—сказала она.

— «Bigre»,—сказалъ я.

— «Графъ,—отвѣчала она:—я хотѣла бы васъ встрѣтить не только въ Карлсбадѣ, но и *въ жизни*».

— «Гдѣ это такое, madame?»—спросилъ я.

— «Вездѣ!»—сказала она.

— «Я не премину туда явиться»,—сказалъ я.

— «Когда?»—спросила она.

— «Всегда»,—отвѣчалъ я.

— «Merci»,—сказала она.

— «Не за что»,—отвѣчалъ я.

— «Шалунъ!»—сказала она.

— «Сирена!»—отвѣчалъ я.

151.

8 іюля.

...Мною совсѣмъ завладѣли вѣнценосцы. Сейчасъ иду къ В. Кн. Еленѣ Павловнѣ. Значитъ, она не разсердилась, что я вчера къ ней не пошелъ...

За обѣдомъ я встрѣтилъ графиню ***, которая говоритъ, что завтра уѣзжаетъ въ 11 ч. утра, но проситъ меня придти къ ней.

О чемъ бы это было?

Я ей разскажу исторію про кошку.

Вотъ, я сейчасъ пойду къ Еленѣ Павловнѣ, и какъ вернусь, то скажу тебѣ вкрацѣ, что̀ и какъ...

Тамъ былъ одинъ нѣмецкій актеръ, который разсказывалъ анекдоты. А самой Елены Павловны не было,—нездорова, дескать. А король былъ и графиня ***.

152.

11 іюля.

...Я читаю теперь *Марево*; это чортъ знаетъ что̀. И талантъ есть, и нѣкоторыя удачныя описанія, и кой-какія хорошія выраженія, рядомъ съ сильнымъ лакействомъ. Романъ написанъ въ припрыжку, такъ что иной разъ и ничего понять нельзя.

Такой-то вышелъ изъ комнаты... даже уѣхалъ,—и тотчасъ опять тутъ, и говоритъ какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ явится какой-нибудь господинъ, о которомъ и рѣчи не было, и продолжаетъ что-нибудь такое, чему никогда не было начала. А начинается оно такъ:—Молодая дѣвушка купается въ пруду. Подходитъ незнакомый ей человѣкъ, графъ Бронскій, и вступаетъ съ ней въ разговоръ.

Она приглашаетъ его обѣдать.

Они садятся въ лодку и плывутъ на хуторъ. Дорогой дѣвушка убиваетъ изъ ружья четыре домашнія утки. Графъ Бронскій прикусываетъ имъ шеи (что̀ дѣвушкѣ не нравится), а она, когда они вошли въ домъ, отдаетъ ихъ повару вмѣстѣ съ живымъ ежомъ, котораго принесла въ платьѣ, при чемъ она говоритъ:—На! Сдери съ него шкуру!—Утокъ ощипываетъ сама; потомъ обѣдаютъ. Она чрезвычайно образована, чувства ея самыя возвышенныя, много начитанности, и всѣ въ нее влюбляются. Потомъ идетъ страшная чепуха съ заговорами, повстанцами, мировыми посредниками, гимназистами и т. д.

Все это вертится на недавнихъ событіяхъ и потому какъ будто представляетъ какой-то интересъ. Авторъ перещеголялъ даже Кохановскую новостью языка. У него безпрестанно:—Здравствуйте!—почесался Николай Иванычъ.—Нѣтъ, этому не бывать!—уѣхалъ Петръ Данилычъ.—Желалъ бы видѣть васъ на моемъ мѣстѣ!—женился Пудъ Савичъ, и т. д.

153.

Carlsbad, 13 іюля.

...«Марево», которое я читаю, уже не такъ плохо, какъ мнѣ сперва показалось.

Клюшниковъ—человѣкъ съ настоящимъ талантомъ, но онъ имъ орудуетъ какъ акробатъ. Во всякомъ случаѣ интересно...

...Сейчасъ я вернулся отъ Елены Павловны. Тамъ я сцѣпился съ д-ромъ Зегеномъ о томъ, что есть явленія, которыхъ объяснить извѣстными законами нельзя.

Зегенъ, разумѣется, доказывалъ противное и говорилъ слово въ слово то, что̀ *Вальтеръ* и *Шлейденъ*. Разговоръ былъ по-нѣмецки, и сперва онъ привлекъ вниманіе Великой Княгини, а потомъ короля, и наконецъ всѣ сгруппировались вокругъ насъ. Когда присутствуетъ при спорѣ публика, которая слушаетъ и обсуждаетъ добросовѣстность противниковъ, меня не пугаетъ никакой противникъ, такъ какъ дѣло не заключается въ томъ, чтобы убѣдить его, но доказать его недобросовѣстность, что̀ мнѣ совершенно и удалось.

Кажется, споръ продолжался около часу, и Зегенъ совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ злобы, но всѣ перешли на мою сторону, такъ какъ я не цитировалъ фактовъ, а только констатировалъ право всякаго феномена быть раньше разсмотрѣннымъ, чѣмъ осужденнымъ.

...Передъ отъѣздомъ отсюда напишу тебѣ по телеграфу.

Я вчера купилъ, на нѣсколько крейцеровъ, маленькую палочку съ краснымъ набалдашникомъ и отнесъ ее маленькому, который сидитъ возлѣ матери въ Puppsche Allee. Я засталъ его подъ столомъ и онъ очень былъ мнѣ радъ. Когда онъ меня видитъ, онъ закрываетъ глаза и идетъ ко̀ мнѣ на встрѣчу перекачиваясь.

154.

Швальбахъ, (12) 24 іюля.

Сегодняшнюю твою депешу получилъ на вечерѣ у Императрицы, и пишу тебѣ въ Hôtel d'Angleterre, не зная на-

вѣрно, застанетъ ли тебя мое письмо. Передъ отъѣздомъ пошлю тебѣ туда депешу, а навѣрно не могу сказать, черезъ сколько дней уѣду; «*но буду норовить*», чтобы не остаться до именинъ Императрицы.

А она такая добрая, что совѣстно отъ нея уѣзжать.

Она увидѣла, какъ я пріѣхалъ, и позвала меня къ себѣ *сама*, какъ я былъ, съ сумочкой черезъ плечо. И про тебя спрашивала: и гдѣ ты, и какъ лечишься, и что̀ мы дѣлали въ Римѣ? И счастливъ ли я?

Она, право, лучше всѣхъ; такую добрую трудно найти. И ужъ такая неоффиціальная и такъ съ ней легко говорить и легко быть... Я ее ужасно люблю, и во всѣхъ положеніяхъ любилъ бы.

Мнѣ дали къ ней дипломатическое порученіе, словесное и секретное.

Вотъ тебѣ, чтобы тебя заинтриговать.

А изъ «Ивана», на другой же день пріѣзда, т.-е., вчера, я ей читалъ три акта; а сегодня читалъ четвертый, а далѣе не могъ, потому что пріѣхала великая герцогиня Веймарская...

Ну, кажется, «Иванъ», исключая Павловой, ни на кого еще такого дѣйствія не производилъ! Слушали: Императрица, Тютчева, Мальцева и m-me Friedrichs. Императрица, à la lettre, и краснѣла, и блѣднѣла, и уже такъ хвалила, и во время чтенія, и послѣ, что я былъ очень, очень радъ. Не знаю навѣрно, но кажется мнѣ, что ей хочется, чтобы его дали на русской сценѣ.

Если это случится, то моя репутація сдѣлана, несмотря ни на какіе журналы...

А у дочери Императрицы есть котъ, и у маленькаго Сергѣя Александровича есть котъ...

155.

Швальбахъ, 25 іюля.

Другъ мой, пишу къ тебѣ на удачу въ Hôtel d'Angleterre. Сегодня я кончилъ читать Императрицѣ «Ивана».

Успѣхъ его былъ *удивительный*.

Еще останусь дня три, а потомъ надѣюсь, что можно будетъ ѣхать приличнымъ образомъ, а до того—нельзя.

Завтра пріѣдетъ Ольга Николаевна.

И у Павла Александровича есть котъ. Христосъ съ тобой!

1865.

156.

Петербургъ, 19 мая.

Я видѣлъ Государя сегодня. Онъ меня принялъ съ большой добротой—и благодарилъ меня за то, что я пріѣхалъ.

Онъ мнѣ сказалъ:—Могъ ли я подумать, что я его (Наслѣдника Цесаревича) переживу!.. Я благодарю Господа, что Онъ мнѣ дозволилъ его увидать до смерти, но вы можете себѣ вообразить страданія, черезъ которыя я прошелъ во время путешествія.—Потомъ онъ мнѣ показалъ его портретъ, сдѣланный во время болѣзни. Я ему передалъ букетъ фіалокъ (Пустынскихъ) для Императрицы, которая приняла его и сказала, что пришлетъ за мною.

157.

22 мая.

...Я обѣдалъ у Бобринскихъ и съ ними пошелъ къ Костомарову, который въ большомъ энтузіазмѣ насчетъ моей первой драмы, и который говоритъ, что ничего подобнаго не знаетъ въ нашей литературѣ. Онъ говоритъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ ее прочелъ съ новымъ восхищеніемъ... Я постараюсь ихъ соединить съ Гончаровымъ и прочесть имъ вмѣстѣ «Ѳеодора». Костомаровъ совершенно допускаетъ анахронизмы въ драмѣ и обращаетъ вниманіе только на правду въ исторически-психологическомъ смыслѣ, которая, онъ увѣряетъ, у меня достигнута съ замѣчательнымъ чутьемъ.

Я тебѣ не сказалъ, что вчера, послѣ чтенія, Б. и М. мнѣ говорили, что они чувствуютъ, что все должно было происходить такъ, какъ я описываю.

Они такъ же, какъ и ты, очень хвалили Ирину.

30 мая, оба Великіе Князя пріѣдутъ въ Пустыньку, гдѣ Маркевичъ прочтетъ имъ «Смерть Іоанна»...

Сегодня я разговаривалъ съ В. А. довольно долго; онъ любитъ литературу, искусство и науки...

158.

Карлсбадъ, 8 августа.

...Сегодня подошелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и сказалъ:—«Позвольте рекомендоваться, я профессоръ Благовѣщенскій, давно желалъ», и пр. Я притворился, что очень обрадовался, и сказалъ, что я также давно желалъ и много на-

слышался и пр. Онъ началъ говорить, что читалъ «Серебрянаго» въ Римѣ, въ кругу художниковъ, и что всѣ они восхищены и пр. Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ и пр.

А ты скажи мнѣ теперь, кто такой Благовѣщенскій? Здѣсь не у кого спросить.

...Я сталъ худенькій, какъ пудель, вышедшій изъ воды.

Былъ сейчасъ у меня Благовѣщенскій, и увидѣвъ на столѣ Рётчера, сталъ говорить о нѣмецкой литературѣ, а съ Зегеномъ говорилъ по-нѣмецки очень хорошо.

Ну, кто же онъ?

А я сейчасъ былъ у Sabatier и засталъ его, потому—дождикъ. И я сначала говорилъ съ нимъ долго по-нѣмецки, а потомъ вдругъ сталъ говорить по-французски, ну и онъ говоритъ хорошо!.. гораздо лучше, чѣмъ Rohan. И сказалъ онъ, что Грегоровіусъ въ Германіи, и будто можетъ быть въ Карлсбадѣ, ну и что онъ издалъ V-й томъ своей Исторіи, и что—очень хорошо.

...А Благовѣщенскій, какъ я сейчасъ узналъ, не только написалъ «Горацій и его время», но онъ еще дѣйств. статскій совѣтникъ—и есть у него жена и, кажется, добрая. Я думаю часто о Красномъ-Рогѣ съ Heimweh, и вижу насъ всѣхъ верхомъ въ лѣсу. Вылечись непремѣнно, чтобы мы могли съ тобой часто гулять и верхомъ, и пѣшкомъ, и въ Пустынькѣ, и въ Красномъ-Рогу и чтобы твоя рыженькая лошадка «Игрушка» обрадовалась бы тебѣ...

А Петербургъ—это такая с....., что тошно и вспоминать о немъ...

Даже Берлинъ лучше!

159.

Карлсбадъ, 11 августа.

...Я только-что вернулся отъ Барятинскаго (ф.-маршала), которому я прочелъ послѣдніе акты «Донъ-Жуана». Онъ—*восторженный* почитатель...

Вельегорскій, который уже слышалъ драму, приходилъ два дня сряду вторично ее слушать.

У Барятинскаго даже много драматическаго такта—и онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, очень тонкихъ для фельдмаршала, и за которыя я ему благодаренъ...

Барятинскій не перестаетъ говоритъ о «Ѳеодорѣ» и особенно объ Иринѣ, и онъ споритъ со мной и утверждаетъ, что во всемъ, что̀ я ему читалъ, нѣтъ ни одной длинноты и не надо ничего сокращать—*это неправда.*

Онъ говоритъ, что я выказалъ въ этой драмѣ большое знаніе человѣческаго сердца—*это правда.*

Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты съ нимъ познакомилась, онъ очень тебя заинтересовалъ бы...

160.

19 августа.

...Отправивъ тебѣ мое первое письмо, я пошелъ къ Сабатьѐ. Я еще тебѣ не сказалъ, что онъ—маленькій и жирный, и что у него борода такая же, какъ у Грегоровіуса—въ этомъ-то, вѣроятно, и заключается причина ихъ дружбы. А можетъ быть, что у нихъ на двухъ только одна борода, и что они ее носятъ поочередно. Оттого-то они не показываются никогда вмѣстѣ, и Грегоровіусъ находится теперь въ Тиролѣ.

Какъ бы то ни было, у Сабатье отличное лицо и прекрасный ротъ. Первый разъ, когда я его видѣлъ, онъ немного ломался и принималъ позы, какъ Грегоровіусъ, но теперь совсѣмъ нѣтъ. Мы говорили съ нимъ о кельтическихъ поэмахъ, скандинавскихъ и славянскихъ, и потомъ онъ мнѣ далъ прочесть переводъ «Вильгельма Теля», по-французски, ямбами...

А у меня есть Рётчеръ—Cyclus dramatischer Charactere—и его же Шекспиръ—in seinen höchsten Character gebildet, и его же Kunstdramatischer Vorstellung—и Letter on Corpulence, by W. Banting. А ты знаешь, Geschichte der Kunst von Shnase—этого у меня нѣтъ.

161.

Карлсбадъ, 22 августа.

...Я сдѣлалъ прогулку съ Благовѣщенскимъ. Чтобы ты имѣла нѣкоторое понятіе о немъ,—вотъ что онъ мнѣ разсказалъ про свою молодость.

Во время вакаціи, когда онъ былъ студентомъ въ Лейпцигѣ, онъ отправился путешествовать пѣшкомъ по берегамъ Рейна, и когда они дошли до долины *Ааръ*, ему показалось это такъ красиво, что онъ совсѣмъ сошелъ съума: онъ сталъ пѣть, потомъ танцовать—и потомъ лишился чувствъ. Женщина, которая несла фрукты, была такъ прекрасно освѣщена солнцемъ, что онъ до сихъ поръ о ней говоритъ съ энтузіазмомъ.

Не правда ли, хорошій человѣкъ? Но теперь онъ бѣлокурый, толстый и сгорбившійся.

Онъ—большой хохотунъ; онъ иногда смѣется до слезъ и говоритъ очень хорошо по-нѣмецки, и цѣнитъ все, что̀ я говорю кельнерамъ, и самъ говоритъ отличные каламбуры по-нѣмецки. Онъ—другъ Костомарова, который много ему говорилъ про насъ и Пустыньку.

Не правда ли, нужно когда-нибудь взять его съ собой туда?..

...Ты помнишь, прошлаго года я тебѣ писалъ объ одной женщинѣ, которая продавала пряники въ «Puppsche Allee», и объ очень маленькомъ мальчикѣ, котораго называли Adolph, и которому я давалъ дудочки и другія игрушки. Ея теперь нѣтъ въ «Puppsche Allee», и я собралъ о ней справки и узналъ, что она живетъ за городомъ и сдѣлалась прачкой, и я ее отыскалъ, и маленькаго тоже, и она мнѣ очень обрадовалась, а маленькій такой несчастный, весь въ паршѣ, но тотчасъ меня узналъ и игрушки всѣ сохранилъ,—значитъ, нѣмецъ,—и я имъ далъ два гульдена, и она мнѣ сказала, что мальчику надо давать рыбій жиръ.

Вчера былъ концертъ въ пользу погорѣвшаго города и былъ тамъ попурри изъ «Africaine» съ надлежащими диссонансами и африканскими дудочками и эффектами...

...Sabatier очень хорошо читалъ «Malade imaginaire», а самъ Зегенъ и Чермакъ оба смѣялись весьма добродушно. Признаться, это я попросилъ «Malade imaginaire», а сначала хотѣли читать «Tartuffe».

...А я не рѣшился спросить у m-me Sabatier, знавала ли она Бетховена; она еще не такъ стара, и могла бы обидѣться, а я какъ-нибудь наведу разговоръ на это...

...А сегодня у меня былъ новый тріумфъ. Я прочелъ три акта «Іоанна» двумъ священникамъ и одной попадьѣ, и старый такъ добродушно наслаждался, что я не жалѣю, что читалъ. Онъ главнымъ образомъ оцѣнилъ *сжатость* и живописную правдивость...

И когда я прочелъ сцену съ Гарабурдой, онъ началъ танцовать на стулѣ и хлопать руками...

...Другой священникъ тоже танцовалъ, но меньше...

Они оба малороссы, и старый мнѣ сказалъ:—Это вы мнѣ такое удовольствіе доставили, что на всю жизнь!

Послѣ-завтра я читаю ему остальное.

1866.

162.

Гостинница Мирабо. Парижъ, 25 іюля.

...Съ В. Боткинымъ я встрѣтился на улицѣ сегодня вечеромъ, и мы пошли ходить и разговаривать...

...Вышло, что въ Петербургѣ былъ большой энтузіазмъ къ «Смерти Іоанна», и до сихъ поръ продолжается между людьми всѣхъ цвѣтовъ, какъ онъ говоритъ.

Еще прежде него мнѣ говорили, что актеры читаютъ трагедію между собой, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы ее поставили на сцену, и хотятъ во всемъ подчиниться мнѣ, какъ режиссеру, и ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ. *Если это правда,* то это очень хорошо. Посмотримъ, что̀ завтра скажетъ Гончаровъ?

...Я былъ сегодня съ Новицкимъ въ Jardin d'Acclimatation, и смотрѣлъ тамъ исключительно только однихъ звѣрюшекъ, которыя сидятъ въ aquarium... Какія тамъ есть маленькія рыбки съ четырьмя ножками и съ золотыми, совершенно золотыми глазами. Ихъ зовутъ—сирены. При насъ кормили морскихъ крабовъ говядиной. Тамъ есть тоже раки, совершенно прозрачные, точно изъ воды, и все это въ корридорѣ, въ который свѣтъ падаетъ черезъ воду. Это очень, очень хорошо, и мнѣ такъ жаль, что ты этого не видала.

163.

26 іюля. Hôtel Mirabeau.

...Сейчасъ я обѣдалъ съ Гончаровымъ и съ Боткинымъ. Они немножко поссорились за выборъ кушанья, поспорили, погорячились и успокоились. Ужъ что̀ они оба говорятъ про «Смерть Іоанна», и про то, какъ ее ожидаютъ на сценѣ, и что я назначенъ сдѣлать перерожденіе сцены, и пр. и пр...

164.

Карлсбадъ, 18 (6) августа.

...Здѣсь очень холодно, и Великая Княгиня топитъ комнаты всякій день... Вотъ что̀ было сегодня. Нѣсколько дней тому назадъ я пилъ кофе у «Элефанта». Ко мнѣ подошелъ хозяинъ, очень добренькій и старенькій, снялъ бар-

хатную шапочку и пригласилъ меня на козью охоту, назначенную на сегодня. Я поблагодарилъ и принялъ.

Сегодня же, передъ тѣмъ, чтобы мнѣ идти на охоту, вошелъ ко мнѣ Н*** и, узнавъ объ охотѣ, попросился на нее. Я его представилъ этимъ нѣмцамъ, и они пригласили его очень радушно. У насъ же есть правило стрѣлять однихъ козловъ, а козъ пропускать. Въ первый загонъ передъ Н*** пробѣжала коза, и онъ удержался и не выстрѣлилъ, но послѣ загона все сожалѣлъ и говорилъ, что она должна была быть очень *вкусная*. А въ другомъ загонѣ онъ подстрѣлилъ одну женщину, которая собирала валежникъ, въ лицо, но, къ счастью, легко. Ее посадили въ коляску и отправили къ доктору, а послѣ охоты Н*** разсказывалъ на «Визѣ»: «Я сдѣлалъ счастье женщины, такъ какъ я ее немного подстрѣлилъ, и далъ ей золота».

Оно такъ, только ни одинъ изъ Бобринскихъ такъ бы не поступилъ, и непремѣнно самъ бы отправился съ этой женщиной къ доктору, и десять разъ въ день бѣгалъ бы къ ней. Я ее даже и не видалъ,—это случилось далеко отъ меня. А самъ я ни разу не выстрѣлилъ. А нѣмцы убили одного козла. Разскажи все это Андрейкѣ.

165.

Карлсбадъ, 19 августа.

...Я сегодня совсѣмъ здоровый, и ходилъ гулять очень, очень далеко, потому что вчера получилъ твое письмо...

Н*** далъ подстрѣленной женщинѣ 15 луидоровъ и заплатилъ доктору, а у нея сегодня вынули дробь изъ головы, и никакой опасности нѣтъ.

Н***, сидя со мной у «Элефанта» и видя разныхъ невзрачныхъ людей, проходящихъ мимо, сказалъ:—Экая здѣсь собачья компанія!

Онъ очень не нравится m-me Rahden. А еще разъ мы сидѣли у «Элефанта», и мимо проходилъ господинъ, совершенно похожій на лягушку, а я сказалъ Н***:—посмотри, какая идетъ лягушка!—а онъ отвѣчалъ съ почтеніемъ: — Это очень богатый банкиръ Оппенгеймъ, я у него на-дняхъ обѣдаю...

166.

21 августа.

...Я сегодня обѣдалъ у Велик. Княгини съ Кошелевымъ—и опять ѣлъ форели... Она очень восхищается Прус-

сіею—а я ни разу не пошелъ въ этотъ годъ на Friedrich-Wilhelms Höhe — и я избѣгаю этого, потому что ненавижу затылки пруссаковъ и ихъ животы, которыми они такъ гордятся.

Здѣсь находится старый помѣщикъ Ивинскій, большой энтузіастъ «Серебрянаго». Вообще я пользуюсь большимъ успѣхомъ у старыхъ помѣщиковъ.

...Есть здѣсь одинъ человѣкъ, котораго ты знаешь—музыкантъ Hartmann изъ Дрездена, очень больной и печальный; я выбралъ его, чтобы ходить съ нимъ; онъ насилу ходитъ, но мнѣ съ нимъ легче, чѣмъ съ другими, оттого, что онъ такой печальный, и онъ также ко мнѣ съ удовольствіемъ примыкается, и всѣхъ людей избѣгаетъ, и мы все говоримъ про музыку, про Листа, онъ его ученикъ, и ужасно его любитъ, про Глука и про Моцарта, и про Вагнера. Я сейчасъ его довелъ до его дома, а до того проводилъ въ одну гостинницу, и смотрѣлъ, какъ онъ ѣлъ супъ и компотъ...

167.

Карлсбадъ, 22 августа.

...Здѣсь есть съ Великою Княгиней одинъ очень пріятный человѣкъ, музыкантъ Derfell. Онъ полу-нѣмецъ, полуитальянецъ, очень хорошая смѣсь, особенно для музыканта. Его спеціальность—Beethoven, но я его еще не слыхалъ; къ нему же пріѣхало «piano» изъ Лейпцига. И также у него славное лицо, совсѣмъ итальянское. Я его очень полюбилъ; онъ и умный, и наивный, и ротъ у него дѣтскій, и онъ разсказываетъ анекдоты, и самъ помираетъ со смѣху. Ужъ я какъ-нибудь привезу его къ тебѣ въ Пустыньку... Пусть онъ намъ играетъ Бетховена...

Я началъ писать съ горя инструкцію актерамъ, но мало-по-малу вписался, и выходитъ огромная статья, по мнѣ—очень интересная, которую слѣдуетъ напечатать. Тутъ и исторія, и психологія, и археологія, и физіономика, и декораціонное искусство, и эстетика, и критика. Мнѣ очень любопытно знать, что̀ ты про это скажешь, а актерамъ, мнѣ кажется, оно будетъ полезно не только для моей трагедіи, но и вообще. Для моей же трагедіи это имъ необходимо...

...Сегодня уѣзжаетъ Кошелевъ, и мнѣ это жалко; я къ нему привыкъ, и онъ ко мнѣ. Онъ очень интересный и умный человѣкъ, и никакой въ немъ нѣтъ натяжки, ника-

кого козырянія, хотя онъ немного глухъ, но съ нимъ было очень ловко—и говорить очень пріятно...

Пруссаки наползли сюда со всѣхъ сторонъ, и всѣ въ мундирахъ, съ выпученными брюхами; раздражаютъ воздухъ своими голосами и портятъ ландшафтъ.

Еслибы австрійцы были умнѣе, они стрѣляли бы въ нихъ не порохомъ, а персидскимъ порошкомъ.

Говорятъ, что изъ этого выйдетъ что-то великое. Они въ Богеміи съѣли всѣхъ дойныхъ коровъ, а въ Моравіи вставили себѣ даромъ фальшивые зубы.

168.

31 августа.

...А пруссакамъ я простилъ. Всѣ солдаты—самые порядочные люди, чрезвычайно скромные и учтивые, и офицеры очень скромные; въ кофейняхъ и гостинницахъ говорятъ не иначе, какъ вполголоса, и съ солдатами обращаются очень учтиво. И у всѣхъ солдатъ и у офицеровъ длинныя бороды. Ихъ даже австрійцы, у которыхъ они стоятъ, очень хвалятъ. Здѣсь есть одинъ огромный маіоръ съ рыжей бородой, von Thiele; онъ съ такимъ радушіемъ показывалъ мнѣ Zündnadelgewehr, который взялъ у проходившаго егеря (тоже очень добраго), что я ему сегодня сдѣлалъ визитъ. Они вовсе непохожи на тѣхъ пруссаковъ, съ которыми мы обѣдали въ Берлинѣ. А все-таки было бы лучше, еслибъ ихъ не было, а вмѣсто ихъ жили бъ возлѣ насъ тосканцы, или испанцы, или шотландцы.

169.

3 сентября.

...Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ воробьиныя ноги, когда онѣ прыгаютъ. Обыкновенно обращаютъ вниманіе на ихъ туловище, которое тоже очень смѣшно, но если смотрѣть на однѣ ноги, то видно, какъ онѣ киваютъ маленькими желтенькими пятками такъ скоро-скоро, — и точно будто дѣлаютъ очень нужное и спѣшное дѣло. Мнѣ сказали, что можно издали узнать, когда я сижу у «Элефанта», по воробьямъ, которые прыгаютъ кругомъ по землѣ... И бестіи! очень они неблагодарные. Раза два случалось, что иной наѣстся, взлетитъ на дерево, прицѣлится оттуда, и либо на рукавъ, либо около самой чашки...

А Дерфель наканунѣ разсказывалъ разнымъ мужчинамъ очень неприличный анекдотъ про одного венгерца. Тутъ же

были принцъ Виртембергскій, Раухъ, Розенъ и разные другіе. Вчера я у Вел. Кн., въ присутствіи дамъ и тѣхъ же самыхъ людей, и самого Дерфеля, объявилъ, что я хочу разсказать анекдотъ про венгерца, который я слышалъ наканунѣ. И началъ свой анекдотъ тѣми же словами, какъ Дерфель, и до половины было все совершенно то же. Принцъ Виртембергскій и всѣ испугались. Они подумали, что я сошелъ съума, и стали меня перебивать и смотрѣть на меня ужасными глазами. А я продолжалъ разсказывать, и вышло, разумѣется, не то, что̀ они ожидали. Видя ихъ лица, m-lle Rhaden тоже испугалась. А послѣ, когда мы ушли, всѣ дорогой дѣлали мнѣ большіе комплименты...

Вотъ я говорю тебѣ вздоръ, а на сердцѣ кошки скребутъ... Я воротился отъ m-lle Rhaden, и тамъ была княгиня Мірская и дали ей ужинать одну холодную форель, и она мнѣ предложила половину, а можетъ быть думала, что я не возьму, а я взялъ да съѣлъ. И тамъ игралъ Дерфель съ однимъ голландскимъ скрипачемъ Röndgen, и всѣ они, черти, играли Шуберта, а Бетховена не играли. И Дерфель ужасно, мошенникъ, стучитъ, и онъ, пожалуй, разобьетъ наше піано въ Пустынькѣ, а здѣсь всѣ восхищаются, а онъ просто стучитъ пальцами...

...Давай говорить о Римѣ, и какъ тамъ было хорошо; когда ты отдохнешь, мы опять туда поѣдемъ... Дай Богъ, чтобы оно было такъ... И мы поѣдемъ опять по дорогѣ въ *Остію* и будемъ видѣть свѣтлыхъ букашекъ и большихъ быковъ и хорошихъ мужичковъ въ косматыхъ панталонахъ. И вдали увидимъ горы, которыя не то горы, не то облака, не то музыка, не то запахъ цвѣтовъ. И услышимъ, какъ жаворонки поютъ и какъ кричатъ ослы. И поѣдемъ по улицамъ, и тамъ будетъ скверно пахнуть, а потомъ пріѣдемъ къ какой-нибудь церкви, и насъ впуститъ живописный монахъ, и мы увидимъ мозаики и полъ изъ opus alexandrinum. И въ Колизей пойдемъ пѣшкомъ, потому что ты будешь спокойная и здоровая, и тамъ мы сядемъ и будемъ смотрѣть въ двери, въ стѣнахъ, и увидимъ черезъ нихъ кипарисы и пиніи. И потомъ придутъ братья милосердія и будутъ молиться... И въ галереи мы станемъ ѣздить... И Соня будетъ списывать картины... и Teano къ намъ будетъ ѣздить, и мы пойдемъ опять ночью бѣгать на Piazza del popolo съ завязанными глазами, а мраморные львы будутъ шумѣть, шумѣть фонтанами, и мѣсяцъ выйдетъ изъ-за Monte Pincio. И будетъ такъ тепло, и будетъ пахнуть по-

меранцами, и на Корсо будутъ освѣщены aquajoli и магазины съ картинками, и мы купимъ себѣ транспаранъ церкви св. Петра. И у меня будетъ такъ легко на сердцѣ, когда я увижу, что ты спокойна! И всѣхъ я тогда буду больше любить...

170.

Карлсбадъ, 8 сентября.

Анненковъ говоритъ, что у меня стихъ въ народныхъ сценахъ блѣдный и слабый. Видно, что у него братъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ, и критика его написана чухонскимъ языкомъ; на каждомъ шагу ошибки противъ синтаксиса и грамматики, и котурнъ онъ называетъ *котурною*, и что драма возникла изъ поучительныхъ цѣлей. И говоритъ, что я пишу какъ французскій драматическій писатель. И что мнѣ нужно одолѣть собственную свою фантазію, сдѣлаться ея господиномъ и удвоить ея силу и дѣйствіе, подчинивъ строгому воспитанію мысли, опирающейся на законы творчества и на исторію, поясненную народными бытовыми началами. Вотъ какъ!.. Вальтеръ Скоттъ!.. Онъ говоритъ, что «Іоаннъ» у меня совершенно *односторонній* и ростетъ только въ одну сторону. Въ какую же ему сторону еще рости? Ужасно они глупы, эти критики, которымъ самимъ надо бы сильно учиться прежде, чѣмъ начать учить другихъ, а особенно цѣлую публику.

Да еще Анненковъ говоритъ, что схимникъ есть у меня *лукавое подставное лицо*, которое *западныя европейскія* драмы употребляютъ, чтобы пристыжать нелюбимыя ими эпохи, т.-е. что онъ является, чтобы выказать упадокъ Іоанна. Вишь какое открытіе! Какой онъ догадливый! Такъ прямо и догадался и нисколько не *ошибся*. И вообще, говоритъ, пріемы моей постройки драмы суть пріемы *европейскіе*.

171.

Carlsbad, 8 сентября.

Я читалъ критику на «Смерть Ивана Грознаго». Ее написалъ Анненковъ. Онъ боится и похвалить, и осудить, и все оговаривается и ничего не говоритъ. Онъ не знаетъ и азбуки эстетики, и никогда, какъ видно, ничего объ эстетикѣ не читалъ. Даетъ онъ мнѣ такія правила, которыя я знаю лучше его, и укоряетъ въ томъ, противъ чего я ропщу съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Напримѣръ, онъ

говоритъ, что у меня прежде всего родилась идея *поученія*, и что къ ней я приспособилъ идею драмы, которая пришла уже послѣ. Очень нападаетъ на убіеніе Годуновымъ Іоанна, говоря, что оно не историческое, какъ будто я этого не знаю; наконецъ, что въ архитектуру трагедіи я внесъ иностранныя понятія, но что это мнѣ во многихъ мѣстахъ удалось. Что̀ это за чепуха? Потомъ есть въ критикѣ цѣлыя полустраницы совершенной безсмыслицы, которую понять невозможно. Разбираетъ онъ меня вмѣстѣ съ Чаевымъ (котораго я не знаю, и который, можетъ быть, отличный писатель), и говоритъ, что мы оба достойны стать на ряду съ Островскимъ и Меемъ, и что у меня есть несомнительный талантъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе разборы «Современника», чѣмъ такія похвалы. Тамъ, по крайней мѣрѣ, просто ругаются, и тотчасъ видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Потомъ Анненковъ приводитъ *курсивомъ* такія слова, которыхъ у меня вовсе нѣтъ, и говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ *съ вѣнцомъ на головѣ*. Это, говорятъ, самая лучшая критика. Каковы же должны быть другія? Одно у него очень вѣрно и очень хорошо сказано. Онъ говоритъ, что всѣ лежатъ во прахѣ передъ моимъ Іоанномъ, а Іоаннъ все думаетъ: «они не хорошо лежатъ; они недостаточно откровенно лежатъ; они по бунтовщичьи лежатъ». Я наклепалъ на Анненкова; я сейчасъ опять взглянулъ въ книгу: онъ говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ съ вѣнцомъ *на готовѣ*, а не *на головѣ*.

172.

Дрезденъ, 14 сентября.

...Сегодня, между прочимъ, былъ одинъ скульпторъ Kirchhof, котораго я не зналъ, съ просьбою сдѣлать мой профиль для «Illustrirte Zeitung», какъ извѣстнаго человѣка... А Анненковъ сказалъ, что я сталъ на котурну и пишу какъ французъ, и что вся трагедія родилась изъ поучительныхъ цѣлей. Я нашелъ здѣсь ein Studium über Shakspear, какого-то Rümelin, который слово въ слово все то говоритъ, что̀ я, и стало быть умный, и я тебя нарочно заставлю его прочесть и укажу на разныя мѣста, чтобы ты видѣла, какъ всѣ комментаторы тащатъ свои истолкованія за волосы и видятъ тамъ красоты, гдѣ просто проглядки, упущенія и ошибки. Такъ откровенно, какъ этотъ Rümelin, еще не говорилъ никто, а нѣмецъ — меньше, чѣмъ кто-либо. Мнѣ хотѣлось написать къ нему письмо,

какъ къ человѣку, который мнѣ geistesverwandt (родственъ по душѣ).

Rümelin написалъ «Shakspearstudien»; онъ точно со мной сговорился и все то говоритъ, что̀ я всегда говорилъ, а ужъ про сцену Ричарда III съ Анной говоритъ, что ее можно только потому простить ему, что она принадлежитъ къ его Jugendwerk'амъ. И вообще онъ очень часто говоритъ слово въ слово то, что̀ я...

1867.

173.

Дрезденъ, 12 августа.

...Я вчера пошелъ слушать «Лоэнгрина» и нашелъ его *великолѣпнымъ*; мнѣ кажется, что Вагнеръ для меня открылся такъ же, какъ Бетховенъ...

Мнѣ стоило громадныхъ усилій, чтобы не расплакаться въ первомъ актѣ, когда Лоэнгринъ появляется на лебедѣ.

Но я не дошелъ до того, чтобы восхищаться всей оперой, и второй актъ, наполненный речитативами, мнѣ показался страшно скучнымъ.

Третій актъ, напротивъ... разговоръ на диванѣ и отъѣздъ Лоэнгрина—меня опять привелъ въ волненіе.

Мое единственное убѣжище—«Ѳедоръ Іоанновичъ» и переводъ «Магадэвы»...

А я перевелъ очень хорошо «Der Gott und die Bayadere», а теперь перевожу: «Die Braut von Corinth»; не знаю, удастся ли оно, но я скажу какъ Glück à Marie Antoinette:—C'est magnifique,—то-есть, нѣкоторыя строфы, которыя я взялъ на удачу и съ конца и съ середины. Только это я здѣсь и могу писать, потому что можно взять въ карманъ маленькую книжку и карандашъ, и гулять по горамъ.

174.

Карлсбадъ, 31 августа.

...Если бы я былъ господинъ надъ своими впечатлѣніями, я былъ бы математикомъ и никогда бы не написалъ ни «Іоанна», ни «Ѳедора»...

Когда ты получишь это письмо, мнѣ будетъ 50 лѣтъ, и я—старенькій.

175.

8 сентября.

....Сегодня я хочу тебѣ разсказать, гдѣ я былъ. M-me Segen меня пригласила обѣдать въ «Постгофъ» и потомъ идти вмѣстѣ съ ними на гору Мерзеръ, почти часъ отсюда...

Послѣ обѣда m-me Arnemann присоединилась къ намъ, и мы отправились.

Вся эта гора состоитъ изъ *базальта*, и говорятъ, что въ Европѣ есть только два мѣста, въ которыхъ базальтъ трескается на колонны полигонныя, а именно въ гротѣ Фингала въ Шотландіи и въ другомъ еще гротѣ въ Ирландіи.

Мѣстоположеніе горы очень красивое, и видъ съ нея великолѣпный, и самая вершина горы состоитъ изъ кусковъ базальта, другъ около друга, точно огромный сотъ меда.

Но что̀ больше всего произвело на меня впечатлѣніе и что̀ прошло незамѣтно для общества, кромѣ m-me Arnemann, это процессія, которая несла образъ Божьей Матери, извиваясь по уклонамъ долины; пѣніе псалмовъ долетало до насъ ясно, съ мелодіей и аккордами, солнце садилось, и процессія казалась совсѣмъ, совсѣмъ маленькая.

Сегодня Рождество Богородицы. Возвратясь домой, я нашелъ букетъ, присланный m-me Arnemann; въ немъ были такіе черные анютины глазки, какихъ я никогда не видалъ.

Я посылаю тебѣ образчикъ и письмо m-me Павловой, для альбома С.

Ты увидишь по письму, что моя трагедія принята, и что герцогъ меня зоветъ въ Eisenach.

176.

Карлсбадъ, 30 сентября.

Передъ кѣмъ же мнѣ хвастаться, какъ не передъ тобой. Мнѣ кажется, что я у тебя въ сердцѣ какъ дома, несмотря ни на что.

Я уже перевелъ 16 строфъ изъ «Коринѳской Невѣсты», и мнѣ кажется, что между ними есть нѣкоторыя отличныя.

Насколько русскій языкъ красивѣе нѣмецкаго! Гораздо музыкальнѣе вышло по-русски: «und es kommt so grauenhaft schön heran», и по моему, нѣкоторыя строфы вышли лучше по-русски, чѣмъ по-нѣмецки.

Я стараюсь, насколько возможно, быть вѣрнымъ ориги-

налу, но только тамъ, *гдѣ вѣрность* или точность *не вредитъ художественному впечатлѣнію,* и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь отъ подстрочности, если это можетъ дать на русскомъ языкѣ другое впечатлѣніе, чѣмъ по-нѣмецки.

Я думаю, что не слѣдуетъ переводить *слова*, и даже иногда *смыслъ,* а главное, надо передавать *впечатлѣніе.*

Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы *въ ту же сферу,* въ которой находится читатель оригинала, и чтобы переводъ дѣйствовалъ на *тѣ же нервы.*

И этого, кажется, мнѣ удалось достичь.

Чтò ужасно трудно — это маленькіе, короткіе два стиха передъ концомъ каждой строфы.

Наши слова всѣ гораздо длиннѣе, чѣмъ нѣмецкія, и противъ воли приходится иногда отказаться отъ перевода маленькихъ подробностей: въ «Коринѳской Невѣстѣ» довольно большое количество стиховъ, вставленныхъ лишь какъ заклепки, и я эти стихи безъ церемоніи отбрасываю, и русская строфа выигрываетъ и становится лучше нѣмецкой.

Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чѣмъ m-me Павлова съ нѣмецкаго на русскій. Съ русскаго на нѣмецкій я увѣренъ, что она лучше переводитъ. «Богъ и Баядера» гораздо легче, такъ какъ тамъ нѣтъ этихъ коротенькихъ стиховъ, и вышло по-русски очень гармонично и, мнѣ кажется, переноситъ вполнѣ читателя въ желаемую сферу, тожественную съ оригиналомъ.

...Нѣсколько дней тому назадъ, Крюднеръ баденскій велѣлъ меня спросить, хочу ли я имѣть фотографію Господа Бога? Я ему велѣлъ отвѣчать: конечно, я ее желаю, но только если она сдѣлана съ натуры, такъ какъ я не довѣряю портретамъ. А вотъ вчера я отъ него получаю письмо и три фотографіи, огромныя и ужасныя, снятыя— съ его рисунковъ... и представляющія Богъ-знаетъ чтò такое...

177.

Карлсбадъ, 12 сентября.

...Я обѣщалъ тебѣ разсказать сегодня утромъ, какое впечатлѣніе произвелъ *Иванъ* въ Веймарѣ.

Вотъ какъ я это узналъ: я сидѣлъ въ «Постгофѣ» и пилъ кофей и по близости сидѣли *Пахты,* съ нѣсколькими незнакомыми лицами. *Пахта* по-чешски значитъ pâte, pasta—пахтать—pâture—пасти, въ смыслѣ кормить—*пасть,* ротъ, которымъ ѣдятъ.

И тогда старый Пахта отдѣлился отъ своихъ и пришелъ и сѣлъ рядомъ со мной, и немного погодя графиня Пахта подошла къ нему и что-то сказала ему на ухо, и такъ какъ я услышалъ мое имя, я повернулся къ графинѣ съ любезнымъ лицомъ.

Въ ту же минуту, другая дама отдѣлилась отъ группы и приблизилась къ намъ и сказала мнѣ, что она желаетъ возобновить со мной знакомство, такъ какъ она со мной играла въ Веймарѣ въ 1827 году, и г-жа Пахта сказала мнѣ, что это — г-жа Бейстъ. Тогда я сдѣлалъ лицо еще любезнѣе и спросилъ ее, какъ ее зовутъ по крещенію. Она сказала, что тогда ее звали *Цецилія Герсдорфъ,* и я вспомнилъ, что тогда была такая *Цецилія Герсдорфъ,* кузина Леонарда Эглофштейнъ и сестры его Анны. И тогда она мнѣ сказала, что мужъ ей написалъ изъ Веймара, что всѣ были въ восторгѣ отъ чтенія «Ивана», несмотря на то, что m-me Павлова дурно читала и непріятнымъ голосомъ; и сказали, что въ новой нѣмецкой литературѣ ничего нѣтъ, что̀ можно было бы сравнить съ «Іоанномъ», и что рѣшено, что его будутъ играть, и что роли уже розданы, и г-жа Пахта прибавила, что меня можно только сравнить съ Шекспиромъ.

178.

13 сентября.

...Мнѣ очень трудно, можетъ быть даже невозможно убить въ себѣ совершенно *мое я*... но можно его уменьшить до необходимыхъ размѣровъ, и я хочу надъ этимъ поработать. Я думаю, что чувство своего *я* — есть неизбѣжная изнанка чувства *чести.* Можно имѣть чувство своего *я,* не имѣя чувства *чести,* но мнѣ кажется, что нельзя имѣть чувства *чести* безъ чувства своего *я.* Дѣло въ томъ, чтобы не допускать до того, чтобы оно брало верхъ надъ всѣмъ остальнымъ.

179.

Wartburg bei Eisenach, 19 Sept.

...Если бы ты знала, какъ здѣсь хорошо! Я пріѣхалъ сюда съ Мейендорфомъ, мы обѣдали у Serenissim'уса въ комнатѣ св. Елизаветы, гдѣ она жила, гдѣ находятся ея вещи и мебели въ византійской комнатѣ, но очень грубой и маленькой, съ колонной посреди комнаты, а чай пили у Schlosshauptmann von Arenswald въ дубовой комнатѣ, съ

гербами и старинной посудой. И теперь пошли всѣ спать, и я сижу у дубоваго стола, передъ окошкомъ со свинцовыми рамочками, какъ медовые соты, и ничего не видать изъ окошка, потому что темно; а днемъ — удивительный видъ на горы, покрытыя лѣсомъ; большія старыя деревья не достигаютъ до моего окошка, такъ что я вижу ихъ макушки сверху.

А черезъ корридоръ отъ меня есть комната, wo es spuckt, и картина во весь ростъ одной Landgräfin von Thüringen, про которую картину мнѣ Arenswald разсказывалъ сейчасъ страшную исторію, съ нимъ случившуюся, вслѣдствіе которой онъ «mehrere Jahre schwermüthig war». И я ходилъ со свѣчкой на нее смотрѣть. И Serenissimus мнѣ сказалъ очень серьезно: «Wenn Sie durchaus einen Spuck haben wollen, brauchen Sie nur in dieses Zimmer zu gehn». И сколько здѣсь корридоровъ и лѣстницъ винтомъ! и кто не знаетъ хорошо этого замка, тотъ непремѣнно заблудится.

Но все дышетъ здѣсь рыцарствомъ и Западомъ, и мнѣ право свободнѣе дышется, и я съ завистью смотрю на всѣ эти фамильные портреты и фамильную посуду, начиная съ XI столѣтія. Serenissimus хочетъ послать за X*** въ Веймаръ, чтобы читать «Ѳеодора», и говоритъ, что много про него слышалъ...

А я опять пошелъ въ страшную комнату и смотрѣлъ на Landgräfin. Она освѣщена мѣсяцемъ; и туда идти было страшно, а быть тамъ не страшно, и ничего не случилось, а въ комнатѣ рядомъ со мной кто-то очень ясно ходитъ, и когда я туда войду со свѣчкой—никого нѣтъ. Мнѣ давно хотѣлось быть въ такомъ замкѣ...

180.

Эгеръ, 19 сентября.

...Я нахожусь въ самой грязной гостинницѣ, какую я когда-либо встрѣчалъ въ Германіи, въ огромной комнатѣ, желтой, мрачной, въ которой стоятъ фортепіано и двѣ кровати, но окна ея выходятъ на площадь, гдѣ дома имѣютъ высокія старинныя крыши, и напротивъ меня домъ, въ которомъ *Валленштейнъ* былъ убитъ.

Я нарочно ночую въ Эгерѣ, чтобы завтра еще разъ посмотрѣть на этотъ домъ и на руины романскаго замка, въ которомъ Илло и Терцки были убиты, и потомъ еще посмотрѣть на подземную часовню—временъ Карла Великаго, самаго чистаго романскаго стиля.

Навѣрно, ни Терцки, ни Илло, ни Валленштейнъ, не интересовались этой часовней.

Передо мной горятъ четыре свѣчки, тонкія, коротенькія, гадкія — въ двухъ очень некрасивыхъ канделябрахъ — горятъ онѣ плохо, и комната темна... И вотъ, вотъ кто-нибудь войдетъ!.. А мнѣ какое горе?! Пусть только войдетъ, я такъ и брошусь на него, и зубы и губы разобью. Право, разобью, — пусть попробуетъ, пусть войдетъ! А чортъ? Я тебя увѣряю, что я и его изувѣчу, если онъ войдетъ. Ты не вѣришь? Совѣстно божиться, а то бы побожился.

Было еще свѣтло, когда я пріѣхалъ—я пошелъ немного погулять передъ домомъ бургомистра, т.-е. не очень далеко отъ дома, и увидалъ мраморную доску съ слѣдующей надписью: «In diesem Hause wohnte Friedrich von Schiller, als er in Eger verweilte behufs seiner Trilogie Wallenstein».

Отъ Карлсбада сюда 6 ч. ѣзды, и я нанялъ себѣ коляску, лично для себя, чтобы быть одному...

Когда я проѣзжалъ чрезъ Фалькенау, который на полдорогѣ, я увидѣлъ старинный замокъ, принадлежащій графу Ностицу, и противъ всѣхъ обычаевъ — замокъ выстроенъ на равнинѣ и окруженъ вѣковыми деревьями, и близко отъ него — темный и тихій прудъ... Все это носитъ характеръ прошлаго вѣка—и я бы желалъ тамъ жить.

Лошади должны были кормиться полчаса, и я хотѣлъ уже выйти погулять, когда старый еврей, элегантный, что-то напѣвая, подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня:

— Вы ѣдете въ Эгеръ?

— Да.

— Хотите меня съ собой взять?

— Если это вамъ очень нужно, — сказалъ я, пожимая плечами и съ непріятнымъ выраженіемъ лица.

— Я *дамъ* кучеру хорошій на чай...

— Какъ хотите,—сказалъ я и ушелъ въ садъ.

Тамъ я встрѣтилъ старушку и спросилъ ее, не она ли привратница замка? И она сказала — да! — И я ей сказалъ:—вы не нѣмка?—и она сказала, что она изъ Праги—тогда я началъ съ ней по-русски говорить.

Не доѣзжая до Фалькенау, я встрѣтилъ кучку цыганъ съ *тремя медвѣдями*.

Они побѣжали за мной, прося милостыню, и они совсѣмъ были похожи на нашихъ цыганъ, на самыхъ дикихъ, и я очень жалѣю, что я не остановился, чтобы посмотрѣть, такія же ли штуки продѣлываютъ медвѣди, какъ наши. А

цыгане говорили на неизвѣстномъ языкѣ. А еврей сѣлъ рядомъ со мной и все хотѣлъ вступить со мной въ разговоръ — но я притворился спящимъ, и онъ мнѣ отравилъ все путешествіе своимъ дыханіемъ (пьющаго человѣка).

Нѣмцы (я подозрѣваю, что 3/4 нѣмцевъ — евреи) не могутъ понять, что можно любить—быть одному.

Вчера, отличный нѣмецъ-хозяинъ кофейной «Элефанте», видя съ горестью, что я все одинъ гуляю, очень добродушно предложилъ мнѣ меня сопровождать всякій разъ, какъ я пойду гулять. Онъ очень, очень старый, съ маленькой шапочкой на головѣ.

Онъ меня тронулъ...

181.

Eisenach, 22 сентября.

...Я писалъ тебѣ вчера, что ко мнѣ явился красный гусаръ звать меня сегодня въ Wilhelmsthal обѣдать. Вотъ я сегодня тамъ и обѣдалъ, и они такіе радушные, такіе добрые, и такъ хорошо меня приняли и просили переѣхать на нѣсколько дней къ нимъ, и хотѣли даже, чтобы я тамъ сегодня ночевать остался. Я сегодня не остался, но завтра переѣду къ нимъ дня на три или четыре, тѣмъ болѣе, что онъ говоритъ, что ему непремѣнно нужно говорить со мной о постановкѣ трагедіи, которую онъ знаетъ наизусть, т.-е. не слова, а всѣ сцены. И русскую исторію онъ очень порядочно знаетъ, и вообще онъ хорошій человѣкъ — ganz ohne Steifheit.

182.

Вильгельмсталь,—часъ ѣзды отъ Эйзенаха, (11) 23 сентября.

.Я думаю—я тебя увижу раньше, чѣмъ думалъ. Трагедія моя принята и одобрена—но это неправда, что роли розданы. Только роль Іоанна—предназначена Лефельду, о которомъ говорятъ, что онъ превосходенъ и что созданъ для этой роли. Ни декорацій, ни костюмовъ еще нѣтъ.

Дингельштедтъ ушелъ, а преемника ему еще не назначили.

Не думаю, чтобы можно было дать пьесу раньше ноября, и я ее не дождусь здѣсь, но, мнѣ кажется, мнѣ будетъ трудно не остаться къ 8 октября — день ихъ *«серебряной свадьбы»*...

Они всѣ такіе любезные ко мнѣ, что я *долженъ* остаться еще нѣсколько дней съ ними, а потомъ поѣду въ Веймаръ,

говорить съ актерами, а потомъ къ тебѣ... Скоро твои именины, и у меня нѣтъ ничего для тебя, но пришлю тебѣ *Богъ и Баядера*—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

183.

Вильгельмсталь, 24 сентября.

...Когда я былъ такой, какъ на портретѣ, который ты смотрѣла, я былъ маленькій и не говорилъ по-нѣмецки, и говорилъ въ Веймарѣ: «der Eier», вмѣсто: «das Ei», и мнѣ взяли гувернера, котораго звали Науверкъ, и онъ со мной гулялъ въ веймарскомъ паркѣ съ Каро, и онъ не позволялъ мнѣ давать Каро нести палку, — онъ говорилъ, что это не годится въ паркѣ герцога. И онъ мнѣ объяснялъ исторію Фауста, и онъ увѣрялъ, что когда Фаустъ возвратился домой съ черной собакой, онъ ей говорилъ: — Пудель, зачѣмъ ты бормочешь? Пудель, не бормочи!—и я навострялъ уши и слушалъ. И разъ какъ-то моя мать попросила его зайти за мной къ Герздорфамъ; онъ отвѣчалъ, что онъ взялся смотрѣть за моимъ сердцемъ, а не за моимъ тѣломъ. И онъ нагрубилъ—и его отослали...

184.

Вильгельмсталь, 26 сентября.

...Этотъ мой хозяинъ необыкновенно добрый человѣкъ и я, право, его полюбилъ, и ее тоже; они отличные люди, и съ ними очень ловко быть, только уѣхать я не могъ никакъ; онъ все хочетъ мнѣ самъ показать Wartburg и все откладываетъ. Наконецъ, завтра тамъ даютъ завтракъ; онъ ѣдетъ впередъ, а меня повезетъ она, и онъ насъ приметъ. Сегодня онъ ѣздилъ со мной въ Эйзенахъ. Онъ былъ въ мундирѣ съ желтенькимъ околышкомъ, потому что ѣхалъ смотрѣть какую-то казарму, и выпустилъ меня на дорогѣ въ Elisabethenwerke, съ тѣмъ, чтобы потомъ быть послѣ казармъ у Павловой и говорить втроемъ о постановкѣ «Ивана».

И такъ я у нея дождался его возвращенія, и никогда я не видалъ подобнаго волненія... Онъ пришелъ статскимъ, и онъ прослушалъ чтеніе, предисловіе, которое она написала въ Пустынькѣ, но которое она порядочно разработала съ тѣхъ поръ. Потомъ онъ говорилъ болѣе часа, что̀ онъ думаетъ, что̀ до̀лжно быть сдѣлано для успѣха пьесы, и онъ не только говорилъ съ большимъ участіемъ, но съ большимъ артистическимъ чувствомъ. Видимо, что онъ хочетъ

взять это дѣло въ свои руки, но представленіе можетъ быть только въ декабрѣ или январѣ.

Я обѣщалъ постараться къ этому времени пріѣхать въ Веймаръ...

Послѣ того мы пошли съ Павловой посмотрѣть гротъ, гдѣ св. Елисавета раздавала хлѣбъ бѣднымъ. . . А онъ такъ восхищенъ рисунками Шварца, что поручилъ мнѣ просить его непремѣнно заѣхать въ Веймаръ, когда онъ будетъ возвращаться изъ Парижа.

...Вчера на охотѣ онъ такъ радушно благодарилъ меня за то, что я пріѣхалъ, что даже тронулъ меня.

Здѣсь, кромѣ того, что необыкновенно красивая мѣстность, на каждомъ шагу историческія воспоминанія и про Лютера, и про св. Елисавету, и про Тангейзера, и про Ludwig der Springer, и Ludwig mit der gebissenen Wange и пр. Когда мы вчера ѣхали на охоту, онъ (вел. герц. Саксенъ-Веймарскій) мнѣ показывалъ то одну руину, то другую, и все разсказывалъ легенды, относящіяся къ его роду. А когда мы въ лѣсу завтракали, съ нами сидѣли всѣ лѣсничіе, въ сѣрыхъ кафтанахъ и большихъ шляпахъ съ перьями, и старый форстмейстеръ съ сѣдой бородой разсказалъ намъ eine Gespenstergeschichte (исторію о привидѣніяхъ), которой не только онъ, но всѣ присутствующіе вѣрили, и про Wilde Jäger много говорили, и вообще было очень хорошо. А у тебя были рыжики?

185.

Вильгельмсталь, 27 сент.

...Мы были въ Вартбургѣ, тамъ былъ обѣдъ, и было два сына и одна дочь герцога Бернарда Веймарскаго, и одинъ изъ сыновей женатъ на лэди Леноксъ, которая тоже тамъ была, а потому разговоръ былъ по-англійски. И ты можешь себѣ вообразить, какъ я выказался, употребляя лишь самыя утонченныя выраженія. Скажи, пожалуйста, miss Fr. и m-r Fox'у, что ради пущей изящности я говорилъ hath, вмѣсто has, и не soix, а quoth, и не brothers, а brethern... Какъ тамъ на Вартбургѣ хорошо!.. Тамъ даже есть инструменты миннезингеровъ XII вѣка. Какъ бы тебѣ тамъ понравилось и показалось бы уютно. Тамъ много возобновлено, но много осталось и стараго. И какъ у тебя сердце бьется въ азіатскомъ мірѣ, такъ у меня забилось и запрыгало сердце въ рыцарскомъ мірѣ, и я знаю, что прежде къ нему принадлежалъ...

...Биландтъ здѣсь; онъ пріѣхалъ сегодня, и живетъ въ моей гостинницѣ. Завтра мы обѣдаемъ *тамъ* въ мундирѣ. Будетъ король прусскій, и что . . . если онъ теперь, сдѣлавшись могущественнымъ, будетъ мстить мнѣ за исторію про кота? и велитъ запереть въ башню? И здѣшній хозяинъ со слезами запретъ? Онъ, бѣдный, и прусское знамя уже поднялъ, а онъ вѣдь этого короля терпѣть не можетъ; и желтенькіе выпушки отняли уже при мнѣ у его солдатъ, и всѣхъ его офицеровъ взяли въ прусскую службу. А онъ, бѣдный, сдѣлалъ сегодня вечеромъ этому королю встрѣчу съ Fackelzug'омъ, чтобы не все у него отняли. А королеву прусскую я зналъ, когда ей было 16 лѣтъ, и звали ее Prinzessin Augusta...

186.

Веймаръ, 4 октября.

...Я только-что пріѣхалъ изъ Іены; я туда поѣхалъ въ 10 ч. утра, а теперь 5 ч. пополудни. Я видѣлъ Куно-Фишера, и онъ ужасно обрадовался мнѣ, и хотѣлъ, чтобы я остался у него жить. И онъ, точно Собакевичъ, не любитъ ни о комъ хорошо отзываться...

Теперь очень поздно; рано завтра я уѣзжаю въ Дрезденъ. Здѣшній хозяинъ даже со слезами на глазахъ со мной простился, и уже такъ обѣщалъ стараться за «*Іоанна*»... Онъ необыкновенно добрый...

187.

Дрезденъ, 11 октября.

...И когда Веймарскій со мной прощался, я ему сказалъ всю правду, что его всѣ любятъ, и что мнѣ это говорили люди, которые даже не знаютъ, что я его знаю; онъ сказалъ очень натурально и просто: «Боже мой, я благодаренъ, но я знаю, что это не ко мнѣ относится. Это—наслѣдство, и я—его хранитель. Я стараюсь какъ можно лучше дѣйствовать, но я знаю, что я—портной, который всѣми силами старается хорошо заштопать старое платье».

Онъ необыкновенно добрый, и его надо любить. Тебѣ онъ велѣлъ очень кланяться, извиняясь, что кланяется, не зная тебя... А Шедо-Феротти совершенно въ меня влюбился. Въ Веймарѣ онъ приходилъ ко мнѣ съ утра, и сидѣлъ до 6 ч. вечера, и вовсе даже мнѣ не мѣшалъ, — и доказательство тому, что я вдругъ среди самаго серьезнаго и горячаго разговора прерывалъ его, и дѣлалъ каламбуры, и онъ такъ

этого боялся, что припадалъ къ землѣ и затыкалъ уши, и кричалъ:—De grâce, épargnez moi!—Онъ со мной пріѣхалъ сюда, но при Мейендорфѣ взялъ съ меня слово, что я дорогой не буду дѣлать каламбуровъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы такъ понималъ la chose publique, и съ которымъ было бы такъ пріятно о ней говорить.

Онъ даже хочетъ мнѣ писать письма, предоставляя мнѣ печатать ихъ, или нѣтъ. У него есть одинъ проектъ, съ которымъ я, не колеблясь, согласился, и предложилъ мои услуги. А Лефельдъ ужъ не зналъ какъ меня честить, и предложилъ мнѣ взять на дорогу его шубу. Это было сказано совершенно отъ сердца. Онъ все повторялъ: «Графъ, совершенно отстраняя вашу многоуважаемую личность, я долженъ вамъ сказать, что я глубоко потрясенъ красотой вашего творенія. Давно у насъ въ Германіи на сценѣ не было подобнаго произведенія».

А тотъ профессоръ, которому поручены костюмы, мнѣ за глаза нагрубилъ, и Лефельдъ съ негодованіемъ прислалъ мнѣ его письмо, надѣясь, вѣроятно, что я тотчасъ пойду жаловаться вел. герцогу. А я, только-что сюда пріѣхалъ, побѣжалъ въ театръ, гдѣ давали: «Mina von Barnhelm», Лессинга, и признаюсь, скучнѣе и площе ничего еще не видалъ. Это — самая плоская вещь, какая только можетъ быть!..

188.

Дрезденъ, 13 октября.

...Я забылъ тебѣ сказать, что въ Веймарѣ есть бюстъ Гёте, сдѣланный французскимъ скульпторомъ, который никогда его не видалъ, и который его послалъ ему съ письмомъ, говоря, что онъ *воображаетъ* себѣ его такимъ, и бюстъ этотъ недуренъ и довольно похожъ... Это входитъ въ мою теорію насчетъ переводовъ, такъ какъ я увѣряю, что нужно переводить *впечатлѣніе оригинала*, и поэтому нѣкоторые переводы могутъ передать лучше мысль поэта, чѣмъ онъ самъ это сдѣлалъ... Бюстъ Гомера въ Неаполѣ навѣрно болѣе похожъ на него, чѣмъ его собственное лицо, если, какъ я надѣюсь, онъ существовалъ...

Я не знаю, что̀ ты скажешь о моемъ переводѣ «Коринѳской Невѣсты», но я увѣренъ, что я передалъ *впечатлѣніе*, часто не обращая вниманія на подстрочность...

1868.

189.

Берлинъ, 24 января.

...Я дорогой все читалъ Parerga и Paralipomena, и не только все понялъ, но даже все это зналъ прежде, чѣмъ прочелъ. Собственнымъ умомъ дошелъ.

Особенно то, гдѣ говорится über eine andere Art von Sein, т.-е., что если и уничтожится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно, какъ еслибы выздоровѣвшій хромой тужилъ о костыляхъ.

Индивидуальность—это только ограниченная Art von Sein. Она даже и не пропадетъ въ томъ смыслѣ какъ 1, 2 и 3 не пропадутъ, если ихъ вставить въ 10. И я написалъ очень хорошій монологъ Бориса Годунова въ разговорѣ съ Ириной...

190.

Веймаръ, 27 января.

Сегодня мнѣ такъ много дѣла, что почти не успѣю тебѣ писать.

Поутру вошелъ красный гусаръ, весь въ голубомъ, узнать о моемъ здоровьѣ. Потомъ вошелъ фурьеръ звать обѣдать. Потомъ, по просьбѣ директора, дѣлающаго репетицію въ 4 часа, обѣдъ отложили, и ко мнѣ пришелъ опять гусаръ звать меня къ хозяину въ 11½ час.

Потомъ опять фурьеръ съ извиненьемъ, что обѣдъ отложенъ.

Былъ я у хозяина въ мундирѣ.

Онъ сказалъ: «если вы когда-нибудь придете ко мнѣ въ мундирѣ, я васъ приму въ мантіи съ горностаемъ».

Онъ тотчасъ же спросилъ про тебя, и не пріѣхала ли ты? и какъ твое здоровье?

Онъ необыкновенно любезенъ и горячо хлопочетъ о трагедіи; онъ будетъ самъ на репетиціи, а вечеромъ у Мейендорфовъ.

Потомъ я былъ у директора, который съ энтузіазмомъ относится къ трагедіи и изъ кожи лѣзетъ; у него я сидѣлъ два часа и проходилъ всю трагедію, чтобы видѣть, что̀ можно выкинуть и что̀—нѣтъ. Многое, что̀ онъ предполагалъ выкинуть, актеры просили оставить...

Директоръ стоитъ за успѣхъ и говоритъ, что во всю его

карьеру онъ въ нѣмецкой литературѣ ничего не читалъ, «was Diesem gleich käme».

Однимъ словомъ, я—левъ!

Но я пріѣхалъ во-время, чтобы помѣшать одной глупости. Хотѣли дать роль Ѳеодора женщинѣ, которая очень благоразумно отбивалась отъ нея и руками, и ногами! Она очень красивая, я ее видѣлъ, и она благодарила за то, что я ее избавилъ.

Ей дадутъ Ирину. Хозяинъ меня спросилъ: кто у насъ теперь замѣчательные прозаики? Я назвалъ ихъ и сказалъ, что появился одинъ новый прозаикъ, по имени Маркевичъ, и написалъ отличную вещь: «Типы прошлаго». Онъ тотчасъ записалъ въ бумажникъ названіе романа и автора, и когда я ему сказалъ, что этотъ Маркевичъ хотѣлъ сюда пріѣхать, онъ вскрикнулъ: «Прошу васъ, любезный другъ, телеграфируйте ему немедленно, что я приглашаю его пріѣхать — какъ можно скорѣе, и что я буду очень доволенъ съ нимъ познакомиться». Это сущая правда, я такъ и сдѣлалъ.

191.

Веймаръ, 28 января.

Девять часовъ утра, и я долженъ быть въ 10 на репетиціи. Репетируютъ утромъ и вечеромъ, и въ день представленія, 30 нов. ст., будетъ послѣдняя репетиція утромъ. Вчера репетировали три первые акта отъ 4 до 8 час.

Лефельдъ былъ *великолѣпенъ*. Онъ мнѣ сказалъ: «Не судите меня по сегодняшней репетиціи; сегодня я не буду играть».

И несмотря на это, у него были минуты превосходныя, и онъ нѣсколько разъ вызвалъ во мнѣ чувство содроганія. Онъ особенно страшенъ, когда онъ смѣется. Онъ невольно играетъ всѣми своими мускулами. Мнѣ кажется, нѣтъ причинъ его гримировать,—его лицо только бы потеряло. Но онъ—настоящій Іоаннъ IV по характеру. Послѣ репетиціи, по срединѣ улицы, говоря съ Лёномъ, онъ разразился бранью и ругательствами и угрозами по отношенію одного еретика, который себѣ позволилъ нѣсколько замѣчаній насчетъ его игры въ Макбетѣ. Волны существующихъ и вновь импровизированныхъ эпитетовъ лились изъ его устъ, сперва вполголоса, потомъ все громче и громче, доходя до полнаго грома.

Лёнъ не зналъ, какъ его успокоить, и все говорилъ ему:

«Но, дорогой Лефельдъ, надъ этимъ надо смѣяться, а не горячиться»,—но Лефельдъ все продолжалъ...

Во время репетиціи мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось ему броситься на шею, а одинъ разъ мнѣ захотѣлось его прибить, что̀ доказываетъ мое безпристрастіе. Нужно тебѣ сказать, что онъ продолжаетъ восторгаться пьесой и своею ролью, и не сомнѣвается въ успѣхѣ.

И такъ какъ не стѣсняешься съ тѣми, кого любишь, онъ позволилъ себѣ меня поправлять въ одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ, когда Іоаннъ въ концѣ 4-го акта повторяетъ приказаніе послать пословъ къ королю польскому.

Я долженъ былъ спорить съ нимъ, и только съ помощью Лёна мнѣ удалось его убѣдить.

Онъ просилъ позволенія только разъ замахнуться топоромъ, и сейчасъ его отбросить подальше, говоря, что онъ за себя не отвѣчаетъ, что онъ способенъ вправду раздробить голову Гарабурдѣ...

Актеры посредственные, костюмы ужасные, декораціи невозможныя, но во всемъ много старанія и рвенія и серьезности. Всѣ отлично знаютъ свои роли. Всѣ стольники и слуги—переодѣтыя женщины...

192.

Веймаръ, 29 января.

Наканунѣ представленія... Какая отличная сегодня была репетиція! Serenissimus тоже былъ и сказалъ: «Думали ли вы, когда мы были дѣтьми, что мы встрѣтимся здѣсь черезъ 40 лѣтъ, на сценѣ?»

Я сказалъ:—Нѣтъ!—А послѣ ужъ, когда онъ ушелъ, ко мнѣ подошелъ Борисъ Годуновъ (очень хорошій) и сказалъ: «Не принимайте это за лесть; но кромѣ Шекспира я ничего не знаю, что̀ можно было бы сопоставить съ этимъ. Мы всѣ знали, что пьеса прекрасна, но теперь только, при репетиціяхъ, мы видимъ, до какой степени драма эта хороша и сильна, и мы всѣ васъ благодаримъ».

То же сказалъ мнѣ и режиссеръ, и директоръ, Лёнъ, который на меня дулся за то, что я по просьбѣ всѣхъ актеровъ просилъ Серениссимуса, чтобы сегодня отмѣнили пьесу, которую должны были давать; онъ подъ конецъ не вытерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Нѣтъ, это такъ великолѣпно, я не ожидалъ, — это самая сильная пьеса, которую я знаю», — и дамы то же говорили мнѣ за картонными кустами.

А Мейендорфъ хочетъ тебѣ писать и на меня жаловаться, что я ихъ беру за талію! Но это неправда, я только съ ними учтивъ, а Мейендорфъ съ Павловой видѣли только изъ ложи, что я за кустами заставилъ двухъ изъ нихъ поцѣловаться между собою...

Посмотримъ, что̀ завтра будетъ. А Лефельдъ знаетъ наизусть мою инструкцію, которую они перевели на нѣмецкій языкъ и слѣдуютъ ей съ величайшимъ уваженіемъ, и изъ этого выходитъ, что есть такіе эффекты, которыхъ не видали ни у Васильева, ни у Самойлова, — напр., когда Иванъ умираетъ и видитъ скомороховъ и принимаетъ ихъ за чертей! Просто волосы становятся дыбомъ, хотя скоморохи до сихъ поръ толстые, старые, почтенные отцы семейства, кривляющіеся совѣстливо и основательно. Шутъ тоже очень хорошъ! Битяговскій — отличный. Кикинъ — плохъ. Вообще они дѣлаются все лучше и лучше, знаютъ свои роли твердо, а Лефельдъ знаетъ такъ твердо, какъ я—рѣчь Цицерона противъ Катилины, и безпрестанно велитъ суфлеру молчать.

193.

Веймаръ, 30 января.

Утромъ передъ представленіемъ... Сегодня была генеральная репетиція, но еще безъ костюмовъ. Пріѣхалъ изъ Дрездена Фирксъ (баронъ Д. К., писавшій подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти), чтобы смотрѣть сегодня вечеромъ представленіе и о немъ печатать статью...

...Я сегодня былъ не на сценѣ, а смотрѣлъ изъ креселъ вмѣстѣ съ Мейендорфомъ, Фирксомъ и Павловой...

...Она разъ, обращаясь ко мнѣ, сказала: — Hippolyte!— говоря, что принимаетъ меня за своего сына, на что я, къ великому удовольствію Мейендорфа и Лёна, отвѣчалъ ей:— Et moi, je vous prends pour Phèdre!..

Serenissimus былъ также на репетиціи. Идетъ превосходно, никто изъ участвующихъ не сомнѣвается въ успѣхѣ; говорятъ, что неуспѣхъ невозможенъ. Фирксъ говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ, это—«ein Hunne». И дѣйствительно, Лефельдъ въ его роли—«ein Hunne». Онъ среди репетиціи, которая вся была mezza voce, вдругъ разсердился на режиссера, да такъ принялся на него кричать, что тотъ совсѣмъ притихъ. Это уже нѣсколько разъ случалось, и послѣ всегда Лефельду дѣлалось совѣстно, и онъ старался всячески загладить свой крикъ.

Ему нарочно даютъ тупой посохъ, чтобы онъ кого-нибудь не убилъ. Шьютъ на него костюмъ прочнѣе, чѣмъ на другого, потому что онъ ихъ разрываетъ, когда сердится. Смерть его и страхъ чертей—великолѣпны.

Я обѣдаю въ четыре часа у Serenissim'а въ мундирѣ, по случаю баварскаго посланника, потомъ переодѣваюсь и иду въ театръ, а изъ театра прямо опять къ Сереннссимусу...

Посмотримъ, что̀ будетъ...

У Лефельда были отличныя минуты, но онъ упустилъ не мало оттѣнковъ и сказалъ нѣсколько фразъ совсѣмъ фальшиво, и онъ валялся по полу 3 — 4 раза безъ всякихъ причинъ. Сцена угрозъ съ «Молчи, холопъ» — вышла отлично. Лефельдъ былъ деморализованъ; онъ въ этотъ самый день былъ съ похмелья. Тщетно его утѣшали; онъ буйствовалъ за кулисами, и игралъ фальшиво на сценѣ; онъ самъ это чувствовалъ, и его бѣшенство возобновлялось за кулисами.

Годуновъ былъ отличенъ. Говорятъ, что онъ никогда не былъ такъ хорошъ; тутъ открылись въ немъ новыя хорошія стороны.

Григорій Нагой (молодой сербъ —Савичъ) былъ превосходенъ, когда онъ читалъ письмо Курбскаго.

Битяговскій—очень хорошъ.

Кукинъ—отвратителенъ.

Шуйскій—очень плохъ.

Захарьинъ—хорошъ.

Схимникъ—не дуренъ, но сцена невыносима, хотя ей очень апплодировали.

Царица—великолѣпна, въ своей красотѣ; и всѣ женскіе костюмы почти что вѣрны.

Лицо Лефельда великолѣпно —настоящее лицо Ивана...

Завтра еще напишу...

194.

Веймаръ, 31 января.

...Ты уже знаешь изъ моей телеграммы—огромный успѣхъ «Ивана». Публика, дворъ, актеры, всѣ были въ восторгѣ, со всѣхъ сторонъ меня поздравляютъ.

Вчера я сидѣлъ совершенно одинъ въ моей Loge grillée, *совершенно одинъ;* вел. герцогъ и вел. герцогиня посылали мнѣ кого-нибудь между каждымъ актомъ меня поздравлять. Вел. герцогъ самъ зашелъ ко мнѣ послѣ 2-го акта; лица изъ общества также приходили меня поздравлять; дирек-

торъ, актеры—тоже. Публика меня вызывала; послѣ представленія вел. герцогиня велѣла меня позвать въ большую среднюю ложу. Вел. герцогъ меня пригласилъ ужинать. Сегодня утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ гостинницу; меня сравниваютъ съ Шекспиромъ и съ Гёте,—однимъ словомъ, фуроръ. А совсѣмъ этимъ, я очень недоволенъ представленіемъ; я этого не говорю, но у меня тяжелое чувство, которое продолжается со вчерашняго дня. Лефельдъ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ на репетиціяхъ, и я былъ въ немъ разочарованъ; я вижу, что онъ не умный актеръ.

195.

Веймаръ, 1 февраля.

Я сейчасъ стоялъ у открытаго окна въ халатѣ и курилъ, и смотрѣлъ на площадь, гдѣ стоитъ много возовъ, пріѣхавшихъ на рынокъ, и между прочимъ разныя телѣжки, которыя пріѣхали на собакахъ. Собакъ отпрягли, и онѣ сами сѣли въ телѣжки, и оттуда выглядываютъ и смотрятъ изъ одной телѣжки въ другую—враждебно. Снѣгъ весь сошелъ, тепло и пахнетъ весной, а у тебя, бѣдной, было 36°.

Вчера Serenissimus и Serenissima опять горячо благодарили меня за «Ивана», и такъ настоятельно просили еще остаться нѣсколько дней, что я, право, не могу отказать. Онъ говоритъ, что и ты, вѣроятно, въ этомъ не откажешь.

196.

Веймаръ, 3 февраля.

Я только-что вернулся изъ Іены, гдѣ я обѣдалъ у Куно-Фишера съ Мейендорфомъ, и онъ былъ мнѣ очень радъ и удивительно насъ кормилъ, и каждое кушанье было съ лукомъ.

И тебѣ онъ посылаетъ своего «Лейбница» съ надписью.

Онъ намъ читалъ свою статью о Ричардѣ III, а въ ту минуту, какъ мы вошли, онъ только-что кончилъ сцену Ричарда съ Анной, которую совершенно оправдываетъ и восхваляетъ. Когда онъ кончилъ, я ему сказалъ: «Sie sind ein so beredter Advocat, dass ich Ihnen jetzt glaube, morgen aber werde ich aufhören zu glauben».

197.

Веймаръ, 4 февраля.

Легче пріѣхать въ Веймаръ, чѣмъ изъ него уѣхать.

Сегодня Куно-Фишеръ опять позвалъ обѣдать, и когда

на его вопросъ я сказалъ, что ѣду завтра, онъ сказалъ: «Дорогой мой, я васъ умоляю, останьтесь еще завтра. Я очень хочу вамъ прочесть одну трагедію Геббеля: «Дмитрій Самозванецъ»; по-моему, это лучше, чѣмъ Шиллеровскій...»

...Я думаю, кончится тѣмъ, что я удеру тихонько, какъ Michel Angelo отъ Guilio II...

M-me Lehfeld просила меня зайти къ ней и сообщила письмо мужа изъ Мейнингена, гдѣ онъ проситъ у меня прощенія за то, что нехорошо игралъ.

...Онъ, говорятъ, съ радости наканунѣ напился, и у него былъ Katzenjammer.

Она говоритъ: «Sie haben uns alle, alle, durch Ihre Persönlichkeit bezaubert»... Не думай, что я зазнался!..

198.

Царское-Село, 29 апрѣля.

...Императрица еще за мной не посылала, но, вѣроятно, буду сегодня вечеромъ читать. Я не привезъ съ собой мундира, а сегодня рожденіе Вел. Кн. Сергѣя Александровича. Я пошелъ къ Государю во фракѣ, но, несмотря на это, онъ очень былъ добръ и справлялся о тебѣ. Вчера В. К. Сергѣй Александровичъ хотѣлъ, чтобъ принесли ему знакомую кошку; Императрица запретила, а онъ плакалъ и капризничалъ. Я предложилъ его гувернеру Арсеньеву разсказать ему извѣстную исторію о кошкѣ, чтобъ отнять у него всякую охоту ихъ видѣть. Вчера я провелъ весь вечеръ, до 12-ти, у К. Т. Тамъ была m-me Б., и мы сидѣли въ китайской комнатѣ, въ которой когда-то многое происходило между мною и разными дамами и дѣвицами, и все это припоминалось, и мнѣ разсказали, насколько я былъ любимъ. Видишь?—Итакъ, уважай меня.

199.

Берлинъ, гостинница du Nord, 2 іюня.

...А Зубовъ молодецъ, онъ все время молчалъ и только разъ, когда мы остались наединѣ, и я его спросилъ, думаетъ ли онъ, что «Ѳедоръ Іоанновичъ» выйдетъ хорошо, онъ разгорячился и сказалъ почти со злостью: «Когда я одинъ его читалъ, у меня слезы брызгали изъ глазъ. А выйдетъ ли хорошо на сценѣ, не знаю. И тотъ актеръ, кто его съумѣетъ сыграть, будетъ великій актеръ». И еще сказалъ: «Вы заставили бы нѣсколькихъ актеровъ, въ томъ числѣ и меня, прочесть эту роль».

200.

Карлсбадъ, 30 іюня.

...Я тебѣ писалъ, что у меня былъ директоръ лейпцигскаго театра и просилъ *Смерть Ивана*.

Потомъ мнѣ сказали, что ко мнѣ хочетъ придти бывшій директоръ вѣнскаго театра—Laube (очень извѣстный). Его никто не любитъ, и, говорятъ, у него скверный характеръ, но его высоко ставятъ, какъ директора. Я взялъ да пошелъ къ нему: онъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ; я говорю: — я такой-то. Онъ говоритъ:—Очень радъ, давно хотѣлъ, и пр. Потомъ онъ началъ говорить немного покровительственно:—гдѣ получили воспитаніе? и пр.

Я пропустилъ, на все отвѣчалъ скромно, а потомъ сталъ его экзаменовать: гдѣ онъ воспитывался? гдѣ родился? сколько ему лѣтъ? давно ли управляетъ театромъ? и пр.

Онъ умный, и тотчасъ сдѣлался скромнымъ, и мы начали говорить про Шекспира, и оказалось, что онъ то же говоритъ, что̀ и я. Напр., что сцена Ричарда съ Анной ganz unmöglich; и что ее только и терпятъ aus Pietät, и что много есть плохихъ сценъ у Шекспира; и что Gervinus говоритъ вздоръ; и что Rümelin принесъ много пользы, и что Ulrici въ новомъ изданіи своего «Werk» напечаталъ цѣлую статью: «Ueber die Schwäche Shakspeare's».

И мы подружились...

1869.

201.

Дрезденъ, Европейская гостинница, 10 августа.

...Я вчера ночью пріѣхалъ, а сегодня утромъ въ 11 часовъ уже былъ въ Пильницѣ, гдѣ m-me Павлова меня приняла на порогѣ дома съ переводомъ въ рукахъ и глубокимъ реверансомъ.

Переводъ (К. К. Павловой, на нѣмецкій, драмы «Ѳедоръ Іоанновичъ») великолѣпенъ, и хотя я долженъ былъ этого ожидать, но, какъ всегда, удивился. Она говоритъ, что Баудисены, которые знаютъ только 1-й, 4-й и 5-й акты, въ энтузіазмѣ, а старый Баудисенъ говоритъ, что онъ никого не знаетъ, ни въ одной современной литературѣ, кто могъ бы предпринять и довести до конца подобный трудъ. Они были растроганы—durch und durch. Корпорація *пи-*

мецкихъ студентовъ изъ Праги прислала m-me Павловой офиціальную бумагу, чтобъ просить ее мнѣ выслать все, что она перевела изъ моихъ произведеній, какъ драматическихъ, такъ и эпическихъ.

202.

Веймаръ, 4 (16) сентября.

Мейендорфъ меня встрѣтилъ на дебаркадерѣ, и я у нихъ обѣдалъ. Я былъ съ нимъ у Оттиліи Гёте, которой очень хотѣлось со мной познакомиться, и которая тотчасъ стала говорить мнѣ про «Ивана», и сказала, что это «das einzige Stück, welchem Sie die Abwesenheit der Liebe verzeiht und wo Sie es gern vermisst»... Она живетъ въ домѣ Гёте, гдѣ ничего не перемѣнилось и такъ дышетъ временемъ за 50 лѣтъ тому назадъ: та же мебель и на томъ же мѣстѣ, и она сама принадлежитъ тому времени, и много говоритъ про Гёте. Какъ-то все пахнетъ пылью, молью, кофеемъ и старушкой—и грустно, и хорошо.

Этотъ домъ считался когда-то роскошнымъ, а онъ не въ примѣръ бѣднѣе нашего Краснорогскаго. И гипсовыя статуи подъ бронзу тамъ стоятъ, и ими вѣрно Гёте гордился.

203.

26 (14) сентября.

...Я только-что вернулся изъ «Тангейзера». Я не могу тебѣ сказать, какое глубокое впечатлѣніе онъ на меня производитъ.

Я пріѣхалъ до увертюры и уѣхалъ послѣ послѣдней ноты, не пропустивъ ни одной, и не почувствовалъ ни одной минуты усталости.

Я не знаю, извѣстно ли имя *Ниманъ,* но я его считаю великимъ пѣвцомъ и великимъ драматическимъ актеромъ,— именно *великимъ.*

Какая великолѣпная опера и какъ мелодична отъ начала до конца, и какой драматизмъ!

Какъ великолѣпенъ послѣдній актъ—глубоко-потрясающій!

Декораціи совсѣмъ вѣрны. Такъ какъ я только-что вернулся изъ Вартбурга, то и могу судить. Этотъ Ниманъ меня совсѣмъ очаровалъ и произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Вообрази себѣ великолѣпнаго тенора, чрезвычайно умнаго и страстнаго. Когда онъ говоритъ о своемъ проклятіи, въ послѣднемъ актѣ, морозъ по кожѣ проходитъ, и онъ такъ

хорошо умираетъ, безъ всякой аффектаціи. Онъ вызвалъ во мнѣ слезы, когда онъ хватаетъ посохъ папы, который ему приносятъ зазеленѣвшимъ. Возможно ли, что онъ неизвѣстенъ?

И возможно ли, что Вагнеръ—каналья?

Если Вагнеръ пріобрѣлъ репутацію за то, что не признаетъ мелодіи, то, конечно, не черезъ «Тангейзера».

Хорошо ли ты помнишь увертюру? Можно ли сказать, что въ ней недостаетъ мелодіи? Она начинается великолѣпнымъ хораломъ. Змѣи, которыя выползаютъ изъ корзины, точно угри, совсѣмъ мнѣ не *мѣшали*, напротивъ. Не знаю, вѣрно ли я замѣтилъ, но мнѣ кажется, что въ другихъ операхъ, гдѣ происходитъ борьба зла и добра («Фрейшютцъ», «Робертъ» и даже «Донъ-Жуанъ»), эти обѣ силы являются поочередно, тогда какъ въ «Тангейзерѣ» онѣ появляются одновременно, составляя одно цѣлое, пополняя другъ друга.

1870.

204.

Дрезденъ, 10 іюля.

Вотъ я здѣсь опять, и мнѣ тяжело на сердцѣ, когда вижу опять эти улицы, эту гостинницу и эту комнату безъ тебя. Я только-что пріѣхалъ въ 3¼ ч. утра, и не могу лечь, не сказавъ тебѣ то, что̀ говорю тебѣ уже 20 лѣтъ,—что я не могу жить безъ тебя, что ты мое единственное сокровище на землѣ, и я плачу надъ этимъ письмомъ, какъ плакалъ 20 лѣтъ тому назадъ. Кровь застываетъ въ сердцѣ при одной мысли, что я могу тебя потерять—и я себѣ говорю: какъ ужасно глупо разставаться! Думая о тебѣ, я въ твоемъ образѣ не вижу ни одной тѣни, *ни одной,* все—лишь свѣтъ и счастіе...

Я ей сказалъ (m-me Павловой), что я ищу сюжета для драмы, и что у меня была мысль—представить человѣка, который изъ-за какой-нибудь причины беретъ на себя кажущуюся подлость.

Она схватилась за эту мысль, яко ястребъ, и вертѣла ею во всѣ стороны, но мы не нашли ничего подходящаго...

205.

Дрезденъ, іюль.

...Дрезденъ хорошій городъ, но, конечно, я не хочу, чтобы мы прожили въ немъ зиму. Лица самыя анти-эсте-

тическія, какія только можно себѣ вообразить, голоса отвратительные и воздухъ дурной—мы поѣдемъ въ Италію, или въ Англію, а если это не устроится, мы проведемъ зиму въ Петербургѣ, въ хорошей простой квартирѣ. Я жажду Бетховена, но на этотъ разъ его нигдѣ не играютъ, и даже нѣтъ оперы.

Вчера я былъ на Террасѣ, съ надеждой услышать хорошую музыку, но играли лишь вальсы и глупости—Дрезденъ выродился!..

Я пріобрѣлъ провизію здоровья на цѣлый годъ, найдя сюжетъ для *драмы—человѣческой.* Человѣкъ, чтобы спасти городъ, беретъ на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это въ рамку, и Новгородъ — была бы самая лучшая.

Ты должна мнѣ собрать все, что̀ было написано о Новгородѣ, обычаяхъ той эпохи, и вообще все, что̀ извѣстно о *вѣчѣ* и объ отношеніяхъ его съ княземъ...

206.

Дрезденъ, 3 (15) августа.

...Я началъ писать новгородскую драму, и написалъ всю первую сцену, а планъ обдумалъ и написалъ съ помощью Павловой и Коцебу. Они были мнѣ полезны, durch ihre Einwendungen (своими возраженіями)...

...А драма дастъ мнѣ много здоровья. Новгородъ—лишь рамка. Вся драма *человѣческая.* Честный человѣкъ, который беретъ на себя кажущуюся подлость.

А ты узнай мнѣ все про Новгородъ. Мнѣ нужно и обычаи, и имена и улицъ, и должностей, и пр. и пр.

207.

Карлсбадъ. Zum blauen Schiff, 5 августа.

...Я нашелъ здѣсь письмо отъ Чаева, который благодаритъ за «Боривоя», и очень тебѣ кланяется.

Отъ Павловой я, разумѣется, уѣхалъ потихоньку, и оставилъ ей посланіе, которое начинается такъ:

Ich, der ich die Insel Rügen—Neuerdings vor Ihnen sang,—
Hab' die Damen zu betrügen—Mir erlaubt mein Lebelang,—

а то она хотѣла меня провожать.

...Я тебѣ купилъ въ Дрезденѣ портретъ Шопенгауэра,—какой онъ пакостный! Маленькій, мстительный и злой! И еще я тебѣ везу записки канцлера Мюллера о Гёте. Это журналъ отъ 1814 до 1832 года, чрезвычайно инте-

ресный. Самого Мюллера я зналъ и многихъ людей, о которыхъ онъ говоритъ. И Гёте представляется въ халатѣ, и несмотря на поклоненіе Мюллера, онъ не всегда представляется съ привлекательной стороны. Но онъ такой живой, что ты этотъ журналъ прочтешь съ алчностью.

Гёте, кажется, постоянно самъ себѣ удивляется и передъ собой благоговѣетъ, но мнѣ гораздо лучше нравится самоуваженіе Шопенгауэра; мнѣ кажется, что съ Шопенгауэромъ я бы ужился, а съ Гёте—нѣтъ. Вообрази, что у меня страшный аппетитъ еще прежде, чѣмъ я началъ пить воды; вчера я не зналъ, чего мнѣ больше хочется, спать или ѣсть?

208.

Карлсбадъ, 13 августа.

Я читаю съ большимъ удовольствіемъ Экермана. Гёте менѣе выказывается, чѣмъ у Мюллера, но идеи и мнѣнія Гёте тамъ собраны въ бо̀льшемъ количествѣ...

Гёте не имѣлъ дурного мнѣнія о себѣ, и Экерманъ мнѣ надоѣдаетъ своимъ постояннымъ восторгомъ надъ всякимъ словомъ Гёте—точно Ауэрбахъ надъ словами Эриха.

Я продолжаю думать, что я долго не могъ бы вынести сожительства съ Гёте... Экерманъ ему: «Экселенцъ», а онъ Экерману—«Наставленіе»; но все-таки онъ очень великій человѣкъ, и очень хорошо про него читать и знать, что̀ онъ о каждой вещи думалъ...

209.

Карлсбадъ

...Я перелистываю переводы моихъ двухъ трагедій по-польски, и нахожу, что почти вездѣ — les pointes sont emoussées, и характеристика дѣйствующихъ лицъ стерта; несмотря на это, я читаю громко нѣсколько сценъ, съ большимъ эффектомъ, и когда пріѣду къ тебѣ, я тебѣ прочту *съ большимъ шикомъ* сцену *Гарабурды*... Ты увидишь, какіе я сдѣлалъ успѣхи въ польскомъ языкѣ. И какъ хорошо звучитъ. При этомъ случаѣ я узналъ, что по-польски старикъ называется staruszek, а слѣдовательно во множественномъ числѣ: staruszki. Не правда ли, хорошо?

Я ничего не могу тебѣ сообщить изъ моей новой драмы, и главное—ни одного стиха, такъ какъ я написалъ первую сцену вступленія *прозой* на̀скоро и карандашомъ—и необходимо переработать. Я сдѣлалъ это лишь, чтобы войти въ охоту и набросить краски, что̀ мнѣ вполнѣ удалось.

Такъ какъ канва драмы написана актъ за актомъ, и вѣроятно, я въ этомъ не много измѣню, мнѣ будетъ легче работать, чѣмъ въ другихъ драмахъ.

Въ «Ѳедорѣ» я написалъ много сценъ, прежде чѣмъ закрѣпилъ канву,—только чтобы установить характеръ Ѳедора; мнѣ кажется, я столько же зачеркнулъ, сколько оставилъ; я тоже измѣнилъ и перемѣнилъ канву во время писанія—исторія меня смущала,—а тутъ нѣтъ исторіи, и все будетъ вымышлено, такъ что гораздо больше цѣльности, и канву легче было писать.

Я тоже не могу тебѣ сказать никакихъ именъ, такъ какъ у меня еще нѣтъ именъ; не имѣя новгородскихъ въ моемъ распоряженіи, я взялъ временныя. Если хочешь мнѣ сдѣлать услугу, то пришли мнѣ, что̀ нашла, въ Дрезденъ, Hôtel d'Europe...

Богъ съ тобой—съ тобой и со всѣми вами...

Ты—мое условіе и жизни, и спокойствія, и счастія!..

210.

Карлсбадъ, 18 августа.

...Я вернулся сейчасъ отъ Зегеновъ; они мнѣ прочли «Geschwister» — *Гете*. Очень мило и больше ничего, но, кажется, это—знаменитая вещь!

Оно могло бы быть написано Октавомъ Фёллье, но онъ не говорилъ бы о сдираніи перьевъ съ голубей, онъ бы удовлетворился ихъ зажариваніемъ—и я тоже. Найди мнѣ домашнее занятіе для патриціанскихъ женщинъ въ Новгородѣ. Я не дотрогивался до драмы съ тѣхъ поръ, какъ я въ Карлсбадѣ. И я тебѣ сказалъ, что написана только первая сцена—и та на̀скоро, только чтобы набросить краску, что̀ для меня будетъ очень важно, когда примусь писать, и невозможно было упустить этотъ цвѣтъ, который я провидѣлъ, и оттого я написалъ сцену...

...Когда я говорю о патриціанскихъ женщинахъ, я не подразумѣваю только однѣхъ *боярынь*. Мнѣ надо семейство *посадника*, т.-е. его жену и дочь его; дочь—главное.

Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятіями, насколько можно болѣе прозаичными, чтобы это произвело контрастъ съ ролью *немного героичною*, въ которую взойдетъ впослѣдствіи дочь...

...Христосъ съ тобой... Вчера вечеромъ я возвращался домой въ дождь и увидѣлъ котенка, который старался влѣзть. Я ему помогъ и подумалъ о тебѣ...

211.

Дрезденъ, 5 сент.

...Видѣлъ я сейчасъ «Ифигенію» Гёте и все тебѣ разскажу по правдѣ. Когда поднялся занавѣсъ, я былъ предубѣжденъ въ пользу пьесы раскрашеннымъ алтаремъ, который стоялъ въ лѣсу посреди сцены. Алтарь археологическій греческій и раскрашенъ хорошо. Правда, что это происходитъ въ Крыму, но Ифигенія могла дать рисунокъ. А нехорошо то, что возлѣ алтаря стоятъ ворота Друза, и хотятъ, чтобъ я повѣрилъ, что это—скиоскій храмъ Діаны. Я не повѣрилъ. Изъ воротъ Друза вышла Ифигенія, безукоризненной красоты и съ самыми похвальными намѣреніями относительно костюма: бѣлая *шерстяная* туника, безъ тальи, и бѣлая шерстяная хламида, но складки очень неудачныя, выказывающія одно намѣреніе. Это была m-lle Ziegler изъ Мюнхена; она стала говорить пріятнымъ mezzo soprano, что ей очень скучно въ Крыму, и говорила это такъ долго и убѣдительно, что мнѣ самому стало невыразимо скучно. Потомъ пришелъ царскій адъютантъ, въ хорошемъ шлемѣ и въ дрянной медвѣжьей шубѣ, и объявилъ, что царь велѣлъ ей сказать, что хочетъ на ней жениться. Она отвѣчала: — ни за что! Тогда пришелъ Вингеръ въ кольчугѣ Вильгельма Завоевателя и въ тигровой шкурѣ, которую завязалъ у себя на брюхѣ, а сзади набилъ ее сѣномъ: это не помогло, и Ифигенія стала ему говорить, что по многимъ причинамъ за него не выйдетъ, между прочимъ потому, что происходитъ отъ Тантала. Вингеръ замѣтилъ, что это не причина. Тогда она стала ему разсказывать всѣ гадости, которыя дѣлали Танталиды, такъ что Вингеръ, привыкшій рѣзать людей, пріѣзжающихъ въ Крымъ, пришелъ въ ужасъ. Во второмъ актѣ прибѣжали на сцену, поддерживая другъ друга, одинъ commis-voyageur и одинъ парикмахеръ, оба украшенные по рукамъ длинными часовыми цѣпочками, которыя не мѣшали имъ сильно размахивать руками. Парикмахеръ былъ мой пріятель Dettmer; онъ таращилъ глаза и все горбился, чтобы выразить угрызеніе совѣсти за то, что онъ убилъ свою мать. Но commis-voyageur, сильно нарумяненный и съ кривымъ ртомъ, увѣрялъ его, что это — ничего. Потомъ парикмахеръ куда-то ушелъ, и Ифигенія сняла цѣпочку съ рукъ commis-voyageur'а и говорила съ нимъ про троянскую войну. Я уже слыхалъ прежде объ этой войнѣ, и потому мнѣ нисколько не было

интересно. Я думалъ, что и вся драма такъ пойдетъ, но рѣшился высидѣть до конца. Къ моему удивленію, вдругъ въ третьемъ актѣ стало интересно и хорошо, даже очень хорошо, а именно, когда Ифигенія узнаетъ Ореста, а Орестъ разсказываетъ разсказъ Пилада о Клитемнестрѣ и называетъ себя. Ифигенія была очень хороша, и Dettmer не совсѣмъ дуренъ. Четвертый актъ и пятый, гдѣ оба плѣнные, назначенные къ закланію, бѣгаютъ свободно по Крыму и даже затѣваютъ пакость противъ Тоаса, были опять скучны до конца, который—хорошъ.

M-lle Ziegler очень красива и пріятна, *и почти* хорошая актриса, но драма, ей-ей, очень скучна, хотя задумана умно и художественно. Все это не мотивировано, и изъ Тоаса не сдѣлано ничего, тогда какъ по самой мысли Гёте можно было много изъ него сдѣлать. Скучно, но хорошо, и Ифигенія хороша.

...А вчера я былъ въ гипсовой галереѣ, и какъ сталъ передъ геркулесовымъ торсомъ, такъ слезы и выступили изъ глазъ, и я долженъ былъ часто сморкаться...

212.

Дрезденъ, 17 (29) сент.

...И вотъ сейчасъ я былъ вечеромъ у Коцебу и читалъ имъ и Павловой половину перваго акта и весь второй актъ, и ужасно они хвалили, чистосердечно хвалили, и Коцебу сдѣлалъ нѣкоторыя очень дѣльныя замѣчанія. И мнѣ такъ странно, что я тебѣ еще этого не читалъ. И тамъ былъ Фирксъ и братъ Гейне, довольно гадкій...

...Павлова сказала мнѣ сегодня, что когда я ушелъ отъ Коцебу, послѣ чтенія, то они говорили, что это chef-d'oeuvre. Положимъ, что и не chef-d'oeuvre, но можетъ выйти и должно выйти очень хорошо... И это очень странно, что я тебѣ его еще не читалъ. И можетъ быть ты разбранишь, и тогда я приду въ уныніе. И все это въ прозѣ, и, кажется, до конца будетъ въ прозѣ. И тамъ будетъ 4 рѣзкихъ характера, 2 мужскихъ и 2 женскихъ. А впрочемъ, если ты разбранишь, я не приду въ уныніе, а поправлю, потому что я тебѣ больше вѣрю...

1871.

213.

Карлсбадъ, 16 (28) апрѣля.

...Я провелъ вечеръ у Абазы съ тѣми же людьми, которые просили меня прочесть имъ тѣ же самыя вещи... Напослѣдокъ я имъ прочелъ «Edward, Edward»... и маленькая кн. Ч..., главное, этимъ восхищалась; она очень хорошо слушаетъ. А я все больше и больше въ восторгѣ отъ этой баллады... Вотъ въ ней-то сколько магнетизма!.. Эти вопросы о томъ, что̀ знаешь, и эти уклоняющіеся отвѣты, которые сознательны для отвѣчающаго, не обманываютъ вопрошающаго, и эта форма какая-то *сонная* для *ужаснаго діалога* — точно обрядъ приговора совершается надъ виновными самими ими — въ сомнамбулическомъ состояніи.

Вотъ отчего конецъ не совсѣмъ такой, какъ бы я желалъ, и мнѣ все кажется, что оно должно было кончиться на предпослѣдней строфѣ, *безъ эффекта*, — но тогда былъ бы только одинъ виноватый, — а чувствуется, что ихъ было два.

214.

Дрезденъ, Hôtel d'Europe.

...Только пять дней, что̀ я съ тобой разстался. а мнѣ кажется, что Богъ знаетъ сколько времени.

Передъ моими окнами—великолѣпная статуя, колоссальная *Германія*, не совсѣмъ напоминающая Венеру Милосскую, но очень въ самомъ дѣлѣ красиво. Она раскрашена умѣренно и гармонично, съ позолотой на складкахъ платья, и отлично все это выдѣляется на сѣрыхъ домахъ. Она— *Ритшеля*, но она пока еще временно изъ гипса.

Такъ какъ мое чувство къ художественному произведенію никогда не бываетъ сомнительное или колеблющееся, но всегда электрически ясно, я никогда не вижу ее безъ восклицанія:—Прекрасно!.. Когда я сказалъ это m-me Павловой, она приняла это за иронію и сказала мнѣ: — Да, не правда ли, какая гадость!—Какъ гадость!—сказалъ я ей:— но это великолѣпно!—А она продолжала думать, что я иронизирую, до тѣхъ поръ, пока я ей далъ слово, что нахожу это великолѣпнымъ. Тогда она сказала:—Да я ее не видала съ тѣхъ поръ, какъ она расписана.

А когда я прохожу мимо какого-нибудь свинства, я не могу удержаться, чтобы не нагрубить. Только-что видѣлъ порядочное свинство въ театрѣ.

Послѣ плоской комедіи, пародіи «Taming of the shrew» («Укрощеніе строптивой», Шекспира), былъ нѣмецкій балетъ «Les bouquets ballabiles». Названіе по-французски. Сотни неграціозныхъ женщинъ представляли грацій, держа каждая по два букета въ рукахъ. Ты можешь себѣ вообразить, что̀ это было; имѣло огромный успѣхъ. Отчего нѣмцамъ недостаточно того, что у нихъ полное отсутствіе вкуса, но они еще обладаютъ дурнымъ вкусомъ въ очень утвердительной формѣ?

215.

Дрезденъ, 11 іюля.

...Вчера я перечелъ m-me Павловой «*Илью*» и «*Сватовство*». Она еще болѣе была довольна, чѣмъ въ первый разъ, и увѣряетъ, что я сдѣлалъ большой шагъ впередъ, и что мой Wendepunkt (поворотный пунктъ)—«Владиміръ».

Она сейчасъ же принялась переводить «Илью»; она хотѣла, чтобъ я перечелъ все остальное, но пріѣхалъ Goetz de Lobegardt... Мнѣ кажется, что онъ—превосходный человѣкъ.

M-me Павлова мнѣ сказала, что онъ про тебя говоритъ: «Такихъ женщинъ рождается въ столѣтіе—одна». Потомъ я встрѣтилъ m-lle Машу Т. съ братомъ; m-lle Constance умерла, бѣдная, въ прошломъ году, ухаживая за тифозными; Walter тоже умеръ. Онъ никогда не сходилъ съ ума. Carus тоже умеръ два года тому назадъ. Жена Faller'a тоже умерла.

Швейцаръ въ отелѣ du Nord въ Берлинѣ тоже умеръ

И мы тоже умремъ, и вотъ отчего мнѣ такъ тяжело сокращать время, которое намъ остается быть вмѣстѣ.

Пожалуйста, устрой наши дѣла такъ, чтобы намъ больше не разставаться.

...M-me Павлова, узнавъ, что мы провели въ Красномъ Рогу нѣсколько времени одни вдвоемъ, сказала: «Dass ist ein guter Probierstein»; какъ это глупо, — развѣ намъ нужно это?

216.

Дрезденъ, 25 іюля.

...Мнѣ очень грустно и очень скучно, и глупъ я былъ, что̀ думалъ, что будетъ здѣсь пріятно.

Еслибъ у меня былъ Богъ-знаетъ какой успѣхъ литературный, еслибъ мнѣ гдѣ-нибудь на площади поставили статую, все это не стоило бы четверти часа—быть съ тобой, и держать твою руку, и видѣть твое милое, доброе лицо! Что̀ бы со мой было, еслибъ ты умерла? А все-таки пусть лучше я послѣ тебя умру, потому что я не хочу, чтобъ тебѣ было тяжело послѣ меня..

И тяжело слушать музыку безъ тебя; я будто черезъ нее сближаюсь съ тобой!

...А въ Карлсбадѣ будетъ мнѣ скверно; тамъ, говорятъ, такое множество людей; и всѣ они захотятъ, чтобъ я дѣлалъ съ ними parties de plaisir, а мнѣ бы жить тихонько съ какими-нибудь профессорами. Ну ихъ! Я мало бываю дома; а когда приду, то читаю Шопенгауэра и рѣдко съ нимъ не соглашаюсь, т.-е. я нахожу въ немъ изрѣдка противорѣчія, даже съ его точки зрѣнія, и все говорю себѣ: «Дуракъ, что я могъ съ нимъ познакомиться—и не познакомился!»

217.

Дрезденъ, 14 (26) іюля.

...Я былъ опять въ Пильницѣ и ѣхали на пароходѣ до Блазевица съ актеромъ Jaffe, который мнѣ говорилъ про «Wladimir's Brautfahrt», что-де ее списалъ у Шлейдена.

А Шлейденъ переселился во Франкфуртъ, потому жена здѣсь ни съ кѣмъ не ужилась.

А отъ «Ильи» осталось перевести только три строфы; а что̀ переведено—хорошо...

...А вчера я былъ на «Meistersinger» и ко мнѣ присосѣдился Firks, т.-е. пошелъ со мной,—и ужъ ругался, ругался, и хотѣлъ тотчасъ уйти, но я его стыдилъ, и мнѣ было очень интересно выслушать два акта, а послѣдняго, третьяго, я не высидѣлъ, и когда сказалъ Фирксу, что ухожу, онъ вскочилъ въ блаженствѣ и побѣжалъ.

Въ концѣ второго акта есть удивительная фуга, начинающаяся серенадой и кончающаяся дракой хора, все—та же фуга.

А речитативы между двумя или тремя лицами очень, очень скучны и длинны.—Что̀ твои *глазушки?* Они—какъ болѣзненная фольга, подостланная подъ мой каждый день и каждый часъ.

Мнѣ очень, очень грустно, и даже скучно.

Поѣду сейчасъ опять въ Пильницъ кончать «Илью», а потомъ уже не знаю!

Христосъ съ тобой! Пожалуйста не будемъ разставаться.

Поклонись всѣмъ и глупому Дону (собака), который не умѣетъ тебя цѣнить.

218.

Карлсбадъ, 20 іюля (1 августа), Goldener Schild.

...Я все читаю Шопенгауэра Hauptwerk, и очень странное онъ на меня производитъ дѣйствіе. У меня самое большое почтеніе къ его уму, и многое совершенно ясно и правдоподобно, а въ самомъ Ausgangspunkt (точка отправленія) для меня противорѣчіе, и вообще вся система основана на человѣкѣ и на явленіяхъ *нашей* планеты и тѣхъ, о которыхъ можно догадываться, судя съ *нашей* планеты. И эта empirische Wahrnehmung (эмпирическое воспріятіе) служитъ ему основаніемъ des transcendentischen Theils seiner Lehre, выведенной съ необыкновенной послѣдовательностью не только въ отношеніи къ *нашей* жизни, но и къ *бытію вообще*, что̀ мнѣ кажется нѣсколько—zuvorgreifend (забѣгающимъ впередъ). А общее впечатлѣніе отъ него—и хорошее, и дурное. Дурное, потому что если ему отдаться, чувствуешь необыкновенное презрѣніе и къ другимъ, и къ себѣ; хорошее, потому что вся дрянь въ жизни кажется такъ мелка, что и думать о ней не стоитъ.

Но это опять можетъ привести къ желанію жить спустя рукава, т.-е., жить безчестно, чего, впрочемъ, и самъ *Шопенгауэръ* не допускаетъ,—и выходитъ опять противорѣчіе. Утѣшаешься тѣмъ, что и Шопенгауэръ, вѣроятно, ошибается, и что намъ не дано знать das Transcendente; а если мы только Erscheinung (явленіе), то пока мы Erscheinung, мы должны строго держаться добра и правды, какъ они являются in der Erscheinung, und das andere wird sich schon finden (а другое окажется уже потомъ).

219.

Карлсбадъ, 25 іюля (6 августа).

Сейчасъ я гулялъ съ Лихновскимъ; мнѣ его жаль,—онъ въ безпрестанномъ противорѣчіи съ самимъ собой.

Grand Doyen du Chapitre d'Olmütz, prélat, crossé et mitré avec tous les droits d'évèque, а между тѣмъ онъ даже и не священникъ и не простой христіанинъ по при-

званію, а чортъ знаетъ что: добрый человѣкъ не на своемъ мѣстѣ, хуже, чѣмъ я во флигель-адъютантскомъ мундирѣ.

...Er ist auf dem Standpunkt einer starken Bejahung des Willens zum Leben, in principio individuationis befangen, in dem Satze vom Grunde bis an die Ohren stehend vom Schleier der Maja umhüllt. Du hast diesen Schleier längst durchschaut; ich fange an ihn zu durchschauen, darum bin ich besser geworden. Aber wenn du ihn durchschaut hast, warum bist du noch unglücklich?

Warte nur, balde ruhen wir auch!..

(Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія сильнаго утвержденія жизненной воли, охваченъ принципомъ индивидуаціи, по уши залѣзъ въ законъ причинности, закутанъ покровомъ Майи. Ты давно глядишь сквозь этотъ покровъ; я начинаю глядѣть, и потому становлюсь лучше. Но если ты проникла сквозь него,—почему же ты еще несчастна?—«Подожди немного, отдохнемъ и мы»).

220.

Карлсбадъ, 25 іюля (6 августа).

Въ эту минуту толстый Суворовъ, за моею дверью, играетъ на фортепіано и поетъ, довольно хорошо, но вздоръ, а голосъ пріятный. Рѣчь идетъ про какую-то Матрену. А вотъ вмѣшался живущій съ нимъ кавалергардъ, и вышло скверно; поетъ онъ: «Я васъ любилъ»...

Плохъ кавалергардъ.

Вотъ затянулъ с.... с....: «И огнемъ горитъ, и ключомъ кипитъ»!.. Такъ и ждешь, что завоетъ, каналья: «Черный цвѣтъ». Несетъ черезъ дверь Екатерингофскимъ проспектомъ,—чортъ ихъ дери!

А Суворовъ его учитъ, а когда поетъ одинъ, то выходитъ очень сносно. Сейчасъ даже было очень хорошо, но грянетъ кавалергардъ — и запахнетъ эскадрономъ, манежемъ и баломъ Этмарштейна; по крайней мѣрѣ, кажется, что у него должно такъ пахнуть.

Тутъ и ловкія офицерскія манеры, и шуточная любезность, отъ которой барышни опрокидываются на спинку креселъ и, махая руками, говорятъ: «Ахъ, comme vous êtes!..» И шампанское, и глупая дуэль въ подражаніе «герою нашего времени».

И триллеръ пустилъ злодѣй!.. Сейчасъ замолчалъ. А чего тутъ не было? Одно за другимъ отхваталъ безъ промежутковъ: и «Тройку удалую», и «Ты душа-ль моя», и вся-

кихъ цыгановъ и черкесовъ — какъ слѣдуетъ. Der Kerl steht tief im Satze vom Grunde...

221.

Карлсбадъ, 1 (13) августа.

...А вчера я далъ m-me Seegen подстрочный переводъ въ прозѣ: «Не вѣрь мнѣ, другъ»...

Выходитъ ужасная гадость, и она хочетъ переложить на стихи; а я сегодня взялъ да и самъ переложилъ:

Oh, glaub' mir nicht, in trüber Stund', in schlimmer,
Wenn ich dir sag', ich liebte dich nicht mehr!
Zur Ebbezeit glaub' nicht, es sei auf immer
Vom Land gewichen das bewegte Meer!
Schon sehn' ich mich, mit dir aufs neu zu theilen
Freud' oder Schmerz die ich mit Dir empfand,
Und, brausend, schon auf's neu die Wellen eilen
Von fern zurück zu dem geliebten Strand.

222.

21 декабря.

Я сейчасъ былъ на «Fliegende Holländer».

Не скажу, чтобъ онъ мнѣ понравился, и весь первый актъ я сладко проспалъ. Потомъ стало лучше. А въ «Holländer» есть одна фраза изъ баллады Рогнѣды.

А Degele тѣмъ невыносимъ, что онъ всегда, когда въ какой-нибудь фразѣ есть одна длинная нота, а потомъ короткая, не иначе переходитъ къ короткой, какъ хроматически, и всегда такъ, что его хочется прибить.

Какъ это ему позволяютъ?

Я сначала, въ незнакомыхъ операхъ, думалъ, что онѣ такъ написаны, и сильно ругалъ композитора; а когда услышалъ то же въ знакомыхъ, то возненавидѣлъ Degele, хоть впрочемъ онъ хорошъ.

223.

Belle-Vue, 23 Décembre.

...Я былъ у M-lle Glümer, которая дала мнѣ свой нѣмецкій переводъ «Отцы и Дѣти».

Я не могу сказать тебѣ, съ какимъ неожиданнымъ удовольствіемъ я это читаю.

Какіе звѣри—тѣ, которые обидѣлись на Базарова!

Они должны были бы поставить свѣчку Тургеневу за то, что онъ выставилъ ихъ въ такомъ прекрасномъ видѣ. Еслибы я встрѣтился съ Базаровымъ, я увѣренъ, что мы стали

бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить.

1872.

224.

Комо, Вилла д'Эсте. 28 марта (9 апрѣля).

...Я все болѣе и болѣе свыкаюсь съ моимъ здѣшнимъ пребываніемъ, и мнѣ кажется, что отъ добра добра не ищутъ.

Я могъ бы имѣть комнату немного больше, желтую, выходящую въ садъ, но мнѣ не хочется повернуться спиной къ озеру. Сегодня на озерѣ голубыя волны, золотистыя, съ маленькими серебряными шипочками — и шумъ отъ нихъ идетъ прямо въ сердце.

Горы почти-что наотвѣсъ, что̀ придаетъ пейзажу видъ монастырской идиллической клаузуры и наполняетъ воздухъ спокойствіемъ, такъ что я почти уже не думаю о мучительныхъ вещахъ.

Вчера мое пальто пріѣхало изъ Милана; оно мнѣ кажется великолѣпнымъ, и я сейчасъ же его заперъ, чтобы надѣть его только въ Висбаденѣ.

Я пришлю тебѣ балладу «Садко» совсѣмъ передѣланною. Она мнѣ кажется хорошей тѣмъ, что она очень наивна. Первая версія была эпическая и потому гораздо ниже народнаго сказанія.

Эта версія лирико-драматическая. У нея нѣтъ претензіи на разсказъ — она только Situazion's Bild — и передаетъ только Stimmung. Пусть тебѣ ее прочтутъ, и скажи мнѣ, нравится ли она тебѣ. Она принесетъ 160 руб., а та принесла бы 208 р., но я не жаденъ...

...Я опять ходилъ пѣшкомъ въ Комо и вернулся также, погулявъ немного и выслушавъ часть обѣдни въ соборѣ.

Съ обѣихъ сторонъ у дверей снаружи стоятъ двѣ статуи — Плинія Старшаго и Плинія Младшаго.

Они—конца четырнадцатаго вѣка, и оба Плинія одѣты докторами.

Надпись говоритъ, что сенатъ и народъ Комо рѣшили отдать эту честь двумъ великимъ людямъ, которые дѣлали честь человѣчеству. Что̀ это за люди были, граждане итальянскихъ республикъ!

Какъ они мало были педанты! и какъ мало было педантизма въ католической церкви!

Она говорила: «Признавайте меня, платите мнѣ десятину, а потомъ ваяйте чертей въ моей оградѣ и ставьте идолопоклонниковъ на царскія мѣста — что̀ мнѣ за дѣло!» А у насъ тѣмъ временемъ занимались: разрѣшается ли грибъ маслёнокъ въ четвертокъ?

Зданіе XIII-го вѣка около собора называется *парламентъ*, и у него прелестный балконъ, съ котораго ораторствовали предъ народомъ.

Знаменитое военное «единство» Италіи не вернетъ аристократическаго духа республикъ, и никакое единство, доведенное слишкомъ далеко, не сохранитъ никакому краю духъ гражданства. Исторія всѣхъ объединеній доказываетъ, что объединеніе и разложеніе—тождественны.

Знаешь ли ты, что Комо имѣетъ сокровища архитектурныя.

Республика, должно быть, была могучая—разъ она вела войну съ Миланомъ и Барбароссой послѣ того, что онъ разрушилъ Миланъ, пришелъ и поселился въ Комо, въ замкѣ Бараделло, башни котораго существуютъ еще теперь. Башни Комо великолѣпны и почти той же прочности, какъ римскія, и на видъ напоминаютъ дворецъ Сфорца во Флоренціи.

225.

Вилла д'Эсте, 30 марта (12 апрѣля).

...Я гуляю или сижу въ своей комнатѣ, или хожу въ общую залу, гдѣ я часто нахожу m-r Cole (такъ пишется его имя). Чета австрійцевъ уѣхала, чтобы окончательно помѣститься въ Белладжіо, и вчера m-r Коле и я были вдвоемъ за обѣдомъ.

Онъ—большой философъ и говоритъ, что онъ у жизни проситъ теперь только немного спокойствія. У него доброе и грустное лицо, но онъ моложе меня—ему только 50 лѣтъ—но онъ весь въ морщинахъ.

Прошлаго года онъ себѣ вывихнулъ локоть, прыгнувъ черезъ корзину бѣлья, которую несли двѣ прачки. Онъ сказалъ мнѣ: — «Я не могъ удержаться, было слишкомъ соблазнительно».

Онъ мнѣ сказалъ, что ни одному слову не вѣритъ изъ того, что̀ разсказываютъ бретонцы про змѣй—что будто бы онѣ носятъ на головѣ маленькій драгоцѣнный орнаментъ, и что онѣ его снимаютъ, когда купаются, и кладутъ на берегъ, такъ что еслибы знать мѣсто и положить бѣлый платокъ—змѣи положатъ свои драгоцѣнности на него.

Онъ меня спросилъ — вѣрю ли я исторіи, которую разсказалъ австріецъ, а именно: мужикъ въ Венгріи, во время косьбы, нечаянно отрѣзалъ ногу у жабы и потомъ пошелъ, легъ спать послѣ обѣда; жаба въ это время подскочила на трехъ ногахъ къ нему и прыгнула на его нижнюю губу— и такъ сильно прицѣпилась къ губѣ, что много усилія стоило ее оторвать отъ губы. «Въ этомъ можно замѣтить большую мудрость,—сказалъ m-r Коле,—но извѣстно, что жабы не имѣютъ никакой мудрости. Этого не можетъ быть, *и я никогда не повѣрю*».

Здѣсь есть англиканская церковь, но m-r Коле не ходитъ туда, такъ какъ онъ католикъ. Я съ нимъ сыгралъ партію на билліардѣ и выигралъ. Я не игралъ на билліардѣ съ 1840 г.

Вчера я пошелъ въ Комо посмотрѣть на обѣ церкви, сперва церковь св. Фиделія XII вѣка, абсидъ которой совершенно не тронутъ, и дверь въ немъ, на которой изображены гриффоны, дерущіеся съ драконами.

Великолѣпно... Глядя на нихъ, моя кровь кипитъ; внутренность испорчена.

Потомъ я пошелъ за Комо посмотрѣть на романскую базилику XI вѣка, внѣшніе орнаменты которой совершенно цѣлы, а внутренность совсѣмъ оголена; но все-таки въ «кораблѣ» есть живопись à la Giotto, очень красивая, XIV вѣка.

Такъ какъ рѣшетка алтаря была заперта, я пошелъ искать кустодэ, который сказалъ, что онъ не можетъ отпереть безъ ректора семинаріи, профессора Балестра; тогда я ему послалъ мою карточку, и онъ прибѣжалъ, одѣтый въ іезуитское платье, съ докторскою шапочкой на головѣ.

Оказалось, что онъ—восторженный археологъ и завѣдуетъ реставраціей своей церкви, которая называется Церковь *Св. Абондіо*. Онъ цѣлый часъ держалъ меня, разсказывая, черезъ какія перемѣны прошла его церковь — и толкалъ меня все время локтемъ.

Онъ былъ вице-президентомъ одного археологическаго комитета.

Онъ знаетъ всѣ романскія церкви въ Европѣ и предпочитаетъ свою всѣмъ другимъ.

Онъ меня водилъ кругомъ нея и потомъ повелъ на гору, чтобы я ею полюбовался издали.

Потомъ мы встрѣтили другого іезуита, и оба увлекли меня смотрѣть на кладбище Комо, которое не имѣетъ ничего интереснаго и совсѣмъ современное.

226.

Вилла д'Эсте, 2 (14) апрѣля.

...Мой другъ, вотъ тѣ романтическія воспоминанія, о которыхъ я тебѣ говорилъ, но я предупреждаю тебя, что надо «газировать».

Въ 1840 году, я былъ здѣсь въ одно время съ нашимъ Государемъ, тогда Великимъ Княземъ. Всякій день мы ходили въ виллу Реймонди стрѣлять въ цѣль и въ голубей. Но такъ какъ дочь кустодэ Пеппина была очень красива, я за ней ухаживалъ, черезъ окошко нижняго этажа, но мнѣ хотѣлось поговорить съ ней съ глазу на глазъ, и для этого я забылъ свою пороховницу въ одной изъ гостиной виллы, а потомъ я пришелъ въ теченіе дня ее искать и попросилъ Пеппину мнѣ помочь.

Пороховница находилась въ комнатѣ, въ которой ставни были закрыты. Прежде чѣмъ уйти, я сдѣлалъ Пеппинѣ объясненіе въ любви—такое, что она не могла больше сомнѣваться въ моихъ чувствахъ.

Остальное я забылъ.

Вчера утромъ, когда я пошелъ въ Комо, я остановился въ виллѣ Реймонди. Передъ дворцомъ, около большой дороги, на лужайкѣ, стоитъ большой ясень, который я узналъ и подъ которымъ прежде всегда сидѣли аббаты...

Жуковскій... (Я прерываю себя, чтобы сказать тебѣ, что подо мной въ нижнемъ этажѣ поетъ женскій голосъ, вѣроятно, у окошка, и поетъ безъ аккомпанимента, что-то полуитальянское, полу-швейцарское или нѣмецкое въ родѣ Баха. Это голосъ меццо-сопрано, звучащій въ ночномъ воздухѣ очень красивыми нотами полной грудью. Это должно-быть вновь пріѣхавшая, такъ какъ сегодня утромъ квартира была пуста).

Я продолжаю: Жуковскій нарисовалъ ясень; но такъ какъ онъ не умѣлъ рисовать аббатовъ, онъ попросилъ меня нарисовать ему одного изъ нихъ, что̀ я и сдѣлалъ.

Придя теперь подъ ясень, я увидалъ подъ нимъ аббата, какъ тогда; я позвонилъ у рѣшетки, и молодая дѣвушка пришла открыть мнѣ, какъ въ былыя времена.

Она была похожа на Пеппину, но я хорошо зналъ, что это не была она, такъ какъ ей тогда было 16 лѣтъ, которыхъ она теперь болѣе имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Я попросилъ видѣть сторожа, и старый человѣкъ при-

шелъ, но я зналъ, что это не былъ тотъ же самый, такъ какъ тому было тогда лѣтъ шестьдесятъ, и ему не могло быть ихъ и теперь.

На мои вопросы новый сторожъ сообщилъ мнѣ, что прежній умеръ, а также и жена его, но онъ ничего не могъ мнѣ сказать о Пеппинѣ.

Онъ былъ тогда помощникомъ сторожа, и у него глуповатый видъ.

Я попросилъ его открыть мнѣ, и я отыскалъ комнату и стулъ, на который я сѣлъ, какъ во время оно. Онъ спросилъ меня, не родственникъ ли я прежнему сторожу? Я отвѣчалъ:—Да, немного. — Потомъ я посѣтилъ садъ, и, къ его удивленію, я ему указалъ мѣсто, гдѣ прежде было стрѣльбище, и затѣмъ различныя перемѣны, которыя произошли съ 1840 года. Это мнѣ напомнило удивленіе швейцара дома Шиллера въ Веймарѣ, когда я вернулся въ него послѣ тридцатипятилѣтняго отсутствія, и разспрашивалъ его о различныхъ лицахъ 26-го года.

— Но вы у меня спрашиваете о лицахъ, которыя давно умерли,—сказалъ онъ мнѣ:—кто же вы?

Тѣмъ не менѣе я не отчаяваюсь найти Пеппину.

Я поручу это моему другу, старому лодочнику Франжи, и если она не умерла, я пойду навѣстить ее. Дуракъ же Александръ Дюма!

Я нашелъ здѣсь «Le Chevalier de Maison Rouge» и перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ.

Дюма говоритъ, что палачу Соронъ было пятьдесятъ лѣтъ, а онъ все-таки называетъ его старикомъ! Скотина!

Я игралъ въ билліардъ съ m-r Коле и выигралъ у него еще партію. Онъ очень скроменъ и деликатенъ. У него ревматизмъ, но онъ снялъ свое пальто и положилъ на него своего Фрикей (собаку). Онъ наступилъ ему на лапу, не очень сильно, но очень извинялся.

Такъ какъ мы говорили о здѣшнихъ комнатахъ, онъ мнѣ разсказалъ, между прочимъ, что какая-то маркиза изъ Милана заняла мою, а онъ—сосѣднюю.

На слѣдующій день мужъ маркизы вѣжливо сказалъ ему, что жена его не спала всю ночь изъ-за табака, который курилъ m-r Коле.

Онъ отвѣтилъ ему: «Si j'avais su ça, j'aurais jeté mon pipe dans le lac».

И съ тѣмъ поръ онъ болѣе не курилъ. Это не по-геройски, но это прилично.

227.

Вилла д'Эсте, 5 (17) апр.

Я былъ въ Bellagio и въ Cadenabbio. Это такъ хорошо, что я и сказать не могу, особенно Bellagio. Тамъ двѣ гостинницы, одна у самаго озера, а другая на горѣ, въ виллѣ Serbellona. Изъ этой послѣдней видны два рукава озера, т.-е. Como и Leco. Снѣговыя горы и туманная даль; только лѣзть на гору немножко тяжело, и для постояннаго жительства мнѣ пріятнѣе моя clausura, а тамъ глаза разбѣгаются, и къ тому же слишкомъ шумно въ Беладжіо въ обѣихъ гостинницахъ; онѣ полны англичанъ, между которыми, какъ два масляныхъ пятна, было два нѣмца, которые портили пейзажъ (а не *пейзажи*).

Я хотя бы и безъ того тамъ не поселился, но очень былъ радъ, что не было въ виллѣ Сербеллона ни одной порядочной комнаты.

Показали лишь одну, еще меньше моей, сырую, голую, которая вѣроятно прежде была н.....; она стоитъ 5 фр., а моя, которой я все совершенно простилъ, стоитъ 3 фр.

Обѣція комнаты, читальня и пр. очень симпатичны, а корридоръ увѣшанъ старинными портретами cinque и seicento.

Я поѣхалъ туда на пароходѣ въ половинѣ девятаго утра, а возвратился въ пять, къ обѣду.

Со мной ѣхало русское семейство: помѣщикъ, похожій на моржа, съ общимъ дворянскимъ лицомъ и съ кокардой въ петлицѣ, все какъ слѣдуетъ, а съ нимъ двѣ молодыя особы, изъ которыхъ одна меня очень къ себѣ привлекла. На первый взглядъ она была нехороша и немножко даже ряба; впрочемъ, съ хорошими бѣлокурыми волосами и темными приподнятыми, какъ будто удивляющимися бровями, а главное—ротъ былъ у нея такой добрый и пріятный, что я рѣшилъ съ ней познакомиться, если представится случай. Онъ представился на возвратномъ пути. Я просто сѣлъ около нея и сталъ защищать ее отъ вѣтра, распустивъ мой зонтикъ. Она засмѣялась и со мной заговорила по-французски, а я ей по-русски—и пошло, и пошло.

Они ѣдутъ изъ Венеціи, гдѣ провели три дня въ твоихъ комнатахъ (Barbesi). И она говоритъ, что послѣ Венеціи Миланъ показался имъ такимъ гадкимъ, что онѣ попросили у моржа, котораго она называетъ *папа*, съѣздить въ Комо, а теперь ѣдутъ въ Миланъ обратно, а оттуда сейчасъ въ Лозанну, гдѣ двѣ сестры въ пансіонѣ. Моржъ тоже вмѣ-

шался въ разговоръ слѣдующимъ образомъ: — Какъ подумаешь, вѣкъ умывался обѣими руками, а теперь приходится умываться одной; человѣка съ собой не взялъ!

— Зачѣмъ же вы умываетесь одной рукой?

— А кто же будетъ наливать?

— А вы налейте въ умывальную чашку, да и загребайте обѣими руками!

— Покорно благодарю, я къ этому не привыкъ!..

Потомъ, когда проѣзжали мимо какого-нибудь хорошаго мѣста, онъ обращался со вздохомъ къ молодымъ и говорилъ:—А что̀ бы сказалъ Иванъ, когда бы это увидѣлъ?— А молодыя смѣялись, и у той, которую я защищалъ, были отличные зубы. Ей отъ 23 до 25 лѣтъ; замужемъ ли она, или нѣтъ, не знаю! Но скорѣе замужемъ, и она совсѣмъ была не хороша, но граціозна, а ротъ ея красивый и всегда смѣющійся и добрый.

Знаешь,—есть такіе рты, которые, какъ пейзажи, не будучи красивы, притягиваютъ сильнѣе, чѣмъ самые красивые; не извѣстно отчего, а чувствуешь себя съ ними совсѣмъ дома; и я себя чувствовалъ дома вокругъ ея рта. Моржъ, несмотря на свою кокарду, имѣлъ деликатность не спрашивать меня, кто я такой и какіе я получаю доходы— такъ какъ я имѣлъ ту же деликатность. Мы разстались у виллы д'Эсте, не зная, кто мы такіе; я прыгнулъ въ лодку, а они продолжали свой путь...

...Я очень радъ былъ вернуться въ свою комнату, которую я не хочу оставить, и я ее люблю. Къ тому же, развѣ я могу разстаться съ m-r Коле? Я не понимаю половины того, что̀ онъ разсказываетъ; но то, что̀ понимаю—обожаю, особенно когда онъ говоритъ по-французски.

Вчера онъ мнѣ разсказалъ легенду про Христа, — что Онъ лѣпилъ птицъ изъ глины; но онъ увѣрялъ, что легенда находится въ талмудѣ, и имѣлъ осторожность мнѣ сказать:

— Вы знаете, талмудъ — есть объясненіе Ветхаго Завѣта.

— Да, — я ему сказалъ,—но именно это и есть причина, по которой это не можетъ быть въ талмудѣ. Эта легенда находится въ одномъ изъ апокрифическихъ евангелій...

На это онъ сказалъ:

— О, да! конечно, вы совершенно правы!

228.

Вилла д'Эсте, 12 апр.

Сегодня m-r Коле сказалъ глупость за обѣдомъ. Когда на его вопросъ: какія одежды носятъ наши священники?— я ему отвѣчалъ:—тѣ же, которыя вы видите на мозаикахъ VII и VIII вѣка.—Онъ сказалъ:—«О, и они никогда ихъ не чинятъ?»

Онъ думалъ, что наши священники носятъ тѣ же самыя платья, которыя употребляли въ VII вѣкѣ, и что они ихъ никогда не штопаютъ, потому что они такъ прочно сшиты...

За обѣдомъ была дама, у которой былъ на шеѣ — барельефъ, представляющій битву центавровъ съ лапитами, а другой былъ—модель миланскаго собора.

Все это было сегодня, и столъ былъ полный.

Даже въ ихъ честь подавали новое блюдо: «куриныя сердца». Надѣюсь,—ты не думаешь, что я ихъ ѣлъ!..

M-r Коле мнѣ все говоритъ про какого-то чорта, написаннаго бѣлой краской въ церкви *св. Абоидіо*, котораго я не замѣтилъ.

Онъ все настаиваетъ, что очень смѣшно представлять чорта бѣлымъ... И я слышу, какъ онъ говоритъ всякому новому пріѣзжему про этого чорта...

...Нужно пойти посмотрѣть на него.

229.

Франкфуртъ, 25 апр. (7 мая).

...Я остановился въ Hôtel d'Angleterre, гдѣ прекрасно... Если когда-нибудь мы здѣсь будемъ, то мы остановимся здѣсь непремѣнно...

Пока я сидѣлъ въ залѣ, между англичанами, я увидалъ, поднявъ голову, хорошо написанный портретъ, который мнѣ напомнилъ что-то знакомое.

Мнѣ казалось, что я догадываюсь; но я позвалъ кельнера и спросилъ его: чей это портретъ, и онъ мнѣ отвѣчалъ:— «Это нѣкій писатель и философъ — Шопенгауэръ называется,—онъ долго жилъ во Франкфуртѣ!..»

Я не могъ близко подойти изъ-за многихъ англичанъ и англичанокъ, которые сидѣли подъ нимъ, но я ощутилъ очень большое уваженіе — и шишка уваженія на моей головѣ стала совсѣмъ теплою. На этомъ портретѣ его лицо— грустное и немножко внушительное, но не ироническое.

Это нѣкій Зубочинскій написалъ портретъ, но ни фотографіи, ни гравюры съ него не существуетъ...

1873.

230.

Римъ. Hôtel de Russie, 12 апрѣля.

Мой добрый ангелъ-хранитель! Я благополучно доѣхалъ; было очень холодно ночью, но я былъ хорошо закутанъ и совсѣмъ не страдалъ отъ холода.

Я *совсѣмъ* здоровъ и дышу хорошо.

Прямо черезъ корридоръ, безъ лѣстницъ, я выхожу въ садъ, въ которомъ цвѣтутъ деревья іудейскія (arbres de Judée)—прелестно все это, но мое сердце надрывается, что я все это вижу безъ тебя. Римъ полонъ козъ, которыхъ доятъ у дверей домовъ. Campagna полна хорошими бѣлыми быками, съ большими рогами; ничего еще не испорчено, но поливаютъ улицы!

Пиши мнѣ всю правду про себя и про свои глаза...

Во мнѣ то же чувство, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы разставались—*совершенно то же...*

231.

Сорренто, 2 мая.

...Вчера мы поѣхали моремъ въ Палермо. Я сошелъ на землю только чтобъ посмотрѣть соборъ, выстроенный Робертомъ Гвискаромъ, и опять вернулся на пароходъ, опасаясь жары для моей головной боли; а Императрица поѣхала со всѣми на ослахъ и въ портатинахъ и въ колясках до Амальфи, куда наше судно отправилось Ее дожидаться.

Такимъ образомъ, я вчера избѣгъ головной боли на сегодняшній день, да у меня и въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ.

Боткинъ оскультировалъ меня въ послѣдній разъ и продиктовалъ мнѣ инструкціи.

«So arg ist es nicht» (не такъ ужъ плохо).

Робертъ Гвискаръ—былъ свинья.

Онъ ограбилъ Пестумскій храмъ, чтобъ построить свою церковь.

Но іезуиты прошлаго столѣтія были еще бо̀льшія свиньи: они испортили церковь Роберта Гвискара и насовали въ нее каменныхъ облаковъ, etc...

Только нѣсколько угловъ осталось нетронутыми, и они великолѣпны.

Когда подумаешь, какъ трудно доѣхать до Салерно иначе какъ моремъ, то говоришь себѣ, что надо имѣть чорта въ пяткахъ, чтобъ отправиться портить церковь, окруженную недоступными скалами, невозможными дорогами и разбойниками, которые процвѣтаютъ вокругъ Салерно, такъ что Императрицу сопровождала сильная эскорта.

Но между Салерно и Амальфи они всѣ попадали съ лошадей и растеряли трубы и каски.

Я узналъ объ этомъ только въ Амальфи, а то я бы не вернулся на пароходъ, несмотря на головную боль.

Григорій VII похороненъ въ Салерно...

Вчера вечеромъ, послѣ того, какъ я удалился, я услыхалъ голоса на террасѣ; я пошелъ туда и нашелъ: А. Т. и Великую Княжну у окна.

Мы начали разговаривать.

Съ другой террасы m-lle N. приняла участіе въ нашемъ разговорѣ.

Потомъ съ садовой стѣны присоединился голосъ Капниста.

Потомъ въ третьемъ этажѣ отворилось окно и въ немъ показался принцъ Александръ (Баттенбергскій) въ красной курточкѣ, и всѣ стали говорить одновременно. Все это было очень красиво—и море, и луна, и свѣтъ изъ оконъ.

232.

Сорренто, 11 мая нов. ст.

...Боткинъ (С. П.) говоритъ, что я состою изъ однихъ нервовъ, которые разстроены, а поэтому моральное удовлетвореніе должно принести мнѣ много пользы. Какое бо̀льшее удовлетвореніе могу я имѣть, какъ быть дома съ тобой и со всѣми нашими.

Посылаю тебѣ цвѣтокъ резеды, который я сорвалъ на стѣнѣ, проходя мимо.

Да хранитъ тебя Богъ, мой другъ.

Боже мой, какъ длиненъ еще путь до тебя!

Какая бы ты ни была демократка, ты не можешь отрицать, что въ аристократіи есть что-то связывающее, только ей присущее...

Эту ночь я почти не сомкнулъ глазъ, оба окна были открыты, но въ нихъ входилъ раскаленный воздухъ.

Я провелъ все время на колѣняхъ, то опершись головою

объ стѣну, то согнутый какъ père Anselme,—кажется, его звали Anselme,—носъ котораго тянулся въ могилу.

Къ семи часамъ утра астма стала проходить, и я отъ счастья началъ плясать по комнатѣ, и мнѣ пришло въ голову, что Господь Богъ долженъ ощущать удовольствіе, избавляя меня отъ астмы, разъ я Его такъ живописно благодарю. Въ сущности, я увѣренъ, что Онъ никогда бы ее не послалъ, еслибы это отъ Него зависѣло; но это должно быть послѣдствіемъ необходимаго порядка вещей, въ которомъ первый «Urheber» — это я самъ, и можетъ-быть, чтобъ избавить меня отъ астмы, пришлось бы заставить страдать пропасть людей менѣе грѣшныхъ, чѣмъ я. Итакъ, разъ вещь существуетъ, она *должна существовать*, и *никогда ничто не заставитъ меня роптать на Бога, въ Котораго я вѣрую всецѣло и безгранично.*

И не только про Господа Бога, но и про человѣка, въ котораго я вѣрю, если онъ сдѣлаетъ что-нибудь, что̀ мнѣ покажется дурнымъ, я скажу: я не понимаю его мотива, но онъ не можетъ хотѣть зла...

Я провелъ вчерашній и сегодняшній день, перечитывая вторую часть «Фауста». Иногда это очень хорошо, иногда же очень глуповато.

Взгляни на то, что̀ говоритъ императоръ, послѣ того какъ онъ выигралъ сраженіе, и какое онъ заказываетъ меню и т. д.

1874.

233.

Берлинъ. Hôtel du Nord, 7 (10) октября.

Мы пріѣхали сюда третьяго дня вечеромъ въ 9 ч., и я тебѣ послалъ немедленно телеграмму съ надеждою, что она застанетъ еще Соню. Мы нигдѣ не останавливались...

А въ Полоцкѣ дали такого удивительнаго рябчика, какихъ я еще никогда не видалъ,—въ сметанѣ былъ жаренъ, и я его съѣлъ разомъ всего, и на каждой станціи жралъ. И какія вкусныя кушанья на каждой станціи!

И неужели есть на свѣтѣ такіе болваны, свиньи, ослы и с.... дѣти, у которыхъ нѣтъ аппетита да еще и голова болитъ? Черти!..

Ну ихъ! А послѣднюю ночь у меня совсѣмъ не стало дыханія, и я стоялъ на колѣняхъ и пилъ чай, и Ц... все

приставалъ, чтобы мы остановились, а я кричалъ: — не хочу! — и поставилъ на своемъ, и къ утру все прошло, и я не могъ повѣрить, что есть такія свиньи, у которыхъ недостаетъ дыханія. Черти!..

А когда мы выѣхали изъ Краснаго-Рога, я съ горя, не доѣзжая Локны, началъ пѣть, а Ц... сталъ кричать: — Не пойте!—и я пересталъ.

И только-что мы пріѣхали въ Берлинъ, я послалъ коммиссіонера къ m-me de Schleinitz; но ее въ Берлинѣ нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ.

А на другое утро мы поѣхали искать философскихъ книгъ и попали случайно въ книжную лавку *Герстмана*; слыша, что мы говоримъ по-русски, этотъ Герстманъ вдругъ съ нами заговорилъ отлично по-русски, а потомъ сказалъ, что онъ большой пріятель Фрауэнштедта, и спросилъ насъ, не хотимъ ли мы съ нимъ познакомиться, и мы сказали: хотимъ; и онъ сказалъ:—хотите, я васъ поведу! А мы сказали:—ведите,—а когда?—а онъ сказалъ:—сейчасъ!—а мы сказали:—хорошо.

И поѣхали, и этотъ Фрауэнштедтъ живетъ, бѣдный, на черной лѣстницѣ въ 4-мъ этажѣ, и онъ вышелъ насъ встрѣчать въ халатикѣ и въ туфляхъ, которые носятъ зимою слоны, когда идутъ изъ Персіи, и принялъ насъ необыкновенно радушно; оказалось несправедливо, что̀ сказалъ про него Gerstmann:

«Я-де васъ предупреждаю, что изъ него трудно вытянуть три слова»...

Какъ я только заикнулся о Шопенгауэрѣ, онъ весь расцвѣлъ и пошелъ шагать въ своихъ туфляхъ вкось и вкривь по комнатѣ и таскать то портреты Шопенгауэра, то его рукописныя книги, и только я взялъ одно письмо въ руки, тотчасъ прочелъ: «Lumpen, Halunken!» и вообрази себѣ—совершенно моимъ почеркомъ. Иныя слова, если бы мнѣ ихъ показали, закрывъ остальныя, я не колеблясь призналъ бы писанными мной... Что̀ это значитъ?

А у Фрауэнштедта лицо — нѣчто между старой калошей и щелкуномъ изъ кокосоваго орѣха. И онъ не все хорошее разсказываетъ про Шопенгауэра; напр.: когда они ходили гулять и попадались нищіе, онъ никогда имъ ничего не давалъ, чтобы не поощрять нищенство! Это странная и очень пошлая черствость, недостойная того, кто написалъ «Das Fundament der Moral», и Фрауэнштедтъ его не одобряетъ. А когда онъ узнавалъ, что какая-нибудь собака

чѣмъ-нибудь отличалась, напр., спасла человѣка, онъ всѣми средствами доставалъ ея портретъ, и вся его комната была увѣшена собачьими портретами; когда мы вышли на улицу, этотъ Герстманъ намъ сказалъ:

— «Ну, я сегодня не узналъ Фрауэнштедта, такъ онъ былъ разговорчивъ!»

И этотъ самый Герстманъ сказалъ мнѣ, что въ Парижѣ нѣтъ русской типографіи, а есть такая у него, и онъ горячо предлагаетъ свои услуги и хочетъ посылать корректурные листы мнѣ въ Парижъ; но я еще не рѣшился — посмотрю.

Потомъ мы обѣдали у Пельнера и не могли съѣсть цѣлаго обѣда, а супъ былъ пюре изъ куропатокъ, совершенно удивительный — хоть бы у насъ въ Красномъ-Рогу. А вечеромъ были въ оперѣ и слушали «Aïda», но вытерпѣли только два акта,—такая страшная скука и жара. И вовсе не было египтянокъ въ прозрачныхъ платьяхъ, а были нѣмки въ коленкоровыхъ бѣлыхъ юбкахъ, изображавшія нѣмецкихъ грацій съ гирляндами въ рукахъ.

А музыка—скука, настоящая Голландія, и страшно пошлые способы дѣлать мнимую «couleur locale»: какія-то глупыя танцующія staccato sotto voce, сквозь которыя слышны все тѣ же завыванія.

По крайней мѣрѣ, Россини, когда хотѣлъ сдѣлать ассирійскую «couleur locale» въ «Семирамидѣ», въ этомъ вовсе не успѣлъ, а написалъ самые великолѣпные итальянскіе «lieux communs», которые я съ наслажденіемъ бы послушалъ. Сегодня мы были у Гартмана, подъ предлогомъ, что Ц. хочетъ что-то изъ него перевести. И онъ насъ принялъ также съ большимъ радушіемъ, которымъ онъ по репутаціи не отличается.

Я даже не хотѣлъ къ нему идти, но, увидѣвъ его портретъ, совершенно перемѣнилъ намѣреніе, и съ удовольствіемъ пошелъ.

Онъ—милый, симпатичный человѣкъ, со скромностью de bon aloi, и похожъ на очень добраго и умнаго морского моржа,—я тебѣ пришлю его карточку. Разговоръ подстрекалъ я, но говорилъ болѣе Ц., и они имѣли даже небольшое философское преніе, а Ц. такъ этимъ доволенъ, что возъимѣлъ желаніе идти завтра къ Гельмгольцу, вслѣдствіе чего я рѣшился остаться еще завтра и написать Гельмгольцу.

Ц. говорилъ съ Гартманомъ болѣе о Декартѣ и о томъ, что сила дѣйствуетъ не на матерію, а на другую силу,

матерія же—это только такъ, для красы. Гартманъ предложилъ даже Ц. переписываться съ нимъ.

А мнѣ дорогой Ц. сказалъ, что онъ никогда никого не встрѣчалъ, кто бы сразу внушилъ ему такую симпатію, какъ я, потому что нѣтъ у меня никакого гримажа. И правда, что нѣтъ.

А Арнима Бисмаркъ посадилъ въ тюрьму, потому что Гоэнлоэ писалъ изъ Парижа: пропали какія-то письма изъ архива.

234.

Парижъ, 7 ноября 1874 г.

...Сегодня дождикъ идетъ, и я бы остался дома изъ педантства, если бы Влангали не пригласилъ меня вчера (пойти съ нимъ) посмотрѣть на одного Веласкеца, который ему предлагаютъ за 250 фр. Я поѣхалъ сегодня туда въ закрытой каретѣ, и нашелъ, что картина — совсѣмъ не Веласкецъ, а произведеніе знаменитаго Diego дела-Круста, живописца XIII столѣтія, который много путешествовалъ и сдѣлался знаменитымъ въ Голландіи подъ именемъ Van der Croute, а въ Германіи подъ именемъ *Якобъ Шмиргодъ*, а въ Италіи былъ названъ Гвидо Sporcanaicio ditto il Latrina. Я посовѣтовалъ Влангали не отнимать его отъ Франціи, которая уже вынесла столько несчастій...

235.

Парижъ, ноябрь.

Тургеневъ не выходитъ,—у него подагра. Онъ поручилъ тебѣ сказать много любезностей и радуется, что тебя увидитъ (Гр. С. А. прочла по-нѣмецки съ русскаго подлинника à livre ouvert «Живыя мощи» у д-ра Зегена вечеромъ).

Зегены, конечно, говорили ему о переводѣ, и онъ очень тронутъ.

Съ своей стороны, онъ мнѣ говорилъ съ большой хвалой о моемъ *Канутѣ* и о *Поповѣ*, котораго Фетъ (теперь Шеншинъ) ему *прочелъ наизусть* съ большой maestria — такъ онъ говоритъ.

Я очень радъ былъ его видѣть и предвижу себѣ серьезное удовольствіе въ его обществѣ.

Онъ — настоящая находка для Д. Ц., такъ какъ онъ очень охотно принялъ наше приглашеніе присутствовать при *спиритическомъ сеансѣ*, который у насъ будетъ, какъ только мы устроимся окончательно. Надо тебѣ сказать, что

здѣсь есть, чортъ его знаетъ, какой-то Фирманъ-американецъ, который вызываетъ духовъ *видимыхъ* и *говорящихъ* безъ всякихъ приготовленій и гдѣ хотятъ, за 25 франковъ.

Редакторъ спиритическаго журнала далъ намъ его адресъ.

Редакторъ, видимый шарлатанъ, безсовѣстный и нахальный, очень повредилъ въ нашемъ мнѣніи Фирману, но мы пошли къ нему на квартиру, чтобы познакомиться съ нимъ, какъ съ интереснымъ фокусникомъ

Такъ какъ онъ живетъ въ 5-мъ этажѣ, я не взошелъ, а подождалъ Дмитрія (кн. Д. П. Цертелева) въ каретѣ.

Онъ вернулся въ восторгѣ отъ наивности и простоты этого господина, который заявляетъ, что ему не нужно никакихъ приготовленій, и что онъ готовъ подвергнуться всѣмъ предосторожностямъ — въ какомъ угодно помѣщеніи; однимъ словомъ—увидимъ!

236.

Парижъ, 27 ноября.

...Вотъ исторія моего пріема у Императрицы. На другой день Ея пріѣзда сюда, во вторникъ, Барятинскій пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что Она будетъ очень рада меня видѣть; но если можетъ мнѣ повредить выѣздъ, то Она проситъ меня этого не дѣлать. На что я отвѣчалъ, что, напротивъ того, мнѣ будетъ это полезно.

Тогда на другой день Барятинскій мнѣ написалъ, чтобы я пришелъ безъ четверти часъ и остался завтракать.

Такъ какъ сказано было быть въ сюртукѣ — мнѣ не пришлось надѣть фуфайку, но я надѣлъ «намордникъ» и взялъ съ собой дурака датчанина Dians, который былъ очень красивъ, въ черномъ платьѣ, въ цилиндрѣ и лайковыхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

Императрица сперва приняла меня въ своей гостинницѣ вдвоемъ—съ глазу на глазъ—пока другіе ждали Ея выхода. И только-что я взошелъ, я раскашлялся нервичнымъ кашлемъ (а не простуднымъ), и Ей было жалко, и на лицѣ было видно, что въ самомъ дѣлѣ жалко.

Она *очень добрая*...

237.

Парижъ, 28 ноября.

...Я тебѣ пишу только нѣсколько словъ, чтобы сказать тебѣ, что у меня больше не болитъ ни голова, ни спина.

Боткинъ только-что вышелъ отъ меня — онъ меня долго

изслѣдовалъ и въ общемъ остался доволенъ; только онъ очень положительно говоритъ, что въ Торки не надо ѣхать, а надо ѣхать *во Флоренцію.* Я даже не произнесъ имя этого города, — онъ самъ *отъ себя* назвалъ его очень положительно.

...Боже, какъ я буду счастливъ тебя видѣть...

1875.

238.

San-Remo, 24 января.

...Все здѣсь происходитъ такъ же, какъ и всегда.

Императрица, кажется, здорова на видъ; Она нѣсколько разъ разспрашивала меня про тебя, всегда съ большимъ интересомъ; я завтракаю, обѣдаю и пью чай у Нея. Вечеромъ m-me M. читаетъ вслухъ, и я ее прерываю замѣчаніями, которыя имѣютъ самый большой успѣхъ и которыя портятъ чтеніе надолго, т.-е. я притворяюсь, что не понимаю, и прошу самыя невозможныя объясненія.

Третьяго дня я самъ пробовалъ читать вслухъ, но голоса не хватало, и я передалъ опять книгу m-me M. Вчера играли шараду въ костюмахъ, и я принялъ маленькое участіе въ обыкновенномъ платьѣ. У Озерова настоящій талантъ къ импровизаціи; играли одинъ актъ греческой трагедіи, и учитель географіи В. Кн. Павла Александровича, маленькій, безбородый, толстый человѣкъ, представлялъ хоръ въ простынѣ и въ вѣнкѣ изъ настоящихъ лавровыхъ листьевъ.

Очень было хорошо!

Великій Князь Павелъ Александровичъ, переодѣтый дамой, исполнилъ танецъ. Тоже было хорошо. Сегодня буду читать *(Сонъ) Попова. Императрица* просила меня серьезно ей прочесть *Бунтъ въ Ватиканѣ,* а такъ какъ я отказалъ наотрѣзъ, а m-me M. такъ настаивала, чтобы я ей его прочелъ, то я обѣщалъ ей это сдѣлать въ темной комнатѣ...

239.

San-Remo, 25 января.

...Я останусь еще два дня здѣсь, вслѣдствіе приглашенія Императрицы, которой я сказалъ, что во Флоренціи холодно.

Въ то время, какъ я тебѣ пишу, около 5 ч., настоящій ураганъ. Крики раздаются, шляпы летаютъ по улицѣ,—до

самыхъ моихъ окошекъ долетаютъ, — и домъ дрожитъ, но тепло и сирокко дуетъ. Вчера читалъ *Попова. Никогда* еще онъ не имѣлъ такого успѣха; лица, играющія въ карты, прервали игру и повернули стулья; m-me M. визжала, а Императрица смѣялась до слезъ. Она меня упрекала, что я Ее раньше не познакомилъ съ этимъ стихотвореніемъ, которое Она называетъ chef d'oeuvre'омъ. Она просила копію его, и всѣ прочіе также изъявили это желаніе, и двумъ писцамъ поручено умножить рукопись.

Она мнѣ въ концѣ дня еще говорила объ этомъ, и сегодня утромъ также. Вчера вечеромъ, послѣ того какъ Императрица удалилась, m-me M. такъ настойчиво просила, чтобы я ей сказалъ «Бунтъ въ Ватиканѣ», что я это сдѣлалъ въ углу гостиной, говоря все время ей на ухо.

Эффектъ былъ съ ногъ сшибательный. Она кричала до слезъ и топала ногами.

Она — благодарная слушательница. А ты все-таки не будешь знать, что̀ такое «Бунтъ въ Ватиканѣ».

Сегодня утромъ я былъ съ Мих. Пет. Боткинымъ и Барятинскимъ у какого-то маркиза, у котораго есть Рафаэль, очень прекрасный, повтореніе того, который въ Эрмитажѣ въ овальной рамкѣ, — только тотъ, который у маркиза, очень сильно ретушованъ. Его носили къ Императрицѣ, но Она не захотѣла его купить. Мы тоже побывали въ публичномъ саду, въ которомъ дамы и дѣвицы продавали разныя маленькія гадости въ пользу бѣдныхъ. Барятинскій, по приказанію Императрицы, выпилъ и съѣлъ на 500 фр., впрочемъ безъ дурныхъ послѣдствій.

Я продолжаю себя чувствовать отлично.

М. П. Боткинъ былъ у меня сегодня утромъ и признался мнѣ, послѣ многихъ предисловій, что онъ ставитъ Giotto (Джіото) гораздо выше Рафаэля, и сказалъ мнѣ: «Вы будете надо мной смѣяться, я почти не смѣю сказать» и пр. и пр. На что̀ — я бросился ему на шею и сказалъ ему, что онъ — единственный настоящій художникъ, какого только я встрѣчалъ.

240.

Санъ-Ремо, 27 января.

...Императрица тебя благодаритъ за присланную бумагу съ шифромъ; Она очень была тронута твоимъ вниманіемъ и нашла, что бумага прекрасна.

Боткинъ приказалъ мнѣ убавлять прогрессивно дозу пнъ-

екціи на одинъ гранъ меньше всякій день, а я не понялъ, и думалъ, что нужно по 5 гр., и въ два дня, вмѣсто 40 гр., я впустилъ въ себя лишь 30 гр., и мое благосостояніе уменьшилось, и я сталъ грустенъ, и Императрица, и всѣ замѣтили это и меня спросили: «Отчего вы грустны, графъ?»— а я отвѣчалъ:—Потому что Боткинъ уменьшилъ дозу моей инъекціи...

И такъ какъ я никогда не могу поймать Боткина,—онъ всегда выходитъ въ тѣ часы, когда я возвращаюсь,—то я все убавлялъ бы по 5 гранъ, и сдѣлался бы совсѣмъ грустный, еслибы вчера вечеромъ онъ не пришелъ къ Императрицѣ смотрѣть фокусника; и когда я ему сказалъ, что̀ со мной дѣлается, онъ сказалъ: «Какъ же вамъ не стыдно! я вамъ сказалъ уменьшать по одному грану, а вы разомъ хватили десять. Увеличьте опять и уменьшайте понемногу; и если будетъ вамъ худо, то опять увеличьте на одинъ гранъ, а потомъ опять уменьшайте; отъ добра добра не ищутъ».— И я былъ тотъ дуракъ, которому велѣли Богу молиться... И ты знаешь, я всегда такъ.

...Оба Великіе Князья уѣзжаютъ сегодня утромъ въ Россію черезъ Парижъ, и Императрица ихъ провожаетъ до границы и пригласила меня съ ней ѣхать. Вообще Она ужасно добра ко мнѣ, и всѣ это замѣчаютъ. На дняхъ здѣшнія дамы показывали серебряные карандаши, которые онѣ привезли изъ Англіи, и которые можно носить или на поясѣ, или на часахъ. Карандаши очень толстые и симпатичные, и такъ какъ я подумалъ о тебѣ, то на моемъ лицѣ, вѣроятно, выразилась алчность, и Императрица мнѣ сказала: «Я черезъ два дня должна получить такой же карандашъ, и такъ какъ онъ вамъ нравится, то я вамъ подарю тотъ, который получу, а себѣ выпишу другой». Третьяго дня получилъ карандашъ; Она сама прошла черезъ всю комнату ко мнѣ, чтобъ мнѣ его дать. Она почти всегда меня сажаетъ рядомъ съ собой, за обѣдомъ; и вчера вечеромъ, во время сеанса фокусника, я тоже сидѣлъ рядомъ съ ней. Она иногда смѣется до слезъ, какъ во время чтенія «Сна Попова», и я Ей разсказываю все, что̀ мнѣ приходитъ въ голову, и часто—анекдоты про монаховъ, священниковъ и разныхъ святыхъ. Я на дняхъ принесъ ей показать нумеръ «Kladderadatch», въ которомъ на одной картинкѣ представленъ рай, гдѣ встрѣчаются два святыхъ, которые другъ другу кланяются, что̀ тоже Ее заставило очень смѣяться. Я только-что вспомнилъ сейчасъ, что я Ей еще

не разсказалъ анекдота про рыжаго херувима,—я сегодня это исполню...

Маркевичъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» фантастическую повѣсть «Двѣ маски»; это довольно ничтожная вещь, написанная въ стилѣ Кохановской, завалено самыми наглыми галлицизмами и прошпиговано, какъ всегда, цитатами, иногда очень неумѣстными. Меня это огорчило.

241.

29 января.

Я такъ нетерпѣливо хочу тебя видѣть опять, что я чуть было не уѣхалъ, хотя ты, кажется, еще не устроилась; но Барятинскій меня просилъ еще остаться два, три дня, говоря, что я такъ пріятенъ Императрицѣ, и пр., и пр. Скажи Е. А., что Louis, къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ глупъ, какъ думали, и что кромѣ сентиментальныхъ анекдотовъ у меня нѣтъ ей ничего сообщить... Онъ сегодня обвалялъ указательный палецъ въ порошкѣ, помочивъ его предварительно, и хотѣлъ мнѣ его сунуть въ ротъ, чтобы чистить зубы, но я отказался, на что онъ мнѣ сказалъ: «Je ne suis qu'un pauvre diable, et monsieur a tort de refuser mes services».

242.

30 января.

Такъ грустно, что всегда что-нибудь отравляетъ жизнь, но, какъ говоритъ Louis, оказывается, что нѣтъ полнаго счастія на землѣ. Онъ все-таки глупъ, особенно когда дѣлаетъ размышленія внѣ своей должности, что̀ онъ очень любитъ. Несмотря на это, я начинаю думать, что онъ— *перлъ*. Онъ ничего не забываетъ, предупреждаетъ всѣ мои желанія и безпрестанно что-нибудь скоблитъ, или чиститъ, или зашиваетъ. Ему ужасно хочется меня выбрить, или причесать, или сдѣлать для моей бороды какой-то брильянтинъ изъ орѣховаго масла, о которомъ онъ говоритъ съ большимъ чувствомъ. Или онъ добрый малый, или онъ насъ зарѣжетъ.

243.

С.-Ремо, 2 февраля.

Я выѣзжаю завтра и надѣюсь съ тобою быть въ четвергъ въ 10 ч. утра. Императрица посылаетъ со мной какую-то вещь Великой Княгинѣ. Я ей разсказывалъ, что видѣлъ крысу въ оврагѣ, у которой на лѣвомъ плечѣ былъ маленькій

кусочекъ пластыря. Это—сущая правда, но я прибавилъ, что я видѣлъ другую крысу, у которой была вата въ ушахъ,—этому она не повѣрила. Я тоже ей разсказывалъ исторію про *рыжаго херувима*: Она смѣялась до слезъ, такъ что закрыла себѣ лицо обѣими руками. Я придалъ разсказу характеръ правдивости...

244.

Карлсбадъ, 14 іюня.

...Я обѣдалъ съ Тургеневымъ и не ѣлъ тѣхъ мерзостей, которыя подавали; это было слишкомъ нагло... Потомъ пошелъ, получилъ деньги по переводу, легъ спать и ничего не помнилъ, когда проснулся. Затѣмъ, отказался отъ вечера у Соллогубовъ и пошелъ съ Тургеневымъ къ Зегенамъ. Тургеневъ разсказывалъ намъ очень вяло и очень пространно сюжетъ своей новой повѣсти, въ половину написанной, которая называется «Часы» (la Montre)...

245.

19 іюня.

Я необыкновенно молодъ, бодръ и силенъ, но все-таки бываютъ припадки удушья... А когда у бѣлки не стало зубовъ, царь приказалъ ей отпустить мѣшокъ орѣховъ.

Ко мнѣ безпрестанно приходятъ дамы—и всѣ перебывали. И всѣ приходятъ по одиночкѣ.

246.

Карлсбадъ, 23 іюня.

...Мы съ В... пили кофей, а потомъ я взялъ колясочку и отвезъ ее домой, а самъ пошелъ къ Тургеневу, чтобы условиться съ нимъ о чтеніи, которое мы произведемъ въ пользу города Моршанска (онъ сгорѣлъ). Мысль принадлежитъ Тургеневу. Съ нимъ я пошелъ къ Татищеву въ König's Villa, и всѣ втроемъ пошли къ «Пупу», чтобы нанять у него залу; но онъ даетъ ее даромъ и даже освѣтитъ на свой счетъ. Потомъ пошли втроемъ въ полицію, гдѣ насъ принялъ Bezirckhauptmann, Herr von Veit, очень недовѣрчиво, и сперва разспрашивалъ, какая будетъ тенденція нашего чтенія, и не задумали ли мы обидѣть какую-нибудь національность. Убѣдившись въ нашей невинности, онъ далъ позволеніе. Татищевъ поѣдетъ въ Маріенбадъ пригласить вѣнскаго тенора Вальтера принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Чтеніе будетъ въ будущую субботу, а сегодня воскресенье.

Отецъ Полисадовъ, если найдетъ случай, скажетъ объ этомъ проповѣдь.

247.

Карлсбадъ, 28 іюня.

...И безъ того жизнь такъ коротка, а еще столько времени уходитъ на ѣду, на сонъ, на хожденіе туда и сюда, и на всякія личныя дѣйствія въ разныя стороны,—что не надо бы было разлуками убавлять то короткое время, которое проводишь въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ.

А для меня жизнь состоитъ только въ томъ, чтобы быть съ тобой и любить тебя; остальное для меня — смерть, пустота, Нирвана, но безъ спокойствія и отдыха.

Къ чему же растягивать жизнь разными леченіями, когда эта жизнь — не жизнь. Для кого же я бы ее сохранялъ, если бы тебя не было... Противъ меня стоятъ четыре розы разныхъ цвѣтовъ, которыя мнѣ прислала сегодня графиня Фюнфкирхенъ, съ которой я познакомился, и которая оказывается Stiftsdame; у нея сестра и племянница, обѣ сестры очень образованныя, говорятъ по-французски безъ акцента, и будто принадлежатъ обществу прошедшихъ годовъ, которое я зналъ въ Карлсбадѣ въ моей ранней молодости.

Онѣ между прочимъ мнѣ сказали, что есть новый переводъ «Серебрянаго», графа Анатолія Сегюра.

Прочиталъ имъ 12 стихотвореній, переведенныхъ m-me Павловой; онѣ раньше, чѣмъ со мной познакомились, выписали экземпляръ изъ Одессы.—А я все-таки послалъ имъ еще экземпляръ съ надписью, и тоже послалъ «Донъ-Жуана» и «Ѳеодора Іоанновича», а «Смерть Іоанна» у меня только въ одномъ экземплярѣ, и я его берегу для m-me Steffens. ...M-me Segen и потомъ m-me Bohm и m-me Hartmann приходили ко мнѣ, но меня не застали.

248.

9 іюля.

Я только-что тебѣ послалъ длинное письмо и забылъ вложить эту афишу (о чтеніи въ пользу г. Моршанска).

Всѣ билеты разошлись; печатаютъ новые.

Пріѣдутъ также изъ Маріенбада и Франценсбада, и можетъ быть изъ Тёплица; кажется, будетъ удачно. Иностранцы тоже взяли билеты. Я знаю, что я хорошо прочту. Тургеневъ увѣряетъ, что онъ волнуется. Онъ дѣлается болѣе снисходительнымъ по отношенію моихъ стихотвореній. Онъ

мнѣ вчера сказалъ: «Грѣшница не можетъ не имѣть успѣха».

249.

14 іюля 1875 г.

Вчера состоялось чтеніе въ 7½ ч.; оно удалось выше всѣхъ ожиданій. Пріѣзжали изъ Франценсбада, изъ Маріенсбада, прислали денегъ изъ Тёплица и пріѣзжали изъ Праги. Зала была полна, и, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, мы получили 1.600 флор. Я былъ очень хорошо принятъ, не хуже Тургенева; я читалъ хорошо, безъ всякаго волненія, и меня вызывали четыре раза. Тургеневъ былъ очень взволнованъ и въ началѣ его голосъ дрожалъ. Я ничего не понимаю въ его литературныхъ отношеніяхъ ко мнѣ. Я видѣлъ много доказательствъ его литературной вражды, и тѣмъ не менѣе вчера, послѣ чтенія, когда мы всходили по лѣстницѣ къ Зегенамъ, онъ сказалъ, невнятно, точно говорилъ самому себѣ: «Прекрасная... была послѣдняя вещь».

— «Какая вещь?»—спросилъ я.

— «Послѣдняя»,—отвѣтилъ онъ.

— «Камаринская?»—спросилъ я нарочно.

— «Нѣтъ, та, что̀ вы читали».

У Зегеновъ насъ принялъ маленькій Лудо, который намъ поднесъ два лавровыхъ вѣнка. Я везу съ собой свой вѣнокъ. Сегодня нѣсколько дамъ прислали намъ цвѣтовъ...

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(1859—1875).

I.

Къ разнымъ лицамъ.

1.

Погорѣльцы.—4 февраля 1859.

Благодарю васъ, дорогой другъ, за ваше очень доброе письмо, отъ 23 января.

Прежде всего, я долженъ вамъ выразить, насколько я огорченъ вашею болѣзнью... и нельзя ли было бы соединить вашу поѣздку за границу съ Украйной. Мы только двѣсти верстъ отъ Кіева—а тамъ уже одинъ шагъ до Бродъ.

А теперь—вотъ что̀ я имѣю вамъ сказать въ отвѣтъ насчетъ «Іоанна Дамаскина».

Тѣ, которые находятъ, что онъ долженъ былъ бы выбрать другой мотивъ для пѣнія, чѣмъ тотъ, который онъ выбралъ,—не читали его житія. Пусть они откроютъ Четьи-Минеи, и они увидятъ, что все происходило совершенно такъ, какъ я это описываю. Еслибы я иначе писалъ, то я бы измѣнилъ легенду. Они увидятъ также, что рѣчь Богородицы тамъ длиннѣе, чѣмъ та, которую я написалъ...

Остается обвиненіе Тургенева—хромыя риѳмы!..

Неужто Тургеневъ принадлежитъ къ французской школѣ, которая хочетъ удовлетворять глаза, а не уши?—которая побоялась бы сопоставить «assoir» съ «dressoirs»—во множественномъ числѣ?

Я составилъ маленькій списокъ моихъ неправильныхъ риѳмъ, хотя, конечно, далеко не полный... Но вотъ онъ:

1) широкой—потока.
2) стремнины—долину.
3) пустыня—отнынѣ.
4) знаменитый—разбита.
5) имя—ими.
6) пробужденье—дуновенья.
7) неугодны—свободно.
8) чуя—всуе.
9) суровый—слово.
10) синклита—ланиты.
11) сына—кручины.
12) нивахъ—счастливыхъ—etc.

Гласныя, которыя оканчиваютъ риѳму—*когда нѣтъ на нихъ ударенія*—по-моему совершенно безразличны, никакого значенія не имѣютъ. Однѣ *согласныя* считаются и составляютъ риѳму. *Безмолвно* и *волны* риѳмуютъ, по-моему, гораздо лучше, чѣмъ *шалость* и *младость*, чѣмъ *грузно* и *дружно*—гдѣ гласныя совершенно соблюдены.

Мнѣ кажется, что только малоопытное ухо можетъ требовать *гласную*—и оно требуетъ этого только потому, что дѣлаетъ уступки—*зрѣнію*. Я могу ошибаться, но это у меня интимное чувство—послѣдствіе моей эвфонической организаціи, и вы знаете, насколько у меня требовательно ухо. Я нашелъ лишь одну рискованную риѳму въ «Іоаннѣ Дамаскинѣ»—а именно: *свыше* и *услышалъ*,—и то, еслибы я только себя одного слушалъ, я готовъ былъ бы ее повторить. Я увлекся, говоря, что гласныя безразличны: я бы не желалъ поставить въ риѳму *у* съ *і*; но *а, о, ы* или *у*—всѣ родныя, также какъ *и, і* и *я*—тоже родныя... а впрочемъ, по мнѣ, хоть наплевать. Не думайте, что я хочу защищать лишь мое твореніе—я защищаю одну систему; что̀ касается до моего труда, на него можно напасть съ другихъ сторонъ и болѣе справедливо. Напримѣръ, начало мнѣ кажется безцвѣтно и скучновато, глава гекзаметрами не согласуется съ остальнымъ...

Вы совершенно правы: sint ut sunt, aut non sint (пусть будутъ какъ есть, или вовсе не будутъ), и я васъ благодарю.

Но я надѣюсь, что все это оказалось безполезнымъ, и что въ настоящую минуту «Іоаннъ Дамаскинъ» уже напечатанъ въ «Бесѣдѣ», такъ какъ я знаю, что (Н. Ѳ.) Крузе его пропустилъ. То, что̀ вы мнѣ говорите о пріемѣ моихъ

стихотворенiй со стороны тѣхъ, которымъ вы ихъ читали, доставило мнѣ большое удовольствiе (дѣло идетъ объ императрицѣ Марiи Александровнѣ). Я занялся «Серебрянымъ», но еще его не окончилъ—за отсутствiемъ спокойствiя духа.

Въ моемъ нравственномъ состоянiи, которое все еще находится im Werden (т. е. начинается, образуется)—

Лучше поется, чѣмъ пишется...

. . . . . .

Очень поклонитесь ему (Тургеневу) и попросите его мнѣ написать или передать вамъ его замѣчанiя насчетъ моей эвфонической системы—это можетъ дать случай къ интереснымъ преньямъ. Между прочимъ, на моей сторонѣ вся англiйская поэзiя, но я не иду такъ далеко, какъ англичане.

Неточность риѳмы *въ нѣкоторыхъ предѣлахъ* не только меня не пугаетъ, но, по-моему, можетъ сравниться съ храброю кистью венецiанцевъ, которые именно своею неточностью или, лучше сказать, небрежностью достигаютъ эффектовъ, которыхъ никогда не достигнетъ никакой Карло Дольче, или, чтобы не поминать этого злодѣя, венецiанцы достигаютъ того, чего Рафаэль не могъ достигнуть со всею своею чистотой линiй.

Повторяю еще разъ,—я не себя защищаю, а школу.

Богъ съ вами, будьте здоровы и, чтобы не болѣть, не думайте о Б... Прiѣзжайте къ намъ, забыть его на нѣкоторое время въ Погорѣльскихъ лѣсахъ.

Я предсказывалъ Аксакову запрещенiе его журнала («Парусъ»), и я ему сообщилъ мою точку зрѣнiя насчетъ его 1-го нумера.

2.

Погорѣльцы.—24 февраля 1859.

У насъ уже чувствуется нѣкоторое начало весны, и это меня вдохновило на слѣдующее стихотворенiе, которое я назову:

Весеннiя чувства необузданнаго древняго.

Дождусь ли той исторiи,
Когда придетъ весна
И молодой цикорiи
Засвѣтитъ желтизна!
Уже любовной жаждою
Вся грудь моя горитъ;
. . . . . .
. . . . . .

Земля цвѣтами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки съ коровами
Въ зеленый лугъ гулять.

. . . . . .

Я послалъ нѣсколько стихотвореній (одно дурное) графинѣ Алекс. Андреевнѣ Толстой; когда вы ее увидите, попросите вамъ ихъ показать.

Со всѣхъ сторонъ я получаю упреки, что «Іоаннъ Дамаскинъ» яко бы невѣренъ легендѣ, но это я рѣшительно отрицаю... и предлагаю тѣмъ, которые сомнѣваются, прочесть легенду, чѣмъ и рѣшается вопросъ.

...Прощайте, любезный Б... Лука врачъ да сохранитъ васъ...

Мы получили «Современникъ», въ которомъ «Дворянское Гнѣздо». Начало мы прочли вчера... Что̀-то будетъ далѣе, а пока скучновато.

3.

Парижъ.—1 апрѣля н. с. 1860.

Благодарю васъ за ваше письмо, которое мнѣ доставило большое удовольствіе—безъ всякихъ фразъ... оно меня перенесло къ эпохѣ, о которой я люблю вспоминать, т.-е. наши хорошіе дни въ Пустынькѣ. А ту эпоху, которая относится къ Шестилавочной, т.-е. къ Петербургу, я вамъ уступаю, такъ какъ она мнѣ оставила воспоминанія духоты и въ то же время холода. Такъ какъ я намѣреваюсь вамъ писать довольно много, то откладываю мой отвѣтъ на порученіе m-lle Тютчевой до конца письма, потому что хочу какъ можно болѣе писать вамъ объ однѣхъ только пріятныхъ вещахъ.

Я бы очень желалъ прочесть вашу комедію, и было бы очень мило съ вашей стороны прислать мнѣ ее съ какимъ-нибудь путешественникомъ.

Я же окончилъ вторую часть моего романа «Серебряный», но вотъ что̀ случилось: вторая часть болѣе выработана, чѣмъ первая, такъ что приходится передѣлать общій стиль, чтобы придать всему болѣе ровности.

Что же касается *до содержанія,* то оно явилось по плану, который не только былъ созданъ, но и написанъ съ самаго начала, такъ что единство существуетъ совершенное между обѣими частями.

Пока я писалъ, я старался забыть, что цензура существуетъ, и далъ себѣ полную свободу... Я себѣ взялъ въ

романизмѣ (это не относится къ папѣ) правило: *Дѣлай, что должно,—а будь, что будетъ.* Смѣшно было бы, еслибы цензура придиралась и стала бы на сторону Ивана Васильевича, хотя, конечно, все возможно—внѣ предѣловъ высшей математики, это Араго сказалъ—и потомъ: *Нерѣдко цензура измѣняетъ,—безуменъ тотъ, кто ей довѣряетъ...* Это, кажется, слова Франциска I, или Верди. Какъ бы то ни было, романъ написанъ, и думаю, что я былъ въ этомъ дѣлѣ совершенно добросовѣстенъ, хотя и дозволилъ себѣ одинъ анахронизмъ: я казню Вяземскаго пять лѣтъ ранѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Неправда ли, тутъ ничего нѣтъ дурного? Гёте же отрубилъ голову Эгмонту двадцать лѣтъ прежде времени.

Сверхъ того я написалъ и переписалъ драму «Донъ-Жуанъ», которая вообще понравилась. Я два раза прочелъ ее (В. П.) Боткину и одинъ разъ Крузе, которые ее одобрили.—Я далъ ее переписать дьячку, и пошлю ее императрицѣ, которая узнала про ея существованіе—не знаю откуда. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы познакомились съ моей драмой, и вы можете это сдѣлать черезъ m-lle Тютчеву. Драма будетъ посвящена памяти Моцарта и Гофмана, который первый видѣлъ въ Донъ-Жуанѣ искателя идеала, а не кутилу. Два главныхъ дѣйствующихъ лица—Донъ-Жуанъ и Донна-Анна,—и потомъ нѣчто въ родѣ смѣшаннаго хора между сатаной и ангелами. Я воспользовался севильской легендой.

Вы, вѣроятно, знаете, что Донъ-Жуанъ похороненъ въ монастырѣ этого города, и что онъ умеръ en odeur de sainteté. Драма не написана для сцены, хотя съ нѣкоторыми легкими измѣненіями можно было бы ее поставить на театрѣ.

Я вамъ перепишу тѣ пять или шесть стихотвореній Андрея Шенье, которыя я перевелъ—и мнѣ очень будетъ пріятно, если они появятся въ вашемъ сборникѣ.

. . . . . .

Вашъ предполагаемый сборникъ мнѣ представляется хорошею мыслью: я не расположенъ въ данную минуту писать что-нибудь свое, а потому хочу пріобрѣсти Шенье, и попробую еще перевести изъ него. Для меня, по временамъ, настоящее наслажденіе переводить Шенье,—наслажденіе матеріальное, пластическое—наслажденіе образовъ, которое позволяетъ отдаться совершенно музыкѣ стиха. Это то же, что идти смотрѣть на Венеру Милосскую, что̀ я и дѣлаю

время отъ времени; или слушать «Орфея»—Глука, что я тоже дѣлаю, и довольно часто... А вотъ что я имѣю сказать въ отвѣтъ m-lle Тютчевой. Всякій человѣкъ призванъ дѣйствовать въ кругу *своихъ дарованій*, какъ выражается Куперъ, говоря о Deerslayer. Есть вещи, которыя до такой степени внѣ *круга дарованій* иныхъ людей, что тутъ уже дѣло идетъ не о преодолѣніи нѣкоторой неохоты, а прямо о возможности или невозможности. А въ этомъ можетъ быть судьею только тотъ, котораго призываютъ къ дѣйствію,—конечно, предполагая, что это человѣкъ добросовѣстный, и что онъ предпринимаетъ рѣшеніе не иначе, какъ испытавъ свои силы.

Что касается до меня—мои силы совершенно парализованы по отношенію къ средѣ, о которой идетъ рѣчь. Что она мнѣ говоритъ про мою искренность, которую яко бы цѣнятъ?! Ее, можетъ быть, терпѣли иногда, но всегда безъ всякаго результата. Могутъ ли двѣ линіи, одна изъ которыхъ идетъ на востокъ, а другая на западъ, когда-нибудь соединиться?

Два человѣка, изъ которыхъ одинъ не понимаетъ языка, на которомъ говоритъ другой, могутъ ли когда-нибудь столковаться?

Можетъ быть, и могли бы они это съ помощью знаковъ, но и для того необходима, по крайней мѣрѣ, обоюдная добрая воля.

Можно ли разсуждать объ отвлеченныхъ матеріяхъ, когда не сговорились насчетъ азбуки?

Можно ли достигнуть общаго результата, когда не только исходныя точки, но и цѣль совершенно различны?

Можно ли придти къ соглашенію, когда, напр., одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ:—вотъ скала посреди дороги, мѣшающая проходу, и потому необходимо удалить скалу; а другой отвѣчаетъ:—вотъ дорога, которая можетъ повести къ устраненію скалы, и потому необходимо закрыть эту дорогу?

Вотъ какія отношенія между мною и моимъ *собесѣдникомъ;* но я иду слишкомъ далеко, такъ какъ мой собесѣдникъ *никогда* не входилъ со мной въ обсужденіе какихъ-нибудь *мыслей*,—никогда! Въ его собственныхъ мысляхъ есть благородство, но *его система невѣрная—фальшивая*. Его система не выдерживаетъ разсужденія,—и если я буду дѣйствовать по его системѣ, — я буду невѣренъ самому себѣ.

Я сказалъ—и повторю еще, что я готовъ преклониться передъ тѣмъ, который съумѣетъ приспособиться къ какой-нибудь роли, чтобы дойти до благородной цѣли... но для этого необходимы *особенныя дарованія*, которыхъ у меня нѣтъ. Интересно было бы на меня посмотрѣть въ мундирѣ III отдѣленія!

Развѣ есть у меня необходимая для этого ловкость? Я только себя запачкаю, безъ всякой пользы для кого-либо! Но это лишь примѣръ. Есть положенія, которыя, не будучи нечистыми, также невозможны для меня, такъ какъ пришлось бы постоянно лгать. Я не говорю это, чтобы похвастаться—совсѣмъ нѣтъ! Я бы хотѣлъ быть *способнымъ лгать*, чтобы убить ложь, но этихъ *дарованій* у меня нѣтъ!

Я вамъ говорю, что я въ этой средѣ задыхаюсь, въ полномъ смыслѣ слова, задыхаюсь.

Предложите Тамберлику пѣть, по уши въ водѣ.

Этотъ элементъ не по мнѣ, я въ немъ никогда не могъ бы жить. Если я въ чемъ виноватъ, то лишь въ томъ, что я раньше категорично не объяснился,—и повѣрьте мнѣ, что еслибы я высказалъ свое credo отъ начала до конца, то не только не захотѣли бы меня удерживать, но пожали бы плечами отъ жалости.

У меня другія *дарованія*, и большая моя вина въ томъ, что я не отдался имъ вполнѣ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Если компромиссъ былъ возможенъ—это тотъ, который есть,—и я его принялъ изъ уваженія, изъ почтительности, изъ привязанности...

. . . . . .

Если этотъ компромиссъ мнѣ удастся,—я останусь; если нѣтъ,—я сдѣлаю иначе, но не такъ, какъ думаетъ m-lle Тютчева. Если вы ее увидите, скажите это ей, и надѣюсь, что она меня пойметъ.

Если бы я могъ довести мой образъ мыслей и чувствъ выше, я бы это сдѣлалъ съ радостью.

Вчера былъ здѣсь парадъ. Шагали вкривь и вкось, но это не помѣшало Наполеону сказать войскамъ нѣсколько милостивыхъ словъ и вознаградить тѣхъ, которые заслужили. Его присутствіе всегда есть причина радости и восторга для войска; когда онъ является, это только для того, чтобы возбудить чувства благодарности. Онъ предоставляетъ право наказывать начальникамъ войска, и я нахожу, что онъ правъ.

4.

Красный-Рогъ.—21 марта 1861.

Я не могъ до сихъ поръ послать моего «Донъ-Жуана» императрицѣ, такъ какъ я никого не могъ найти въ Германіи, чтобы его переписать. Теперь это сдѣлано: еврей, изъ Почепа, его переплетаетъ, и съ первой почтой онъ будетъ отправленъ въ Петербургъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе—познакомтесь съ нимъ у m-lle Тютчевой.

Не знаю, понравится ли «Донъ-Жуанъ» въ Россіи, но я буду себя считать очень счастливымъ, если онъ будетъ имѣть половину успѣха, который онъ имѣлъ въ Германіи. Надо вамъ сказать, что въ Дрезденѣ я познакомился съ m-me Павловой (Каролиной Карловной, изв. поэтессой), и она перевела мой прологъ цѣликомъ, а частью и драму. Правду сказать, я никогда не читалъ подобнаго прекраснаго перевода ни на какомъ языкѣ. Г-жа Павлова и нѣсколько нѣмецкихъ литераторовъ, которымъ она прочла свой переводъ и перевела остальное à livre ouvert, — сказали мнѣ такія вещи, которыхъ я никогда не посмѣю повторить; но, полагая что̀ слѣдуетъ на долю преувеличенія и доброжелательности, все-таки остается достаточно, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и утѣшить отъ крупнаго фіаско, которое потерпѣло мое чтеніе у великой княгини Маріи Николаевны. Я былъ бы очень доволенъ, еслибы императрица поручила вамъ прочесть мою драму ей, «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой». Но, во всякомъ случаѣ, прочтите ее и скажите мнѣ все, что̀ вы найдете, pro et contra... Я тоже окончилъ мой большой романъ «Серебряный».

Я самъ доволенъ имъ, но нужно еще передѣлать нѣсколько главъ. Не знаю, появятся ли *когда-нибудь* на свѣтъ Божій «Донъ-Жуанъ» и «Князь Серебряный», такъ какъ я ихъ писалъ совѣстливо и съ любовью, будто бы и не существовало цензуры.

Кажется, у меня еще есть нѣсколько маленькихъ вещицъ, которыхъ вы не знаете, и которыя входятъ въ сборникъ для печати. Что же касается до m-me Павловой,— то, что̀ она мнѣ сказала о Серебряномъ, такъ же сильно, какъ и то, что̀ она говорила про «Донъ-Жуана», и мой языкъ не повернется это повторить; но такъ какъ вы ее знаете, то судите сами объ ея мнѣніи по одному тому, что̀

она утверждаетъ и часто повторяетъ, а именно, что она ставитъ меня гораздо выше самой себя...

. . . . . .

Если Богъ дастъ буду живъ, вернусь въ Пустыньку еще съ чѣмъ-нибудь новымъ.

Не находите ли вы, что имя Іоанна для меня что-то въ родѣ плодородной почвы: св. Іоаннъ евангелистъ (поэма «Грѣшница»), Іоаннъ Дамаскинъ, Іоаннъ Грозный и, наконецъ, Донъ-Жіованни...

M-me Павлова насчетъ этого сказала: *«что я на ванькахъ выѣзжаю».*

5.

Красный-Рогъ.—1 апрѣля 1861.

...Я вамъ писалъ, что было бы неприлично мнѣ повторять все, что̀ мнѣ сказали въ Дрезденѣ; но не могу удержаться вамъ цитировать одну изъ фразъ m-me Павловой, которая мнѣ показалась болѣе чѣмъ лестна. Такъ какъ сюжетъ «Донъ-Жуана» совершенно извѣстенъ, и читатель знаетъ впередъ все, что̀ должно случиться, то она меня сравнила съ шахматнымъ игрокомъ, который заранѣе показываетъ мѣсто на доскѣ, гдѣ онъ сдѣлаетъ матъ—и который исполняетъ строго свое обѣщаніе, подвигаясь шагъ за шагомъ.

Не могу тоже удержаться, чтобы не послать вамъ переводъ погребальнаго хора монаховъ, сдѣланный m-me Павловой—вы найдете его на слѣдующей страницѣ; я откровенно признаюсь, что многія части перевода мнѣ нравятся болѣе чѣмъ оригиналъ...

Если Донъ-Жуанъ будетъ читаться при нѣсколькихъ лицахъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, назовите ихъ, и скажите мнѣніе каждаго,—главное, конечно, мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе лицъ компетентныхъ,—и, конечно, мнѣ безразлично знать мнѣніе генерала ***... Тургеневъ слышалъ «Донъ-Жуана» при первомъ его появленіи, и мнѣ было бы очень пріятно, еслибы онъ услышалъ его теперь... Въ Петербургѣ ли онъ? Что̀ вы дѣлаете? Гдѣ вы? Что̀ вы будете дѣлать? Какія ваши намѣренія? Когда же мы увидимся? Я не знаю даже, куда вамъ адресовать письма, и продолжаю посылать ихъ въ Государственный Совѣтъ...

6.

Красный Рогъ.—10 іюня 1861 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за ваше доброе и длинное письмо отъ 15-го мая

Я его получилъ сегодня вечеромъ и отвѣчаю вамъ впопыхахъ, такъ какъ завтра уѣзжаю въ саратовскую губернію, чтобы вернуться въ Пустыньку въ іюлѣ мѣсяцѣ. Прежде всего, дайте мнѣ васъ поцѣловать, поздравить и пожелать вамъ всего того счастья, котораго вы заслуживаете,—дорогой Б., вы и ваша жена! Вы мнѣ говорите, чтобы я защищался противъ вашей критики, и я постараюсь это сдѣлать наилучшимъ образомъ... но, къ несчастью, мнѣ некогда начать, какъ я бы это желалъ, длинную полемику съ вами, и откладываю это до конца іюля, когда я надѣюсь васъ найти еще въ Петербургѣ. Вы мнѣ предлагаете радикальныя измѣненія въ общей экономіи моей драмы, или, лучше сказать, вы мнѣ предлагаете написать другую драму. Это, дорогой другъ, внѣ моихъ силъ, и если драма дурно сочинена, это не оттого, что я мало о ней думалъ, или что я торопился ее окончить! Нѣтъ, далеко не то, я ее началъ или, лучше сказать, набросалъ—скоро будетъ уже два года, и если я не сдѣлалъ лучше, то потому что *не могъ* лучше сдѣлать. Итакъ, я долженъ сказать: «Sit ut est» (да будетъ какъ есть)...

А теперь отправимся въ рай: вы упрекаете Донъ-Жуана, что онъ ведетъ себя по отношенію къ Доннѣ-Аннѣ съ утонченной учтивостью,—точно маркизъ на красныхъ каблукахъ, Лозенъ, Ришельё, Фоблазъ и т. д.; но мнѣ кажется, что, несмотря на вниманіе, съ которымъ вы ее прочли, есть страницы очень существенныя, которыхъ вы не замѣтили.

Донъ-Жуанъ *началъ* совершенно такъ, какъ вы думаете, т.-е. въ ранней молодости онъ любилъ настоящимъ образомъ, но, увидавъ, что онъ постоянно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ,—онъ кончаетъ тѣмъ, что не вѣритъ болѣе въ идеалъ и находитъ горькое удовольствіе топтать ногами то, что̀ прежде составляло его обожаніе. *Я беру его во второмъ періодѣ.*

Привыкшій отрицать добро и совершенство, онъ не вѣритъ въ нихъ болѣе, когда онъ встрѣчаетъ это въ Доннѣ-Аннѣ. Онъ принимаетъ свое чувство за чувственное увлеченіе, хотя это настоящая любовь. Не случалось ли вамъ самимъ находиться въ такомъ же положеніи? Неужто вы не признаете его возможность? Его любовь къ Доннѣ-Аннѣ есть любовь въ скрытомъ состояніи, которая только высказывается въ немъ въ самую важную минуту, а не капризъ или взрывъ, какъ вы говорите. Донъ-Жуанъ не вѣ-

ритъ въ любовь, но его воображеніе такъ пламенно, что вѣра возвращается каждый разъ, какъ только *онъ себѣ даетъ волю,* и въ сценѣ съ Донной-Анной онъ далъ себѣ волю, хотя онъ имѣлъ сначала намѣреніе соблазнить ее.

Вспомните, что̀ онъ говоритъ въ своемъ монологѣ.

Не стану разбирать, какое чувство
Меня теперь приводитъ къ донне Аннѣ!
Я къ ней влекомъ, она моею будетъ!
Не нужно мнѣ лукавить, ни хитрить,
Воображенью дать лишь стоитъ волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрою мою наполнитъ душу,
Искусственной любовью опьянитъ;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются. Какъ актеръ на сценѣ
Я непритворно въ роль мою войду
И до развязки самъ себѣ повѣрю.

Онъ вѣрилъ во все, что̀ онъ говорилъ Доннѣ-Аннѣ, пока командоръ («ло пѐръ») не пришелъ и не вернулъ его къ реальной жизни — ко всѣмъ его разочарованіямъ въ прошедшемъ и къ его настоящему скептицизму,—который онъ на мгновеніе забылъ. Не могу согласиться съ вами, что ангелы и сатана лица ненужныя и бездѣйствующія.

Они не актеры въ драмѣ, но они—*хоръ.*

Въ прологѣ они нужны для развитія идеи—о *необходимости зла* (преобладающая мысль въ прологѣ); а на кладбищѣ ихъ роль въ томъ, что они бросаютъ своимъ анализомъ свѣтъ на характеръ и на чувства Донъ-Жуана. Дѣйствіе, которое они оказываютъ на Донъ-Жуана, невидимо простымъ глазомъ, но оно существуетъ: сатана показываетъ ему прототипъ всякой женщины, а ангелы говорятъ его сердцу или его совѣсти—во время его спокойныхъ минутъ или во время сна:

Въ безмолвіи ночи,
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили, и т. д.

Я съ вами согласенъ, что съ перваго взгляда двойное появленіе Статуи и Сатаны можетъ показаться плеоназмомъ, но Статуя у меня не статуя, и тоже не оперное привидѣніе—это идея совсѣмъ кабалистическая, это сила, вызванная Сатаной; вспомните вызываніе:

Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить
Которая безъ воли и сознанья
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанья.

Кто бъ ей ни овладѣлъ,—порокъ, иль благодать,—
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить, иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
—Ты, что философы зовутъ душой земли, и т. д.

Я думаю, что если вы еще разъ прочтете Донъ-Жуана, вы отречетесь отъ нѣкоторыхъ изъ вашихъ обвиненій, но это нисколько не значитъ, что я его считаю совершеннымъ; что же касается до передѣлки всего,—это невозможно. Къ тому же, всякій понимаетъ Донъ-Жуана по-своему, и я становлюсь на точку зрѣнія Гофмана; вѣрующій сперва, потомъ озлобленный и скептическій, столько разъ обманутый, онъ не вѣритъ даже очевидности.

Я бы очень желалъ съ вами подольше спорить и разсуждать, но я уѣзжаю.

Откровенно говоря, я не думалъ, чтобы именно серенада имѣла всего больше успѣха, такъ какъ, между нами, я ее считаю довольно незначительною; но разъ она понравилась—вотъ вамъ нѣмецкій переводъ.

Прощайте и до свиданія, дорогой другъ. Доброта и память обо мнѣ императрицы меня трогаютъ, лишь бы только эта доброта не была для меня причиною рабства.

Цѣпи—всегда цѣпи, даже когда онѣ изъ цвѣтовъ! Чтобы сохранить ваше сравненіе съ Ахиллесомъ, выходящимъ изъ палатки, я вамъ скажу, что я намѣренъ выдать за тѣло Гектора мой романъ «Серебряный», который я окончилъ и таскаю всюду съ собой. Я думаю, что этотъ больше понравится, чѣмъ Донъ-Жуанъ. А насчетъ послѣдняго, я очень радъ, что у васъ не спросили, какъ у меня въ Парижѣ, когда я тамъ читалъ драму: «А гдѣ же Церлина?»

Мнѣ пришлось сказать, что я про нее забылъ, но что она появится въ третьемъ актѣ, который я намѣренъ написать, какъ только вернусь домой.

Я забылъ вамъ сказать, что вы ошиблись, приписывая Донъ-Жуану приключеніе собственныхъ похоронъ,—это не онъ, а Эмануилъ де Марраньа, который видѣлъ, какъ его самого хоронили у воротъ Севильи, — такъ разсказываетъ Вашингтонъ Ирвингъ въ своихъ испанскихъ легендахъ...

7.

Красный Рогъ.—11-го іюня 1861 г.

Эту ночь, я вамъ отвѣчалъ второпяхъ на ваше письмо, столь интересное для меня и для моего «Донъ-Жуана». Я думалъ ѣхать сегодня; но такъ какъ мой отъѣздъ отло-

женъ до завтра—я хочу воспользоваться оставшимся мнѣ временемъ и поговорить съ вами. Перечитавъ ваше письмо, я признаю, что конецъ моей драмы могъ бы быть лучше,— и я не имѣю ничего противъ вашего предполагаемаго конца; но чтобы его ввести, надо было бы совершенно переобразить мои данныя, и я не могу это сдѣлать въ силу поговорки: non bis in idem (не впадать дважды въ одно и то же).

Дѣло сдѣлано, я не могу его *передѣлать*, я лишь могу поправить нѣкоторыя подробности тамъ и сямъ...

Не думайте, что самолюбіе мнѣ мѣшаетъ; совсѣмъ другое. Я въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ сжился съ моими дѣйствующими лицами, и мнѣ невозможно ихъ себѣ представить иначе, чѣмъ какъ они мнѣ явились. Донна-Анна должна умереть не по любви къ Донъ-Жуану (какъ вы говорите), но потому, что она отдалась ему. Она не идетъ отравляться (какъ вы говорите) послѣ сдѣланной ею ему сцены, но она къ нему приходитъ *уже отравившаяся.*

Это ясно сказано въ сценѣ послѣдняго свиданія:

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, Донъ-Жуанъ?
. . . . . .
Мой срокъ коротокъ, я должна спѣшить.
. . . . . .
Услышьте умирающей слова, и т. д.

Но чтобы вернуться къ Донъ-Жуану, я вамъ скажу, что, по-моему, всякій Донъ-Жуанъ, который бы продолжалъ вѣрить, *вопреки всему* и несмотря на 3.003-хъ женщинъ, доказалъ бы слишкомъ большое терпѣніе для такой пламенной натуры и не далекъ былъ бы отъ глупости. Онъ *долженъ* перестать вѣрить по крайней мѣрѣ 3.004-й женщинѣ и наконецъ *разсердиться.* А если этотъ 3.004-й случай былъ именно тотъ, которому было суждено оправдать его обманутыя вѣрованія, и если онъ именно этотъ благой даръ растопталъ въ порывѣ мстительнаго бѣшенства, то что бы случилось, когда бы онъ узналъ свою ошибку? Онъ или бы себя убилъ, или постригся. Онъ это и дѣлаетъ, когда потеря Донны-Анны раскрыла передъ нимъ его любовь. *Это именно потеря* Донны-Анны открываетъ ему глаза.

Повѣрьте мнѣ, дорогой М., что это все совершенно натурально и въ порядкѣ вещей! Перечтите, если возможно, драму, и вы увидите, что все именно произошло такъ. Въ

случаѣ, если вторичное чтеніе не разрѣшитъ вашего сомнѣнія насчетъ моихъ намѣреній—я готовъ подчеркнуть и сдѣлать удареніе; но что касается до передѣлки всѣхъ *моихъ данныхъ*,—я не могу болѣе думать объ этомъ, къ тому же *въ этомъ* я съ вами не согласенъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мой планъ.

Донъ-Жуанъ ищетъ идеалъ, никогда его не находитъ, приходитъ въ негодованіе и кончаетъ тѣмъ, что бросаетъ вызовъ Творцу, надсмѣхаясь надъ его твореніями и топча ихъ ногами. Онъ встрѣчаетъ Донну-Анну, къ которой онъ относится какъ къ преходящему случаю, *не вѣря своему собственному чувству любви.*

Слова Донны-Анны, когда она его покидаетъ въ послѣдней сценѣ, какъ молнія озаряютъ его.

Въ минуту, гдѣ онъ ее теряетъ, онъ понимаетъ, что онъ ее любитъ, но слишкомъ поздно. Приглашенная Статуя приходитъ, чтобы открыть ему вполнѣ глаза, какъ было предназначено на кладбищѣ.

Эта Статуя не есть ни изваяніе каменное, ни духъ командора. *Это астральная сила, исполнительная сила, служащая одинаково добру и злу* и нейтрализованная двумя противорѣчивыми волями сатаны и ангеловъ (положеніе, подготовленное въ сценѣ на кладбищѣ)—мысль кабалистическая, встрѣчающаяся во всѣхъ герметическихъ сочиненіяхъ и повторяющаяся въ наше время *невидимо*—во всякомъ дѣйствіи нашей воли и *видимо* — во всѣхъ опытахъ магнетизма или магіи.

Сатана не можетъ унести Донъ-Жуана руками; ему нужно другого сотрудника, чтобы забрать окончательно его, и этотъ сотрудникъ воплощается въ подобіе Статуи, приглашенной Донъ-Жуаномъ. Это завладѣніе не есть физическое, а совершенно психическое, но символически проявляемое... Я чувствую, что я не ясенъ; но для этого нужно было бы прочесть намъ вмѣстѣ Парацельза, Генриха Кунрата, ванъ-Гельмонта, д-ра Теста, дю-Поте или другихъ магнетистовъ.

Если это туманно, оставимъ это пока. Главное, необходимо, чтобы читатель понялъ, что гибель Донны-Анны открываетъ глаза Донъ-Жуану, — и если я это не довольно ясно сказалъ, я готовъ прибавить точности.

Но зачѣмъ вамъ нужно *появленіе* Донъ-Жуана въ эпилогѣ? Развѣ не достаточно его послѣднее слово...

Убить себя! То было бы легко!
Несостоятельные должники

Выходятъ часто такъ изъ затрудненья.
Я долженъ жить, я умереть не смѣю.
Я долженъ жить... И жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавитъ смерть отъ этой муки.

Что̀ могъ онъ въ минуту смерти сказать еще такого, чего бы читатель не могъ самъ легко угадать? Тутъ никакого фокуса нѣтъ, разъ извѣстно, что Донъ-Жуанъ монахъ и сейчасъ долженъ умереть. Мнѣ казалось болѣе тонкимъ не заставлять еще разъ являться умирающаго и вложить въ уста монаховъ все, что̀ надо, чтобы увѣдомить читателя о его смерти. Что касается до *силы* астральной («герметическій азотъ»), воплощенной въ статую-привидѣніе—то Тургеневъ, которому я читалъ поэму въ Парижѣ, совершенно понялъ мою мысль, и его замѣчанія относились къ другимъ пунктамъ въ драмѣ, но не къ этому. Я вамъ скажу, что вообще передѣлать сдѣланную вещь, т.-е. перемѣнить планъ, — дѣло вредное, — ist eine missliche Sache (вещь рискованная). Никогда не отдѣлаешься отъ первоначально зачатаго плана и очутишься между двумя стульями... А потому, нисколько не сѣтуя на васъ и благодаря васъ отъ всего сердца за ваши замѣчанія, я долженъ отклонить ваше предложеніе послать Каткову только нѣсколько сценъ.

Я готовъ передѣлать подробности, но не всю драму цѣликомъ, и когда я ее почищу—я ее напечатаю такъ, какъ она есть, конечно, оставляя за собой надежду написать лучшую.

Напримѣръ: я вамъ жертвую охотно министра народнаго просвѣщенія, который является лишь чтобы высказать два противоположныхъ полюса одной и той же фигуры—одинъ величественный, другой смѣшной. Я тоже не стою за слово: *бурбонъ*, которое, судя по тому, что̀ мнѣ пишутъ Вяземскій и Б. П., кажется, очень всполошило слушателей. Если вы въ числѣ тѣхъ, которымъ это выраженіе извѣстно,—я вамъ скажу, что оно выражаетъ на армейскомъ языкѣ: *выскочка*. Я кончаю оправдательное посланіе, и повторяю, что Донъ-Жуанъ въ сценѣ съ Донной-Анной *вѣритъ* всему, что̀ онъ говоритъ, и что далеко не играетъ комедію, *хотя онъ и пришелъ съ этой цѣлью*. Онъ, правда, рѣшился на паденіе Донны-Анны, когда онъ былъ далеко отъ нея, но разъ передъ ней—онъ не играетъ роль, но онъ даетъ себѣ волю и забываетъ свой скептицизмъ, къ которому онъ возвращается матримоніальными соображеніями командора. Если я дурно выразилъ этотъ рядъ связанныхъ между собой

чувствъ,—конечно, я виноватъ, но по-моему именно этотъ рядъ чувствъ долженъ быть выясненъ. Цитируя мнѣ исторію Франчески ди-Римини, вы ошиблись—это не Гвидо, а Паоло—ея любовникъ, и эпизодъ не относится къ чистилищу, а къ аду Данте.

На этомъ я васъ обнимаю и жму вамъ руку.

Не переставайте меня критиковать и не обижайтесь, если я защищаюсь съ нѣкоторымъ упрямствомъ.

Въ общемъ, вы нашли хоть что-нибудь хорошее въ моей драмѣ, — и я доволенъ. Но, какъ настоящій гасконецъ, я хочу привлечь ваше вниманіе на одно достоинство, котораго вы не замѣтили.

Это — огромная простота начерченнаго плана и малое число дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ сатана и ангелы не считаются дѣйствующими лицами: они—*хоръ*.

8.

Красный-Рогъ.—5-го октября 1868.

Ну, что̀, мой юный другъ? что̀ вы дѣлаете? что̀ съ вами дѣлается? Считайте меня за существо, отрѣзанное отъ всякаго сообщенія съ образованнымъ міромъ, — скажите мнѣ, что̀ происходитъ на бѣломъ свѣтѣ? Насчетъ себя я могу сказать вамъ лишь слѣдующее. Въ эту минуту, 5-го октября, здѣсь тепло, точно лѣтомъ; мухи и комары мнѣ мѣшаютъ; лѣса нарядились въ пурпуръ и золото, а мы въ нихъ много ѣздили верхомъ, и прекратили это только въ виду сильной спинной боли моей бѣдной жены. Надѣюсь, что ваша здорова, какъ и мой крестникъ?

Говорите со мной, чтобы я слышалъ, какъ Овидій, голосъ Горація или Виргилія.

Вы, Аттикусъ, скажите мнѣ, какъ вамъ нравится романъ Ауэрбаха съ предисловіемъ Тургенева? Для меня это сборъ сплетенъ безъ начала и конца и безъ малѣйшаго интереса. Я очень намѣреваюсь написать все это самому Ауэрбаху, съ которымъ я не стѣсняюсь, и который обѣщалъ мнѣ длинную статью о «Смерти Іоанна». Такъ какъ я предполагаю, что вы интересуетесь тѣмъ, что̀ я дѣлаю, точно такъ же, какъ я интересуюсь тѣмъ, что̀ вы дѣлаете, то я вамъ скажу, что я ухаживалъ за Каролиной (Павловой) нѣсколько дней, возвращаясь изъ Карлсбада, и что она пишетъ очень интересные *мемуары* о литературныхъ кружкахъ Москвы, и сверхъ того она превосходно перевела три акта изъ «Ѳедора Ивановича». Во время моего

пребыванія въ Карлсбадѣ, три директора театровъ адресовались ко мнѣ: вѣнскій, лейпцигскій и вюрцбургскій.

Я получилъ письмо отъ Мейендорфа, который мнѣ говоритъ, что Ганноверъ и Мюнхенъ также сносятся съ веймарскимъ театромъ по этому предмету.

Вы видите, — значитъ, клюетъ. Недавно это было переведено на англійскій, и «Серебряный» также. Я только-что послалъ Стасюлевичу проектъ постановки на сцену «Ѳедора», но я еще не знаю, принято или нѣтъ. Если вы знаете,—извѣстите.

9.

Красный-Рогъ (1868).

Я не знаю, чортъ возьми, что̀ меня побуждаетъ постоянно вамъ писать, но я вамъ постоянно пишу,—фактъ на лицо.

Миссъ Фрезеръ ѣдетъ въ Англію, въ тотъ же край, въ которомъ Гаральдъ Норвежскій потерялъ зрѣніе — ровно 803 года тому назадъ, т.-е. будетъ въ сентябрѣ 803 года. а теперь еще только 802 года и 5 мѣсяцевъ.

Мы ѣдемъ въ Одессу, значитъ, это фактъ... Если бы я былъ вы, я бы пріѣхалъ повидаться съ нами весной, когда алый шиповникъ цвѣтетъ, и я бы не считалъ это потеряннымъ временемъ... такъ какъ я увидалъ бы такой край, какого въ Петербургѣ не увидишь. Андрей, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ за его честность à la Deerslayer, пріѣдетъ провести рождественскіе праздники съ нами. Я радуюсь, какъ ребенокъ, случаю угостить его новой охотой на глухарей, которую и вы, не будучи охотникомъ, все-таки бы оцѣнили ради ея поэтической обстановки. Вообразите себѣ весеннюю ночь, теплую, темную, звѣздную, посреди лѣсовъ. Вы сидите у костра; сухой хворостъ пламенѣетъ, кричатъ цапли въ болотѣ... и потомъ, прыжокъ за прыжкомъ, вы подходите къ глухарю, поющему свою таинственную, возбуждающую пѣсню! Что̀ можетъ быть поэтичнѣе на свѣтѣ! А если ночь лунная, и вамъ видно, какъ глухарь распускаетъ хвостъ и охорашивается на вѣткѣ ели... и если подъ вашимъ выстрѣломъ онъ падаетъ, ломая вѣтви!.. И за это я охотно согласился бы никогда больше не видѣть Рима, если только, вернувшись домой, я застану мою бѣдную Софью здоровой.

10.

Красный-Рогъ.—9-го декабря 1868.

Дорогой М.!

Желтобрюхаго Гаврилу
Обливали молокомъ,
А Маланья говорила:
Онъ мнѣ вовсе не знакомъ!

Примите это какъ ругательство за ваше отвратительное молчаніе.

Увлекаемый необузданною страстью къ правдивости, я не могъ не написать Ауэрбаху, насколько я нахожу дурнымъ его романъ.—Кстати, узнаёте ли вы это:

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку!

Это написано по заказу (И. А. Гончаровымъ для 5-ой части его «Обрыва»; переводъ изъ Гейне) и не имѣло другой претензіи, какъ только передать мысль оригинала.

11.

Красный-Рогъ.—13-го декабря.

Я получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ ваше письмо отъ 1-го декабря. Я оставляю въ сторонѣ ваши разсужденія о мировыхъ судьяхъ и перехожу къ литературѣ, которая и есть Ding an und für sich, такъ какъ все остальное есть лишь явленія и... Вы мнѣ говорите, что Теофилъ (Ѳеофилъ Толстой, романистъ и композиторъ) — эхо салонныхъ консерваторовъ. Я же, какъ вы знаете, старый вояка (vieux troupier), такъ какъ служилъ въ батальонѣ импер. фамиліи,—и старый морякъ (un vieux loup de mer), такъ какъ былъ членомъ яхтъ-клуба. И потому я вамъ скажу съ грубой откровенностью, свойственною обоимъ этимъ званіямъ, что̀ такое эти консерваторы... ваши салонные консерваторы. Вы знаете, насколько я ненавижу все красное, и чортъ меня возьми, если я въ той или другой изъ моихъ трагедій хотѣлъ что-либо доказать. Я презираю всякую тенденцію въ литературномъ трудѣ, я ее презираю, какъ пустой патронъ, какъ тысячу... и т. д., три тысячи бомбъ! Я это говорилъ и повторялъ, высказывалъ и перевысказывалъ! Но не моя вина, если изъ написаннаго мною ради любви къ искусству само собою вытекаетъ, что деспотизмъ никуда не годится. Тѣмъ

хуже для деспотизма! Оно вездѣ выскажется, во всякомъ художественномъ трудѣ, оно выскажется даже въ Бетховенской симфоніи.

Я ненавижу деспотизмъ такъ же, какъ я ненавижу Сенъ-Жюста и Робеспьера, и т. д... Я это не скрываю и провозглашаю это громко, да, m-r V., да, я провозглашаю, не посѣтуйте, m-r T... Я готовъ кричать это съ крышъ, но я слишкомъ художникъ, чтобы втискивать это въ художественную работу, и я слишкомъ монархистъ, да, m-r M.... я слишкомъ монархистъ, чтобы нападать на монархію. Я даже скажу, я слишкомъ художникъ, чтобы нападать на монархію. Но развѣ монархія и то или другое лицо, носящее корону, — одно и то же? Развѣ Шекспиръ былъ республиканецъ, потому что онъ написалъ «Макбета» или «Ричарда III»? Шекспиръ при Елизаветѣ поставилъ на сцену своего «Генриха VIII», а Англія отъ этого не рухнула! Нужно быть черезчуръ глупымъ, m-r T., чтобы на императора Александра II сваливать дѣла и поступки Іоанна IV или Ѳедора I... И даже признавая эту солидарность, надо быть очень глупымъ, чтобы видѣть въ моемъ «Ѳедорѣ» памфлетъ противъ монархіи. Если бы это было такъ, я первый *рукоплескалъ бы запрещенію*. Но изъ того, что одинъ государь нехорошъ, а другой слабъ, развѣ слѣдуетъ, что не надо совсѣмъ государей? Если это такъ, то изъ «Ревизора» слѣдуетъ уничтоженіе городничихъ, а изъ «Горя отъ ума» — что не нужно сановниковъ, а изъ «Тартюфа»—что не нужно священниковъ, а изъ «Севильскаго Цырюльника»—что не нужно брачныхъ союзовъ.

Въ первый разъ вы сказали мнѣ нѣсколько словъ о Щербинѣ, но они такъ недостаточны, коротки, что они меня не удовлетворяютъ. Скажите мнѣ что-нибудь побольше.

12.

Орелъ.—16-го декабря 1868.

Я полагаю, что вы не менѣе меня удивлены, узнавъ, что я нахожусь здѣсь. Дѣло въ томъ, что я пріѣхалъ проводить Гагарина и уѣзжаю обратно въ Красный-Рогъ послѣ-завтра. Я попалъ на балъ, который дворянство давало въ честь выбираемаго имъ Шереметева. На этомъ балѣ меня свели съ здѣшнимъ директоромъ театра, который только-что вернулся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ просить о какихъ-то льготахъ для своего театра. Между

прочимъ. ему сказали въ комитетѣ по дѣламъ печати. что «Смерть Іоанна» запрещена, безъ всякихъ церемоній, вездѣ въ провинціи, но «Василиса Мелентьева» и «Опричникъ» позволены съ условіемъ, что губернаторъ дастъ имъ аттестатъ. Лонгиновъ (М. Н., тогдашній орловскій губернаторъ) очень озадаченъ циркуляромъ, который ему приказываетъ преслѣдовать всѣ пьесы, которыя не были разрѣшены для провинціи, тогда какъ онъ не имѣетъ никакого способа узнать ихъ. Пьесы раздѣлены на нѣсколько категорій: однѣ разрѣшены лишь въ столицахъ, другія—въ столицахъ и провинціяхъ; другія же — въ провинціи, но съ аттестатомъ отъ губернатора. Это очень напоминаетъ парадную форму, праздничную, полную праздничную, полную парадную и парадную походную. Многіе изъ нашихъ лучшихъ генераловъ сошли съ ума отъ этихъ усложненій. Нѣкоторые впали въ младенчество вслѣдствіе постояннаго застегиванья и разстегиванья; двое застрѣлились. Я очень боюсь, что то же самое случится и съ тѣми, и что они начнутъ ржать и ходить на четвереньках.

Дорогой М.. представимъ Т—у (Ѳ. М. Толстому) проектъ о распредѣленіи нашего репертуара на пьесы, которыя можно давать въ губернскихъ городахъ, но не въ уѣздныхъ; другія же будутъ играться только въ городахъ заштатныхъ; будутъ пьесы годныя лишь для губерній хлѣбородныхъ и черноземныхъ; другія же будутъ даваться только въ мѣстностяхъ съ песчаной почвой, какъ Смоленскъ. Каменный уголь тоже надо будетъ принять въ разсчетъ. Что касается мѣстности, въ которой Новосильцовъ выработываетъ петроль, то, какъ это случай единственный въ своемъ родѣ, я предлагаю, чтобы была одна пьеса, которую будутъ давать всякій день, и чтобы ее написалъ m-r B.

13.

Кр.-Рогъ.—23 декабря 1868.

Мой юный другъ, я только-что получилъ ваше письмо со вложеніемъ критики г-на Н. на мои стихотворенія. Я не скрою отъ васъ, что это ставитъ меня въ нѣкоторое недоумѣніе, какъ бы сказать, въ фальшивое положеніе, и я бы предпочелъ, чтобы онъ написалъ свою критику, не спрашивая моего совѣта.

Жена и я, мы прочли ее вмѣстѣ, нашли ее очень скучной, но не нашли въ ней мысли, на которую вы указываете, будто я дѣлаю честь литературѣ, «снисходя до нея

съ моего высокаго положенія, чтобы ею заниматься». Его размышленія очень общія, неглубокія, хотя доброжелательныя въ отношеніи меня, и мы нашли лишь одно слѣдующее подтвержденіе вашему указанію: можно больше требовать отъ *обезпеченнаго* писателя, чѣмъ отъ *необезпеченнаго*. Это совершенно безполезно для оцѣнки литературнаго труда, хотя это не возмутительно! Но что̀ еще болѣе безполезно и немного некстати — это якобы упрекъ, который онъ дѣлаетъ властямъ, что онѣ мною не пользуются, тогда какъ это совершенно моя вина, и власти въ этомъ лишь исполняютъ мое желаніе. Это совершенно лишнее, но это ошибка, за которую я не могу обижаться.

Теперь касательно похвалъ, которыми онъ меня одаряетъ, я долженъ бы, можетъ быть, — разъ онъ со мной совѣтуется — ихъ отвергнуть; но тѣ, которые въ гораздо большемъ количествѣ меня осыпа̀ли бранью, никогда со мной не совѣтовались... а что̀ одному позволено, то и другому разрѣшено. Я не вижу причины, чтобы моя скромность стала поперекъ любезности г-на Н***.

Итакъ, я васъ прошу поблагодарить его и сказать ему, что я ничего не имѣю противъ напечатанія его статьи. Въ общемъ все это слабо, но доброжелательно, и невозможно обидѣться, особенно мнѣ, который не привыкъ къ любезности критики.

Я получилъ отличное, доброе письмо отъ Полонскаго (Я. П.), адресованное въ Кр.-Рогъ, черниговской губ.—и только. Довольно странно, что письма, адресованныя такимъ образомъ, доходятъ, а другія—съ болѣе точными адресами—теряются.

«Серебряный» опять появится въ февралѣ.

Андрейка появится здѣсь завтра вечеромъ.

Миссъ Фрезеръ исчезнетъ черезъ десять дней и опять появится черезъ годъ замужемъ. Г-нъ Бэлау, будущій руководитель нѣмецкой колоніи въ Кр.-Рогу, учитъ каждый вечеръ въ кровати романсъ: «Zu Mantua».

Волки воютъ. Снѣгъ, который, было, на весь декабрь уступилъ мѣсто проливнымъ дождямъ, опять вчера появился, и у насъ теперь 3—4 гр. мороза. Лѣсъ великолѣпенъ, покрытый снѣгомъ; мы сегодня утромъ были въ лѣсу.

14.

Кр.-Рогъ.—27 декабря 1868.

Я иду прямо къ дѣлу. Тургеневъ вамъ пишетъ: «читалъ съ интересомъ». Онъ не долженъ былъ употреблять это

выраженіе, онъ долженъ былъ сказать: «я читалъ съ участіемъ», или по крайней мѣрѣ: «интересовался чтеніемъ». Онъ говоритъ: «недостаточно видна авторская физіономія»! Я далеко не его мнѣнія; и моя жена тоже. Я, напротивъ, упрекаю васъ въ томъ, что вы въ первой части слишкомъ много показали вашу физіономію, что вы были не довольно объективны, впрочемъ — недостатокъ, который искупается во второй части. Но вамъ, мой дорогой М..., надо принимать въ соображеніе не мое мнѣніе, а жены моей. Итакъ, я вамъ скажу, что моя жена находитъ, что вы заслуживаете гораздо больше, чѣмъ «успѣхъ уваженія». Вашъ нигилистъ — лицо, которое живетъ и дышетъ, и его дуализмъ — отличный физіологическій этюдъ. Мнѣ доставитъ большое удовольствіе перечитать все съ начала до конца.

Вы—или неблагодарный, или суровый римлянинъ! отчего вы мнѣ ничего не говорите о моихъ медицинскихъ стихотвореніяхъ? Неужто они васъ не тронули? О! Брутъ! Вотъ стихотвореніе, которое я посвящаю вашему сыну:

Навозный жукъ, навозный жукъ,
Зачѣмъ среди вечерней тѣни
Смущаетъ доктора твой звукъ?
Зачѣмъ дрожатъ его колѣни?
О, врачъ, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышитъ повѣсть?
Какого ропотъ живота
Тебѣ на умъ приводитъ совѣсть?
Лукавый врачъ, лукавый врачъ!
Трепещешь ты не безъ причины:
Припомни стонъ, припомни плачъ
Тобой убитой Адольфины.
Твои уста, твой взглядъ, твой носъ
Ее жестоко обманули,
Когда съ улыбкой ты поднесъ
Ей каломельныя пилюли...
Свершилось! памятенъ мнѣ день:
Закатъ пылалъ на небѣ грозномъ...
Съ тѣхъ поръ моя летаетъ тѣнь
Вокругъ тебя жукомъ навознымъ...
Трепещетъ врачъ—навозный жукъ
Вокругъ него въ вечерней тѣни
Чертитъ круги,—а съ нимъ недугъ,
И подгибаются колѣни...

Благодарю васъ за ваше письмо, которое, надѣюсь, не будетъ послѣднее. Ваша аттическая критика, выражающая мысли, посыпанныя такой же солью, мнѣ доставила больше удовольствія, чѣмъ я могу вамъ высказать.

Но отчего вы мнѣ ничего не говорите о Щербинѣ? Я

боюсь сдѣлать вамъ слишкомъ прямой вопросъ насчетъ его: онъ былъ уже такъ боленъ при нашемъ отъѣздѣ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, дайте мнѣ о немъ свѣденія.

Я узналъ, что Т—съ (Ѳ. М. Толстой), когда онъ предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ въ отсутствіе Похвиснева, далъ свои два голоса противъ «Ѳедора Ивановича», хотя и стоялъ въ качествѣ литератора за принятіе пьесы. Это мнѣ вдохновило посланіе къ Т—су, которое я вамъ передаю (оно не найдено въ бумагахъ поэта)...

Я берусь снова за перо, чтобы сказать вамъ, что Т—су, который, конечно, *первый* получилъ мое посланіе въ стихахъ, прислалъ мнѣ оправданіе на четырехъ страницахъ, которое меня такъ огорчило, что я отправилъ ему слѣдующее посланіе:

Вкусивъ елей твоихъ страницъ
И убѣдившися въ ихъ силѣ,
Передъ тобой паду я ницъ,
О, Ѳеофилъ, о, Ѳеофиле!
Дорогой двойственной ты шелъ,
Но ты отъ Януса отличенъ:
Какъ государственный орелъ
Ты былъ двуглавъ, но не двуличенъ.
Твоихъ столь радужныхъ цвѣтовъ
Меня обманывала призма;
Но ты возрекъ—и я готовъ
Признать тиранство дуализма.
Сомкнемъ же наши мы сердца,
Прости упрекъ мой близорукій,
И будь отъ буйнаго стрѣльца
Тобой отличенъ Долгорукій.

Вы правильно говорите, что наши деревья покрыты инеемъ. Это такъ и есть. Я всякій день совершаю длинную прогулку въ лѣсу съ Гагаринымъ, который говоритъ мнѣ о римлянахъ, о Магабгаратѣ, о Сакунталѣ и о православіи. Мы ходимъ пѣшкомъ, такъ какъ снѣгъ неглубокъ, и возвращаемся къ семи часамъ — всѣ въ поту, садимся за столъ и ѣдимъ бараній борщъ или ризото, или щи, или бифстекъ съ лукомъ, — много луку! — Отчего васъ нѣтъ съ нами?

Третье посланіе къ Т—су, въ отвѣтъ на одно изъ его посланій, которое отзывается . . . . . :

Въ твоемъ письмѣ, о, Ѳеофилъ,
(Мнѣ даже стыдно передъ міромъ)
Меня, проказникъ, ты сравнилъ
Чуть-чуть не съ царственнымъ Шекспиромъ.

О, Ростиславъ, такую роль,
Скажи, навязывать мнѣ кстати-ль?
Повѣрь, я понимаю соль
Твоей проніи, предатель!
Меня насмѣшливость твоя
Равняетъ съ Лессингомъ. Ужели
Ты думалъ, что серьезно я
Повѣрю этой параллели?
Ты говоришь, о, Θеофилъ,
Что на нѣмецкомъ діалектѣ
Лаокоона онъ хвалилъ,
Какъ я Θеодора въ проектѣ.
Увы, не Лессингъ я. Зачѣмъ,
Глумясь, равнять пригорокъ съ Этной?
Я уступаю мѣсто всѣмъ,
А паче—критикѣ газетной.
Не мню, что я Лаокоонъ,
Во змѣй упершійся руками,
Но скромно зрю, что осажденъ
Лишь дождевыми червяками.
Потомъ, подумать страшно—ахъ
Скажи, на что это похоже?
Ты разсуждаешь о властяхъ
Такъ, что морозъ деретъ по кожѣ.
Подумай, вѣдь письмо твое
(Чего на свѣтѣ не бываетъ?!)
Могло попасть къ m-r V—o (Вельо),
Который многое читаетъ.
Нѣтъ, нѣтъ, все это дребедень!
За языкомъ смотрю я строго
И повторяю каждый день:
Нѣтъ власти, аще не отъ Бога!
Не намъ понять высокихъ мѣръ,
Творцомъ внушаемыхъ вельможамъ.
Мы изъ исторіи примѣръ
На этотъ случай выбрать можемъ.
Передъ Шуваловымъ свой стягъ
Склонилъ великій Ломоносовъ.
Я-жъ—другъ властей и вѣчный врагъ
Такъ называемыхъ «вопросовъ».

15.

Красный-Рогъ.—7-го февраля 1869.

Мой юный другъ, я вамъ не отвѣчалъ на ваши два послѣднія письма, потому что, во-первыхъ, я былъ погруженъ во второй актъ «Бориса»; во-вторыхъ, потому что, производя розыски о нормандскомъ періодѣ нашей исторіи, я напалъ на очень извѣстный, но мало разработанный случай, а именно — бракъ дочерей Ярослава, который и заставилъ меня написать прилагаемую балладу. Сдѣлайте

мнѣ удовольствіе, передайте ее Ал. Толстой, якобы взамѣнъ за «Исторію Россіи», которую она вамъ передала.

У Ярослава были три дочери: Елизавета, Анна и Анастасія. Анна вышла замужъ за Генриха I, короля Франціи, который, чтобы просить ея руки, прислалъ въ Кіевъ епископа шалонскаго, Рожера, въ сопровожденіи 12 монаховъ и 60 рыцарей.

Третья, Анастасія, была женой Андрея венгерскаго, а первая, Елизавета, была сватана Гаральдомъ норвежскимъ, тѣмъ самымъ, который сражался противъ Гаральда англійскаго и былъ убитъ за три дня до гастингской битвы; послѣдняя стоила жизни его побѣдителю. Онъ назывался Гаральдъ Гаардрадъ, но тогда онъ былъ еще бѣднымъ человѣкомъ, и ему отказали. Огорченный и сильно опечаленный своей неудачей, онъ сдѣлался пиратомъ въ Сициліи, въ Африкѣ и на Босфорѣ, откуда и вернулся въ Кіевъ съ большимъ богатствомъ и былъ принятъ въ зятья Ярослава. Вотъ сюжетъ баллады.

Это происходитъ въ 1045 г., за 21 годъ до битвы при Гастингсѣ.

С. одобрила балладу. Скажите мнѣ, что̀ вы думаете о ней?

А по части вашихъ двухъ писемъ я бы могъ васъ уничтожить, но оно уже сдѣлалось немного архаическимъ, и я ограничусь тѣмъ, что скажу вамъ, что вы грѣшите противъ первой заповѣди, не тѣмъ, что вы обожаете К—ва— это дѣло вкуса, и я самъ нахожу, что это человѣкъ достойный, всегда ошибающійся, но желающій добра. Вы грѣшите противъ заповѣди въ другомъ смыслѣ: желая меня сокрушить, вы создаете идола Ваала, которому я никогда не поклонялся, и начинаете его колотить ногами и руками. Это способъ, который вообще употребляется нашими критиками, но онъ не достоинъ васъ. Вы мнѣ приписываете мысли и слова, которыя никогда не были моими. Не хотѣть уничтожить нѣмцевъ и поляковъ, какъ альбигойцевъ— не значитъ сдѣлаться нѣмцемъ или полякомъ. И если Европа допускаетъ гибель кандіотовъ, Европа выходитъ изъ своей роли и дѣйствуетъ по-татарски. Я отказываюсь отъ Европы, и пусть всѣ мыслящіе по-европейски негодуютъ на нее.

Все, что̀ вы говорите объ этомъ, мнѣ на-руку.

Не пріѣдете ли вы лѣтомъ посмотрѣть на великолѣпные лѣса Краснаго-Рога? Я васъ увѣряю, что они напоминаютъ

лѣса Шервуда, въ которыхъ происходили сцены изъ Ивангоэ. Привезите намъ Щербину, котораго мы любимъ отъ всего сердца. Фетъ пріѣдетъ къ намъ на масляницу, онъ мнѣ это обѣщалъ и словомъ, и письмомъ. Пріѣхать сюда—не на край свѣта ѣхать,—плёвое дѣло.

Я не человѣкъ съ тенденціями, вы это знаете, но есть иныя невольныя, и я намѣренъ написать еще нѣсколько балладъ изъ нашей европейской эпохи—такъ туда сердце и тянетъ. Я буду ихъ писать между актами «Царя Бориса», и я уже началъ одну новую. Моя ненависть къ *московскому періоду* есть идіосинкразія, и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что̀ говорю. Это не тенденція—*это я самъ*. Откуда взяли, что мы *антиподы* Европы? Туча прошла надъ нами, *облако монгольское*, но это была лишь туча, и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее. Я нѣсколько словъ сказалъ объ этомъ въ моемъ проектѣ о постановкѣ «Ѳедора». Нашли ли вы это сомнительнымъ: русскіе — европейцы, а не монголы!

Г. Дмужинскій, или Дмухановскій, или не знаю какъ, просто глупъ, желая доказать, что мы туранцы, оттого что у насъ нѣтъ волосъ на груди. Всѣ его доказательства доказываютъ только одно, что у него грудь волосатая, чѣмъ онъ, кажется, очень гордится. Тѣмъ лучше для него. Но у Наполеона, который не былъ туранцемъ, была гладкая, безъ волосъ,—и у васъ тоже.

16.

Красный-Рогъ.—26-го марта 1869.

Мы вернулись сегодня изъ Одессы послѣ почти недѣльнаго путешествія: сломанные мосты, 24 часа, проведенные въ самыхъ ужасныхъ вокзалахъ, и т. п., и т. п. Я бы могъ на васъ разсердиться за то, что вы на минуту могли предположить, что я на васъ дуюсь,—я, который только и дѣлаю, что ругаюсь съ вами; но вы сами себя такъ казните, что я вамъ прощаю на одномъ условіи, чтобы вы не впадали больше въ эту ошибку. Мы не со вчерашняго дня знакомы и имѣемъ право немного поругаться, такъ какъ мы всегда остаемся порядочными людьми, несмотря на наши ругательства, и если случайно употребляемъ какія-нибудь хамскія выраженія, какъ... или..., то это только отрицательный способъ утверждать наше благородство, какъ вогнутость утверждаетъ выпуклость, или какъ отрицаніе

предполагаетъ утвержденіе, зло—добро, чортъ подтверждаетъ Бога, а Самаринъ—фонъ-Бока.

Замѣтьте, что избѣгаю цитировать К—ва, и это имѣетъ причины.

Политическая часть вашего письма слишкомъ серьезна, чтобы отвѣчать на нее шутя, и я слишкомъ усталъ сегодня, чтобы серьезно на нее отвѣчать. Я хочу посвятить этому спеціальное письмо. Сегодня я буду говорить съ вами только о литературѣ. Вы мнѣ доставили большое удовольствіе, *настоящее удовольствіе*, тѣмъ, что одобрили мою балладу о Гаральдѣ, тѣмъ болѣе, что Гончаровъ, которому С... ее передала, пишетъ мнѣ, что баллада недостойна меня, что она совсѣмъ посредственная, и что она могла бы быть написана всякимъ, что она не носитъ индивидуальнаго отпечатка.

Призванный выбирать между двумя мнѣніями, я выбираю ваше. И изъ благодарности въ будущемъ превозмогу мою лѣнь и спишу вамъ мою вторую балладу въ 40 съ чѣмъ-то строфъ: она называется *Пѣсня о трехъ побоищахъ*. У меня ихъ еще нѣсколько въ головѣ, но безъ ущерба для «Царя Бориса»; все-таки досадно, что все это приходитъ ко мнѣ заразъ, въ одно время. Касательно «Царя Бориса», вы будете довольны одной сценой, и К.—тоже! Это противовѣсъ сцены съ Гарабурдой: Сапѣга, посланный Сигизмундомъ III, приходитъ съ высоко поднятой головой и уходитъ съ опущеннымъ хвостомъ. С. очень одобряетъ эту сцену — idem, сцена съ папскимъ нунціемъ.

Кстати, знаете ли вы, что Григорій VII, знаменитый Гильдебрандъ, былъ признанъ Изяславомъ? И что его предшественникъ, папа Климентъ, не знаю который, послалъ посольство въ Кіевъ? Что̀ вы на это скажете? Католическій нунцій на византійскихъ улицахъ Кіева! Генрихъ IV, императоръ германскій, посылающій съ своей стороны посольство къ Изяславу; монахи свиты нунція, чокающіеся съ *печерскими иноками!* Византія и Римъ ссорятся, но ихъ ссоры не достигаютъ еще народовъ, которые, сознавая себя одинаково недавними христіанами, братаются между собою, какъ о томъ свидѣтельствуютъ безчисленные браки между нашею и другими европейскими династіями. Графиня Матильда де-Бѣлоозеро? А? Что̀ вы скажете на это? Есть въ этомъ колоритъ? А? Подходитъ ли это къ моей теоріи? Написавъ балладу о Гаральдѣ, я выписалъ исторію Даніи Дальмана, и къ моему большому удовольствію нашелъ под-

твержденіе многимъ подробностямъ, которыя я написалъ по наитію. Оказывается, что онѣ всѣ историческія. Не могу удержаться, чтобы не выписать вамъ по этому поводу одного мѣста изъ Дальмана (т. I, стр. 124):

«Въ Россію скандинавскіе мужи, названные здѣсь варягами, устремились въ IX вѣкѣ и вложили въ эту почву благородный зародышъ германской государственности, уничтоженный лишь яростью монголовъ, которые, какъ туча саранчи, напали на Россію. То время, когда говорили: кто противъ Бога и Великаго Новгорода? — не было замѣнено ни Іоанномъ III, ни Іоанномъ IV, ни Петромъ Великимъ».

Дальманъ ошибается, приписывая скандинавамъ наши начала свободы. Скандинавы не установили, а нашли вѣче уже совсѣмъ *установленнымъ*. Ихъ заслуга въ томъ, что они его подтвердили, тогда какъ отвратительная Москва уничтожила его,—вѣчный стыдъ Москвѣ! Не было надобности уничтожать свободу, чтобы покорить татаръ. Не стоило уничтожать менѣе сильный деспотизмъ, чтобы замѣстить его *болѣе сильнымъ. Собираніе русской земли!* Собирать— хорошо, но надо знать, *что собирать?* Горсточка земли лучше огромной кучи...

Но вотъ я выхожу изъ литературы и вхожу въ политику и изъ «выпуклаго» дѣлаюсь «вогнутымъ» въ моихъ выраженіяхъ. Отрицательный способъ показать себя благороднымъ человѣкомъ!..

Я не говорю вамъ объ оваціяхъ, сдѣланныхъ мнѣ въ Одессѣ, такъ какъ вы, вѣроятно, скоро прочтете о нихъ въ газетахъ. Изо всѣхъ спичей тотъ, съ которымъ обратился ко мнѣ вашъ зять Бухаринъ, тронулъ меня больше всего, такъ какъ онъ отнесся ко мнѣ не какъ къ автору, а какъ къ человѣку.

Если по какой-нибудь случайности моя рѣчь не будетъ напечатана, я вамъ пришлю ее въ будущій разъ. Я ожидаю реплики отъ «Московскихъ Вѣдомостей» и заранѣе наслаждаюсь моимъ отвѣтомъ.

17.

Красный-Рогъ.—8 апрѣля 1869 г.

Не думайте, что я покинулъ мое намѣреніе отвѣчать вамъ серьезно на ваше серьезное письмо. Но дѣло въ томъ, что я такъ погруженъ въ мою третью балладу, что ничто другое не лѣзетъ мнѣ въ голову. Эта баллада уже почти кончена, она русско-византійская, и С., которая ей пред-

сказывала «veto», находитъ теперь, что ни одинъ журналъ не откажется ее напечатать; она ее много предпочитаетъ двумъ первымъ. Наконецъ, она, которая меня не балуетъ, сегодня вечеромъ похвалила меня за все, что̀ уже окончено, и говоритъ, какъ вы, что «никакая подпись, кромѣ моей, не могла бы находиться подъ этимъ трудомъ». Вотъ какъ!.. Теперь ночь, тепло, громъ гремитъ, дождь идетъ, но если погода разгуляется, я живо сяду верхомъ и поѣду въ лѣсъ съ докторомъ стрѣлять глухарей (Auerhähner), что̀ я дѣлаю каждую ночь съ тѣхъ поръ, какъ они токуютъ. Для васъ это непонятно, какъ еврейскій языкъ, но это также было еврейскимъ языкомъ и для доктора, пока онъ не вкусилъ...

«Позналъ ли ты пустыню и одиночество?» — но не то, фаустовское, а то, которое въ лѣсу весной?..

А потомъ все пробуждается... звенятъ цапли на кларнетѣ, утки трубятъ въ трубу, черные дрозды играютъ на гобоѣ, а соловьи разсыпаются на флейтахъ...

18.

Красный-Рогъ.—15 апрѣля 1869 г.

Посылаю вамъ третью балладу — норманско-русскую и немного византійскую. Моя жена ее очень одобряетъ, и я желаю, чтобы это не было послѣдствіемъ ея пристрастія,— недостаткъ, впрочемъ, въ которомъ она не можетъ себя укорить до сихъ поръ.

Если вы найдете въ этихъ стихахъ что-то весеннее, если вы въ нихъ почувствуете запахъ анемонъ и духъ молодыхъ березъ, который я слышу въ нихъ, — это потому, что они были написаны подъ впечатлѣніемъ молодой природы, во время, до или послѣ моихъ поѣздокъ въ лѣсъ, полный пѣньемъ дроздовъ, цаплей, кукушекъ и разныхъ болотныхъ птицъ. Въ часъ ночи, всякій день аккуратно я сажусь верхомъ и ѣду верстъ за десять ждать у горящаго костра восходящую зарю, чтобы стрѣлять великолѣпныхъ глухарей (tetrao urogallus) или Auerhahn, какъ зовутъ ихъ нѣмцы. Третьяго дня я взялъ съ собой мою жену, и она была такъ восхищена всѣмъ, что̀ видѣла и слышала, что ей жаль было уѣзжать. Луна была полная, и прежде чѣмъ заря появилась, лѣсъ запѣлъ!—Цапли, дикія утки и особенный сортъ маленькихъ бекасъ проснулись, и начался весь ихъ гармоническій шумъ и гамъ.

Докторъ, котораго вы знаете по моимъ стихотвореніямъ, посвященнымъ ему, не противостоялъ всемогущимъ чарамъ

и ѣздитъ верхомъ со мной и наслаждается всей поэзіей этой дикой и первобытной природы. Андрей пріѣхалъ вчера вечеромъ, и только-что пріѣхалъ, я посадилъ его верхомъ и повезъ на всю ночь въ лѣсъ. Сегодня утромъ онъ убилъ великолѣпнаго глухаря, вѣсившаго по крайней мѣрѣ 12 фунтовъ. И вы, поэтъ въ душѣ, думаете ли вы, злодѣй, устоять?

Я очень давно уже не имѣлъ извѣстія отъ васъ, и газеты берутъ почти мѣсяцъ, чтобы пройти разстояніе двухъ дней.

Баллада.

Сидитъ подъ балдахиномъ
Китаецъ Дцу-Кинь-Дцинь
И молвитъ мандаринамъ
—Я главный мандаринъ!
Велѣлъ владыко края
Мнѣ вашъ спросить совѣтъ,
Зачѣмъ у насъ въ Китаѣ
Досель порядка нѣтъ?—
Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли;
Гласятъ:—Затѣмъ доселѣ
Порядка нѣтъ въ земли,
Что мы вѣдь очень млады,
Намъ тысячъ пять лишь лѣтъ—
Затѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Затѣмъ порядку нѣтъ!
Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ, и простымъ,
Мы много обѣщаемъ
И много совершимъ!
—Мнѣ ваши рѣчи милы,
Отвѣтилъ Дцу-Кинь-Дцинь,
Я убѣждаюсь силой
Столь явственныхъ причинъ.
Подумаешь, пять тысячъ,
Пять тысячъ только лѣтъ!—
И приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ.

19.

Красный-Рогъ.—18 апрѣля 1869 г.

Я только-что получилъ письмо отъ Гончарова, гдѣ одна фраза, приписанная сбоку, меня глубоко и серьезно огорчила: «Сейчасъ узналъ о смерти Щербины». Скажите мнѣ, какъ онъ умеръ? Былъ ли около него кто-либо изъ его друзей? Не былъ ли онъ оставленъ безъ необходимаго ухода? Скажите мнѣ всѣ подробности, которыя вы можете

узнать. Я не могу вамъ сказать, какъ огорченъ и я, и всѣ мы, что онъ не пріѣхалъ лучше умирать къ намъ. Его смерть, которой я, впрочемъ, ожидалъ, меня болѣе опечалила, чѣмъ я думалъ. Онъ не хотѣлъ умирать, онъ дорожилъ жизнью и говорилъ мнѣ объ этомъ, когда мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ. Это былъ человѣкъ добрый, теплый, такой благодарный за дружбу, которую ему оказывали. Не будьте лѣнивы и напишите мнѣ съ первой почтой все, что̀ вы знаете о его послѣднихъ минутахъ. Не напишете ли вы статьи о немъ? Вы ему это почти-что должны. Онъ васъ очень любилъ, и его такъ мало цѣнили. Вы знаете лучше всѣхъ его жизнь.

20.

Красный-Рогъ.—20 апрѣля 1869 г.

...Какой русскій не желалъ бы сліянія польскаго элемента съ русскимъ?! Но не запрещеніемъ говорить по-польски на *улицахъ, въ кофейняхъ* и въ *аптекахъ* этого достигаютъ... Вы имѣете грустную храбрость порицать мой *тостъ за всѣхъ подданныхъ Государя Императора,* какая бы ни была ихъ нація. Но знаете ли, что это вы и ваши... тѣмъ самымъ утверждаете польскую національность гораздо болѣе меня, ставя ее внѣ закона? Вы говорите: «нѣтъ болѣе поляковъ», и нападаете съ кулаками на все польское! Вы называете себя русскими, а ваши упреки за мой тостъ— это однѣ «нѣмецкія придирки» *). Вы вмѣстѣ съ бѣднымъ Щербиной говорите, что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ! что̀ такое національность? Вы смѣшиваете *государства* съ національностями. Нельзя допустить разныя государства; но не отъ васъ зависитъ допустить или недопустить *національности?* Армяне, подвластные Россіи, будутъ армянами; татары — татарами; нѣмцы — нѣмцами; поляки — поляками. Несмотря на мое отвращеніе къ ссылкамъ на самого себя, я не нахожу лучшаго аргумента, какъ слова Лепорелло изъ «Донъ-Жуана»:

Онъ говоритъ, что мавры и морески
Народъ полезный былъ и работящій,
Что ихъ не слѣдовало гнать ни жечь;
Что никого не вгонишь въ рай дубиной;
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю!..

*) «Une querelle d'allemand».

Начните съ того, что удовлетворяйтесь податями, которыя вамъ платятъ, а потомъ старайтесь—я буду очень радъ—рядомъ искусныхъ мѣръ обрусить различныя національности вашего государства. Но главное—будьте искусны и не будьте глупы и грубы... Если вы достигнете того, чтобы поляки и балтійскіе помѣщики сдѣлались русскими—тѣмъ лучше! Англичане много ловчѣе насъ, а главное, послѣдодовательнѣе, чѣмъ мы, и гораздо болѣе настойчивы, а до чего же они дошли съ ихъ мѣрами противъ ирландской національности? Они пришли къ сознанію, что они выбрали ошибочный путь; огромная партія въ Англіи, партія, которая не можетъ не взять верхъ, признаетъ, что необходимо оставить Ирландіи автономію. Я спѣшу опровергнуть аргументы, которые на вашихъ устахъ, — словами, что я не смѣшиваю ни Литву, ни Подолію, ни Волынь съ Польшей. То, что̀ я говорю, это—о балтійскихъ провинціяхъ. *Возвращенныя губерніи* должны быть русскими — кто въ этомъ сомнѣвается? Но какъ?—дѣлая то, что̀ Пруссія сдѣлала для Познани, а не отрицая польскую національность, которая тѣмъ или другимъ способомъ установилась. Фактъ существуетъ, цифры не при чемъ! Напротивъ, чѣмъ меньше цифра, тѣмъ менѣе вамъ извинительно употреблять мѣры насилія и топтать ногами соціальные законы. И видите, какъ вы противорѣчите себѣ: вы мнѣ бросаете въ лицо эстовъ и латышей, которые составляютъ массу балтійскаго населенія. Я жертвую вамъ аксіомой, въ которой говорится, что цивилизованная часть края составляетъ національность, а не часть необразованная. Я вамъ лишь скажу одно, что я, когда я пью за всѣхъ подданныхъ Государя, какая бы ни была ихъ нація, я пью и за латышей, и за эстовъ въ ущербъ нѣмцамъ,—а вы, отрицая національность, которой вы не можете уничтожить, вы отрицаете и латышей и эстовъ и усиливаете нѣмцевъ, которыхъ вы не можете отрицать, по крайней мѣрѣ съ успѣхомъ. Ваше негодованіе противъ моего тоста, столь гуманнаго и благоразумнаго, вѣроятно, навѣяно болѣзненнымъ состояніемъ, которое, я надѣюсь, временное!..

Сохраню ваши письма, какъ образцы стиля, но не логики... И хотите пари держать, что мы оба не умремъ, — ни вы, ни я,—безъ того, чтобы вы не попросили ихъ у меня назадъ.

Хорошо, не будемте больше говорить о политикѣ: время оправдаетъ одного или другого изъ насъ.

Но еще одно слово: наша глупость, запрещающая като-

ликамъ молиться по-русски, не оправдываетъ глупости въ противномъ смыслѣ. Это—исторія пьяницы, который не можетъ влѣзть на лошадь, но все—или перескочитъ, или не доскочитъ...

И когда я вспомню о красотѣ нашего языка, когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянья: что̀ мы сдѣлали съ дарами, которые далъ намъ Богъ!

Я не хочу кончить письма такъ грустно. Итакъ, я вамъ скажу, что погода превосходная, что лѣса великолѣпны въ ихъ юности, что я далеко не ненавижу Каткова, что я вѣрю, что онъ убѣжденный человѣкъ, и поэтому я его уважаю. Въ ту минуту, какъ я вамъ пишу—уже безъ четверти четыре часа утра. Садъ полонъ соловьями, кукушками, лягушками, которыхъ я очень люблю; слышится какой-то крикъ птицы, которая называется *выпъ, рыпъ* или *бугай*, и которая всовываетъ носъ въ болото и производитъ звуки, похожіе на мычаніе быка; она изъ семейства ястребовъ.

Сегодня вечеромъ мы сдѣлали чудовищный костеръ близко отъ дома въ березовой рощѣ, и было чудесно красиво въ отблескахъ рѣки. Не будемте никогда больше говорить о политикѣ; мы соприкасаемся столькими симпатичными струнами, что не нужно дотрагиваться до антипатичныхъ.

P.-S.—Сегодня суббота, и звонъ колоколовъ нашей маленькой церкви сливается съ соловьинымъ пѣньемъ, и съ иволгой, и—не знаю, какъ эта птица называется по-французски, она не больше дрозда, большого сорта и великолѣпнаго желтаго цвѣта; пѣніе ея монотонно, но очень мелодично.

Ничто не молчитъ кругомъ, все поетъ и радуется веснѣ... Я самъ чувствую, что готовъ запѣть. Всѣ деревья зелены; глухари болѣе не токуютъ, но лѣсные бекасы (Waldschnepfe) еще лучше запѣли. Сегодня я убилъ одного—единственнаго, который пролетѣлъ мимо меня.

Господи, какая красота весна!

Неужто мы на томъ свѣтѣ будемъ еще счастливѣе, чѣмъ здѣсь весной!

21.

Красный-Рогъ.—5 мая 1869 г.

Ну, разъ мы порѣшили, что не будемъ больше говорить о политикѣ, давайте говорить о поэзіи—почва, на которой мы невольно встрѣтимся и навѣрное поймемъ другъ друга. Въ эту минуту вы уже почти получили мое толстое письмо,

порученное Хитрово. И вы должны вмѣстѣ получить мою балладу «О походѣ Владиміра на Корсунь». Скажите же мнѣ, одобряете вы ее, или нѣтъ? Я сдѣлалъ въ ней нѣсколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ; но, кажется, я вамъ про нихъ писалъ въ моемъ толстомъ письмѣ. Эта вещь мнѣ кажется слабѣе, чѣмъ «Пѣснь о Гаральдѣ и Ярославнѣ». Послѣдняя, по-моему, болѣе цѣльная, болѣе однородная и даже болѣе *я самъ*. Къ тому же всегда пріятно слышать одобреніе отъ человѣка съ тактомъ и вкусомъ, и если форма «Трехъ побоищъ»—форма складня (кажется, называется по-гречески *триптикъ*, или что-то въ этомъ родѣ) васъ не возмущаетъ—тѣмъ лучше...

Мнѣ очень любопытно знать, не шокирую ли я васъ въ «Походѣ на Корсунь» контрастомъ между началомъ и концомъ: молодечество сперва и лиризмъ потомъ. Меня это не шокируетъ и жену мою тоже, напротивъ, это перемѣна тона, но тоже на мажорный.

Если я гляжу на себя со стороны безстрастно, что̀ очень трудно, я думаю, что я могу для себя признать характернымъ мажорный тонъ моей поэзіи, которая выдѣляется на общемъ минорномъ тонѣ нашихъ русскихъ поэтовъ, исключая Пушкина, который рѣшительно—*мажорный!*

22.

Красный-Рогъ.—9 мая 1869.

Мнѣ кажется, что въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ я вамъ нагрубилъ. Чтобы изгладить впечатлѣніе, я хочу написать вамъ сегодня *идиллическое письмо*.

Помните ли вы, какъ разъ весенней ночью мы вернулись съ прогулки въ Пустынькѣ, вы и я, и вмѣсто того, чтобы лечь въ постель, мы стали читать «Die Götter Griechenlands»; . . . . . И знаете, эта Пустыньская ночь была ничто въ сравненіи съ той, которая теперь дышетъ вокругъ меня.

Чтобы вернуться къ идилліи, я вамъ скажу, что сегодня ночь теплая, черная и чрезвычайно звѣздная и съ луннымъ свѣтомъ, похожимъ на серебряныя вышивки по черному бархату. Ночь тепла до духоты и сырая,—хочется раздѣться до-гола; соловьи поютъ до хрипоты, точно они хотятъ что-то доказать лягушкамъ, которыя не хотятъ ихъ понять.

И въ сосѣднемъ болотѣ издаетъ звуки, подобные мычанью быка, птица называемая (butor) выпь; а подъ моими окнами звучатъ короткія и металлическія ноты козодоя (caprimulgus),—точно кто-то щелкаетъ въ серебряный колокольчикъ.

Солнце только-что зашло. Я возвращался вдоль рѣки съ охоты на вальдшнеповъ и не узналъ края... Густой, плотный туманъ, точно рядъ облаковъ, подымался съ водъ и серебристой скатертью разстилался по лугамъ вплоть до ближайшей рощи, превращая этимъ рѣку и луга въ красивое неожиданное озеро. Но потомъ быстро, очень быстро наступила темнота; озеро засверкало подъ лучами мѣсяца, словно настоящая вода, и я вернулся домой весь мокрый, будто изъ-подъ дождя. Долго мы еще сидѣли на террасѣ, глядя на эту благословенную ночь и слушая лягушекъ, выпь, соловья. .

Наконецъ, всѣ легли, а я не могу: я потѣю и восхищаюсь. Все поетъ, все трепещетъ, все звучитъ, а то, что не можетъ пѣть: нарциссы, сирень, простыя березки,—все это наполняетъ ночь самымъ краснорѣчивымъ благоуханіемъ.

А сквозь звуки дикой природы долетаетъ до меня шумъ деревни,—не голоса людей, хочу я сказать, а пѣнье пѣтуховъ, лай собакъ, которыя чувствуютъ близость волковъ, блуждающихъ вокругъ стадъ на ночевкахъ въ лугахъ, а потомъ кашель Мамона, столь многозначущій и ехидный. Мамонъ — старый Hosentrompeter, который дѣлаетъ видъ, что охраняетъ домъ, пока у меня горитъ свѣтъ. Только что я тушу свѣчу, онъ ложится и оставляетъ все на попеченіе Господа, Котораго служба—«не синекура», какъ говорилъ Тютчевъ... Но когда же эти господа—я хочу сказать: соловьи, лягушки и другое звѣрье — спятъ, такъ какъ при восходѣ солнца шумъ не умолкаетъ; только одна выпь замолчитъ и скроется, точно щепка гнилого дерева, въ какую-нибудь дыру, пока кто-нибудь на нее не наступитъ. Совы и филины—все запрячется въ какія-нибудь щели или дупла старыхъ дубовъ; но соловьи будутъ продолжать, а жаворонки и скворцы и всякая всячина присоединится къ нимъ и будетъ сплетничать на всевозможные лады.

Одно слово на ухо: между 12-ю и 1 час. дня деревенскія барышни гуляютъ... въ тростникахъ возлѣ рѣки, чтобы рвать ирисы и изъ нихъ плести себѣ вѣнки. Пріѣзжайте смотрѣть на нихъ, но не говорите никому.

Вотъ идиллія!

Маленькое прибавленіе къ идилліи.

Я, было, легъ въ кровать, написавши вамъ, какъ вдругъ. безъ всякаго предисловія, разразилась страшная гроза. Громъ и молнія, потоки дождя и вѣтеръ достаточно силь-

ный, чтобы вырвать съ корнемъ даже убѣжденія Каткова, и все это набѣжало въ одинъ мигъ, какъ выстрѣлъ—не изъ пистолета, а изъ трехсотъ пушекъ... и все это продолжалось только пять минутъ, послѣ чего вѣтеръ, дождь, громъ, все убѣжало галопомъ въ сторону Почепа, гдѣ процвѣтаютъ эпигоны Каткова.

Тишина опять возстановилась, и соловей опять запѣлъ. Это было совершенно какъ увертюра изъ «Вильгельма Теля»... Итакъ, тишина возстановилась, и новый пѣвецъ присоединился къ оркестру, а именно дергачъ.

Послѣ ночи явился день, что̀ меня не удивляетъ; но, услыхавъ соловья и жаворонка въ одно время, я припомнилъ маленькую семейную ссору между Ромео и Джульеттой. . . . . .

Ко всему привыкаешь, даже къ обычаямъ почты: когда-то я возмущался, а теперь мнѣ кажется совершенно натуральнымъ, что «Вѣстникъ Европы» приходитъ сюда на 18-й день, а письма—на 10-й день.

23.

Красный-Рогъ.—12 мая 1869.

Едва я отправилъ мою идиллію, какъ почувствовалъ неодолимое желаніе продолжать; вы—сосудъ, куда я изливаю всѣ эстетическія чувства, какія нисходятъ на меня.

Вообразите себѣ, что въ эту минуту луна настолько блестяща и у нея такъ много рельефа, что, кажется, можно видѣть глубину неба темносиняго цвѣта, не только вокругъ нея, но и за ней. Точно видишь ее въ стереоскопъ, и отблески ея такъ сильны, что освѣщенная зеленая трава и деревья не теряютъ цвѣта. Все это не имѣетъ смысла въ петербургскихъ лепрозныхъ ночахъ, но здѣсь, гдѣ все черно, — это что-то невыразимое, въ родѣ имени Адонай, которое я предпочитаю Іеговѣ...

Днемъ я ѣздилъ съ нашимъ докторомъ на лодкѣ по нашей узкой, но очень глубокой рѣкѣ. Мы гребли въ продолженіе нѣсколькихъ верстъ сперва между деревьями, вѣтки которыхъ низко спускались надъ лодкой и переплетались въ тростникахъ, гдѣ надняхъ ходили нимфы...

О, Сиринксъ! О, Дафна!

Я понимаю сатировъ, но не извиняю ихъ!.. Нѣтъ, я ихъ извиняю!

Потомъ мы гребли между полями, цвѣтущіе края которыхъ окаймляли рѣку; потомъ мы вошли въ тѣнь дубовъ и

березъ; потомъ рѣка становилась ўже и ўже, и мы запутывались въ вѣткахъ, выскочили на землю и пошли къ оврагамъ, чтобы передать нашу лодку на попеченіе полевого сторожа Семена, бывшаго солдата Его Величества.

Соловьи поютъ, Мамонъ капляетъ съ хитростью. Сегодня нѣтъ лягушекъ, онѣ сосредоточиваются, потому что завтра справляютъ свадьбу передъ г. мэромъ. Это очень противно,— не знаю, видѣли ли вы это когда-нибудь?

Душа полна чувствъ,
Не знаю, кому передать...

24.

Красный-Рогъ.—19-го мая 1869.

Я послалъ маленькое стихотвореніе, посвященное вамъ,— не только А. Толстой, но и Ѳ., который жалуется всегда, что я вамъ посылаю стихотворенія, которыя его касаются.

Кажется, это называется охранять равновѣсіе Европы,— и видите, насколько мало я—«Поза»; я—чистый Макіавель, Меттернихъ, я скажу болѣе, я Ч....

Въ эту минуту я весь въ поту, такъ какъ у насъ опять бархатная ночь,—безъ луны, но вся испещренная молніями и теплая до духоты.

Стасюлевичъ принялъ моего «Владиміра» съ удовольствіемъ, даже находитъ его слишкомъ хорошимъ для лѣтнихъ мѣсяцевъ и предлагаетъ мнѣ напечатать его осенью.

Уфъ!.. Я такъ потѣю, что все снялъ, кромѣ самаго необходимаго, и понимаю древнихъ людей, носившихъ на себѣ такъ мало, что эта мода поощряла ваяніе. Я понимаю всякія древнія празднества—сатурналіи, вакханаліи, праздникъ Bona-Dea и т. д. Я понимаю сатировъ и прощаю имъ, потому что въ такую погоду я чувствую себя христіаниномъ... Если это будетъ продолжаться, я почувствую себя кармелитомъ и капуциномъ.

Я понимаю шутливаго аббата, который, чтобы сыграть штуку съ св. Бенедиктомъ, послалъ мимо монастыря, подъ самыя окна келій, толпу молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ вакханками, поющихъ гимны Низійскому богу и размахивающихъ тирсами.

Монахи не устояли, послѣдовали за процессіей и пѣли свои литіи на напѣвъ—тра-ла-ла!

Но св. Бенедиктъ обидѣлся и перемѣнилъ резиденцію: онъ пошелъ въ Субіако и катался въ колючихъ кустахъ.

чтобы умертвить плоть. Я хочу написать на это балладу. Прощайте, до свиданья. Эвое!

Heus Evoë! Vivat Evander!

Я понимаю, что богъ природы, который и есть господинъ всего міра,—назывался *Панъ*; я увѣренъ, что онъ былъ хохолъ родомъ.

25.

Красный-Рогъ.—24-го мая 1869.

Amice dulcissime, такъ какъ положительно рѣшено, что мы не будемъ говорить о политикѣ, то полезно резюмироваться, прежде чѣмъ замолчать.

Вы желаете единства Россіи — я тоже. Вамъ было бы пріятно, чтобы разныя національности, которыя вы отрицаете, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и которыя составляютъ русское государство, всѣ бы слились въ русскую націю—мнѣ тоже. Но вы хотите дойти до этого принудительными мѣрами и даже одобряете систему М... и Ч...— Вотъ здѣсь наши пути раздѣляются и даже расходятся въ совершенно противоположныя стороны. Вы можете сомнѣваться въ фактахъ, вы можете утверждать, что они преувеличены или извращены, но разъ у васъ въ рукахъ будутъ доказательства и вы будете все-таки продолжать одобрять эту систему—я вамъ скажу то, что тѣнь Брута говоритъ Цезарю: «Ступай налѣво,—я хочу идти направо!»

Итогъ: мы того же мнѣнія по отношенію къ цѣли, но мы не сходимся насчетъ способовъ.

Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была *желательна*.—Вы говорите: уравняемъ все, *понижая* уровень чужихъ народностей. Я же говорю: *уравняемъ все, возвышая русскій уровень*.—Вы мнѣ на это скажете: но это не сдѣлается въ одинъ день! Я вамъ отвѣчу: очень жаль,—вотъ и все! Мнѣ кажется, что при дѣйствіи во всемірной исторіи закона аналогіи—моя система единственная настоящая, единственная достигающая цѣли. Мнѣ кажется, что ваша система никуда не годится,—не оттого, что она безнравственна, но оттого, что она дѣйствуетъ діаметрально противоположно своей цѣли. Я вамъ уступаю безнравственность мѣръ въ политикѣ — видите, я великодушенъ.

Екатерина была совершенно права, когда она покупала

голоса польскихъ магнатовъ за большія деньги, чтобы достичь раздѣла Польши; но я не одобряю ничтожныхъ и постыдныхъ мѣръ, повѣрочныхъ коммиссій, посредниковъ и т. п. въ нашихъ губерніяхъ волынской и подольской, потому что, съ одной стороны, онѣ служатъ только для того, чтобы утолить злобу чиновника ко всѣмъ, которые моютъ руки, а съ другой стороны, для того, чтобы возмущать (и совершенно правильно) волынскихъ помѣщиковъ, *не пріобрѣтая привязанности народа*. Это не только безнравственно, но и *глупо*. Я думаю, что я обозначилъ настоящій пунктъ нашихъ преній, и мы можемъ теперь на этомъ успокоиться.

Если я вамъ не пишу сегодня идиллій, это оттого, что погода перемѣнилась. Вдругъ задулъ такой сѣверный вѣтеръ, что могъ бы вырвать рога у самого N., и вмѣсто 35 гр. тепла въ тѣни сегодня ночью у насъ былъ 0!

Во время послѣдней бури много скота было убито; на дорогѣ нашли убитую лошадь и телѣгу въ кускахъ. Весь хлѣбъ нашей границы до Брянска побитъ градомъ. Наши поля были пощажены. Насъ это миновало, и ничто не можетъ равняться съ красотой нашихъ полей. Всѣ орхидеи Европы находятся здѣсь въ изобиліи, и кромѣ этого особенный сортъ, свойственный только Кр.-Рогу, и за которымъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ присылали изъ петербургскаго ботаническаго сада для разсылки образчиковъ по разнымъ другимъ ботаническимъ садамъ.

Развѣ вамъ не стыдно, что вы никогда не были здѣсь? Черезъ нѣсколько дней мы ждемъ маіора Фета.

Dicere mutatam Borissi formam fert animus.

Съ Божьей помощью я скоро примусь за него, а то эти превосходные и славные норманны, эти доблестные балтійскіе дворяне (еслибы я только допустилъ это) увлекутъ меня слишкомъ далеко.

26.

Красный-Рогъ. — 26-го мая 1869.

...Нападеніе на непріятеля внѣ назначеннаго для борьбы мѣста не признается благороднымъ.

Вамъ достаточно было доказать, что человѣкъ — *не правъ*. Причины, которыя привели его къ этому, находятся внѣ вопроса и могутъ дать вопросу оттѣнокъ сплетней, тѣмъ болѣе, что вы только намекаете на эти причины и тѣмъ даете вашимъ намекамъ видъ *инсинуацій*.

Я могу находить, что какая-нибудь картина дурна, но я не долженъ въ своемъ отчетѣ о ней говорить, что она дурна потому, что живописцу мѣшали работать его частые визиты къ Мальвинѣ Карловнѣ, которой онъ недавно подарилъ браслетъ, купленный въ англійскомъ магазинѣ за 158 рублей, — деньги, полученныя имъ отъ жены, чтобы уплатить долгъ ея брата, г-на Щевелева, который сдѣлалъ этотъ долгъ тому лѣтъ шесть, чтобы съѣздить въ Старую-Русу.

Всѣ наши полемисты и неблагородное стадо фельетонистовъ не умѣютъ полемизировать,—они не разсуждаютъ, а ругаются...

Х. называетъ всякое мнѣніе, противное его собственному—*доносомъ,* а У. — *измѣной.* Если бы я былъ (жалѣю, что этого нѣтъ) призванъ оправдывать мой *тостъ* за всѣхъ подданныхъ государя, Катковъ назвалъ бы меня измѣнникомъ, и тутъ-то я его и поджидалъ...

Одоакръ былъ совершенно правъ: когда на парадѣ Ромулъ Августулъ выбранилъ его за то, что онъ слишкомъ выдвинулъ лѣвую ногу, онъ сказалъ, обращаясь къ центуріону Шульцу — германскаго легіона: «Caesar schimpft, also Caesar hat unrecht» (Цезарь бранится, значитъ Цезарь не правъ). Вы знаете, какъ кончился этотъ маленькій инцидентъ.

Я видѣлъ въ Равеннѣ остатки брони Одоакра, котораго Теодорихъ (Тейторихъ) велѣлъ похоронить въ своемъ саду, послѣ того, какъ отрубилъ ему голову (учтивость, которая меня всегда трогала). Броня должна была быть очень красива — чернь и серебро — *тульской работы.*

Поѣзжайте въ Равенну — хорошій городъ, куда никто не ѣздитъ, такъ что въ ней существуетъ только одна гостинница — «Золотой Мечъ», гдѣ кельнеры служатъ дамамъ вмѣсто дѣвушекъ, если дамы имъ это позволяютъ. Равеньянки замѣчательно красивы и необыкновенно хорошо сложены.

Послѣ захода солнца я пошелъ гулять и дошелъ до дворца Теодориха, у двери котораго я нашелъ молодую дѣвушку; съ ней мнѣ захотѣлось поговорить, и, чтобы вступить въ разговоръ, я спросилъ ее, не боится ли она привидѣній? — Совсѣмъ нѣтъ,—сказала она. — Но вы живете въ этой руинѣ?—Ужъ не такая руина, какъ вы думаете!— сказала она. — Я бы очень хотѣлъ ее осмотрѣть... — Пойдемте со мной, и я васъ всюду проведу..

Такъ хорошо меня она вела и такъ хорошо мы шли, что всюду пролѣзли вмѣстѣ по византійскимъ лѣстницамъ, и ночь наступила прежде, чѣмъ мы дошли до верха дворца. Ночь наступаетъ очень скоро въ Равеннѣ, и тогда *лучіолы* сверкаютъ по улицамъ, которыя всѣ покрыты травой, кустами и красными маками.

Я не могъ уже ничего разглядѣть, и она должна была дать мнѣ руку. И тогда мнѣ пришла мысль испугать ее, и я сказалъ ей, что я — *Одоакръ,* погребенный въ саду. Она стала дрожать, и мнѣ стоило большого труда доказать ей, что я не привидѣніе, а человѣкъ съ плотью и кровью. Сегодня я не язычникъ, но византіецъ, такъ какъ воспоминаніе о Равеннѣ меня преслѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что холодъ прошелъ, и ночь опять теплая и черная. Меня это наводитъ на мысль, что вы могли бы быть византійскимъ діакономъ времени Юстиніана. Эти діаконы служили прототипами аббатовъ времени Людовика XV. Они присутствовали при туалетѣ константинопольскихъ дамъ. Вмѣсто мадригаловъ они читали имъ диссертаціи о двойственности природы во Христѣ и объ обязанностяхъ грамматиковъ, пока эти дамы завивали себѣ волосы и надѣвали прозрачныя туники, на краяхъ которыхъ было вышито поклоненіе волхвовъ. Въ циркѣ же элегантные діаконы аплодировали зеленымъ и голубымъ, а иногда даже сами управляли колесницами. Потомъ всѣ вмѣстѣ отправлялись въ соборы стиля Тона! Въ общемъ было недурно.

Величаръ, въ просторѣчіи называемый Велизаріемъ, родомъ иллиріецъ, — какъ и *Управда,* въ просторѣчіи называемый *Юстиніаномъ,* — всякое утро приходилъ на поклонъ къ Ѳеодорѣ, и императрица при немъ шесть разъ переодѣвалась. Это очень сердило Нарзеса, но Ѳеодора любила его дразнить. Все это происходило во дворцѣ, сверкающемъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, по серединѣ города, наполненнаго діаконами въ небесно-голубыхъ или въ желто-шафраннаго цвѣта одеждахъ, бряцающими колесницами, славянами съ дубинами въ рукахъ и германцами съ оленьими рогами на головахъ. Все это, я вамъ скажу, было недурно. Послѣ чего приходили и совали вамъ въ глаза раскаленное желѣзо. Это было менѣе красиво.

Между тѣмъ, Равенна — городъ, окруженный непроходимыми болотами и сосновымъ лѣсомъ.

Я вамъ совѣтую поѣхать туда, пока вы еще не стали Нарзесомъ. Для Тургенева уже поздно ѣхать туда; не знаю

даже, имѣлъ ли онъ когда-*нибудь* причину ѣхать туда, судя по его предисловію къ роману Ауэрбаха. Я открылъ, что онъ принадлежитъ къ семейству криптогамовъ, какъ Писемскій принадлежитъ къ семейству madrés-porcs...

27.

...Я Катковецъ съ ногъ до головы, когда дѣло касается классицизма. Я дѣлаюсь непріятелемъ Каткова, когда онъ проповѣдуетъ или извиняетъ *повѣрочныя коммиссіи*, или когда онъ подымаетъ знамя крестоваго похода противъ балтійскихъ провинцій.

— Читали ли вы критику на «Обрывъ» въ «Зарѣ»? Я немного раздѣляю мнѣніе покойнаго (В. П.) Боткина насчетъ этого романа, но такъ чернить Гончарова — это уже слишкомъ сильно. Странный фактъ, — вся наша критика находится въ рукахъ одной *клики*, за рѣдкими и робкими исключеніями. Девизъ этой клики — *война искусству*. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія...

28.

Красный-Рогъ. — 23-го іюня 1869 (канунъ Ивана Купалы).

Дорогой другъ, что̀ съ вами? Сто лѣтъ не имѣю отъ васъ извѣстій.

Папоротникъ зацвѣтетъ въ эту ночь, и я съ Александромъ Гагаринымъ готовлюсь захватить этотъ расцвѣтъ въ лѣсу, — расцвѣтъ, окруженный страхами и чарами, которые стараются помѣшать намъ сорвать этотъ лучезарный цвѣтокъ, подобный звѣздѣ; онъ далъ бы намъ обладаніе кладами, зарытыми въ Пашицкомъ урочищѣ, гдѣ разбойникъ *Худояръ* спряталъ боченки, наполненные золотомъ, во времена Алексѣя Михайловича. Это — несомнѣнно: курганы существуютъ, я ихъ разрывалъ приблизительно лѣтъ тридцать тому назадъ и нашелъ только скелеты и разбитые горшки, но я тогда не принялъ мѣръ, чтобы эти изысканія произошли наканунѣ Иванова дня. Въ 1850 году, тому назадъ 19 лѣтъ, я поѣхалъ въ окрестности Калуги (во время моего изгнанія съ Клементіемъ Россети) въ лѣсъ, присутствовать при расцвѣтѣ папоротника, но Россети такъ испугался какой-то бѣлой тѣни, которая перешла намъ дорогу, что не захотѣлъ продолжать операцію.

Это было въ то время, когда его сестра произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что разъ какъ-то, когда я

купался и увидѣлъ ее, появившуюся на ослѣ, я чуть было не потонулъ... Давнишняя исторія...

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;
Вы веселы, а я печаленъ;
Вы параллельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ!

...Теперь шесть час. утра, и я только-что вышелъ снова на балконъ, или, лучше сказать, на террасу.

Пѣтухи поютъ, точно у нихъ контрактъ съ *неустойкой*. Поваръ Денисъ и кухарка Авдотья только-что затопили печку въ кухнѣ, чтобы печь хлѣбъ. Нѣсколько огней загорѣлось на той сторонѣ озера. Все это хорошо, — это то, что̀ я люблю, я могъ бы такъ прожить всю жизнь, — но я сдѣлаю все возможное, чтобы повезти мою жену въ Венецію или въ Пустыньку. Она хотѣла бы навѣрное знать, есть ли Наполеонъ III или нѣтъ? Мнѣ это все равно! Что̀ мнѣ за дѣло? Я знаю, что есть Денисъ и Авдотья, и мнѣ этого достаточно. Вы мнѣ скажете, что это настроеніе не благородно, но что̀ мнѣ за дѣло? Этого настроенія для меня достаточно! Чортъ возьми Наполеона III и даже Наполеона I! Если «Парижъ сто̀итъ обѣдни», то Красный Рогъ съ своими лѣсами и медвѣдями сто̀итъ всѣхъ Наполеоновъ,— всѣхъ, какіе бы ни были счетомъ.

Вотъ видите, мнѣ жаль было бы отказаться отъ возможности когда-либо васъ увидѣть, но я охотно отказался бы знать, что̀ происходитъ въ seculum.

Я знаю, что я буду посрамляемъ передовыми людьми, но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ...

Если бы я видѣлъ полезное дѣло передъ собой, что-нибудь такое, что̀ въ предѣлахъ *моихъ дарованій*, — я бы не отказался, но мои дарованія слишкомъ діаметрально противоположны дарованіямъ *передовыхъ людей*... и я могу только махнуть рукой... Остается *истинное, вѣчное, абсолютное,* что̀ не зависитъ ни отъ вѣка, ни отъ моды, ни отъ вѣянія, ни отъ какой-нибудь fashion, *и этому я отдаюсь всецѣло*. Да здравствуетъ абсолютное, т.-е. человѣчество и поэзія!

29.

Берлинъ. — 26 (14) сентября 1869.

Чортъ знаетъ, гдѣ вы? Но, возвращаясь въ Красный-Рогъ, я не могу не передать вамъ блестящей мысли, которую я только-что передалъ письменно Т... А именно,

дать г-ну В... эпитетъ «le Postillon de Longjumeau». Не такъ ли?

Ah, qu'il est beau,
Ah, qu'il est beau,
Le postillon de Longjumeau!..

Я возвращаюсь изъ Веймара и Вартбурга, мѣстопребыванія Тангейзера, Вальтера Фогельвейде и великаго герцога Карла-Александра.

Этотъ послѣдній заставилъ прочесть себѣ и самъ прочелъ одно дѣйствіе «Ѳедора Ивановича» въ нѣмецкомъ переводѣ Каролины (Павловой). Онъ въ восторгѣ и хочетъ поставить его на сценѣ въ Веймарѣ. Чтеніе происходило, въ одинъ сеансъ, въ комнатѣ св. Елизаветы Венгерской.

30.

Красный-Рогъ.—3-го ноября 1869.

Третьяго дня я вернулся изъ Ливадіи и нашелъ на столѣ ваше письмо, почеркъ котораго произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, какъ и всегда.

Очень глупы люди, которые думаютъ, что если пишешь куплеты на друзей, значитъ — сѣтуешь на нихъ за что-нибудь. А это именно оттого, что считаешь ихъ друзьями,— оттого и пишешь на нихъ куплеты и имъ же самимъ посылаешь...

Никакъ ужъ не такой обожатель Гомера, какъ я, найдетъ что-нибудь возразить противъ классическаго характера лицея.

Но что касается до понятій Каткова о единствѣ государства и объ обрусѣніи провинцій — мое мнѣніе совершенно расходится съ его мнѣніемъ. У меня нѣтъ партійныхъ чувствъ:

Союза полнаго не будетъ между нами:
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Хотя я не въ Петербургѣ, но смерть (В. П.) Боткина оставила во мнѣ чувство пустоты, и я горюю, что нельзя мнѣ будетъ прочесть ему моего «Царя Бориса».

Кстати, — онъ уже оконченъ, и осталось только его подчистить и подправить! Я чуть было не потонулъ съ нимъ въ Черномъ морѣ, и уже готовился взять его въ зубы и поплыть съ нимъ, какъ Камоэнсъ съ своей «Луизіадой», когда наконецъ мы вошли въ севастопольскій портъ, подбитые и

попорченные настолько, что мнѣ пришлось ѣхать сухимъ путемъ до Ливадіи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе нашего путешествія.

Я предполагалъ, не знаю почему, что императрица проведетъ ноябрь въ Крыму. Въ Одессѣ я узналъ, что пароходъ («Аргонавтъ», также и другой пароходъ, «Казбекъ») уходитъ 23-го, тогда какъ императрица возвращается 28-го. Я тотчасъ же телеграфировалъ Александрѣ Толстой, чтобы узнать, долженъ ли я ѣхать, и получилъ милостивое приглашеніе отъ императрицы. Только-что мы вышли изъ одесскаго порта, насъ подхватила страшная буря, самая сильная, какую я когда-либо испытывалъ. Ночью кухня и все, что въ ней находилось, было угнано волнами; нѣсколько каютъ попорчено, кожухи колесъ разбиты, палуба смыта. Вода въ машинѣ, вода въ каютахъ, вода вездѣ, а волны продолжаютъ вливаться, — однимъ словомъ, всякіе ужасы! Я избавляю васъ отъ описанія другихъ несчастій, которыя меня постигли въ эти послѣдніе 15 дней путешествія. Мои вещи потеряны, и я возвращаюсь въ Красный-Рогъ, какъ Одиссей въ Итаку, богатый единственно своими собственными достоинствами. Зато «Царь Борисъ» имѣлъ въ Ливадіи большой успѣхъ, подробности котораго вы можете узнать отъ А. З. Другой, ушедшій изъ Одессы, пароходъ, «Казбекъ», тоже потерпѣлъ и укрылся въ Севастопольскую бухту. Я по этому случаю узналъ, что оба парохода, «Казбекъ» и «Аргонавтъ», — одинъ французскаго происхожденія, другой нѣмецкаго, и что они прежде назывались: Casse-bec и Arge-Noth. Въ Одессу я вернулся съ императрицей на «Тигрѣ». Всѣ болѣе или менѣе страдали отъ морской болѣзни, но мнѣ, только-что испытавшему бурю, казалось, что я мягко качаюсь въ дѣтской люлькѣ, такъ что когда императрица выразила мнѣ свое желаніе, чтобы я написалъ стихи въ честь г-жи М—вой и ея дочери, которыхъ были именины, я могъ тогда же написать слѣдующее:

Пью-ль мадеру, пью ли квасъ я,
Пью-ли сливки я коровьи,
За твое всегда, Настасья,
Выпиваю я здоровье.
Нынѣ «Тигра» пассажиры
Мнѣ вручили полномочье,
Чтобы пилъ при звонѣ лиры
За твою младую дочь я.
Лиры нѣтъ у капитана,
Лишь бутылки да графины, —
И при шумѣ урагана,

И при грохотѣ машины,
Пью изъ этого стакана
За обѣихъ именины.

Къ несчастью, тостъ не могъ быть провозглашенъ, такъ какъ г-жа М—ва и ея дочь стонали отъ боли въ своихъ каютахъ, пока А. Т. (Толстая) стонала на палубѣ, а рядомъ съ ней рвало какого-то капельмейстера.

До общей суматохи императрица пожелала, чтобы я ей прочелъ мои три послѣднія баллады, затѣмъ «Былину», и затѣмъ «Исторію Россіи». Каждая вещь въ своемъ родѣ была одобрена Ея Величествомъ, и какое удовольствіе имѣть ее слушательницей! Изъ всѣхъ моихъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ, она все понимаетъ, все угадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ свой «Vortrag».

Возвращаюсь къ «Борису», — мнѣ кажется, что онъ удался. Это не въ духѣ «Іоанна» и не въ духѣ «Ѳедора Ивановича». Тутъ нѣтъ происшествій; дѣйствіе одно — нераздѣльно: борьба Бориса съ призракомъ Дмитрія, рядъ сценъ различныхъ цвѣтовъ, черезъ которыя безостановочно проходитъ характеръ Бориса до его смерти. Императрица предпочитаетъ эту трагедію двумъ предъидущимъ, я же предпочитаю «Ѳеодора», въ которомъ архитектура гораздо болѣе «künstlich» (художественна), и характеръ котораго мнѣ больше по сердцу. Но, какъ орнаментація, «Борисъ» болѣе богатъ и даже, можетъ быть, болѣе сцениченъ. Императрица мнѣ сказала: «Мнѣ будетъ очень жаль, если эту пьесу не будутъ давать».

Она тоже хочетъ, чтобы ей еще разъ прочли «Ѳедора». Постарайтесь, чтобы чтецомъ были вы. Я не читалъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статьи, въ которой совѣтуютъ Стасюлевичу не печатать меня. Мнѣ было бы очень любопытно ее прочесть. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе найти ее и мнѣ прислать. Я слушаю хулу всѣхъ, но слѣдую одному принципу:

Wie du auch dein Leben lenkst,
Stets dich selbst gewahre:
Was du fühlst und was du denkst
Ist allein das Wahre.
Und vor allem dieses merk:
Du wirst Herr der Erde

Und die Schöpfung wird dein Werk,
Wenn du sagest: werde!..

какъ могъ бы сказать Гёте въ своемъ «West-Östlicher Diwan», одномъ изъ самыхъ неудобоваримыхъ произведеній, какія я знаю. На этомъ, я поднимаю съ граціей ногу и прижимаю васъ къ моему животу. Salut et fraternité!

31.

Красный-Рогъ.—7 ноября 1869.

Я только-что перечелъ ваше письмо отъ 18 октября и немножко возмущенъ тѣмъ, что вы сомнѣваетесь въ вѣчномъ пребываніи *прекраснаго*. Какъ бы всякіе скоты ни комментировали великолѣпные стихи Пушкина:

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой...

комментаторы останутся скотами, а Пушкинъ останется *поэтомъ навсегда*. Поэзія, красота, любовь къ прекрасному, милый другъ, не есть дѣло моды или условности. Оно *органически присуще человѣческой природѣ*, также какъ и религіозное чувство, которое никакой Бюхнеръ не съумѣетъ—wegsophisteln. Нѣтъ, мой другъ, моя вѣра сильнѣе этого:

Genossen! ihr Drohen ist eitle Bethörung:
Strebt weiter! Wir werden das Ufer erreichen,
Bezwingend der grollenden Wogen Empörung.
Dem Ewigen wird das Vergängliche weichen;
Lasst treu unsrer heil'gen Berufung uns bleiben;
Es wird das Vertraun, das wir, Gläubige, hegen,
Die Macht uns verleich'n eine Strömung zu treiben.
Der Strömung entgegen!

Я вамъ цитирую переводъ Каролины (Павловой), потому что, безъ всякой фальшивой скромности, — я забылъ оригиналъ. Есть еще одна ода Жана Батиста (Руссо), гдѣ находится строфа, кажется, въ родѣ этого. Дѣло идетъ о солнцѣ:

Il verse des torrents de lumière
Sur les infâmes et noirs derrières
De ses obscurs blasphémateurs.

Чортъ возьми! Надо о себѣ лучше думать!.. Вы, вѣроятно, хоть одинъ разъ видѣли «Бориса Годунова»—Пушкина. Говорятъ, это дурно идетъ! Скажите мнѣ, отчего? Конечно, зная хорошо дирекцію, я догадываюсь о причинѣ. Они такъ глупы и такъ нехудожественны, что мнѣ стоило большого труда помѣшать имъ играть музыку (и какую музыку!) между перемѣнами декорацій въ «Смерти Іоанна

Грознаго», и то они воспользовались моимъ отсутствіемъ, чтобы начать опять свою поганую музыку.—Если они сдѣлали то же самое въ пьесѣ Пушкина—должно быть, было смертельно скучно! Они, идіоты, не понимаютъ, что перемѣна декорацій въ серединѣ акта должна бы быть сдѣлана почти мгновенно. Нигдѣ въ Германіи это не беретъ болѣе двухъ минутъ, по часамъ. Оттого драматическій авторъ никогда не сопоставитъ двухъ сценъ, которыя требуютъ хлопотни: всегда одна изъ двухъ, первая или вторая, происходитъ въ узкомъ пространствѣ—zwischen Vorhang. Было бы мило, еслибы стали играть музыку при всякой перемѣнѣ въ *Шекспирѣ* или *Гетцъ-фонъ-Берлихингенъ*. А потомъ, я не вижу, кто могъ играть роль Бориса? Если Х., то онъ долженъ былъ быть ужасенъ, У.—idem. Когда я предложилъ своего «Бориса» (предложеніе между прочимъ не было принято),—я разсчитывалъ на Нильскаго, который, какъ хотите, а все-таки самый подходящій. Кстати, всѣ мои три трагедіи переведены на польскій языкъ. Я купилъ двѣ первыя въ Карлсбадѣ; третья еще не появлялась, но переводчикъ написалъ мнѣ изъ Кракова, что онъ мнѣ ее посылаетъ. Вѣроятно, оттого я ея не получилъ. Изданіе первыхъ двухъ великолѣпно: веленевая бумага, большой cicero, заглавіе красными буквами.

Не видѣть васъ уланомъ — большая потеря для меня и для всѣхъ, которые васъ любятъ. Но правду сказать, взвѣшивая все, — лучше это, чѣмъ война. На этомъ я васъ скромно обнимаю; моя жена посылаетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и вашей также, я же ей цѣлую руки.

Скажите моему крестнику, чтобы онъ не восторгался Шекспиромъ гуртомъ, но хорошенько бы разбиралъ то, что̀ великолѣпно, и то, что̀ отвратительно. Иначе это все равно, что ѣсть супъ съ мухами и съ волосами изъ бакенбардъ повара и думать, что именно волосы и мухи придаютъ всѣ достоинства произведенію.

32.

Красный-Рогъ.—28 ноября 1869.

«Oh, die süsse Gewohnheit des Daseins», говорилъ кто-то, гдѣ-то. Я же говорю: Die süsse Gewohnheit des Schreiben's an Dich... и продолжаю:

Шесть часовъ утра. Я только-что выходилъ на балконъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Такой туманъ, что онъ даже помѣшалъ бы Ромео разсмотрѣть Джульетту на полъ-

аршина разстоянія. Пѣтухи на селѣ продолжаютъ орать вдалекѣ, но они ничего этимъ не доказываютъ.

Точно конецъ свѣта, или Нифельгеймъ скандинавовъ! Ни дерева, ни повара въ кухнѣ! Ничего!

Это идеалъ нигилистовъ; къ тому же, что-то сырое падаетъ вамъ на голову. Какое ваше мнѣніе насчетъ сырости? Думаете ли вы, что она зачатокъ міра?—Я же думаю, что она зачатокъ только однихъ ревматизмовъ...

33.

Красный-Рогъ.—15 декабря 1869.

Мой юный пріятель, я только-что перечелъ «Гамлета» по-англійски и нахожу, что Маркелъ и Бернардъ—оба очень хорошіе характеры, также какъ и Гильденштернъ и Розенкранцъ.—Не того ли же и вы мнѣнія?—Помимо этого, я только-что гулялъ по балкону; почти три часа утра, и я нахожу, что Юпитеръ и Венера—очень красивыя звѣзды... Неполный дискъ луны довольно плохо освѣщаетъ тающій снѣгъ, точно весна стоитъ у дверей. Пѣтухи поютъ до хрипоты... и еще что-то другое—не знаю что̀!.. развѣ не соловьи ли? или вѣдьмы? Но все это хорошо и въ желанномъ тонѣ. Главное — необходимо надо быть въ надлежащемъ тонѣ, т.-е. въ гармоніи со всѣмъ окружающимъ. Я въ гармоніи, т.-е. по отношенію къ природѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, но не по отношенію къ людямъ...

Моя бѣдная жена спрашиваетъ меня время отъ времени, вернется ли весна? И я отвѣчаю ей: «Юнкеръ Шмидтъ, честно̀е слово, лѣто возвратится!» — Все-таки все, что̀ я только-что видѣлъ съ балкона, мнѣ нравится.

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

Какъ мѣсяца неполный, алый кругъ,
Всходя такъ поздно, дурно освѣщаетъ
Нашъ трудный путь...

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

То древній лѣсъ. Дубъ мощный своенравно
Надъ сукомъ сукъ кривитъ въ кудряхъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнъ, восходитъ къ небу плавно
И, чистъ, играетъ ношею своей.

Хотите мое собственное нѣмецкое стихотвореніе? вотъ оно:

Ja, ich fühl' mich frisch und munter,
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich steige auf und unter,
Auf und unter wie ein Fisch;

In dem feuchten Elemente,
Das man Dichtersphäre nennt,
Wo so mancher Pinsel flehnte,
Ruf' ich aus: Potz Element!
Theure Frau so thut dasselbe
Aus dem Sinne schlagt euch kühn
All' das leid'ge Schwarz-roth-gelbe
Und bekranzet euch mit Grün...

Хотите хорошій переводъ по-нѣмецки моей баллады «Три побоища»? Вотъ вамъ отрывки:

Und wie man der Fürstin berichtet der Traum,
Der Fürst aber alles erwogen,
Da kommt auch die Githa gerannt in den Raum
Gar liederlich angezogen.
Sie ist decoltirt in weitestem Sinn
Und nicht zu reden sie säumet:
Herr Schwager! so ruft sie. Frau Schwägerin!
Ich hab' von was Schlechtem geträumet, и т. д.

34.

Красный-Рогъ.—28 декабря 1869.

...Теперь я долженъ опровергнуть нѣкоторыя изъ вашихъ предложеній (въ смыслѣ синтаксическомъ).

1-е. Я не презираю славянъ, напротивъ, я имъ симпатизирую, но только тогда, когда они заявляютъ свою свободу и автономію, или когда они дѣлаютъ разныя историческія изысканія или археологическія раскопки. Но я объявляю себя ихъ непріятелемъ, какъ только они нападаютъ на европеизмъ и когда они сопоставляютъ свою проклятую общину — принципу индивидуальности, — единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиться цивилизація вообще и *искусство* въ особенности. Общину я ненавижу менѣе, чѣмъ эгалитарность, глупую выдумку 93-го года, которая никогда не существовала, даже ни въ какой республикѣ,—въ новгородской менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ Новгородъ былъ республикой, главнымъ образомъ, *аристократической*. Флоренція выгнала одно благородное сословіе и тотчасъ же создала другое. — Итакъ, я становлюсь врагомъ славизма, когда онъ дѣлается проводникомъ соціализма и эгалитарности. *Я западникъ съ ногъ до головы, и настоящій славизмъ—западный, а не восточный.*

35.

Красный-Рогъ.—11 января 1870 г.

Не знаю отчего, но я всегда къ вамъ обращаюсь, когда обсуждается вопросъ искусства (который для меня равняется

жизненному вопросу:—*быть или не быть*). — Впрочемъ, я знаю, отчего это такъ: — изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей—вы единственный, кто не полинялъ *въ этой области* (Farbe gehalten), которая для меня—единственный настоящій элементъ. Вскорѣ я вамъ адресую письмо въ надеждѣ, что вы его напечатаете; въ немъ я выскажу мой образъ мыслей насчетъ искусства вообще и драмы въ особенности.

Это ужасно, какъ у насъ и въ Германіи въ послѣднее время отдалились отъ настоящей единой цѣли искусства, до какой степени его унизили, употребляя его, какъ простое орудіе, чтобы доказать то или другое. Я, наконецъ, скажу, что то, что̀ хотятъ доказать, доказывается съ успѣхомъ лишь тогда, *когда отказываются отъ желанія доказывать,* что художественное произведеніе, прекрасное само по себѣ, ненамѣренно доказываетъ всѣ истины гораздо лучше, нежели это могутъ сдѣлать тѣ, что садятся за письменный столъ съ намѣреніемъ ихъ доказать посредствомъ художественнаго произведенія. Я утверждаю, что искусство не должно быть *средствомъ,* но оно въ себѣ содержитъ всѣ результаты, къ которымъ тщетно стремятся всѣ утилитаристы, именующіе себя романистами, живописцами или скульпторами. — Между живописцами, которые *желаютъ что-то доказать и ничего не доказываютъ,* первое мѣсто принадлежитъ *Каульбаху.* Насколько онъ хорошъ въ *Битвѣ гуновъ,* настолько онъ плохъ въ своихъ символическихъ картинахъ, которыя онъ написалъ съ тѣхъ поръ. Если вы не забудете, — напомните мнѣ разсказать вамъ смѣшной анекдотъ, который случился со мной въ Мюнхенѣ относительно Каульбаха. Эти анекдоты случаются только со мной, и сколько ихъ было! Я все надѣюсь, что вы мнѣ что-нибудь скажете насчетъ «Бориса», но почты приходятъ и ничего не приносятъ.

Я прочелъ въ газетахъ, что Леонидовъ взялъ роль *Ивана* въ свой бенефисъ, и что Самойловъ долженъ былъ играть *Схимника.* Я увѣренъ, что онъ былъ очень хорошъ. Еслибы это былъ человѣкъ, съ которымъ можно столковаться,— я далъ бы ему роль Клешнина въ «Царѣ Борисѣ».

Найдите мнѣ сюжетъ для драмы, который не былъ бы историческій, но который я могъ бы уставить въ русскій міръ въ неопредѣленной эпохѣ.

Я вамъ повторяю то, что̀ я сказалъ недавно Каролинѣ (Павловой): легче творить на сюжетъ, данный извнѣ, чѣмъ

на такой, который самъ выдумаешь! Избавляешься отъ нѣкоторой отвѣтственности и скрываешься за легендой или за исторіей, которую можно измѣнить по своему усмотрѣнію.

Если Шекспиръ бралъ свои сюжеты въ хроникахъ и повѣстяхъ,—это не оттого, что у него было мало воображенія, но вѣроятно по вышеупомянутой причинѣ.

Я вамъ говорю, что я не попалъ на свое призваніе: русскіе меня ругаютъ, нѣмцы говорятъ мнѣ комплименты. Многіе мнѣ говорили: «но отчего вы не пишете ваши драмы прямо по-нѣмецки?»—Скажите, долженъ ли я сдѣлаться нѣмецкимъ поэтомъ?

ЭЛЕГІЯ.

Гдѣ Майковъ, Мей, и Минъ, и Марковъ, и Минаевъ?
И Фетъ, что дѣвамъ любъ?
Полонскій сладостный, невидящій Ширяевъ
И грѣшный Соллогубъ?
Передо мной стоятъ лишь голыя березы
И пожелтѣвшій дубъ,
Но нѣтъ, съ кѣмъ раздѣлить въ бору холодномъ слезы
И насморкъ дать кому-бъ.

36.

Красный-Рогъ.—21 декабря 1870.

Нейнъ, нейнъ, мейнъ либеръ... я не презираю славянъ,—къ несчастью, я не имѣю на это права.

Но я нахожу, что побольше смиренія было бы имъ къ лицу,—не такого, какое мы уже слишкомъ показывали, и которое состоитъ въ томъ, чтобы, скрестивъ на животѣ десять пальцевъ, вздыхать и, поднявъ глаза къ небу, говорить: «Божья воля! Подѣломъ намъ! За грѣхи наши!..» Но надо бы другого смиренія, хорошаго, которое состоитъ въ признаніи своей недостаточности съ тѣмъ, чтобы отъ нея избавиться. Это смиреніе—противоположность самодовольствія, которое говоритъ: «я горжусь просторомъ русской земли и широтой русской натуры, которая не можетъ и не хочетъ ничѣмъ стѣсняться. Всякое ограниченіе противно русской природѣ (ограниченіе противно?!!..); намъ не нужно ни заборовъ, ни классовъ! Гуляй, душа!..»—Отъ славянофильства Хомякова меня тошнитъ, когда онъ ставитъ насъ выше Запада ради нашего православія.

Я теперь ищу — и не нахожу — сюжетъ для драмы въ нашей исторіи до татаръ.

Паденіе Новгорода (не думайте, что я считаю его до

татаръ — это только saltus mentis) меня увлекло, но, пошаря въ немъ, я нашелъ, что новгородцы того времени были порядочныя свиньи, которыя ничего лучшаго не заслуживали, какъ упасть въ московскую пасть, какъ Римъ— въ пасть Цезаря.

Андрей Боголюбскій (другой saltus mentis) былъ убитъ пьяницами и трусами. Мнѣ надо что-нибудь другое.

Я хотѣлъ взять легенду. «Садко» меня очень притягивалъ, но это сюжетъ болѣе для балета, чѣмъ для драмы.— Путь къ «Димитрію Самозванцу» подготовленъ моими первыми драмами, но имъ слишкомъ злоупотребляли, и онъ мнѣ напоминаетъ Марія, сидящаго на каминныхъ часахъ.— Кстати! Знаете ли вы, отчего онъ туда сѣлъ?.. т.-е. не на каминные часы, а на развалины Карѳагена? И что̀ тутъ интереснаго въ этой манерѣ сидѣть? Должно быть, было жестко, и больше ничего!

37.

Кр.-Рогъ.—18 ноября 1870.

Дайте мнѣ съ вами поболтать, чтобы избѣжать всѣхъ реальностей, болѣе или менѣе непріятныхъ, которыя меня окружаютъ.

Прежде всего скажите мнѣ, какъ вы поживаете? Ваша жена и сынъ? И потомъ, дайте мнѣ одно политическое извѣстіе, какъ бы вы ни были удивлены, услышавъ этотъ вопросъ отъ меня. — На какихъ гарантіяхъ, явныхъ или скрытыхъ, основывается увѣренность Россіи, что ей не придется воевать для поддержанія ноты Горчакова, такъ какъ я предполагаю, что разъ нота пущена, ее поддержатъ. Я тоже не могу предположить, что нота была пущена безъ предварительнаго и тщательнаго изслѣдованія почвы. Вотъ именно объ этомъ-то изслѣдованіи почвы и хотѣлъ бы я узнать. Если мы пріобрѣли увѣренность въ Пруссіи, — что̀ мы поставимъ противъ Англіи, если она придетъ въ Кронштадтъ? Или, можетъ быть, новая военная организація должна служить пугаломъ для Европы? Разъясните мнѣ это, такъ какъ я ничего *не знаю*. А что касается послѣдней реформы—въ данное время я признаю въ ней лишь одну интересную сторону,—а именно: видѣть васъ въ уланскомъ мундирѣ, который къ вамъ долженъ очень идти, особенно сзади. Я сдѣлаюсь саперомъ, чтобы не брить бороду, и... Европа, держись! воображаю ея страхъ... Я провелъ хорошій мѣсяцъ въ Дрезденѣ, не имѣя

управляющихъ вокругъ себя. Я написалъ три дѣйствія драмы, которая будетъ называться «Посадникъ», и она не историческая.

Покажите намъ признакъ жизни.

38.

Красный-Рогъ.—25 декабря 1870.

Какъ бы я желалъ, чтобы вы мнѣ высказали какую-нибудь ересь — артистическую или литературную, чтобы я имѣлъ удовольствіе ее опровергать. Мой творческій умъ не дѣйствуетъ, но полемическая страсть не застыла, и между свинствами, которыми я окруженъ, это единственное умственное упражненіе, которому предаться я чувствую себя въ силахъ. Я даже способенъ довести мое тщеславіе до того, что готовъ просить васъ писать мнѣ *объ искусствѣ по-русски,* чтобы я вамъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, и чтобы наши письма перешли въ вѣчность черезъ каналъ газетъ.

Но вы слишкомъ увлечены вашей политической перепиской, чтобы думать объ Ding an sich, вы слишкомъ *объектировали* себя, чтобы думать ради одного *объекта* безъ отношенія къ субъекту.

Мнѣ остается только дѣлать предположенія на этотъ разъ. Если вы мнѣ скажете, что... я вамъ отвѣчу, что... Я знаю, что вы думаете, что... но я вамъ докажу, что это абсурдъ...

Кромѣ того, что этотъ способъ разсуждать не любезенъ, онъ скученъ и напоминаетъ слишкомъ проповѣди какого-то испанскаго капуцина, который начиналъ иногда такъ: «Вы думаете, братія, что апостолы принадлежали къ братству св. Доминика, а я вамъ скажу, что вы всѣ ослы, — такъ какъ они были францисканцы...»

Въ отчаяньѣ, что я не могу ни доказывать вамъ, ни спорить, такъ какъ вы молчите,—я вамъ скажу стихотвореніе, написанное по предваренію (par anticipation).

«Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо...»

PS. Только-что было 25° морозу...

39.

Красный-Рогъ.—9 мая 1871.

. . . . . .

Моя большая работа «Посадникъ» остается нетронутой. С. отбила у меня охоту, сказавъ, что это плохо.

Откровенно говоря, я съ ней не согласенъ, но охота пропала. Я было-написалъ два акта прозой, но у меня явилась мысль написать все стихами, и я переложилъ въ стихи первый актъ. Дѣлая это, я нашелъ, что въ стихахъ становишься менѣе словоохотливъ, чѣмъ въ прозѣ, и это выходитъ лучше.

У насъ, несмотря на весну, собачій холодъ, если я смѣю такъ выразиться.—Соловьи поютъ, но надо быть соловьемъ, чтобы этимъ заниматься. А я пріобрѣлъ себѣ катарръ на вальдшнеповой охотѣ, и такъ боюсь опять заболѣть, какъ въ Одессѣ, что сижу въ комнатѣ.

Безъ преувеличенія, я не желаю самому большому подлецу изъ моихъ знакомыхъ болѣть, какъ я болѣлъ въ Одессѣ, а именно: кашель и неимѣнье силъ откашляться, и задыхаешься въ теченіе 15 дней по крайней мѣрѣ. Собачья болѣзнь! Я только могъ дышать, стоя на четверенькахъ, и въ этомъ положеніи, къ большому страху присутствующихъ, я пропѣлъ: «О, Матильда, идолъ моей жизни!» Я шутливъ отъ природы, но не скрою отъ васъ, — я думалъ, что легко могу умереть (и доктора то же думали), но мнѣ это было довольно безразлично; одного было жаль, что не оконченъ «Посадникъ». Вообще, мнѣ кажется, что я не долженъ умереть, прежде чѣмъ напишу что-нибудь хорошее, очень хорошее, а послѣ этого, какъ говоритъ польскій священникъ Дюпьи: «Да будетъ воля Твоя!»

Вы можете смотрѣть на это, какъ хотите, мой дорогой пріятель, но для меня ваша будущая жизнь совсѣмъ не страшна. Развѣ вы очень увѣрены въ существованіи индивидуума?—Я—нѣтъ.

Но что̀ дѣлается съ различными полами, если индивидуализмъ — одна иллюзія? Есть такія насѣкомыя (утверждаетъ самъ Дарвинъ, а онъ знаетъ, что̀ говоритъ), которыя, если ихъ разрѣзать на двѣ части, то начинаютъ драться между собой обѣ разрѣзанныя части. Не правда ли, отвратительно?

Для себя я нашелъ объясненіе первороднаго грѣха, или, лучше сказать, справедливости нашего наказанія за извѣстное яблоко,—въ слѣдующемъ сравненіи: предположимъ, что земляной червь совершаетъ преступленіе. Разрѣжьте его на-двое — будетъ два червяка, разрѣжьте еще — будетъ четыре червяка, и такъ до безконечности. Тысячный червякъ, предупрежденный объ операціи, сдѣланной надъ первымъ, не имѣлъ бы основанія жаловаться

на наказаніе, такъ какъ въ сущности онъ самъ совершилъ преступленіе! И вотъ за это объясненіе я претендую на премію изъ папской казны...

Что̀ такое соединеніе церквей?—Сліяніе двухъ христіанскихъ церквей въ одну единую; которую? — все равно. Filioque — только развитіе, но не противорѣчіе; а теперь... покойной ночи, я хочу спать.

40.

Красный-Рогъ.—20-го мая 1871.

Мой юный и дорогой другъ!

Я считаю васъ сотоварищемъ и какъ бы человѣкомъ того же ремесла, которому показываются работы на станкѣ, прежде чѣмъ ихъ поправляютъ и пересматриваютъ.

И въ этомъ видѣ я послалъ вамъ мое маленькое стихотвореніе подъ заглавіемъ «На тягѣ».

Конечно, я съ тѣхъ поръ его гладилъ и переглаживалъ, какъ совѣтуетъ это дѣлать г. Депрео.

Слѣдуя моей системѣ довѣрчивости, я посылаю вамъ маленькую пастораль до ея полированія и исправленія:

То было раннею весной...

Меня это увлекло лишь только потому, что это гармонируетъ съ окружающей меня природой, которая, надо признаться, тяжела на подъемъ, чтобы выйти изъ зимы, но все-таки лучше поздно, чѣмъ никогда.

Что касается до васъ, вы — драгоцѣнный сосудъ, который мнѣ хочется назвать этрусскимъ, и въ него я выливаю излишекъ моихъ художественныхъ чувствъ. Вы—струна родственная, звучащая при всякой вибраціи струнъ моей духовной арфы.

Что̀ ни говори, — вы не *тайный совѣтникъ,* вы художникъ подъ маской совѣтника,—съ какою цѣлью, не знаю.

Весна плохая,—я слишкомъ джентльменъ, чтобы въ этомъ не сознаться, и я убилъ только семь вальдшнеповъ; видите мою скромность—я, было, написалъ: пять. И вотъ случай, чтобы скромно похвалиться; охотникъ вообще лжецъ, — я составляю исключеніе, я никогда не лгу, и Андрей, племянникъ моей жены, тоже никогда не лжетъ. Онъ мой воспитанникъ, и я имъ горжусь. Безъ шутокъ, я счастливъ, удостовѣряя, насколько онъ честный и отличный малый. Я питаю къ нему отеческія чувства; вы его мало знаете. Это будущій морякъ, ему 18 лѣтъ. и его характерная

черта — почти-что суровая честность и тонкость чувствъ, согрѣвающая сердце. Онъ въ настоящее время мой товарищъ и по охотѣ, и по шахматамъ. Въ апрѣлѣ надѣюсь послать его вокругъ свѣта.

Помните, какъ вы сердились за шахматною игрой?— Дурная привычка, отъ которой вамъ надо отдѣлаться.

41.

Красный-Рогъ.—3-го октября 1871.

...Итакъ, вы находите, что «Сватовство» плохо? Можетъ быть, но вообще оно имѣетъ большой успѣхъ, и всѣ, кому я его читалъ въ Россіи, какъ и въ Германіи, находятъ въ немъ большую удаль и откровенную веселость, такъ что Каролина (Павлова) начала переводить его по-нѣмецки и обѣщаетъ ему отличный пріемъ. Она тоже перевела «Илью» и «Поповича», и послѣдній вызвалъ слезы у нѣкоторыхъ дамъ и барышенъ. Другія же нашли—dass es an's Frivole gränzt, и когда ихъ спрашивали, почему? — онѣ сказали: «Aber die Mamselle?»

Одна барышня, которую вы знаете, даже очень покраснѣла и вскрикнула: «Schweinerei!»

Если не полѣнюсь, я вамъ вышлю переводъ, который въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ.

42.

Красный-Рогъ.—9-го октября 1871.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, отъ 30-го сентября, въ которомъ вы пишете о нравственныхъ сомнѣніяхъ Каткова. Если совѣсть въ негативномъ состояніи производитъ на меня впечатлѣніе отвращенія, то совѣсть въ положительномъ состояніи — всегда предметъ моего уваженія, какого бы она ни была цвѣта или формы. Итакъ, я уважаю сомнѣнія Каткова, не раздѣляя и даже не понимая ихъ,— не знаю положительно, въ чемъ мой «Поповичъ» безнравственнѣе «Peter und Bender» Гейне, «Коринѳской невѣсты», нѣсколькихъ стихотвореній Полонскаго и почти всѣхъ стихотвореній Щербины.

Другое дѣло ваше замѣчаніе, очень справедливое, что тенденціозныя строфы не идутъ къ общему тону.

Но я могу васъ увѣрить, получивъ общія удостовѣренія насчетъ этой авантюры, что «Поповичъ» и барышня, послѣ плаванія, которое продолжалось 25 минутъ, причалили къ деревнѣ подъ названіемъ *Папсуевка, Авсѣевы-Лозы* тожъ,

гдѣ нѣкій добрый священникъ, отецъ Герасимъ Помпадурскій, обвѣнчалъ ихъ съ помощью благочиннаго Сократа Борисовича Гермафродитова, который находился тамъ случайно...

Во всякомъ случаѣ, я считаю, что баллада о «Поповичѣ» вернулась въ мой мѣшокъ и опять стала моею собственностью.

43.

Берлинъ.—23-го ноября (н. с.) 1871.

Солнце моей жизни, фонтанъ юности, лучъ Каткова, пупъ большого свѣта, повѣренный моихъ печалей, бездна нечистоты!

Гопъ! Гопъ! Тралала!

Эти маленькія восклицанія могутъ дать вамъ мысль, что я нахожусь въ шутливомъ настроеніи.

Ошибка!.. Мое настроеніе черно!

...Благодарю за статью въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ»; благоволите передать то же г. Николаевскому отъ меня. Просматривая фельетоны «С.-Петерб. Вѣдомостей», я нашелъ только два ругательства на меня. Первое, въ которомъ увѣряютъ, что, по примѣру Хвостова, я ношу мои стихотворенія въ карманѣ, чтобы ихъ читать на блистательныхъ великосвѣтскихъ раутахъ; второе же, въ которомъ надо мной издѣваются за то, что я заставляю «Царя Ивана» ползать на карачкахъ передъ суфлерской будкой. Но относительно «Потока» — ничего; развѣ только то, что меня называютъ постоянно авторомъ «Потока» и «Пантелея».

44.

Берлинъ.—29-го ноября (н. с.) 1871.

Вы славный и прекрасный человѣкъ, и вы меня тронули вашимъ заботливымъ сочувствіемъ къ моему здоровью, которое, въ сравненіи со многимъ другимъ, — послѣдняя изъ моихъ заботъ.

...Вы не знаете моего отвращенія говорить о себѣ, когда существуютъ страданія гораздо больше моихъ...

...Итакъ, я перехожу къ другимъ двумъ пунктамъ вашего добраго письма. Скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела моя «баллада съ тенденціей» и всѣ ругательства, которыми я ей обязанъ.

Я теперь въ Берлинѣ пишу другую балладу безъ тен-

денціи, которая называется: «Садко». Это только картина, картина дѣйствія, съ новгородскимъ колоритомъ и нѣкоторой распущенностью выраженій, всунутой въ очень строгія рамки. Контрастъ этотъ мнѣ нравится, и мнѣ кажется, что будетъ хорошо; но въ концѣ концовъ я ничего не знаю.

Относительно распущенности выраженій (которая есть и въ «Походѣ Владиміра», и въ «Ильѣ»), мнѣ кажется, что до меня никто этимъ не пользовался, хотя это даетъ возможность затрогивать нѣкоторыя поэтическія стороны вещей, которыя недосягаемы для поэтическаго языка въ полномъ смыслѣ слова.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь? Если нѣтъ—это потому, что я чувствую подергиванье въ лѣвой рукѣ, и уже два дня у меня лихорадка послѣ привитой оспы.

45.

Дрезденъ.—7-го декабря (н. с.) 1871.

Весеннее благоуханье, аѳинское испареніе...

...Вчера вечеромъ я пріѣхалъ сюда одинъ на пару дней. Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать для моей жены, которая хотѣла заставить меня ѣхать въ Италію безъ нея. Но я не хочу отдаляться отъ нея болѣе, чѣмъ на $3^1/_2$ часа. Я оставилъ ее подъ покровительствомъ Фредро, и я увѣренъ, что они будутъ безъ меня вагнеризировать, войдя въ заговоръ съ г-жею Шлейницъ, которая для Берлина есть то же, что у насъ г-жа Муханова. То, что̀ я говорю, не есть кощунство насчетъ Вагнера: у меня самого глаза полны слезъ *всегда*, когда я слушаю первый финалъ «Лоэнгрина», также при его послѣднемъ разсказѣ; но я всякій разъ ухожу изъ залы, когда злодѣй и злодѣйка начинаютъ ругаться въ темнотѣ, и утверждаю, что это смертельно скучно.

Знаете, что̀ я сейчасъ слышалъ? Старую оперу Маршнера—«Вампиръ».

Не дурно; есть красивыя фразы и цѣлые хоры изъ «Донъ-Жуана» Моцарта.

Въ Дрезденѣ то хорошо, что можно услышать музыку, какой нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Послѣ завтра даютъ «Альцесту» Глука, и, конечно, я пойду.

46.

Дрезденъ.—20-го декабря (н. с.) 1871.

Любезная поддержка моей старости! Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеніемъ... статьи обо мнѣ того,

кого вы причисляете къ сапожникамъ, который, по-моему, долженъ быть знатный шотландецъ по имени *Скотъ*, а можетъ быть, генуэзецъ — *Дурацо*, или французъ *Гавинье*, или чехъ *Пупъ*, или грекъ *Папа-Кокино*... такъ какъ, по высказанному имъ громадному невѣжеству относительно положенія дѣлъ у насъ, нельзя предположить, что онъ — русскій. Между прочимъ, Л. продолжаетъ метать громы противъ ужасной тенденціи «Смерти Іоанна», которой онъ приписываетъ самое разрушительное вліяніе на наше общество.

Вотъ я и попался между двухъ огней, обвиняемый Л... и Т... въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами—въ ретроградныхъ.

Оба противоположныя мнѣнія согласны въ томъ, что я виновенъ! Я?! который пахну фіалками!?...

Вы требуете, чтобы я публично отрекся отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, приписываемыхъ мнѣ! Неужто же это все «Ѳедорушка», которую мнѣ прислали съ вопросомъ — моя ли она, или нѣтъ? Нѣтъ, не моя; я никогда ничего не писалъ безъ подписи. Авторъ... пишетъ дурные стихи и сваливаетъ ихъ мнѣ на плечи. Но зачѣмъ вы хотите, чтобы я публично защищался? Достаточно того, что я говорю, что я ихъ не писалъ. Я лучше буду протестовать противъ вашего заявленія, будто я не вѣрю въ безсмертіе души. Неправда, я вѣрю, т.-е. въ безсмертіе моей души, но не всѣхъ.

Я не очень увѣренъ въ индивидуальности, т.-е. я признаю возможность сліянія однородныхъ. То, что̀ во всякомъ изъ насъ есть честнаго, можетъ въ другомъ образѣ жизни обратиться въ одно цѣлое, а все нечестное осталось бы на днѣ, какъ гуща, изъ которой выработалось бы что-нибудь другое.

Вы видите, что у фельетонистовъ съ ихъ манерой мало шансовъ. Они съ нашей гущей сольются въ одну общую клоаку, чтобы переработаться дальше, т.-е. чтобы имъ возможно было, — если они довольно глупы для этого, — снова воплощаться, но опять-таки въ фельетонистовъ, до тѣхъ поръ, пока они напишутъ что-нибудь добросовѣстное. До тѣхъ поръ вѣчная сансара между фельетономъ и клоакой, что̀ есть одно и то же и одинаково исключаетъ настоящее безсмертіе, Нирвану, не ту, о которой говоритъ отецъ Дюбюкъ, но ту, о которой говорятъ Гёте и Упанишады.

Ахъ, да,—что̀ это вы мнѣ говорите про какіе-то дурные стихи, которые я перемѣшиваю съ хорошими? Цитируйте мнѣ нѣкоторые, чтобы я могъ ихъ исправить. Разъ вы согласны въ этомъ случаѣ съ вышеупомянутыми фельетонистами—должно быть справедливо.

47.

Дрезденъ по прежнему.—(8-го) 20-го декабря, н. с. 1871.

Часъ тому назадъ я отправилъ вамъ часть моихъ изліяній, но мнѣ не хочется спать, не хочется писать дѣловыхъ писемъ: что̀ же я могу сдѣлать лучшаго, какъ не продолжать изліяній въ ваше алебастровое лоно всего, что̀ приходитъ мнѣ въ голову. Такъ же я дѣлалъ это въ Красномъ-Рогѣ, въ лучшія времена, когда пѣла кукушка при лунномъ свѣтѣ въ моемъ краю, который я люблю больше, чѣмъ заграницу (хотя это незамѣтно), и когда я лучше дышалъ, а главное, когда у моей жены не было сломанной руки, и когда она могла читать.

...Итакъ, я начинаю: давайте говорить объ искусствѣ. Вы утверждаете, что я ставлю дурные стихи рядомъ съ хорошими. Nego majorem et minorem. Я иногда пишу дурныя риѳмы, но не дурные стихи. Дурныя риѳмы я пишу сознательно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ я считаю себя въ правѣ быть неряшливымъ, но только по отношенію къ риѳмѣ. Никогда я не считаю себя въ правѣ написать дурной стихъ, и если я сдѣлалъ это—mea culpa! — но гдѣ и когда, чортъ возьми!

Видите ли, насчетъ риѳмы я сдѣлаю вамъ сравненіе, вмѣсто диссертаціи. Есть нѣкая живопись, которая требуетъ неуклонной точности линій—это въ историческихъ картинахъ. Умбрійская школа, флорентійская, даже венеціанская. Есть другой родъ живописи, гдѣ *краски*—главная вещь, а съ линіями не церемонятся. Это Рубенсъ, Рембрандтъ, Рюздаль и другіе фламандцы или голландцы. И вотъ, horribile dictu, эти послѣднія картины потеряли бы, еслибы линія въ нихъ была неумолимо правильною. Такъ, если я пишу картину большихъ размѣровъ и съ претензіей на серьезность, я съ вами согласенъ, что я долженъ строго относиться къ риѳмѣ; но если я пишу балладу или другое стихотвореніе, въ которомъ впечатлѣніе, т.-е. цвѣтъ, краска—главное, то я могу небрежно отнестись къ риѳмѣ, но, ко-

нечно, не пересаливать и не риомовать *середа* съ *саранча*.

Пересаливать плохо какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи. Рембрандтъ часто пересаливалъ, Рубенсъ иногда, Рюздаль никогда.

Остановимся на *Рюздалѣ* и сравнимъ его съ его внучатнымъ племянникомъ—*Каламой*. Каламъ точенъ и исправенъ, его риома всегда хороша. Рюздаль часто неряшливъ (нарочно), и я, конечно, предпочитаю Рюздаля Каламѣ. Я не хотѣлъ бы потерять его небрежности такъ же, какъ не хотѣлъ бы потерять небрежности Гоголя.

А если вы не хотите пейзажистовъ, возьмемъ Мурильо. Его линіи очень небрежны и всегда пожертвованы краскамъ, и еслибы его линія была вездѣ точна и правильна, онъ производилъ бы другое впечатлѣніе и не былъ бы Мурильо; его прелесть *пострадала бы*, и впечатлѣніе было бы холоднѣе. Хотите, возьмите примѣръ въ поэзіи. Возьмите Гёте въ сценѣ Гретхенъ передъ иконой:

Ach neige,
Du, schmerzenreiche...

Есть ли что-нибудь хуже риѳмъ въ этой великолѣпной молитвѣ? Это—единственная вещь въ смыслѣ наивности и правды! Но попробуйте исправить фактуру, придать ей болѣе правильности, болѣе изящества, и все будетъ испорчено. Вы думаете, что Гёте не могъ писать лучшихъ стиховъ?—Онъ *не хотѣлъ*, и тутъ-то онъ доказалъ свое удивительное поэтическое чутье. Есть нѣкоторыя вещи, которыя должны быть выточены; есть другія, которыя имѣютъ право и даже обязаны *не* быть отдѣланными *подъ страхомъ казаться холодными*. Въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ дозволяется неправильность риѳмы, какъ и стиха; въ русскомъ же языкѣ дозволяется только неправильность риѳмы. Это его единственная возможность въ поэзіи показываться въ négligé. Само собой разумѣется, что я ставлю внѣ вопроса поэзію чисто-народную, былины. Эти имѣютъ другія правила и другія права. Онѣ стоятъ на другой почвѣ.

Въ заключеніе скажу: я думаю поступить въ духѣ русскаго языка, оставаясь непоколебимымъ относительно стиха и *позволяя себѣ иногда* нѣкоторыя свободныя отношенія къ риѳмѣ. Дѣло чутья и такта. Или ихъ у меня не хватало? Можетъ быть; но я все-таки стою за принципъ.

Чтобы перейти отъ отвлеченнаго къ конкретному, я вамъ

скажу, что я воспользовался 15 днями въ Дрезденѣ, чтобы *вытачивать* первый актъ «Посадника», и я не думаю, что въ немъ найдется хоть одинъ дурной стихъ, также какъ и въ «Ѳедорѣ», и въ «Борисѣ». А если вы ихъ найдете, назовите ихъ мнѣ, и они будутъ сейчасъ же *казнены*, тутъ же, на мѣстѣ безъ всякаго милосердія. Посадникъ—главное лицо, и, вытачивая стихи, я вытачивалъ его характеръ, который, мнѣ кажется, съ самаго начала поставленъ очень категорично. Я къ этому стремился, такъ какъ въ самомъ началѣ необходимо *не* сомнѣваться насчетъ характеровъ. Экспозиція должна содержать въ себѣ не только сѣмя обстоятельствъ дѣйствія, но и всякаго характера, и читатель долженъ ясно и точно видѣть передъ собой, какого рода зерно находится передъ нимъ, чтобы онъ не имѣлъ *сюрпризовъ* впослѣдствіи. Сюрпризы годятся для комедій, а не для драмы, интересъ которой не долженъ быть основанъ на любопытствѣ зрителя, потому что, еслибы это было такъ,—онъ пошелъ бы смотрѣть на нее одинъ только разъ. Въ виду того, что у меня только *фонъ* картины историческій, я могъ свободнѣе дѣйствовать, чѣмъ въ моихъ предшествующихъ трехъ драмахъ, и сдѣлать изъ всего одно органическое цѣлое, въ которомъ части болѣе туго сплетены. Если, Богъ дастъ, еще проживу, я надѣюсь въ Парижѣ или въ Пизѣ окончить мое предпріятіе, только бы мнѣ хватило времени, и я не страдалъ бы отъ «*бизы*».

48.

Дрезденъ—13 (25) 1871.

Примѣръ дурныхъ стиховъ и дурныхъ риѳмъ.—Но!..

Чьей это ты кровью свой мечъ обагрилъ...

Мой переводъ не можетъ быть хорошъ; у меня нѣтъ старо-англійскаго оригинала, и я долженъ былъ переводить съ нѣмецкаго, что̀ я и сдѣлалъ, насколько возможно вѣрно. Знаете ли вы въ какой-либо литературѣ что-нибудь столь драматичное въ такой упрощенной формѣ? Я былъ совсѣмъ *подавленъ*, когда прочелъ это. Если во время чтенія вы вложите нѣкоторый *драматизмъ* и *сомнамбулизмъ*... я не повѣрю, чтобы кто-нибудь могъ не быть потрясенъ съ ногъ до головы.

Я это чувствую до сихъ поръ всякій разъ, какъ я это перечитываю, и могу это сопоставить только со сценой *Лэди Макбетъ*.

49.

Висбаденъ, наканунѣ нашего новаго года—1871.

Любезный человѣкъ, я получилъ ваше письмо насчетъ англійской баллады и тотчасъ же послѣ этого фельетонъ «Русскаго Міра», въ которомъ говорится нѣсколько хвалебныхъ словъ насчетъ двухъ моихъ стихотвореній.

Вы не повѣрите, насколько я доволенъ, что вы оцѣнили балладу; я нашелъ оригиналъ въ сборникѣ старыхъ англійскихъ стихотвореній. Написано на какомъ-то шотландскомъ идіомѣ, почти-что непонятномъ, и начинается такъ: Guhy dois zour brand sae drop wi blood, Edward, Edward!—что̀ я и перевожу такъ: Why does your sword so drop with blood. Въ концѣ баллады находится слѣдующее примѣчаніе: «Эта любопытная пѣсня передана издателю сэръ-Дэвидомъ Далримплемъ, баронетомъ, покойнымъ лордомъ Гэльсъ». Я не знаю, какого она вѣка, но мнѣ кажется, по разнымъ причинамъ, что она времени до-нормандскаго покоренія, между прочимъ потому, что говорится не о *замкахъ*, а о *башняхъ* и о *домахъ* (zour towers and zour ha', что̀ по моему значитъ—your tours and your hall). Нѣмецкій переводъ говоритъ — Halle und Thurm, что̀ я и перевелъ: домъ и башня.

Переводъ, которымъ я воспользовался—нѣкоего *Фонтана*.

Есть другой переводъ—*Шлегеля*.

Я счастливъ, что и другіе цѣнятъ это стихотвореніе—столько же, какъ и я.

Какъ красива и непосредственна *наивность* замѣчаній: какъ напр., что кровь ястреба не такъ красна, какъ та, которая покрываетъ мечъ Эдварда!

Или еще, напр., это: конь былъ слишкомъ старъ, чтобы его кровь могла быть такой темной! И объяснительный отвѣтъ Эдварда: «это конь былъ *темно-гнѣдой*».

Какъ вы хотите, чтобы это было произведеніе одного пѣвца?

Это произведеніе всего міра!

Событіе несомнѣнно историческое. Оно въ свое время вѣроятно надѣлало много шума, кто-нибудь переложилъ въ стихи, а другіе стали передавать съ измѣненіями и прибавленіями, и *плачъ вышелъ само собой*, съ тѣмъ *органическимъ* инстинктомъ, который всегда находится въ основѣ всѣхъ произведеній такого рода, — и характерныя черты котораго—*сила, правда и простота*.

Нельзя сѣсть къ столу и написать такую вещь съ предвзятыми намѣреніями...

Мы провели три дня въ Веймарѣ, гдѣ мы видѣли баронессу Мейендорфъ и вел. герцогиню.

Веймаръ прелестный городъ. Пріѣзжайте туда весной,— я думаю, что мы тамъ будемъ, и будутъ также, я думаю, Листъ, Вагнеръ, Рубинштейнъ...

50.

Санъ-Ремо.—27 (15) іюля 1875.

Мой дорогой другъ, вотъ ужъ восемь дней, какъ я здѣсь задержанъ добротой и любезностью нашей императрицы.

Я очень гордъ, что могу вамъ сказать, что уже много лѣтъ, какъ я себя не чувствовалъ такъ хорошо, такимъ свѣжимъ, такимъ бодрымъ...

51.

Изъ письма къ другому лицу (1863 г.).

Въ настоящую минуту, когда въ Россіи кипятъ жизненные интересы, когда завязывается и разрѣшается столько общественныхъ вопросовъ, весьма немногихъ занимаютъ предметы мышленія, находящіеся внѣ жизни гражданской.

Чистое искусство уступило мѣсто административной полемикѣ, и художникъ, не желающій подвергнуться порицанію, долженъ нарядиться публицистомъ, подобно тому, какъ во время политическихъ переворотовъ выходящіе изъ домовъ надѣваютъ кокарду торжествующей партіи, чтобы пройти по улицѣ безопасно.

Отдавая полную справедливость непосредственнымъ двигателямъ отеческаго преобразованія, ставя гражданскую дѣятельность весьма высоко, я не могу однако не упрекнуть враговъ искусства въ нѣкоторой близорукости и односторонности. Они какъ будто забыли, что броженіе вопросовъ, которые такъ сильно и такъ справедливо ихъ занимаютъ, есть не что̀ иное какъ примѣненіе къ жизни общихъ теоретическихъ истинъ, не принадлежащихъ исключительно той или другой странѣ, тому или другому вѣку, но составляющихъ достояніе всего человѣчества, въ какія бы то ни было времена.

Уясненіе этихъ истинъ и приведеніе ихъ къ общему закону есть задача философіи, а облеченіе въ художественную форму — задача искусства.

Отвергать искусство или философію во имя непосредственной *пользы* — все равно что не хотѣть заниматься механикой, чтобы имѣть болѣе времени строить мельницы.

Diese Herren, — какъ выражаются нѣмцы, — «sehen vor lauter Bäume den Wald nicht».

А по-русски это называется: «слона-то я и не замѣтилъ».

Велика заслуга гражданина, который путемъ разумныхъ учрежденій возводитъ государство на высшую степень законности и свободы. Но законность и свобода, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознаніе народа, а оно зависитъ не отъ административныхъ мѣръ, но отъ развитія всѣхъ стремленій, которыя внѣ всякихъ матеріальныхъ побужденій, и которыхъ удовлетвореніе столько же важно для духовной стороны человѣка (безъ нея же никакое общество немыслимо), сколько важны для его физической стороны — воздухъ, пища, одежда и пр., и пр...

Эти духовныя стремленія заключаются въ чувствѣ красоты, которое нераздѣльно съ любовью къ искусству для искусства. — Чувство прекраснаго врождено всякому народу и хотя можетъ быть задушено и подавлено въ немъ обстоятельствами, но не иначе, какъ въ ущербъ его нравственному совершенству.

Оно такъ нѣжно и тонко, что легко улетучивается; оно проявляется только въ народѣ, достигшемъ извѣстной степени нравственной развитости, но это и есть признакъ его превосходства надъ матеріальной стороной человѣка. Тотъ народъ, въ комъ оно развито сильно и полно, въ комъ оно составляетъ потребность жизни, не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности, и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской, и законодательству остается только освятить и облечь въ форму уже существующіе элементы гражданства.

Вотъ однако къ чему клонится въ своемъ развитіи мнѣніе о безполезности искусства, которое въ послѣднее время, къ сожалѣнію, дѣйствовало довольно успѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ, наше общество уже перестало сочувствовать чистому искусству.

Въ литературѣ оно требуетъ, чтобы были затронуты тѣ вопросы, которые непосредственно касаются его настоящей жизни въ настоящую минуту, и не интересуется вопросами общечеловѣческими. При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ всякій писатель, посвятившій себя искусству для

искусства, долженъ опасаться отъ большинства публики холодной или непріязненной встрѣчи.

Таково было и мое положеніе, когда я рѣшился выступить передъ нею съ поэмою «Донъ-Жуанъ», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника».

Оставляя совершенно въ сторонѣ литературное достоинство поэмы, которая, быть можетъ, мнѣ не удалась, и которой я ни въ какомъ случаѣ не судья, скажу только, что смыслъ ея былъ общечеловѣческій, а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному, безъ всякаго примѣненія къ практической пользѣ.

Это былъ случайный и невольный протестъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики. Не знаю, какъ вообще она была принята публикой, но слышалъ я, что въ одномъ кругу ее даже почли съ моей стороны за неучтивость, — что, молъ, когда дѣло идетъ о мировыхъ посредникахъ, онъ пришелъ толковать намъ о какомъ-то испанцѣ, который, можетъ быть, никогда и не существовалъ.

У тѣхъ, которые это говорятъ, я прошу прощенія и становлюсь подъ покровительство тѣхъ немногихъ, которые еще сочувствуютъ искусству для искусства.

Если «Донъ-Жуанъ» доставилъ имъ хоть малую долю художественнаго удовольствія, — это послужитъ для меня большимъ утѣшеніемъ...

II.

Къ княгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ.

(Переводъ съ французскаго).

1.

Пустынька (близъ ст. Любань). — 20-го февр. (4-го мар.) 1867 г.

Милѣйшая княгиня, вы имѣете право обвинять меня въ неблагодарности, такъ какъ я до сихъ поръ еще не отдалъ вамъ отчета о пріемѣ моей трагедіи, несмотря на столь благосклонный интересъ къ ней съ вашей стороны. Признаюсь, видимость — противъ меня, но есть смягчающія обстоятельства. Я самому себѣ не отдавалъ отчета въ впечатлѣніи на публику отъ моей пьесы, благодаря тому, что съ самаго начала она была жертвой разныхъ кулисныхъ тщеславій, вслѣдствіе чего главная роль выпала на долю второстепеннаго таланта, по крайней мѣрѣ, въ этомъ

амплуа. Публика, газеты и сами актеры раздѣлились на два лагеря, и послѣдовала жестокая война. Такъ, много кричали, что Васильевъ, который игралъ Іоанна, добровольно отказался отъ своей роли въ пользу Самойлова, который былъ встрѣченъ криками восторга и осыпанъ дождемъ цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ при своемъ появленіи. Съ 12-го (24-го) января пьеса дается два раза въ недѣлю, и зала всегда переполнена. Неслыханная до сихъ поръ вещь — дирекція открыла подписку и записываются 10 и 15 дней заранѣе, чтобъ получить ложу; нѣсколько человѣкъ пріѣхали изъ Москвы и не могли достать мѣстъ. Не вините меня въ лицемѣріи, но я въ большой мѣрѣ приписываю этотъ успѣхъ точности и красотѣ декорацій и костюмовъ; мнѣ въ этомъ отношеніи очень посчастливилось: во-первыхъ, было отпущено 31.000 р. на постановку трагедіи; затѣмъ, князь Гагаринъ, вице-президентъ академіи художествъ, сдѣлалъ рисунки главныхъ декорацій, академикъ Шварцъ — костюмовъ, и Сѣровъ написалъ музыку на танецъ скомороховъ. Къ тому же, г-нъ Костомаровъ, профессоръ исторіи, и другія лица, которыя спеціально занимались археологіей, принимали участіе въ усовершенствованіи постановки пьесы и отнеслись къ этому съ такимъ рвеніемъ, что тронули меня, тѣмъ болѣе, что я никогда не обратился бы къ нимъ изъ скромности. Что касается г-на Сѣрова, то я даже его еще не зналъ, когда онъ написалъ свою музыку, полную красокъ и оригинальности. Я его попрошу мнѣ дать копію, которую я пошлю нашему милому Листу. Сѣровъ намѣревается написать также остальные антракты. Что касается меня, то я видѣлъ пьесу всего три раза, — два раза съ Васильевымъ и одинъ разъ съ Самойловымъ. Я даже не досталъ бы билета послѣдній разъ, еслибы министръ двора не далъ мнѣ свое кресло. Самойловъ великолѣпенъ внѣшностью и манерами, но онъ не зналъ своей роли, когда я его видѣлъ,— и это испортило нѣкоторыя мѣста. Самый большой успѣхъ всегда — смѣлость: сцена посла, народная сцена (къ великому ужасу полиціймейстера) и сцена исповѣди царя съ колѣнопреклоненіемъ. Мои защитники противъ полиціймейстера и той части публики, которая plus royaliste que le roi, это — Государь и Государыня. Два раза они пріѣзжали смотрѣть пьесу и два раза мнѣ апплодировали и призывали въ свою ложу. Одинъ французъ, который перевелъ пьесу, приходилъ мнѣ ее читать вчера и говорилъ мнѣ, что узналъ

изъ нѣмецкой газеты, что ее давали въ Веймарѣ; это мнѣ кажется мало правдоподобнымъ, такъ какъ мы получили недавно письмо изъ Веймара отъ баронессы М., въ которомъ она намъ пишетъ, что великій герцогъ *намѣревается* поставить эту трагедію. Я буду очень радъ, если ее поставятъ, но жалѣю, что не послалъ г-жѣ Павловой копіи костюмовъ. — Теперь довольно объ «Іоаннѣ», милая княгиня; я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о его сынѣ. Я написалъ нѣсколько новыхъ сценъ, дѣлаю и передѣлываю прежнія, — все чтобъ приблизиться больше къ моему первоначальному плану, отъ котораго я чувствую, что всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивовъ въ этой драмѣ. Я не стараюсь ее упростить, и это не такъ легко, какъ кажется; я не боюсь, чтобы мнѣ недостало красокъ, но линія дастъ мнѣ много хлопотъ. Вы, можетъ-быть, помните, что если я себѣ представляю Іоанна какъ гору, которая подавляетъ страну, то сынъ его Ѳедоръ представляется мнѣ какъ какой-то оврагъ, въ который все проваливается. Вотъ тема; теперь дѣло въ томъ, чтобъ сдѣлать ее понятной. Дѣятельное и страдательное начала — въ ихъ крайнихъ предѣлахъ. Я забылъ вамъ сказать, что въ сценѣ Бориса съ его женой онъ ее цѣлуетъ, по вашему отличному совѣту. Этотъ поцѣлуй дается два раза въ недѣлю госпожѣ Струйской господиномъ Нильскимъ, который отлично это исполняетъ и вамъ безконечно благодаренъ. Я ошибся: онъ цѣлуетъ не г-жу Струйскую, а г-жу Жулеву; что касается г-жи Струйской, она играетъ царицу, и ея мужъ ее не цѣлуетъ.

Мы получили письмо отъ Бобринскаго, со вложеніемъ маленькаго письма отъ васъ къ графинѣ С., — я полагаю, — въ которомъ вы говорите обо мнѣ съ вашею обычною добротой. Моя жена все больна; она вамъ напишетъ длинное письмо, покамѣстъ же она проситъ прощенія за свое долгое молчаніе. Я думаю, что она можетъ жить только въ Римѣ, но къ несчастью un nume, un fato, di noi piu forte *), противится этому. All'idea di quel metallo, mi manca la voce, mi sento morir **). Vieni a Roma, o, cara, vieni! — говорю я ей, а она мнѣ отвѣчаетъ: Il cor mi li divide. Тогда мы повторяемъ вмѣстѣ: Cari luoghi, io vi ravviso. — Милая княгиня, я печатаю въ эту минуту всѣ мои стихо-

*) Нѣкое божество, нѣкій рокъ, болѣе сильный, чѣмъ мы.

**) При мысли объ этомъ *металлѣ* у меня захватываетъ голосъ, я чувствую, что умираю.

творенія, и какъ только они появятся въ печати, я буду искать случая вамъ ихъ переслать; я говорю — случая, потому что вы знаете, въ какія заблужденія впадаетъ наша почта. Я также намѣреваюсь вамъ поднести новое изданіе «Іоанна», съ проектомъ постановки. Скажите, пожалуйста, нашему милому и доброму Листу, съ какой дружбой, съ какимъ уваженіемъ мы думаемъ о немъ. Скажите ему, что я его цѣлую отъ всего сердца, и что я его часто вижу во снѣ.

Прощайте и *до свиданія*, милая княгиня, да хранитъ васъ Богъ; сохраните добрую память вашему дружески-преданному — А. Т.

2.

9-го мая 1869.

Дорогая и прекрасная княгиня, вы имѣете полное право считать меня за невѣжу или хуже этого,—за неблагодарнаго: я теперь лишь отвѣчаю на ваше декабрьское письмо,— а въ сущности, я только славянинъ. Вы составляете исключеніе въ этомъ племени, но вы его понимаете, также какъ и все остальное понимаете. Я не извиняюсь, мнѣ было бы это невозможно, я констатирую фактъ: я — славянинъ, и вотъ какъ я оказался онымъ по отношенію къ вамъ: ваше письмо дошло до меня въ ту минуту, когда я садился въ карету съ женой, чтобы ѣхать въ Одессу; ну хорошо, я себѣ сказалъ, изъ Одессы напишу княгинѣ! Когда я пріѣхалъ туда на короткое время, тысяча вещей захватили меня, и я себѣ сказалъ: напишу вернувшись. Между тѣмъ наше пребываніе въ Одессѣ продлилось, а по пріѣздѣ сюда, другія тысяча вещей стали меня дергать во всѣ стороны, такъ что вотъ я и оказался почти-что грубымъ по отношенію къ той, къ которой я чувствую столько же благодарности, сколько уваженія и преклоненія. Это не фразы, дорогая княгиня, я передъ вами очень искренно преклоняюсь за многое, а въ эту минуту, главное, за чрезвычайную тонкость и чрезвычайную проницательность вашего ума, который вполнѣ философическій, христіанскій и глубоко эстетическій . . . . . .

. . . . . .

Какъ вы сумѣли—вы, которая имѣете такъ рѣдко случай читать или слушать русскій языкъ—понять столь хорошо, столь тонко и въ такихъ подробностяхъ всѣ намѣренія моей трагедіи... Принимая въ соображеніе все, что вы, вашей добротой, можетъ-быть, прибавили къ моимъ

качествамъ, я все-таки нахожу *большую* награду для автора, когда его такъ понимаютъ и догадываются во всемъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, во всемъ до малѣйшихъ оттѣнковъ! Языкъ этой драмы—архаическій, вы не могли понять всѣхъ выраженій; есть и русскіе, которые ихъ не поймутъ. Какое у васъ должно быть *чутье*, какимъ чувствомъ художества вы должны обладать, чтобы такъ умѣть прочесть между строками самыя сокровенныя складки моей души? Вы—самый большой критикъ нашего времени; не оттого, что вы меня хвалите (далеко отъ меня это фатовство), но оттого, что вашъ анализъ не уступаетъ вашему синтезу; и вы, какъ сибилла, которая едва увидитъ человѣка, и уже можетъ ему разсказать его прошедшее и можетъ повергнуть его въ смущеніе—тѣмъ свѣтомъ, которымъ она озаритъ все его существо.

Какъ я счастливъ, что вы придаете *архитектурѣ* драмы такую же цѣну, какъ и я! Да, княгиня, я преклоняюсь передъ колоритомъ, я его ищу, я его уважаю, но колоритъ *безъ линіи* не можетъ быть допущенъ: *линія*—главное дѣло во всѣхъ искусствахъ.

Вотъ отчего я всегда готовъ уничтожить сцены, даже когда онѣ удачны, если онѣ мѣшаютъ общей архитектурѣ.

Какъ бы ни былъ увлекателенъ и удаченъ эпизодъ, я его уничтожаю, безъ всякаго милосердія, когда я нахожу, что онъ безполезенъ. Если у меня есть достоинство, то это то, что я могу уничтожить цѣлыя дѣйствія, очень одобренныя при чтеніи, — уничтожить ихъ, несмотря на мнѣнія друзей, если въ душѣ и по совѣсти я чувствую, что они разстраиваютъ то единство, къ которому я шелъ. И какъ я счастливъ, что вы выражаете ту же вѣру! Въ драматическомъ искусствѣ, болѣе чѣмъ въ другомъ, главная цѣль, къ которой надо стремиться—не говорить ничего лишняго, но и не пропускать ничего необходимаго. Я не знаю, достигъ ли я этого, но я знаю, что я ничего не жалѣлъ для этой цѣли, и если всякая изъ моихъ трагедій содержитъ отъ 2.500 до 3.000 стиховъ, то, конечно, я уничтожилъ вдвое противъ этого въ каждой изъ нихъ.

Мнѣ кажется, что главная заслуга художника, въ какомъ бы то ни было искусствѣ, состоитъ не въ томъ, чтобы создавать, а въ томъ, чтобы зачеркивать. Когда человѣкъ не лишенъ хоть какого-нибудь таланта,—невозможно, если онъ будетъ *много* работать, чтобы онъ не сдѣлалъ хоть что-нибудь хорошее.

И вотъ тутъ-то нужно умѣть понимать, что̀ сдѣлалъ хорошаго, и быть неумолимымъ для остального, уничтожать, зачеркивать все, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаешь что-нибудь подходящее къ тому, что̀ по душѣ и совѣсти считаешь хорошимъ.

Только этимъ способомъ можно дойти до созданія чего-нибудь цѣльнаго, — не совершеннаго, можетъ-быть, но соотвѣтствующаго тѣмъ силамъ, которыми обладаешь. Мнѣ кажется, что вообще причина упадка нашей современной литературы, — я говорю о литературѣ всѣхъ странъ,—это слишкомъ большая слабость, слишкомъ большое снисхожденіе, которое питаютъ къ самимъ себѣ.

Благодарю васъ, что вы признали во мнѣ отсутствіе этого снисхожденія!

Fiat justitia, pereat mundus!—вотъ мой девизъ въ мірѣ искусства.

При всемъ томъ, «Ѳедоръ» не появится на сценѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ его *опаснымъ*.

Вы скажете, что это черезчуръ боязливо. Я съ вами согласенъ; но что бы ни было, я продолжаю писать моего «Бориса», какъ будто онъ долженъ быть на сценѣ. Я написалъ еще только два акта, но моя жена ихъ одобряетъ, и я желалъ бы быть увѣренъ и въ вашемъ одобреніи.

Кромѣ этого, я написалъ еще четыре большія баллады изъ норманско-русской эпохи; я перевелъ двѣ баллады Гёте: «Коринѳская невѣста» и «Богъ и Баядера». Первую многіе изъ нашихъ поэтовъ начинали переводить, но никто не окончилъ. Говорятъ, что мой переводъ удаченъ. Потомъ я еще написалъ нѣсколько маленькихъ стихотвореній. Къ несчастію, я славянинъ, и пишу, какъ пьяницы пьютъ *запоемъ*,—можетъ быть, вы знаете, что̀ это значитъ. Я хочу сказать, я пишу только временами, но уже тогда всей душой. Такъ какъ вы очень добры ко мнѣ и такъ артистичны, то, можетъ-быть, я найду силъ, чтобы побороть мою лѣнь, и перепишу эти баллады, чтобы вамъ послать. Я не боюсь, что вы ихъ не поймете, — *вы, которая все понимаете*. То, что̀ *архаично* въ выраженіяхъ, вы поймете вашею столь большою способностью *интуиціи;* я не могу достаточно вамъ повторять, насколько я пораженъ вашею способностью все понимать. Всѣ журналы напали на меня съ кулаками за «Царя Ѳедора». Они увѣряютъ, что такое слабое существо, какъ онъ, годится только для водевиля, и т. д... Но я вполнѣ награжденъ *вашимъ* сужденіемъ.

...Благодарю васъ тоже за ваше милое объясненіе нашего *непріѣзда* въ Римъ. Къ несчастію, я долженъ отвергнуть это объясненіе. Я не останусь въ Россіи—для того, чтобы поближе видѣть Россію. Страшно сказать, но не только *любишь* больше свою страну издали, но *и видишь ее* лучше, и лучше *понимаешь*.

Вспомните, что нашъ наибольшій геній, Гоголь, тотъ, который съ полною справедливостью можетъ называться *всемірнымъ геніемъ*, написалъ свои «Мертвыя Души» именно въ Римѣ.

Римъ никому не чуждъ, всякій находитъ въ немъ свою родину, съ какого бы края свѣта онъ ни пришелъ... Вамъ, которая все понимаетъ, я могу сказать, что я не беру здѣсь Римъ въ смыслѣ религіозномъ, но въ смыслѣ универсальномъ, что̀, можетъ-быть, то же самое, но понято иначе, чѣмъ понимаетъ его католическій догматизмъ. Римъ — *роковое* мѣсто; я бы желалъ умереть въ Римѣ, не переставая при этомъ считать себя русскимъ; въ сущности я не знаю, обвините ли вы меня въ чувствѣ, которое я имѣю, а именно: я не принадлежу ни къ какой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежу всѣмъ странамъ за-разъ. Моя плоть—русская, славянская, но душа моя—только человѣческая.

Кто-то сказалъ, что любовь къ родинѣ есть «благородная болѣзнь», и я очень склоняюсь въ пользу этого мнѣнія. Можно сказать про Римъ, что онъ—синтезисъ всѣхъ странъ, такъ какъ всякій себя считаетъ въ немъ дома. И это вовсе не оттого, что мы хотимъ *остаться у себя*, а потому не ѣдемъ въ Римъ; но просто оттого, что кризисъ финансовый подѣйствовалъ на всѣ русскія состоянія, а главнымъ образомъ онъ чувствуется въ Малороссіи. Но если «что-нибудь подвернется» (if something will turn up), — какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Диккенса, — конечно, мы пріѣдемъ въ Римъ, какъ *домой къ себѣ*, предполагая, что вы и нашъ милый аббатъ Листъ будете тамъ, также какъ и нашъ добрый Грегоровіусъ, который, мнѣ кажется, васъ избѣгаетъ, потому что не понимаетъ васъ.

Вы видѣли madame Arnemann. Это одна изъ женщинъ, которыхъ я больше всего уважаю. Она у васъ была, — у васъ, римско-католички, а она — протестантка въ полномъ смыслѣ слова; это доказываетъ, что вы обѣ прежде всего христіанки, и ея чувство уваженія къ вамъ, о которомъ она мнѣ часто говорила, дѣлаетъ честь вамъ обѣимъ и радуетъ мое сердце.

Какая прекрасная женщина и какая христіанка m-me Arnemann! Она и ея покойный мужъ, и ея сынъ, перенесли много притѣсненій въ Тиролѣ, которыя вы, *какъ христіанка,* не можете одобрить.

Хотите, я вамъ исповѣдуюсь? Я очень желаю, чтобы папа не пересталъ быть главой Рима. Я питаю къ Пію IX чувство искренняго уваженія, какъ къ человѣку твердо убѣжденному, но я думаю, что не бываетъ твердаго убѣжденія безъ нѣкоторой доли *односторонности.* Я не хочу, чтобы Римъ сдѣлался столицей Италіи: Римъ долженъ быть столицей міра, такъ или иначе. Я не хочу, чтобы вы думали, что я римско-католикъ, — совсѣмъ нѣтъ, также какъ я не греко-католикъ, то-есть не византіецъ. Но я не хочу, чтобы король Викторъ-Эммануилъ сдѣлалъ изъ Рима фальшивый Парижъ, съ бульварами, съ тротуарами изъ асфальта, и чтобы онъ разрушалъ стѣны Рима, какъ онъ позволилъ это сдѣлать во Флоренціи.

Моя жена очень благодаритъ васъ за вашу милую память. Она еще болѣе принадлежитъ къ славянамъ, чѣмъ я. Нѣсколько разъ она бралась за перо, чтобы вамъ писать, и роняла его... Ея племянница, г-жа X., очень тронута вашей любезностью къ ней и поручила мнѣ васъ благодарить за ваши милыя поздравленія. Она у насъ въ эту минуту, и ея мужъ въ скоромъ времени вернется тоже къ намъ изъ Петербурга.

Нашъ край—не Римъ, но очень красивъ.

Вообразите себѣ лѣса, перерѣзанные полями на безконечномъ пространствѣ. Мы цѣлыми днями можемъ ѣздить верхомъ, не выѣзжая изъ лѣсовъ. И весь край переполненъ соловьями, кукушками и маленькими лягушками, которыя поютъ почти-что какъ птицы. У насъ еще нѣтъ разбойниковъ, но заведутся. Хотя они, вѣроятно, ограничатся тѣмъ, что будутъ насъ грабить, но не увозить въ горы, такъ какъ горъ у насъ нѣтъ. Менѣе живописно—но болѣе безопасно. Я вамъ признаюсь, что я никогда не имѣлъ ничего противъ нападенія разбойниковъ, но интересъ мой ослабѣваетъ въ виду перспективы отрѣзыванія ушей и носовъ. Оно анти-эстетично, и вотъ отчего я не хотѣлъ бы, чтобы на насъ нападали разбойники въ окрестностяхъ Рима.

Милая княгиня, я замѣчаю, что я очень болтливъ.

Это тоже признакъ славянства. Оно входитъ въ систему пьяницъ, которые пьютъ одну воду въ теченіе цѣлыхъ

мѣсяцевъ, чтобы потомъ сразу предаться алкоголю... Я поддался національной слабости, разговаривая съ вами. Простите меня. Я сказалъ—и утверждаю, что вы христіанка прежде всего. Въ виду этого качества, докажите ваше милосердіе по отношенію тѣхъ, которые виноваты передъ вами. Напишите мнѣ...

Да сохранитъ васъ Господь, дорогая княгиня!

Скажите нашему милому, нашему многолюбимому аббату Листу, что мы продолжаемъ его любить, какъ мы всегда его любили...

3.

Кіевъ.—17 (29) октября 1869.

Я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ и уѣзжаю раннимъ утромъ съ пароходомъ въ Кременчугъ, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Одессу, а оттуда въ Крымъ, въ Ливадію, чтобы читать Императрицѣ моего «Царя Бориса», котораго я только-что окончилъ, кромѣ двухъ сценъ, — я долженъ передѣлать ихъ. Надо ли вамъ говорить, что ваша мысль была всегда со мной, пока я работалъ, и что, очутившись въ Кіевѣ, я нашелъ вполнѣ натуральнымъ вамъ написать, потому что я знаю, какъ вы любите этотъ городъ? Мнѣ нельзя будетъ послать мое письмо отсюда, — ужъ больше полуночи; я вамъ пошлю его изъ Одессы. Вы будете довольны моимъ «Борисомъ», *я увѣренъ*, потому что я въ него вложилъ ту же добросовѣстность, какъ и въ мои первыя двѣ трагедіи, а сверхъ того у меня теперь — опытность. Вы будете довольны развитіемъ характера Бориса, но одобрите ли вы или будете порицать то, что лже-Дмитрій у меня не появляется? Бой, въ которомъ погибаетъ мой герой, это — бой съ призракомъ его преступленія, воплощеннымъ въ таинственное существо, которое ему грозитъ издалека и разрушаетъ все зданіе его жизни. Я думаю, что я достигъ этимъ большаго единства, и вся моя драма, которая начинается вѣнчаніемъ Бориса на царство, не что иное, какъ гигантское паденіе, оканчивающееся смертью Бориса, происшедшей не отъ отравы, а отъ упадка силъ виновнаго, который понимаетъ, что его преступленіе было *ошибкой*. Я вамъ писалъ и теперь вамъ повторяю, что если я обреченъ на то, чтобъ никогда не имѣть ни одного слушателя и ни одного зрителя, или если-бъ я сдѣлался посмѣшищемъ публики, какъ я теперь служу посмѣшищемъ критики, — я все-таки продолжалъ бы писать для двухъ

людей, для васъ и для моей жены, — потому что ни отъ той ни отъ другой не ускользаетъ ни одно изъ моихъ намѣреній; я больше преклоняюсь передъ вами, чѣмъ передъ ней, потому что я не съ вами, чтобъ вамъ говорить, чего я хотѣлъ, когда писалъ, и все-таки вы отгадываете вашимъ чутьемъ, которому я не знаю равнаго.

Я думалъ ѣхать въ Вѣну этимъ лѣтомъ, чтобъ повидать княгиню Гоэнлоэ, но такъ какъ она была въ Ишлѣ, то я ей послалъ нѣмецкій переводъ «Смерти Іоанна», основываясь на вашемъ разрѣшеніи. Она мнѣ отвѣчала прелестнымъ письмомъ, и въ почеркѣ дочери, мнѣ казалось, я узнаю почеркъ матери. «Царь Ѳедоръ» великолѣпно переведенъ на нѣмецкій языкъ г-жой Павловой, и вы первая получите переводъ, какъ только онъ будетъ напечатанъ. Его читали въ Вартбургѣ, и великій герцогъ намѣревается поставить его въ Веймарѣ. Засимъ, милая княгиня, да хранитъ васъ Богъ,—до Одессы.

4.

Венеція.—25 марта 1872.

Какъ васъ благодарить за вашъ знакъ памяти, который дошелъ до меня черезъ г-жу М. и который я такъ мало заслужилъ моимъ долгимъ молчаніемъ! Что же касается вашего письма насчетъ «Бориса», я вамъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ, какъ только получилъ ваше, и я въ отчаяніи (хотя не удивленъ), что вы его не получили.

Это случается слишкомъ часто. Что̀ меня особенно огорчаетъ, это то, что вы говорите: «можетъ-быть, я недостаточно поняла?»... Если бы вы получили мое письмо, вы бы увидѣли, насколько я *былъ счастливъ*, что вы меня такъ хорошо поняли. Только вы, какъ всегда,—вы прежде всего замѣтили все, что̀ есть хорошаго въ «Борисѣ», и немного закрыли глаза на его недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій—*отсутствіе единства*. Вы хорошо сказали, что эта драма—пьедесталъ, воздвигнутый мною для «Бориса», но вы не захотѣли замѣтить, что подробности этого пьедестала затмеваютъ статую, и что отъ этого главное лицо, т.-е. Борисъ, остается почти бездѣятеленъ.

Его историческая бездѣятельность не есть извиненіе для поэта, и если есть смягчающія обстоятельства для него, это лишь въ томъ, что его драма, въ сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогіи, и имѣетъ лишь это одно достоинство, если таковое у нея есть.

Я не хочу унижаться паче гордости и сознаю, что есть хорошія сцены въ «Борисѣ», и что эти сцены могутъ быть эффектны въ театрѣ; но онѣ безпорядочны и держатся между собой только тѣмъ, что всѣ относятся нѣкоторымъ образомъ къ главному лицу. Г-жа Павлова отнеслась болѣе строго къ «Борису», чѣмъ вы, и не хотѣла его переводить. Но зато я очень былъ удивленъ и пріятно пораженъ, получивъ здѣсь нѣсколько отрывковъ перевода князя Эмиля Витгенштейна, который уже дошелъ въ своемъ переводѣ до 4-го акта. Его переводъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ошибокъ въ отношеніи техническихъ выраженій, и красивъ и поэтиченъ.

...Я думаю, что до моего возвращенія въ Россію онъ его окончитъ и издастъ, и тогда я вамъ пошлю одинъ или два экземпляра для васъ, и главное—для Листа, котораго я не сумѣю достаточно благодарить за его память; эта память мнѣ дѣлаетъ честь и всякій разъ меня трогаетъ съ одинаковой силой, т.-е. всякое дружеское заявленіе съ его стороны мнѣ такъ же дорого, какъ первое.

Вообще, очень трудно исчерпать мою благодарность—и меня не надо судить по моимъ припадкамъ молчанія.

Что я вамъ скажу о моихъ занятіяхъ? Я написалъ много маленькихъ стихотвореній, балладъ и другихъ; нѣсколько изъ нихъ уже переведены по-нѣмецки; но моя главная работа (Hauptwerk), которую я началъ и которая прервана головными болями и отсутствіемъ нравственнаго спокойствія, это—новгородская драма XIII-го столѣтія; она будетъ называться: «Посадникъ»... Одно дѣйствіе окончено, другія же только набросаны, и я жду «счастливой минуты», чтобы засѣсть за работу.

Такъ какъ сюжетъ не историческій, а взятъ лишь изъ нравовъ того времени и того города, то у меня шире поле, и я могъ сдѣлать «ein regelrechtes Stück» съ «Steigerung», «Höhenpunkt» и т. п... Эта работа меня привлекаетъ; лишь бы наступилъ благопріятный часъ, я надѣюсь ее скоро докончить.

Но вы напечатали сочиненіе о буддійской религіи и о браминахъ, которыми вы были заняты при послѣднемъ нашемъ пребываніи въ Римѣ. Надѣюсь, что вы меня удостоите прочесть его и что вы мнѣ его вышлете... Если ваша доброта ко мнѣ внушитъ вамъ желаніе написать мнѣ нѣсколько словъ, то благоволите адресовать ихъ въ Миланъ—до востребованія. Прежде чѣмъ закончить мое письмо,

я вамъ скажу, что я очень счастливъ, и могу вамъ сказать, что я *вагнеризируюсь* все болѣе и болѣе (конечно, музыкально), и что мой мозгъ, или мои уши, или мое сердце, отверзлись для многихъ красотъ, которыя до сихъ поръ не были мнѣ доступны; такъ что теперь итальянская музыка мнѣ кажется немного безцвѣтна, немного холодна; но зато я способенъ слушать «Лоэнгрина» или «Тангейзера» два раза сряду, въ одинъ присѣстъ, даже если бы было возможно, то послѣ послѣдняго удара смычка готовъ начать снова слушать оперу. Я исключаю «Ночную сцену» Лоэнгрина до фразы: Es giebt ein Glück das ohne Reu, etc...

Эту сцену я еще не переварилъ. Въ Берлинѣ моя жена познакомилась съ m-me Schleinitz; онѣ почувствовали себя очень близкими другъ къ другу—и однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

Да хранитъ васъ Богъ, а вы простите мнѣ и мое молчаніе и мою болтовню.

5.

Красный-Рогъ.—26 мая (8 іюня) 1873.

Сейчасъ получилъ ваше доброе письмо отъ 26-го мая (н. ст.)...

Какъ я счастливъ, что моя баллада нравится Листу. Проѣзжая черезъ Дрезденъ, я ее отдалъ m-me Павловой, и она въ два дня уже перевела семь строфъ—великолѣпно. Какъ только переводъ будетъ готовъ, она пошлетъ одинъ экземпляръ Листу, одинъ мнѣ, и я сейчасъ же перешлю вамъ копію.

Вы спрашиваете извѣстія *о насъ*. Увы, они не важны. Моя жена опять не можетъ читать, а я отъ Рима до Краснаго-Рога страшно мучился головными болями. Хотя по переѣздѣ черезъ Альпы онѣ не посѣщали меня всякій день—приходили и уходили; но отъ Варшавы до Краснаго-Рога у меня болѣла голова, не переставая, 44 часа, что̀ почти меня свело съ ума. Теперь все это перешло въ невралгію, т.-е. не голова болитъ, а глаза, зубы, плечо, спина неистово болятъ. Но для меня это лучше, и я съ этимъ помирился бы, если бы это не отнимало у меня всякую возможность заниматься.

Вы видите, что еще и рѣчи нѣтъ о «Посадникѣ».

Я думаю, что я начну съ того, что буду оканчивать маленькую поэму риѳмованными октавами; я написалъ ее этой зимой во Флоренціи, и она не требуетъ столь серьез-

ной работы, какъ драма. Сюжетъ немного идиллическій. Это что-то въ родѣ какой-то «Dichtung und Wahrheit», воспоминаніе дѣтства, на половину правдивое, любовь мальчика къ картинѣ. Da braucht man sich nicht anzustrengen.

Наша племянница Хитрово здѣсь со своими двумя дѣтьми, и завтра пріѣзжаетъ ея мужъ. Она мнѣ поручаетъ напомнить вамъ о себѣ; моя жена шлетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и благодаритъ васъ за ваши, а я цѣлую вамъ руку и жму ее изо всѣхъ силъ... она не рискуетъ быть раздавленной въ эту минуту!

6.

Флоренція.—7 апрѣля 1874.

Ваше доброе письмо меня не удивило, такъ какъ ничто хорошее не можетъ меня удивить съ вашей стороны, но оно меня тронуло и переполнило благодарностью...

Конечно, я вамъ пошлю другой экземпляръ «Серебрянаго»; я очень счастливъ, что вы этого желаете, но на какой языкъ хочетъ Каннистъ, чтобы его перевели? Прошлою зимою появился въ «Perseveranza» великолѣпный переводъ этого романа, сдѣланный Patuzzi, профессоромъ въ Веронѣ, съ содѣйствіемъ г. Задлера. По отношенію вѣрности это совершенный chef-d'oeuvre; жена и я, мы были очень удивлены, съ какою легкостью переданы всѣ архаизмы и идіотизмы русскаго языка.

Я, кажется, вамъ уже писалъ, что я началъ драму новгородскую изъ нашей хорошей русской эпохи XIII ст. Я написалъ три дѣйствія; но, несмотря на весь интересъ, который я чувствую, вотъ уже цѣлый годъ, какъ я до него не дотрогивался—«die Stimmung fehlt mir». Но зато я написалъ нѣсколько балладъ и другихъ стихотвореній во Флоренціи. Черезъ два дня я буду въ Римѣ—увы!—на одинъ день проѣздомъ въ Сорренто, куда Императрица имѣла доброту меня пригласить, когда она проѣзжала здѣсь. Я долженъ былъ уже давно выѣхать, но меня задержали доктора и мои головныя боли. Какой бы ни былъ короткій срокъ моего пребыванія въ Римѣ—мнѣ очень хочется вамъ что-нибудь прочесть. Моя жена не ѣдетъ со мной, она возвращается въ Россію черезъ Константинополь, чтобы видѣть нашу племянницу, которую вы знаете.

Будущій годъ, т.-е. эту зиму, мы надѣемся провести въ Римѣ, и тогда я васъ буду просить меня сильно пришпо-

рить, чтобы подвинуть впередъ мою драму, если она до тѣхъ поръ не будетъ кончена.

7.

Флоренція. Віа Ферруччіо, № 5.—17 февраля 1875.

Какая вы добрая—и какой я отвратительный! Я никакихъ извиненій не нахожу, чтобы объяснить свое молчаніе, послѣ полученія вашего прелестнаго письма, переданнаго мнѣ Бутеневымъ въ Парижѣ,—*никакихъ!* Итакъ, я не буду стараться извинять себя, и пусть эпитетъ, которымъ я себя обозвалъ съ искренней убѣжденностью, будетъ мнѣ наказаніемъ. Я получилъ ваше письмо въ день моего отъѣзда, и до сихъ поръ я ношу его при себѣ. Вы меня спрашиваете о моемъ здоровьѣ. Послѣ того, что я васъ видѣлъ, на моемъ пути изъ Сорренто, два года тому назадъ, я не переставалъ до прошлой осени очень страдать отъ моихъ невралгій въ головѣ и въ спинѣ. Я провелъ прошлую зиму въ Ментонѣ около Ниццы. Меня привезъ туда докторъ, такъ какъ я былъ въ деревнѣ, въ Малороссіи, чуть живымъ, и, какъ я узналъ впослѣдствіи, была минута, когда я былъ приговоренъ безнадежно. Вслѣдствіе того мой дядя Перовскій и мой превосходный другъ Алексѣй Бобринскій пріѣхали изъ Петербурга ко мнѣ, думая присутствовать при моемъ послѣднемъ издыханіи. Господь этого не захотѣлъ, и послѣ мучительной зимы въ Ментонѣ я поѣхалъ въ Карлсбадъ и оттуда въ Малороссію, гдѣ простой уѣздный врачъ, вашъ соотечественникъ, г. Корженевскій, принесъ мнѣ огромную пользу, давши мнѣ литіумъ, металлъ новооткрытый, который какъ будто волшебною силою прекратилъ всѣ мои страданія. Въ сентябрѣ я поѣхалъ въ Парижъ въ намѣреніи ждать тамъ мою жену и съ ней отправиться въ Англію, чтобы провести зиму въ Торки. Но д-ръ Боткинъ, сопровождающій Императрицу, во время его проѣзда черезъ Парижъ, мнѣ рѣшительно это запретилъ и предписалъ мнѣ Флоренцію. Но въ теченіе этого времени невралгія вернулась еще сильнѣе и перешла въ странную болѣзнь, названную «зона», которая состоитъ въ томъ, что половина торса точно подвергнута была настоящему обжогу раскаленнымъ желѣзомъ или кипяткомъ. Страданія невообразимыя, постоянныя, и продолжались болѣе мѣсяца, доводя меня иногда до крика.

...Видите, дорогая княгиня, какъ я позволяю себѣ пространно говорить вамъ о самомъ себѣ. Это не въ моихъ

привычкахъ, но я убѣжденъ, что ваше сочувствіе искренно, и я у васъ не прошу прощенья за всѣ подробности.

Что касается моихъ литературныхъ занятій, увы!—они не существовали за эти послѣдніе два года. Я едва могъ написать письмо,—и то какихъ это усилій мнѣ стоило! Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу вамъ разсказать: во время моей большой болѣзни въ деревнѣ, такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, когда вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознаніе.

Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что̀ я написалъ; бумага лежала передо мной, карандашъ тоже, ничего въ обстановкѣ, окружающей меня, не измѣнилось,—а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи. Я началъ искать, переворачивать всѣ мои бумаги, и не находилъ моего стихотворенія. Пришлось признаться, что писалъ *безсознательно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣла какая-то мучительная боль, которая состояла въ томъ, что я непремѣнно хотѣлъ вспомнить что-то, хотѣлъ удержать какую-то, убѣгающую отъ меня, мысль.

Это мучительное состояніе становилось такъ сильно, что я пошелъ будить мою жену; она, съ своей стороны, велѣла разбудить доктора, который велѣлъ мнѣ сейчасъ же положить льду на голову и горчичники къ ногамъ—тогда равновѣсіе установилось. Стихотвореніе, которое я написалъ совершенно *безсознательно* (tout-à-fait sans conscience—nicht unverschämt, sondern unbereut), недурно и напечатано въ январьской книжкѣ этого года «Вѣстника Европы». Оно начинается слѣдующими словами:

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье...

Во всякомъ случаѣ, это—явленіе патологическое, довольно странное. Три раза въ моей жизни я пережилъ это чувство—хотѣть уловить какое-то неуловимое воспоминаніе—но я не желалъ еще разъ пройти черезъ это, такъ какъ это чувство очень тяжелое и даже страшное. Въ томъ, что̀ я написалъ, есть какого-то рода предчувствіе—близкой смерти. Но, какъ видите, это не сбылось, что̀ доказываетъ еще разъ, что нельзя вѣрить предчувствіямъ. Я далеко отъ всякихъ мрачныхъ мыслей, и мнѣ хочется пѣть тра-ла-ла!..

Относительно же моей нравственной «Stimmung» (настроенія), она—совершенно такая же, какъ была у меня

въ 20 лѣтъ, и если только такъ продолжится, то я надѣюсь эту зиму не быть литературнымъ евнухомъ...

...Я очень счастливъ, что могу вамъ послать «Слѣпого» въ переводѣ г-жи Павловой; я сперва было-отослалъ его ей обратно—въ припадкѣ кокетства, такъ какъ я его не нашелъ довольно хорошимъ, т.-е. довольно достойнымъ ея. Съ моей стороны это было «Hochmuth» (высокомѣріе), такъ какъ переводъ недуренъ, и иныя строфы, первыя, переведены великолѣпно; но я такъ привыкъ видѣть одни chef-d'oeuvre изъ-подъ ея пера, что я къ ней придрался... и просилъ болѣе точнаго перевода, котораго она не сдѣлала, и теперь я буду у нея съ повинной головой просить обратно переводъ, какъ онъ есть, и вамъ его доставлю, какъ только получу. Я не нахожу словъ, чтобы благодарить Листа за его желаніе употребить свой геній для изложенія пѣсни моего сердца, и честь, которую онъ хочетъ мнѣ сдѣлать, наполняетъ меня гордостью и радостью; я тоже не могу выразить ему, насколько я тронутъ и благодаренъ за его дружбу. Я его часто вижу во снѣ, и чувство, которое я тогда испытываю,—чувство *безграничнаго* преклоненія, которое меня возвышаетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Скажите ему, что я его люблю—вотъ все, что̀ я могу выразить словами. Вы меня спрашиваете, что̀ дѣлаетъ новгородскій мэръ? Онъ на бумагѣ не подвинулся ни на шагъ, изъ-за причинъ, которыя я вамъ уже говорилъ, но онъ крѣпко сидитъ у меня въ головѣ съ измѣненіями, которыми я обязанъ вашему поэтическому и артистическому чувству, т.-е. я рѣшительно заставлю его умереть въ послѣдней сценѣ. Что касается *до любви къ портрету*, это окончено и напечатано въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Вѣстника Европы», и оно имѣетъ большой успѣхъ между литераторами—не-газетчиками. Эти же послѣдніе, какъ всегда, забрызгали его пѣной. Это своего рода знакъ уваженія, который я принимаю съ нѣкоторою гордостью. Не имѣвъ возможности самому писать, я воспользовался въ Карлсбадѣ присутствіемъ одной моей кузины, кн. Львовой, чтобы ей продиктовать мой послѣдній сборникъ стихотвореній. Я хотѣлъ его напечатать въ Берлинѣ, но, вѣрный моему славянскому характеру, откладываю дѣло со дня на день, и рукопись находится еще при мнѣ.

Можетъ-быть, это къ лучшему, такъ какъ, если я буду продолжать въ такомъ же смыслѣ, я не просижу во Фло-

ренціи сложа руки. Моя бѣдная жена очень страдаетъ глазами. Она прежде проводила дни и ночи за чтеніемъ, и потому чувствуетъ себя потерянной съ тѣхъ поръ, какъ не можетъ читать даже полчаса сряду. Она вамъ шлетъ свои дружескіе привѣты, самыя горячія выраженія дружбы и надѣется васъ видѣть весной, такъ какъ она намѣрена ѣхать въ Римъ, чтобы искать квартиру для будущей зимы. Если мы найдемъ квартиру, я буду очень счастливъ и разсчитываю на васъ, что вы меня наэлектризуете. Прощайте—до свиданія, дорогая, добрая княгиня. Моя жена присоединяется ко мнѣ, чтобы сказать Листу—все, что̀ мы къ нему чувствуемъ и что̀ могло бы быть выражено музыкой, и то только музыкой, исходящей изъ него самого.

8.

Флоренція.—Віа Ферруччіо, 5.—19 мая 1875.

Я не знаю, какъ и чѣмъ я заслужилъ съ вашей стороны то горячее и *живительное* вниманіе, съ которымъ вы относитесь ко мнѣ, какъ къ поэту и человѣку, потому что для васъ и для меня эти два качества нераздѣльны. Мнѣ стыдно, что я васъ заставилъ ждать того, что̀ я считаю вашимъ даромъ ко мнѣ и что̀ заставляло бы меня писать, даже если-бъ никто кромѣ васъ этимъ не интересовался. Какъ вы хотите, чтобъ я просилъ Гиллебрандта, котораго я знаю и котораго люблю, чтобъ онъ занялся копіей, когда у этого человѣка серьезныя занятія! Я вамъ все-таки перепишу мою балладу, и такъ какъ вамъ безразлична каллиграфія, то я, не стѣсняясь, буду перечеркивать въ моей рукописи. Но я все-таки передамъ Гиллебрандту вашу записку и скажу ему, что я не имѣлъ храбрости къ нему обратиться.—Мои удушья идутъ дѣйствительно своимъ чередомъ; я думаю, что я покинулъ бы Флоренцію галопомъ, если-бъ не серьезная болѣзнь жены моего двоюроднаго брата...

Вы желаете имѣть мои терцины, но ихъ 580. Мнѣ было бы тяжело ихъ переписывать, а послать рукопись карандашомъ, перечеркнутую и замаранную, было бы безполезно. Я предпочитаю разсказать вамъ сюжетъ. Это «pastiche»,—якобы переводъ съ итальянскаго. Моя жена, у которой есть чутье къ этимъ вещамъ и которая вообще очень строга по отношенію ко мнѣ,—говоритъ, что это удалось.

Оружейникъ изъ Милана разсказываетъ, что онъ служилъ въ арміи гвельфовъ, во время войнъ съ Барбароссой, и послѣ

проигранной битвы, гдѣ былъ убитъ ихъ вождь, ему было поручено этимъ умирающимъ вождемъ доставить вѣсть въ Кіавенну. Онъ отправляется въ горы съ своимъ ученикомъ и сбивается съ пути. Они влѣзаютъ на вершину, чтобы осмотрѣться, и тамъ видятъ спящаго дракона, котораго они вначалѣ принимаютъ за изваяніе. Ученикъ бросаетъ въ него камнемъ; драконъ медленно просыпается, оживляется, спускается въ долину и начинаетъ съ того, что съѣдаетъ ихъ лошадь, которая привязана къ дереву. Затѣмъ онъ достигаетъ поля битвы и проглатываетъ тѣла ихъ убитыхъ товарищей, — все это они видятъ съ вершины скалы. Достигнувъ Кіавенны, они ее находятъ въ рукахъ гибелиновъ; затѣмъ слѣдуетъ взятіе и разрушеніе Милана. Разсказчикъ объясняетъ появленіе дракона *знаменіемъ,* относящимся къ Барбароссѣ, и кончаетъ тѣмъ, что проклинаетъ тѣ города, которые перешли на его сторону. Все достоинство разсказа состоитъ въ *большомъ правдоподобіи невозможнаго факта*, которое моя жена, вполнѣ расходящаяся со мной въ литературномъ направленіи, называетъ *грандіознымъ*. На мой вопросъ, можетъ ли это сойти за переводъ поэмы временъ происшествія, моя жена отвѣтила: *да*. Что касается меня, то мнѣ оно нравится; но гдѣ такой авторъ, которому бы не нравилось произведеніе, только-что оконченное?!

Пока я вамъ еще не послалъ балладу «Blinder Sänger», вотъ вамъ другая, написанная женской дружеской рукой, которая тоже можетъ интересовать Листа и которая, можетъ-быть, подошла бы подъ музыкальное изложеніе. Она тоже одобрена моей женой, которая меня не балуетъ; вслѣдствіе ея замѣчаній, я уничтожилъ болѣе тысячи стиховъ. Вообще, если я имѣю какое-нибудь достоинство — то именно способность уничтожать безъ милосердія.

Я не злоупотребляю впрыскиваніями морфина и продолжаю уменьшать дозы. Но все-таки они не только останавливаютъ боли, но оживляютъ мои умственныя силы, и если-бъ они все это дѣлали даже (но этого нѣтъ!) въ ущербъ моему здравію,—къ чорту здоровье, лишь бы существовало искусство: нѣтъ другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кромѣ искусства! Да хранитъ васъ Богъ.

9.

Флоренція.—28 мая 1875.

Третьяго-дня я рѣшился разрѣзать гордіевъ узелъ и послать вамъ рукопись карандашомъ—г-жи Павловой; я дол-

женъ былъ бы это сдѣлать давно, но тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, я неудачно заупрямился, т.-е. я хотѣлъ вамъ переписать, но этого не вышло. У меня бывало по нѣскольку невыносимыхъ припадковъ удушья ежедневно, и я себѣ сказалъ, что это было бы слишкомъ сильнымъ наказаніемъ, и что вы, пожалуй, увидите неохоту тамъ, гдѣ было только желаніе доставить вамъ что-нибудь разборчивое. Дѣйствительно, рукопись г-жи Павловой не можетъ быть послана Листу въ такомъ видѣ; надѣюсь, что вы найдете въ Римѣ какого-нибудь хорошаго нѣмца, который возьмется сдѣлать болѣе возможную копію. Что касается меня, то я такого не знаю во Флоренціи; самъ же я не былъ къ тому годенъ и не хотѣлъ воспользоваться вашей дружбой, чтобы нагрузить этимъ Гиллебрандта. Итакъ, простите и поймите меня. Нужно было бы быть безъ сердца и безъ ума, чтобъ не быть осчастливленнымъ предложеніемъ Листа и не схватиться за него обѣими руками, а я имѣлъ видъ, какъ будто меня должны просить, но вы, съ вашимъ чутьемъ, вы меня въ этомъ не обвините. Я вполнѣ понимаю, что другая баллада слишкомъ разбита на куски и слишкомъ саккадирована для музыки, и теперь я желаю только одного: это—чтобы переписчикъ хорошо прочелъ то, что̀ написано карандашомъ г-жой Павловой, и переписалъ бы безъ слишкомъ многихъ ошибокъ. Я хорошо помню, что при нашемъ послѣднемъ свиданіи вы имѣли мысль назвать балладу «Sänger's Segen» (Благословеніе пѣвца). Откровенно говоря, я не хотѣлъ бы этого заглавія, потому что оно отняло бы у баллады ея автоматическій характеръ и сдѣлало бы изъ нея, въ нѣкоторомъ родѣ, un pendant или отвѣтъ на стихотвореніе Уланда: «Sänger's Fluch» (Проклятіе пѣвца). Мнѣ кажется, что «Der Blinde» (Слѣпой) или «Der Blinde Sänger» (Слѣпой пѣвецъ) подходитъ лучше и не содержитъ никакой полемической мысли. Милая княгиня, какъ я хотѣлъ бы подолгу съ вами бесѣдовать, но я долженъ отложить это желаніе и мою потребность до другого раза, потому что мнѣ тяжело писать. Чтобъ набросать на бумагѣ эти немногія строки, я садился и вставалъ по многу разъ. . . .

Итакъ, мы уѣзжаемъ въ воскресенье и ѣдемъ, съ остановками, въ Карлсбадъ, избѣгая путешествовать въ жару, которая—мой врагъ.

Мы думаемъ провести будущую зиму—увы!—не въ Римѣ, а въ Парижѣ, гдѣ я предприму курсъ лѣченія массажемъ и пассивной гимнастикой. . . . . .

Пишите мнѣ, пожалуйста, въ Карлсбадъ и, когда баллада будетъ переписана, верните мнѣ оригиналъ. Да хранитъ васъ Богъ, милая княгиня. Сердечно вашъ — *Алексѣй Толстой.*

III.

Изъ писемъ къ Андрею Петровичу Бахметеву.

(1866—1872).

1.

Римъ, 1866 г.

...Помнишь, когда ты вынулъ изъ торбы твоего перваго глухаря? Это—одно изъ моихъ самыхъ лучшихъ воспоминаній въ Красномъ-Рогу, и я теперь еще вижу твою добрую довольную скромную мордочку. Мнѣ очень весело думать, что мы будемъ и въ Пустынькѣ охотиться съ тобой и съ Фоксомъ *); только, я боюсь, тамъ не будетъ такъ весело, какъ въ Красномъ-Рогу, и глухарей, говорятъ, тамъ не было нынѣшній годъ. Только вотъ что въ Пустынькѣ хорошо: тамъ можно будетъ осенью ѣздить на лодкѣ, ночью, съ огнемъ и ловить рыбу острогой.

Ты мнѣ не пишешь, ходите ли вы на вальдшнеповъ? Вѣдь это одна изъ самыхъ хорошихъ охотъ, чуть ли не лучшая послѣ глухарей? Скажи мнѣ, какую охоту ты любишь больше всего?

Не правда ли, Андрейка, что нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ жить въ деревнѣ, да еще въ лѣсу? Давай съ тобой и съ m-r Fox *) уходить, въ свободное время, дня на два или на три въ лѣсъ!

Построимъ себѣ въ Пустынькѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, прочный и удобный шалашъ и давай тамъ иногда угощать Софу **) и другихъ. Помнишь, какъ разъ ты угощалъ ихъ въ палаткѣ на Сотницкомъ? Тогда меня не было съ вами, и я очень жалѣлъ объ этомъ. Мы можемъ такъ устроить шалашъ, чтобы при немъ была и землянка, въ которой мы могли бы зимой поджидать волковъ.

Можно будетъ провести отъ падали проволоку въ землянку къ маленькому колокольчику. У насъ тамъ будутъ свѣчи и чай, а когда волкъ начнетъ ѣсть падаль, колокольчикъ за-

---

*) Англичанинъ-гувернеръ.

**) Графиня Софья Андреевна Толстая.

звенитъ, мы и вылѣземъ изъ шалаша, а до того будемъ пить чай и играть въ шахматы.

Андрейка, какъ мнѣ было пріятно читать въ твоемъ письмѣ названія разныхъ краснорогскихъ цвѣтовъ: медуницы, сона, барашковъ! А желтые болотные цвѣты — это или купавки, или присы; не знаю — про которые ты говоришь: купавки похожи на чашечки и плаваютъ на водѣ, а присы растутъ высоко, между тростниками. Вообрази себѣ, Андрейка, что здѣсь, еще въ апрѣлѣ, на лугахъ цвѣли тацеты *) въ такомъ огромномъ множествѣ, что почти травы не было видно. Это тѣ самые тацеты, которые въ Петербургѣ продаютъ въ горшкахъ, по пятнадцати копѣекъ за штуку.

Я скоро буду писать Бирюковичу, чтобы онъ отправилъ обозъ въ Пустыньку, а ты, смотри, не забудь прислать окно, которое я заказалъ Максиму, и рамку новую на Софинъ образъ; а самый образъ вы можете привезти сами.

Андрейка, здѣсь вездѣ очень много разбойниковъ, и никто не ѣздитъ гулять безъ пистолета. Разбойники, кого могутъ, того хватаютъ и уводятъ въ горы, а потомъ требуютъ выкупа, и если не получатъ, то убиваютъ или рѣжутъ носъ и уши.

Ты, вѣрно, уже знаешь, что бѣдная Софа, съ мѣсяцъ тому назадъ, вывихнула руку изъ плеча вонъ, и теперь еще не совсѣмъ поправилась.

Прощай, милый Андрейка, кланяйся всѣмъ: и тетѣ, и Нинѣ, и m-r Fox, и Бирюковичамъ, и Шинкоренкѣ, и священнику, и Ульянѣ Степановнѣ.

Цѣлую тебя!

2.

Красный-Рогъ, 17 декабря 1869 г.

Милый мой Андрей, посылаю тебѣ письмо къ К...

Я хотѣлъ приготовить тебѣ охоту на двухъ медвѣдей, но они тебя не дождались и ушли.

Дастъ Богъ, будутъ другіе. Христосъ съ тобой.

Обнимаю тебя и жду на праздники. Смотри, одѣнься потеплѣе, особенно ноги; послѣ болѣзни ты долженъ беречься

3.

Красный-Рогъ, 27 декабря 1869 г.

Милый ты мой Андрей, жаль мнѣ очень, что ты не довольно здоровъ, чтобы къ намъ пріѣхать на праздники.

---

*) Римскіе полевые нарциссы.

Я телеграфировалъ А. К., но онъ отвѣчалъ мнѣ, что докторъ рѣшительно не беретъ на себя тебя отпустить.

Что̀ же дѣлать? Снеси эту непріятность съ терпѣніемъ, какъ если бы тебя затерло льдомъ въ Сѣверномъ океанѣ. Я пишу С., чтобы доставилъ тебѣ отъ меня какую-нибудь книгу по твоему выбору, а я на тебя полагаюсь, что ты выберешь какую-нибудь дѣльную и хорошую. Я тебя скоро увижу,—я въ январѣ буду въ Петербургѣ, къ Святой; дастъ Богъ, пострѣляемъ съ тобой глухарей.

Богъ съ тобой, обнимаю тебя, пиши къ намъ почаще.

4.

Карлсбадъ, 17 (29) августа 1870 г.

Мой милый другъ Андрей, Софа мнѣ пишетъ, что ты не получилъ моихъ писемъ въ отвѣтъ на твои.

Это мнѣ очень жаль, но ты ужъ теперь въ Красномъ-Рогу, и ужъ знаешь, что и Софа, и тетя, и Соня, мы всѣ *одного* мнѣнія насчетъ того, что̀ ты мнѣ писалъ: ты не можешь и не долженъ бросать начатой службы.

Твоя честь требуетъ, чтобы ты продолжалъ начатое.

Въ одномъ только случаѣ мы согласились бы взять тебя изъ училища: если тамъ происходитъ что-нибудь, *что мѣшаетъ тебѣ оставаться честнымъ человѣкомъ.*

Но и тутъ, Андрей, намъ надо хорошенько понять другъ друга.

Если твои товарищи невполнѣ совѣстливы, если они даже развратны, т.-е. если они кутятъ, какъ кутятъ многіе молодые люди—это нехорошо, это скверно, но это еще не причина оставлять училище, потому что во всякомъ другомъ училищѣ непремѣнно найдутся развратные и безсовѣстные товарищи, — и вездѣ, *куда бы ты ни поступилъ, ты долженъ зависѣть отъ самого себя, а не отъ другихъ.*

Но если ихъ развратъ такого рода, что онъ прямо задѣваетъ тебя, и что тебѣ приходится не только не принимать въ немъ участія, но защищаться отъ него — тогда нечего думать, тогда мы возьмемъ тебя изъ училища и опредѣлимъ въ другое. Трудно говорить объ этомъ издали. Еслибы я былъ съ тобой, ты бы мнѣ все разсказалъ, и все бы тотчасъ разъяснилось. Но и теперь, Андрей, *ты долженъ* все сказать Софѣ. Что̀ бы такое ни было, скажи ей *все*,—она тебя пойметъ, и чего ты не съумѣешь *договорить*, она *это отгадаетъ*. Но я надѣюсь, что въ училищѣ

нѣтъ ничего подобнаго, и что твое желаніе выйти основано на боязни дѣлать долги. На это я тебѣ отвѣчалъ подробно въ двухъ письмахъ, и Софа и тетя повторятъ тебѣ все то, что̀ я сказалъ!

Ты слабъ, но душа твоя въ высшей степени честна. Я не боюсь за тебя, я вѣрю тебѣ; ты можешь по слабости поступить дурно, но ты не сдѣлаешься равнодушенъ къ добру и уму, къ правдѣ и неправдѣ.

Итакъ, если ты не провинился, не отчаявайся, но употреби всѣ усилія, чтобы не впадать въ ту же тину. Если ты провинился иначе чѣмъ долгами, признайся и въ этомъ Софѣ, и она тебя подыметъ и утѣшитъ тебя, и ободритъ тебя на будущее время.

Ты долженъ знать, что ты слабъ, но не долженъ думать, что нельзя превозмочь своей слабости.

На то есть у человѣка *честь*. Слабость характера — все равно, что трусость.

Я тебя всегда любилъ за твою честность и *деликатность*; я не знаю, какъ это послѣднее слово переводится по-русски, но постараюсь тебѣ растолковать. Если ты, напримѣръ, гуляешь въ чьемъ-нибудь саду, и хозяинъ позволитъ тебѣ сорвать у него цвѣтовъ, и ты сорвешь два-три цвѣтка, то это деликатно; если же ты оборвешь у него всѣ цвѣты, то это неделикатно; а если ты сверхъ того еще напакостишь у него въ саду, то это не только неделикатно, но и безчестно.

До этакой гадости, конечно, доходятъ не вдругъ, а понемногу, но надобно быть очень строгимъ къ себѣ самому, и не позволять себѣ ни малѣйшей неделикатности — иначе, какъ разъ выйдетъ изъ тебя самый гадкій человѣкъ.

А если ты далъ въ чемъ-нибудь слово, то держи свое слово, хотя бы тебя изрѣзали въ куски.

У тебя, Андрейка, есть все, что̀ нужно, чтобы быть честнымъ человѣкомъ; стало-быть, тебѣ былъ бы страшный грѣхъ, еслибъ ты свихнулся. Все зависитъ отъ тебя; но если ты когда-нибудь почувствуешь, что можешь свихнуться, помолись хорошенько Богу, и ты увидишь, какъ ты сдѣлаешься силенъ, и какъ тебѣ сдѣлается легко идти по честной дорогѣ. Вообще, Андрейка, ты теперь уже большой, и все хорошее и дурное, что̀ можетъ въ тебѣ родиться, зависитъ болѣе отъ тебя, чѣмъ отъ другихъ... Я готовъ сдѣлать для тебя все, что̀ отъ меня зависитъ, если оно, по моему убѣжденію, для тебя полезно.

Въ этомъ ты можешь всегда на меня разсчитывать; я скорѣе самъ стѣснюсь, чѣмъ лишу тебя того, что должно вести тебя къ добру. Но когда я увѣренъ, что ты желаешь чего-нибудь для себя вреднаго, я на это не соглашусь ни за что.

И потому я теперь говорю тебѣ рѣшительно: *я не согласенъ взять тебя изъ училища, отложи всякую на это надежду.*

Обнимаю тебя отъ всего сердца и надѣюсь на твою добросовѣстность. Отвѣчай мнѣ сейчасъ. Христосъ съ тобой, мой милый другъ!

5.

Карлсбадъ, 20-го августа (1-го сентября) 1871 г.

Милый мой и любезный Андрей, я сейчасъ получилъ твое письмо отъ 15-го августа, и сейчасъ же написалъ обо всемъ къ А. К., и поручилъ Ивану Константиновичу доставить письмо лично.

Къ К. я писалъ объ тебѣ еще прежде полученія твоего письма. Будь совершенно спокоенъ, думай только объ экзаменѣ и выдержи его *непремѣнно*. Я не могу ѣхать теперь въ Петербургъ. Мнѣ докторъ приказываетъ остаться здѣсь еще одну недѣлю, а потомъ я поѣду къ Софѣ, во-первыхъ, потому, что у нея продолжаютъ очень болѣть глаза, а во-вторыхъ потому, что у меня въ Красномъ-Рогу нужныя дѣла. Я послѣ пріѣду въ Петербургъ. А если ты выдержишь экзаменъ, то, вѣроятно, мы увидимся въ Красномъ-Рогу. Смотри, мой милый Андрей, я на тебя надѣюсь, не торопись на экзаменѣ, не конфузься, пройди до экзамена нѣсколько разъ то, въ чемъ ты нетвердъ, а послѣднюю ночь выспись хорошенько, чтобы быть свѣжимъ и твердымъ, и во всемъ положись на Бога. Если, какъ я увѣренъ, ты выдержишь экзаменъ, не торопись ѣхать въ Красный-Рогъ, а исполни всѣ обязанности, которыя на тебѣ будутъ лежать въ отношеніи къ начальникамъ. Если К. будетъ добръ къ тебѣ, не забудь его поблагодарить, и знай, что ты уже на службѣ и что твой point d'honneur въ томъ, чтобы быть изо всѣхъ товарищей самымъ аккуратнымъ. Христосъ съ тобой, мой другъ, обнимаю тебя отъ всей души. Напиши тотчасъ послѣ экзамена, на всякій случай—мнѣ въ Дрезденъ—Hôtel de l'Europe.

6.

Карлсбадъ, 23-го августа (4-го сентября) 1871 г.

Милый мой другъ Андрей, послѣ твоего экзамена, въ тотъ самый день, когда онъ кончится, пришли мнѣ телеграмму въ Дрезденъ, Hôtel de l'Europe, по-французски,— и скажи въ короткихъ словахъ какъ ты его выдержалъ?

Посылаю тебѣ пять рублей; что̀ останется отъ телеграммы—употреби какъ хочешь.

7.

Венеція, 14-го (26-го) февраля 1872 г.

Милый мой другъ Андрей, очень намъ горестно, что ты занемогъ! Теперь не думай ни о чемъ другомъ, какъ только беречь себя и лечиться, и окрѣпнуть, чтобы при *теплой погодѣ* уѣхать изъ Россіи на югъ, въ Венецію или въ Аѳины, смотря по твоему здоровью. О службѣ своей не безпокойся, все будетъ устроено, и о твоей просрочкѣ,— какъ бы она ни была длинна, — тебѣ въ вину ее не поставятъ.

Я уже написалъ о тебѣ ***. Мы пишемъ К., прося его ѣхать съ тобою или найти тебѣ кого-нибудь, кто бы могъ тебя беречь дорогой, потому что, когда ты оправишься, ты еще будешь слабъ.

Главное, не безпокойся ни о чемъ, а только скорѣй выздоравливай *и береги себя* во всѣхъ отношеніяхъ. Милый мой, у меня сильно болитъ голова, я тебѣ буду послѣ писать.

Письма твоего изъ Витебска мы не получили.

8.

Венеція, 26-го февраля (9-го марта) 1872 г.

Милый ты мой маленькій, хорошій мой!

Какъ мнѣ грустно, что тебѣ не лучше, — и какъ мнѣ тяжело, что я не могу пріѣхать къ тебѣ, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, докторъ не позволилъ бы мнѣ взять тебя съ собой. Съ твоей болѣзнью слишкомъ опасно предпринять путешествіе въ холодъ.

Мы писали сегодня тетѣ, чтобы она перевела тебя въ большой домъ, — разумѣется, когда его хорошенько вытопятъ; я думаю, тебѣ будетъ лучше и больше будетъ воздуха.

Писали мы также, чтобы взяли къ тебѣ, если нужно, Шинкоренку или Дениса.

Не знаю, Андрейка, въ чомъ ты сидишь, т.-е., въ какомъ платьѣ, и есть ли у тебя покойное. Ты знаешь, что у меня есть разныя платья въ Красномъ-Рогу; они всѣ для тебя слишкомъ широки, но тѣмъ будетъ покойнѣе; выбери себѣ, какое будетъ удобнѣе, а еще лучше, чтобы тетя сшила тебѣ мягкій и покойный халатикъ. Что-жъ дѣлать, лучше тебѣ до совершеннаго выздоровленія остаться въ Красномъ-Рогу и дождаться насъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Милый мой, какъ бы мнѣ хотѣлось выдумать что-нибудь, чтобы тебѣ было лучше, но тетя выдумаетъ это лучше меня, и все, что она для тебя устроитъ, я заранѣе утверждаю и благодарю ее за это впередъ.

9.

Венеція, 28-го февраля (11-го марта) 1872 г.

Милый мой Андрей, завтра твое рожденіе, — дай Богъ, чтобы въ это время, когда я пишу, ты чувствовалъ себя легче, и чтобы это было начало твоего совершеннаго выздоровленія. Но тетя пишетъ, что ты ѣздилъ гулять. Это неосторожность, хотя бы ты ѣздилъ и съ тѣмъ намордникомъ, который я велѣлъ Сол—чу тебѣ прислать.

Поцѣлуй тетю и поклонись Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

Полагаю, что Донъ проводитъ большую часть времени съ тобой. А здѣсь есть одна сѣрая собака по имени Diane, напоминающая своимъ характеромъ Бѣлку. Она свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Христосъ съ тобой, мой милый другъ, погладь Дона отъ меня и дай ему косточку отъ Софы, а главное береги себя.

Цѣлую тебя и обнимаю.

10.

Villa d'Este, 15-го (27-го) апрѣля 1872 г.

Другъ мой, милый мой! Еслибы ты зналъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ тобой! Это наша зима тебя такъ ослабила, и когда я подумаю, что здѣсь такъ тепло, мнѣ дѣлается совѣстно и кажется, что я укралъ у тебя хорошую погоду.

Я и сердцемъ, и душою съ тобой!

Дней десять у насъ было холодно и всякій день шелъ дождь, и право мнѣ было какъ-то легче и менѣе совѣстно. Соня теперь или уже съ тобой, или скоро пріѣдетъ,—она

писала, что выѣзжаетъ 15-го, только не знаю, новаго или стараго стиля.

Бѣдный ты! И на «капелкій-зелевъ» *) не удалось тебѣ поѣхать. Развѣ, если будетъ теплѣе и ты окрѣпнешь, докторъ позволитъ тебѣ поѣхать на вальдшнеповъ; они долго тянутъ, до начала іюня.

А я, Андрей, хотя и плохо дышу, хочу взбунтоваться и заболтать ногами, и, вмѣсто Карлсбада, пріѣхать съ Софой къ тебѣ.

Только если ты будешь такой, какъ теперь, намъ нельзя будетъ плясать, какъ угорѣлыя кошки. Поправляйся же скорѣе, сиди и молчи, и собирай силы.

Надѣюсь, что у тебя есть вдоволь молока.

Я всѣхъ коровъ, козъ и быковъ велѣлъ доить для тебя; а если этого мало, пусть доятъ и собакъ.

Помнишь, какъ тебя Н. хотѣлъ купать въ молокѣ?

Что̀ ты думаешь? Можетъ-быть, это въ самомъ дѣлѣ было бы тебѣ полезно. Спроси у доктора.

Тетя пишетъ, что ты иногда сидишь на балконѣ; стало быть, и у васъ иногда бываетъ тепло, я этому радъ. Я увѣренъ, что тебѣ будетъ легче, когда настанутъ настоящіе теплые дни.

Мнѣ кажется, тебѣ было бы хорошо тогда цѣлый день сидѣть въ березовомъ или въ сосновомъ лѣсу, и только на ночь возвращайся домой.

Это навѣрно укрѣпляетъ и къ тому же очень пріятно.

Я увѣренъ, докторъ тебѣ это позволитъ.

Вели себѣ выстроить сосновый шалашъ, постлать коверъ и подушки, да и переселяйся въ лѣсъ.

Вотъ тебѣ портретъ моей гостинницы. Справа, во второмъ этажѣ четвертое окошко. Это — крошечная комнатка съ четырьмя дверями и огромнымъ каминомъ; очень неловко и все-таки хорошо,—точно въ каретѣ живешь.

А вотъ тебѣ orchys **), похожій на пчелу. Я сорвалъ его въ саду. Христосъ съ тобой, мой милый! Поцѣлуй тетю и Нину. До свиданія!

11.

Wiesdaben, 21-го апрѣля (3-го мая) 1872 г.

Милый, добрый, хорошій Андрей! Какъ мнѣ тяжело отложить мой пріѣздъ въ Красный-Рогъ! Я совсѣмъ рѣ-

*) По-шотландски—глухарь.

**) Орхидея.

шился отвязаться отъ Карлсбада и ѣхать съ Софой къ тебѣ, но, какъ нарочно, простудился на дорогѣ изъ Италіи,—вѣроятно, при переѣздѣ черезъ Альпы. Еслибы я теперь поѣхалъ, то навѣрно бы занемогъ серьезно и задержалъ бы Софу на дорогѣ. Я рѣшился остаться дня три здѣсь, а потомъ на нѣсколько дней ѣхать въ Дрезденъ и полечиться тамъ пассивной гимнастикой, и тогда уже пріѣхать къ тебѣ молодцомъ. Я радъ за тебя и за Софу, что вы скоро увидитесь, и радъ, что Соня будетъ съ тобой, бѣдный ты мой! Хотѣлось мнѣ прислать тебѣ одну книгу: «Huit jours sous l'équateur», которую я читалъ въ Villa d'Este, но мы здѣсь никакъ не могли достать ее; можетъ быть, Софа достанетъ на какой-нибудь станціи.

До свиданія, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобы тепло и лѣто тебя укрѣпили, а мнѣ совѣстно смотрѣть на здѣшнюю весну,—такая она теплая и цвѣтистая. Христосъ съ тобой, мой Андрейка, люблю тебя, обнимаю и цѣлую тебя.

IV.

Письма къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

(1852—1862).

1.

Его Высокородію Ивану Сергѣевичу Тургеневу отъ Гр. Толстова.

(Писано по-французски).

24 апрѣля 1852.

Придя повидаться съ вами сегодня утромъ, я узналъ, къ великому моему сожалѣнію, что вамъ воспрещено сноситься съ вашими знакомыми. Я отправился къ генералу Галахову, чтобъ испросить у него особое разрѣшеніе, но онъ не рѣшился на свой страхъ выдать мнѣ таковое. Однако онъ былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ, черезъ его посредство, переслать вамъ нѣсколько книгъ. Не откажите, пожалуйста, возвратить мнѣ тѣ, которыя я одолжилъ вамъ, адресуя ихъ генералу Галахову. Такъ какъ обстоятельства, повидимому, измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись съ вами, я бы посовѣтовалъ вамъ послать генералу Галахову также и то письмо, которое вы хотѣли написать Его Высочеству Великому Князю. Генералъ берется доставить Его Высочеству.

Затѣмъ я отъ всего сердца жму вашу руку съ пожела-

ніемъ вамъ скорѣйшаго оправданія и съ надеждой, что въ непродолжительномъ времени всякія недоразумѣнія будутъ разъяснены.

Искренно преданный вамъ гр. Алексѣй Толстой.

2.

Его Высокородію Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

(Писано по-французски).

25 апрѣля (1852).

Право же, вы преувеличиваете то добро, которое мнѣ приписываете; точно не вполнѣ естественно желать быть полезнымъ человѣку, котораго считаешь жертвой возмутительной интриги. Всѣ, кто васъ знаютъ, выказываютъ вамъ полнѣйшее участіе, а между ними я не первый. Дай Богъ, чтобы Государь и Наслѣдникъ въ этомъ, какъ и во всемъ, узнали всю правду.

До свиданія—надѣюсь, дорогой (господинъ) Тургеневъ. Прошу считать меня искренно вамъ преданнымъ.

Гр. Алексѣй Толстой.

3.

(Писано по-французски).

Москва, 10 октября (1853).

Дражайшій (господинъ) Тургеневъ, я написалъ вамъ отсюда 17-го августа, а изъ Пензенской губерніи—17-го сентября. Я не совсѣмъ увѣренъ, что мои письма дошли до васъ, а потому намѣренъ съ настойчивостью повторить вамъ совѣтъ, который я позволилъ себѣ вамъ преподать, будучи, насколько это человѣчески возможно, увѣренъ въ успѣхѣ. Напишите письмо, по-русски или по-французски—безразлично, къ генералу Дубельту. Скажите ему, что такого-то мѣсяца, такого-то числа, вы написали Его Высочеству Великому Князю, что, не получая никакихъ извѣстій о результатѣ этого шага, вы опасаетесь, что письмо ваше не дошло до Его Высочества, и что, вслѣдствіе этого, вы просите генерала изобразить передъ Его Величествомъ Государемъ ваше тягостное положеніе, необходимость для васъ лѣчиться, а также продолжительность вашего изгнанія. Дабы убѣдить васъ написать это письмо, скажу вамъ, что оно нужно генералу Дубельту для того, чтобы имѣть основаніе для доклада, который онъ готовъ составить въ вашу пользу (за отсутствіемъ графа Орлова).

Вѣрьте мнѣ, что въ поступкѣ этомъ не будетъ ничего фальшиваго, и что онъ не можетъ встрѣтить порицанія ни въ комъ. Серьезно, я ужасно хочу видѣть васъ въ Петербургѣ; посовѣтовать же вамъ что-либо предосудительное я не способенъ, даже въ вашихъ интересахъ, такъ какъ это значило бы плохо ихъ понимать. Если—а я желалъ бы этого отъ всего сердца—вы послѣдуете моему совѣту, постарайтесь хорошенько изложить письмо, потому что оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ въ подлинникѣ представлено Его Величеству. Скажу вамъ болѣе, генералъ Дубельтъ ждетъ этого письма. Вы можете его враждебно къ себѣ расположить, если не напишете ему этого письма. Я выложилъ все до дна, чего я не рѣшался сдѣлать въ другихъ моихъ письмахъ, не будучи увѣренъ въ томъ пути, по которому они пойдутъ.

Я съ сожалѣніемъ покинулъ моихъ добрыхъ смальковскихъ хозяевъ. Надѣюсь зимой снова увидѣть ихъ въ Петербургѣ; но я также надѣюсь и васъ увидѣть—васъ, если вы напишете письмо. Прощайте и до свиданія, дорогой (господинъ) Тургеневъ. Да хранитъ васъ Богъ.

Преданный Вамъ гр. Алексѣй Толстой.

4.

Позвольте васъ побранить сколько есть силъ и сколько можетъ бранить васъ человѣкъ, не имѣющій на то права. Во-первыхъ, вы, Богъ знаетъ зачѣмъ, медлили вашимъ письмомъ, а, во-вторыхъ, написавъ его, не увѣдомили *съ тою же почтою* ни меня, ни к-ню Мещерскую. Я случайно узналъ о вашемъ письмѣ и объ отвѣтѣ, къ вамъ посланномъ. Богъ вамъ судья, Vous n'avez pas battu le fer tant qu'il etait chaud *). Но дѣло сдѣлано, остается его докончить или поправить. *Графъ Орловъ поручилъ мнѣ сказать вамъ*, чтобы вы написали *къ нему, гр. Орлову*, новое письмо, которое онъ могъ бы показать Его Величеству. Письмо ваше къ ген. Дуб. очень хорошо, очень умѣстно и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго; еслибы оно пришло въ свою пору, все бы удалось.

Позвольте, любезный Иванъ Сергѣевичъ, дать вамъ нѣкоторыя мысли для второго письма, которое гр. Орловъ отъ васъ ожидаетъ. Не говорите уже въ немъ ни слова о томъ, что вы писали прежде Е. В. Наслѣднику, не упоминайте

*) Вы не ковали желѣза, пока оно было горячо.

также о послѣднемъ письмѣ къ ген. Д. (Дубельту). Скажите просто, что, имѣвъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Государя, вы уже полтора года (или болѣе) находитесь подъ наказаніемъ, лишающимъ васъ возможности посовѣтоваться съ опытными врачами, что здоровье ваше сильно разстроено, что если Его Величество изволитъ найти, что вы еще не заслужили совершеннаго прощенія, то вы покорнѣйше просите графа Алексѣя Ѳедоровича исходатайствовать вамъ Высочайшее позволеніе побывать въ Москвѣ или Петербургѣ, единственно для совѣта съ врачами. Заключите тѣмъ самымъ, чѣмъ и въ письмѣ къ ген. Д. (Дубельту), т.-е., что вы полагаете себя достойнымъ милости Государя.—Вотъ, любезный Иванъ Сергѣевичъ, канва, которую вы можете пополнить или украсить, но которой, мнѣ кажется, надобно придерживаться. Повторяю вамъ, что гр. Орловъ ожидаетъ этого письма, и *что было бы неловко не написать его.* Поспѣшите, ибо 6-е декабря близко, а этотъ случай благопріятенъ. Извините меня, что выказалъ вамъ мою досаду, мнѣ искренно хочется видѣть васъ свободнымъ, а особенно здоровымъ. Какъ скоро вы напишете письмо, пришлите копію съ онаго к-нѣ Мещерской, дабы, въ случаѣ моего отсутствія, она могла попросить кого слѣдуетъ. Я живу на Михайловской площади, въ домѣ гр. Віельгорскаго, но часто бываю на дачѣ и потому боюсь, чтобы какъ-нибудь не было упущено время. Если же вздумаете написать ко мнѣ, то пишите прямо на мой адресъ.

Извините также, что я такъ измаралъ этотъ листъ. Завтра отходитъ почта, теперь поздно, и я спѣшилъ.

Жму вамъ руку отъ всего сердца и остаюсь искренно желающій Вамъ всего лучшаго

Гр. Ал. Толстой.

10-го ноября 1853 г. С.-Петербургъ.

5.

(Писано по-французски).

С.-Петербургъ. 17-го ноября 1853 года.

Безъ сомнѣнія, дражайшій господинъ Тургеневъ, вы офиціальнымъ путемъ уже узнали, что, по докладу графа Орлова, Его Величество изволилъ даровать вамъ прощеніе и разрѣшить вамъ пріѣхать въ Петербургъ. Отъ глубины сердца поздравляю васъ съ этимъ, а самого себя—съ тѣмъ, что вскорѣ опять васъ увижу. Позвольте мнѣ, дражайшій

господинъ Тургеневъ, преподать вамъ по этому поводу нѣсколько наставленій, которыхъ вамъ надлежитъ строго придерживаться.

1-е. Пользуйтесь разрѣшеніемъ какъ можно скорѣе, и какъ только здоровье ваше позволитъ вамъ пуститься въ дорогу. 2-е. Сократите насколько возможно пребываніе ваше въ Москвѣ и, если только можете, проѣзжайте мимо, не останавливаясь тамъ. 3-е. По пріѣздѣ въ Петербургъ идите прямо ко мнѣ и не видайтесь ни съ кѣмъ раньше, чѣмъ не увидитесь со мной, кромѣ развѣ ex officio. Крайне важно, чтобъ я посвятилъ васъ въ нѣкоторыя обязательства вѣжливости, которыя вамъ слѣдуетъ выполнить по отношенію къ лицамъ, принимавшимъ въ васъ участіе. Такъ какъ, уже въ силу особенности вашего положенія, вы будете болѣе на виду, чѣмъ всякій другой и чѣмъ вы сами были прежде, каждый вашъ шагъ неизбѣжно будетъ отмѣченъ и разобранъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что вы неспособны поступать дурно, но, даже при наличности самыхъ лучшихъ намѣреній, поступки человѣка могутъ быть истолкованы въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Нужно поэтому, чтобъ вы болѣе чѣмъ когда-либо остерегались всего, что̀ могло бы показаться достойнымъ порицанія. Sapienti sat,—говоритъ пословица, не будьте на меня въ претензіи за нѣкоторую рѣзкость моихъ совѣтовъ; я главнымъ образомъ стремлюсь къ тому, чтобы та позиція, которую вы теперь завоевали, осталась за вами, а вы знаете, что возвратное заболѣваніе труднѣе поддается лѣченію, чѣмъ самая болѣзнь.

Такъ какъ цѣль, которой мы добивались, достигнута, то, если вы еще не послали вашего письма графу Орлову, теперь было бы ужъ излишнимъ посылать его ему. Всѣ радуются прощенію, дарованному вамъ Его Величествомъ, а я больше всѣхъ. Его Высочество Наслѣдникъ, столь же добрый, сколь онъ, при случаѣ, умѣетъ быть настойчивымъ, много способствовалъ вашему помилованію, ходатайствуя за васъ. Это—болѣе чѣмъ все остальное—должно понудить васъ соблюдать такой образъ дѣйствія, чтобъ впредь ни въ чемъ нельзя было упрекнуть васъ даже съ внѣшней стороны.

Итакъ, до свиданія и скораго,—надѣюсь, дорогой господинъ Тургеневъ, дѣлайте все, что̀ я вамъ сказалъ, и вы увидите, что̀ вамъ будетъ хорошо. Жму вашу руку какъ можно крѣпче и дружественнѣе.

Преданный вамъ гр. Алексѣй Толстой.

6.

30-го мая 1862 г.

Иванъ Сергѣевичъ!

Стыдно будетъ, если не заѣдете въ Пустыньку. Вѣдь это ровно ничего не значитъ: стòитъ только вамъ взять билетъ до Саблина (вторая станція отъ Петербурга), вы пріѣдете въ 1 часъ пополудни, а на другой день можете выѣхать въ Москву опять-таки въ 1 часъ пополудни, а здѣсь много хорошаго, а именно: рвы, потоки, зелень, комнаты съ привидѣніями, хроники, старая мебель, садовникъ съ необыкновенно крикливымъ голосомъ, древнее оружіе, простокваша, шахматы, Иванъ-чай, Miss Fraser, купальня, ландыши, старыя, очень подержаныя дороги, я, Владиміръ Жемчужниковъ, сильно стучащіе столы, тихое мѣсто, Софья Андреевна, Моцартъ, Gluck, Spinoza, два пѣтуха и три курицы, ростбифъ, Полонскій, распускающаяся сирень, опасный мостъ, прочный мостъ, бродъ, бульонъ, три англійскія чернильницы, хорошія сигары: Cabanas, Upmann, фаянсовый сервизъ, экономка Луиза, желающая выйти замужъ, свѣжія яйца, изданіе древностей Солнцева, Андрейка, комары, кисея, кофей, слабительныя пилюли, природа и пр.

Итакъ мы всѣ васъ будемъ ждать, Софья Андреевна вамъ очень кланяется. Завтра же будетъ ожидать васъ на ст. Саблино бонъ-вояжъ, и начиная съ завтрашняго дня этотъ бонъ-вояжъ будетъ ежедневно ѣздить на ст. Саблино и васъ ожидать. Ужели вы подвергнете этой пыткѣ кучера Кирилу, уже давно отпущеннаго на волю?

Весь вашъ Ал. Толстой.

V.

Письма къ Якову Петровичу Полонскому.

(1863 — 1868).

1.

1863.

Любезный другъ Яковъ Петровичъ. Вы мнѣ сказали при послѣднемъ нашемъ свиданіи въ Пустынькѣ, что я могу васъ вызвать на переписку о «Серебряномъ». Вотъ я васъ и вызываю. Не полѣнитесь написать мнѣ, какъ его принимаетъ публика? Чтò говорятъ въ пользу или противъ него? Были ли какія-нибудь критики и въ чемъ онѣ заключались и въ какомъ именно журналѣ? Для моего отеческаго сердца это очень интересно. Особенно полезно и любопытно для меня

было бы знать осужденія и даже брань, какъ бы она ни была жестока, справедлива или несправедлива.

А я, съ позволенія сказать, пишу теперь большую трагедію въ стихахъ: «Смерть Іоанна Грознаго». Два акта уже написаны и, говорятъ, вышли хороши. «Д. Жуанъ» переведенъ мастерски на нѣмецкій языкъ г-жею Павловой, которая теперь его печатаетъ. Въ нѣмцахъ, которымъ она его читала, онъ находитъ большое сочувствіе. Вообще скажу вамъ, что матеріалистическое направленіе здѣсь весьма слабо. Надъ Бюхнеромъ ученые смѣются. Я познакомился коротко съ Шлейденомъ, который считается между учеными звѣздою первой величины; познакомился съ Максомъ Дункеромъ и съ Ауербахомъ. Я бы желалъ, чтобы наши нигилисты ихъ послушали. Отзывы ихъ о матеріализмѣ немножко бы отрезвили извѣстный вамъ классъ людей. Не понимаю, какъ правительство можетъ смотрѣть съ недовѣріемъ на нашихъ молодыхъ людей, которые отправляются учиться въ Германію. Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ, который считается первымъ учениковъ въ здѣшней Realschule. Я его спросилъ: какъ у васъ смотрятъ на Бюхнера? А онъ отвѣчалъ мнѣ: «Кто такой Бюхнеръ?» А на Молешота? А онъ отвѣчалъ: «Кто такой Молешотъ?» Когда я спросилъ у Ауербаха, почему же у Бюхнера столько изданій? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «извините за неучтивую правду, но его изданія только и идутъ въ Россію и въ Венгрію, въ п-о-л-у-о-б-р-а-з-о-в-а-н-н-ы-я страны, а у насъ мода на этихъ господъ давно прошла, мы для матеріализма слишкомъ с-е-р-і-о-з-н-ы и слишкомъ уважаемъ науку, которая не должна переступать свои границы. Люди, которыхъ я вамъ назвалъ, принадлежатъ къ самой либеральной партіи, особенно Максъ Дункеръ. Однако они всѣ отзываются съ презрѣніемъ о взглядѣ на матеріализмъ извѣстнаго намъ класса людей, а о лондонскомъ тріумвиратѣ Дункеръ выразился: es sind nichts als drei Monstra!

Вотъ, любезный Яковъ Петровичъ, разница между людьми дѣйствительно либеральными и дѣйствительно учеными и тѣми, которыхъ можно бы назвать у насъ: les parvenus de la science ou de libéralisme.

Сердце радуется видѣть, какъ науки и искусство здѣсь уважаются.

Прощайте, любезный и добрый Яковъ Петровичъ, напишите, что̀ вы дѣлаете и пишете? Софья Андреевна и прочіе всѣ вамъ кланяются. Крѣпко жму вашу руку и желаю

вамъ видѣть во снѣ каменную Авдотью. Для этого совѣтую положить съ собою въ постель зрительную трубу. Весь вашъ Алексѣй Толстой.

Адресъ мой на другой страницѣ. Вотъ онъ: Comte Alexis Tolstoy à Dresde, Karolastrasse, 8.

2.

20 декабря 1868 года.

Любезный и дорогой Яковъ Петровичъ. Ваше милое письмо отъ неизвѣстнаго числа, адресованное Черниговской губерніи въ с. Красный Рогъ, дошло до меня третьяго дня— нѣкимъ чудомъ. Спасибо вамъ! Но мы съ вами не послѣдніе могиканы искусства; оно не умретъ, и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы, Корфы и такъ далѣе, кто прямо, кто косвенно. Убить искусство также легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отымаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ. Увѣряю васъ, что эти господа вовсе не страшны для искусства. А вотъ это хорошо, что вы, быть можетъ, пріѣдете къ намъ въ Красный Рогъ. Если бы вы знали, какое это великолѣпіе лѣтомъ и осенью: лѣса кругомъ на 50 верстъ и болѣе, лога и лощины такіе красивые, какихъ я нигдѣ не видалъ, а осенью, особенно эту осень, не выѣзжаешь изъ золота и пурпура. Это было до того торжественно, что слезы навертывались на глаза.

Если будете писать, адресуйте:

Черниговской губерніи въ П-о-ч-е-п-ъ,

а оттуда письмо дойдетъ само собой въ Кр. Рогъ. Жена очень вамъ кланяется. M-me Хитрово (которую вы называете Дурново) уѣхала съ мужемъ въ Одессу и часто намъ пишетъ. Когда захотите пріѣхать, напишите заблаговременно, мы вамъ вышлемъ лошадей въ Брянскъ. Крѣпко обнимаю васъ, еще разъ спасибо за дружескую память! Вашъ Алексѣй Толстой.

3.

Красный Рогъ, 25 февраля 1871 г.

Милый, добрый, хорошій Яковъ Петровичъ! Я былъ очень, очень тронутъ и вашимъ добрымъ письмомъ, и вашею присылкой «Сноповъ», и если не благодарилъ васъ ранѣе, то потому, что сначала самъ былъ порядочно боленъ, а послѣ былъ очень огорченъ болѣзнью жены, которая совершенно

испортила себѣ зрѣніе и будетъ, можетъ быть, принуждена ѣхать въ какой-нибудь городъ, чтобы лѣчиться. Но обратимся къ «Снопамъ». Не могу сказать вамъ, съ какимъ искреннимъ, настоящимъ наслажденіемъ я прочелъ «Признанія Чалыгина», которыхъ никогда прежде не читалъ. Какъ это хорошо! Какъ это просто и художественно! Какъ каждое слово кстати и каждая замѣтка вѣрна, и все дышетъ неподдѣльной правдой, и во всемъ слышится доброта и благородство! Вотъ это послѣднее качество рождаетъ невольный вопросъ: отчего самая простая вещь, сказанная честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, проникается его характеромъ? Должно быть въ писанной рѣчи происходитъ тоже, что въ голосѣ. Если два человѣка, одинъ порядочный, а другой подлецъ, скажутъ вамъ оба: «здравствуйте!» то въ этомъ словѣ послышится разница ихъ характеровъ. Но кромѣ благородства въ этихъ запискахъ есть и психологія и красота. Когда васъ увижу, непремѣнно попрошу васъ сказать мнѣ, что̀ служило имъ источникомъ? Но такъ оставлять ихъ не слѣдуетъ, вы должны продолжать ихъ и кончить. Эпизодъ Юлиньки требуетъ окончанія, эпизодъ Ильина и его весьма рельефной сестры также. И «Ночь въ Лѣтнемъ саду» перечелъ я съ большимъ удовольствіемъ и симпатіей. Теперь читаю «Женитьбу Атуева».

Другія вещи, т. е. стихотворенія, мнѣ нравятся меньше, исключая «Міасма», которыя я оцѣнилъ и при первомъ чтеніи. Въ немъ много художества. «Шиньонъ» не люблю.

Да, это тяжело быть менторомъ сына Израеля, когда можно бы дѣлать что-нибудь лучшее, но за то ему спасибо, что онъ способствовалъ вамъ издать «Снопы». Воображаю себѣ, какъ постоянное взываніе: Яковъ Петровичъ! должно дѣйствовать вамъ на нервы. Теперь скажу о себѣ. Я началъ писать новгородскую драму. Написалъ въ Дрезденѣ три акта сплеча, прозой, пріѣхалъ сюда и завязъ въ дѣлахъ. Потомъ болѣзнь, потомъ болѣзнь жены, такъ и не продолжалъ. Но на дняхъ заглянулъ въ рукопись, и съ горя сталъ перекладывать прозу въ стихи, и о чудо! тотчасъ все очистилось, все безполезное отпало само собой, и мнѣ стало ясно, что *для меня писать стихами легче, чѣмъ прозой*! Тутъ всякая болтовня такъ ярко выступаетъ, что ее хѣришь, да хѣришь!

Прощайте мой милый, хорошій Яковъ Петровичъ, кажется мы съ вами непремѣнно свидимся этотъ мѣсяцъ.

Христосъ съ вами и съ вашими. Вашъ Алексѣй Толстой.

На счетъ либретто мы съ вами поговоримъ при свиданіи.

Не пишу (Павлу Вас.) Шеину, потому что не знаю его адреса. Какъ бы ему выразить мою благодарность? Не увидите ли его? Но, кажется, онъ въ Москвѣ. Какъ бы мнѣ не прослыть невѣжей? Очень бы не хотѣлось!

VI.

Изъ писемъ къ Николаю Михайловичу Жемчужникову. (1858—1870).

1.

Погорѣльцы, 28-го ноября 1858 г.

Любезный другъ, во-первыхъ, постарайся пріѣхать; отъ Москвы всего много-много 500 верстъ, да и того не будетъ. Я зову всѣхъ твоихъ братьевъ (моихъ двоюродныхъ). Чего добраго пріѣдетъ и Владиміръ. Во-вторыхъ, будучи въ Чуфутъ-Кале, я возобновилъ знакомство съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ людей, а именно съ караимскимъ раввиномъ Беймомъ. Онъ написалъ исторію караимовъ и хотѣлъ печатать оную въ Симферополѣ. Исторія эта чрезвычайно любопытна и безпристрастна и служитъ лучшимъ отвѣтомъ на другую исторію, недавно явившуюся и раскритикованную въ «Атенеѣ». Я ему совѣтовалъ послать свой трудъ прямо къ тебѣ и печатать его въ университетской типографіи, для чего и далъ ему твой адресъ. И такъ, когда получишь рукопись, тисни ее безъ пощады. Если бы недоставало у него финансовъ, я радъ буду подвинуть (avancer) сотни двѣ рублей, разумѣется, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

А между тѣмъ все-таки пріѣзжай, если не можешь зимой, то пріѣзжай весной, а еще бы лучше пріѣхать зимой и встрѣтить здѣсь весну. Погорѣльцы—одно изъ самыхъ дикихъ, тѣнистыхъ и оригинальныхъ мѣстъ, съ сосновымъ боромъ, огромнымъ озеромъ, заросшимъ камышами, гдѣ весной милліоны утокъ и всякой болотной дичины, которую стрѣляютъ на лодкахъ. Домъ старый, полуразрушенный, но теплый. Садъ заросшій, съ огромными деревьями всѣхъ сортовъ. Домовъ въ кучкѣ здѣсь четыре, дворъ также покрытъ старыми деревьями въ родѣ лѣса. Здѣсь очень большая и даже хорошая библіотека, но книги большею частью старинныя; есть хорошія и рѣдкія изданія, какъ напримѣръ большое описаніе Египта, составленное по распоряженію Наполеона, и множество очень старинныхъ книгъ о магіи. Изъ флигеля, въ

которомъ онѣ были, мы переносимъ ихъ въ спальню Софьи Андреевны, гдѣ онѣ покроютъ всѣ стѣны. Столько же книгъ, и кромѣ того древнія рукописи есть и въ Красномъ Рогу, отсюда 120 верстъ, но я не рѣшился ихъ выписать, потому не знаю, умѣстятся ли. Охота теперь: козья, медвѣжья, лосиная и кабанья, не считая лисицъ, волковъ, тетеревей, куропатокъ и огромнаго количества рябчиковъ. Я выписалъ польскаго ловчаго, нѣмцевъ заткнетъ за поясъ, хотя и не поетъ: «Es kann doch nicht immer so bleiben hier unter dem scheinenden Mond!» Онъ даже совсѣмъ не поетъ, ниже по-польски. Изъ Погорѣлецъ можно ѣздить всякій день въ новое красивое мѣсто; есть и хутора, есть и Блистова, другое лѣсистое, дикое и сильно симпатическое мѣсто, 40 верстъ отсюда. Скажу тебѣ, Николаюшка, пріѣзжай, жалѣть не будешь. Есть здѣсь отвратительная сосѣдка, которая, кажется, ѣздить больше къ намъ не будетъ, ибо не встрѣтила въ насъ сочувствія своему образу мыслей, который состоитъ въ томъ, что она, со слезами на глазахъ, соболѣзнуетъ о томъ, что разрушается союзъ любви и смиренія и страха между помѣщиками и мужиками черезъ уничтоженіе крѣпостного состоянія. У нея есть кошка, вся избитая ея крѣпостными людьми, за то, говоритъ она, что они знаютъ ея къ ней привязанность. У нея также есть сынъ, отличный, говорящій въ присутствіи матери въ пользу освобожденія; при чемъ онъ сильно кричитъ, а она затыкаетъ уши, говоря: «Ахъ, ахъ, страшно слышать!» Я звалъ его къ намъ почаще, но, кажется, его не пускаетъ мать. Если пріѣдетъ Алексѣй, я ожидаю большаго наслажденія отъ визита, который уговорю его сдѣлать со мною этой сосѣдкѣ.

2.

...Здѣсь есть мебели изъ карельской березы, семеро дѣтей малъ-мала меньше, красивая гувернантка, гувернеръ малаго размѣра, беззаботный отецъ семейства, бранящій всѣхъ и все на подобіе тебя, братъ его съ поваромъ, готовящіе всякій день какія-нибудь новыя кушанья, діаконъ bon viant, краснѣющій попъ, конторщики съ усами разныхъ цвѣтовъ, добрый управитель и злая управительница, скрывающаяся постоянно въ своемъ терему, снигири, подорожники, сороки, волки, похищающіе свиней среди бѣладня на самомъ селѣ, весьма красивыя крестьянки, болѣе или менѣе плутоватые прикащики, рябые и съ чистыми

лицами, колоколъ въ два пуда, обои, представляющіе Венеру на синемъ фонѣ съ звѣздами, баня, павлины, индѣйки, знахари, старухи, слывущія вѣдьмами, кладбище въ сосновомъ лѣсу съ ледяными сосульками, утромъ солнце, печи съ трескомъ освѣщающія комнату, старый истопникъ Павелъ, бывшій прежде молодымъ человѣкомъ, кобзари, слѣпые, старый настройщикъ фортепьяновъ, поющій «Хвала, хвала тебѣ, герой» и «Славься симъ, Екатерина» и «Mon cœur n'est pas pour vous, car il est pour un autre», экипажъ, называющійся бѣда на колесахъ, другой, кажется, называющійся ферзикъ, старинная карета Елисаветъ Петровны, крысы, горностаи, ласочки, волчьи ямы, ветчина, щипцы, почникъ, вареники, наливка, Семеновка, маленькія ширмы, балконы, 500 луковицъ цвѣточныхъ, старыя тетради, Андрейка и черносливъ, пляшущіе медвѣди, числомъ четыре, очень старая коровница, полъ изъ некрашенныхъ сосновыхъ досокъ, Улинскій, Гапки, Оксаны, Ганны, Домахи, пьяные столяры, таковые же башмачники, загоны въ лѣсу, пасѣки, бисеръ, вилочки, экраны, сбруя мѣдная, сѣрыя лошади, медъ въ кадкахъ, землемѣры, заячьи слѣды, два пошире, а два поменьше, бортовая ель передъ церквой, Тополевка съ Зайкевичемъ, свиньи на улицахъ, огородъ съ прутиками, означающими четыре стороны свѣта, волшебный фонарь, курицы, моченыя яблоки, сумерки съ постепенно замирающими сельскими звуками, вдали выстрѣлы, собачій лай, ночью пѣтухи, ни съ того ни съ другого кричащіе во все горло, пасмурные дни, изморозь, иней на деревьяхъ, внезапно показывающееся солнце, два старыхъ турецкихъ пистолета, рабочіе столики, чай на длинномъ столѣ, игра въ кольцо, которое повѣшено на палочкѣ и которое надлежитъ задѣть за крючокъ вбитый въ стѣну, сушеные караси, клюква, преждевременно рождающіеся младенцы къ неимовѣрному удивленію ихъ отцовъ, кн. Голицынъ, братъ Павла, живущій въ тридцати верстахъ, наступающій праздникъ Рождества, литографическая машина, совершенно испорченный органъ, также испорченный, сумасшедшій механикъ, множество мухъ, ожившихъ отъ теплоты, множество старыхъ календарей, начиная съ 1824 года, билліардъ, стоящій въ кладовой и вовсе негодный къ употребленію, сухія просвиры, живописные пригорки, песчаные, поросшіе сосникомъ, чумаки съ обозами, вечерницы, мельницы, суконовальни, старый фонарь, старые картузы, модели молотильныхъ машинъ, портретъ кн. Кочубея, портретъ графини

Капкриной, рапиры, трости изъ бамбука, курильница въ видѣ древней вазы, алебастровая лампа, старая дробь, огромный диванъ съ двумя шкапчиками, два мохнатыхъ щенка, сушеные зайцы, клѣтка безъ птицъ и разбитое кругленькое зеркало,—пріѣзжай, Николаюшка, и все увидишь собственными глазами.

Очень прошу тебя устроить, чтобы редакція «Русскаго Вѣстника» прислала мнѣ журналы: Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, на станцію Елёнку.

3.

Погорѣльцы, 19-го января 1859 г.

Николаюшка, во-первыхъ, какъ бы это было хорошо, еслибы ты улучилъ минуту провести съ нами весну. Во-вторыхъ, вотъ тебѣ три сказки, сочиненныя Андрейкой.

1.

Разъ въ сильный дождикъ бегемотъ и слонъ летѣли вмѣстѣ по воздуху (безъ крыльевъ, а только шевелили ногами). Только слонъ толкнулъ бегемота. Тогда бегемотъ отклеилъ ему носъ и прилетѣлъ домой и завернулся въ теплое ватное одѣяло.

2.

Одинъ злой пряникъ долго дрался съ дурнымъ и хитрымъ апельсиномъ и, наконецъ, его побѣдилъ.

3.

Одинъ чиновникъ поѣхалъ на пароходѣ въ Одессу, и сначала ничего, а потомъ его стало рвать. Тогда его лакей, Семенка, посадилъ его въ корыто и вымылъ какъ слѣдуетъ теплой водой. Конецъ.

Есть еще четвертая сказка, сочиненная давно, но которую я узналъ недавно. Вотъ она:

Былъ одинъ англичанинъ, у котораго вездѣ были фонтаны: и въ носу, и въ животѣ, и въ рукахъ, и въ ногахъ. И онъ ѣхалъ въ коляскѣ, а фонтаны все брызгали, все брызгали. Конецъ.

Прерываю мое письмо, получивъ твое насчетъ эпиграфа, скажу эпилога, къ «Іоанну Дамаскину». Беру тебя за твои косматыя уши и цѣлую многократно въ твои косматыя уста. Дай срокъ, и я буду тебѣ отвѣчать въ стихахъ, какъ отвѣчалъ уже Аксакову по другому случаю. Развѣ ты не

знаешь, что въ поэзіи можно назвать *горнею высотою* ту сферу, въ которой находится Государыня въ отношеніи къ гражданамъ Россіи? А что ея взоръ можетъ и долженъ быть животворящимъ, въ этомъ, моя милая шафка, ты не можешь сомнѣваться, когда даже и твой собачій взоръ былъ животворящъ для университетской типографіи. При этомъ случаѣ скажу тебѣ, что не помню, писалъ ли я тебѣ, или нѣтъ, какъ мы всѣ радовались тому, что̀ ты сдѣлалъ? Если не писалъ, то теперь пишу. Ты можетъ быть радовался вѣнскому пирогу, который ты, я знаю, очень любишь, а мы радовались и твоему дѣльному преобразованію и той любви, которую ты пріобрѣлъ. Это лучше всякаго пирога, повѣрь мнѣ. Продолжаю письмо, прерванное тобою. Мы увѣрили Андрейку, что въ Погорѣльскихъ лѣсахъ есть звѣрь, называемый *маркеломъ*. Онъ долго вѣрилъ и даже выдумалъ съ другими дѣтьми игру: чиновникъ и маркелъ. Но кто-то его разувѣрилъ, къ моему несчастію, и онъ теперь отзывается о маркелѣ съ презрѣніемъ. Но я успѣлъ его увѣрить, что есть другой звѣрь, антипъ, и этому онъ вѣритъ.

Не замедля отвѣчать. Христосъ съ тобой, задорная тварь.

4.

Погорѣльцы, 22 января 1859 г.

Благодарный Николашка! У меня сидитъ кн. Александръ Васильевичъ Голицынъ, добрая мордофляга, живущая по сосѣдству и приказавшая тебѣ кланяться. Она знаетъ Пруткова наизусть, что доказываетъ, что она добрая. Хорошо бы тебѣ пріѣхать весенней порой на нее посмотрѣть. Я ее видѣлъ въ купальнѣ голую, а потому не узналъ, тѣмъ болѣе, что она съ брюшкомъ и въ бородѣ. Пришли, батюшка Николаюшка, печатную книжку по-англійски: «Le Ministère de l'enfance». Dites à Ouvaroff que je suis fâché que sa fiancée lui ait donné dans l'oeil.

5.

Погорѣльцы, 25 января 1859 г.

Во-первыхъ, пришли мнѣ непремѣнно альманахъ «Утро», которое должно было взойти 1 января. Во-вторыхъ, обнимаю тебя и очень люблю. Въ-третьихъ, ты вѣтрогонъ, сирѣчь забубенная голова, сирѣчь вертопрахъ, сирѣчь юноша не солидный, ибо ты забылъ мою просьбу сказать Каткову (котораго имя я, разумѣется, забылъ, равно какъ и его

жилище), что мой адресъ: Черниговская губ., въ Еліонку. Изъ этого произошло, что я еще не получилъ ни одного экземпляра «Вѣстника». Поправь свою ошибку, поди къ этому Никифоровичу (что ли?) и попроси его послать мнѣ «Вѣстникъ» въ Еліонку. Я же не замедлю и этотъ годъ снабдить его стихотвореніями, и такъ всѣ останутся довольны и иностранные принцы перестанутъ удивляться (?). Въ-четвертыхъ, вотъ тебѣ отвѣтъ на хулы, изрыганныя тобою въ прошедшемъ письмѣ, если хочешь, можешь это тиснуть гдѣ пожелаешь:

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора страшится мнѣнія людей...

Новая сказка Андрейки:

У одного турки былъ стеклянный носъ. Онъ его нечаянно сломалъ. Тогда на томъ мѣстѣ гдѣ прежде былъ носъ, выросли дубы. Пришли пуговицы, сломали дубы и закричали ура!..

6.

Погорѣльцы, 29 января 1859 г.

Въ отвѣтъ на твое письмо отъ 12-го, полученное мною только вчера, скажу тебѣ, Николаюшка, что я въ пользу Крузе подписываюсь на 100 р.—болѣе не могу.

Если же задумывается къ нему адресъ, то не подпишу его, не узнавъ содержанія, и вообще нахожу такого рода кукишъ излишнимъ. Скажи мнѣ, куда послать деньги? Письма отъ Москвы сюда и обратно ходятъ двѣ недѣли, это ни на что не похоже. Пишу на адресъ: *чрезъ Рославль.* Попробуй и ты ко мнѣ такъ написать. Говорятъ, этимъ выигрывается нѣсколько дней. Обнимаю и лобызаю тебя, Христосъ съ тобой. А.

7.

Погорѣльцы, 4 февраля 1859 г.

Николаюшка, что я слышу? Ты подалъ въ отставку? И хорошо сдѣлалъ, коли Уваровъ выходитъ. Безъ него бы ты не могъ въ Москвѣ остаться. Узнавъ, что III отдѣленіе препятствуетъ подпискѣ Крузе, спѣшу послать тебѣ прямо обѣщанные 100 р., внеси ихъ куда нужно. Я бы послалъ и мимо тебя, если бы зналъ куда. Имя мое можешь внести въ подписной листъ сейчасъ же, но адреса не подпишу, не прочитавъ. Ну все къ чорту, и пріѣзжай поскорѣй. Обнимаю тебя и *всѣ* тебя обнимаютъ, и *всѣ мы* тебя цѣлуемъ. А.

Скажи пожалуйста, вышелъ ли Іоаннъ Дамаскинъ въ Русской Бесѣдѣ? Я ея не получалъ.

8.

(Отрывокъ изъ письма).

13-го марта 1865 г.

...Разница между X. и Z. слѣдующая: X. слышалъ когда-то очень давно, что есть на свѣтѣ деликатность. Что̀ именно она значитъ, онъ навѣрно не знаетъ, но знаетъ, что она гдѣ-то есть. Z. же никогда объ ней не слыхалъ и, если бы ему о ней заговорили, онъ спросилъ бы: «Что это такое?» А когда захотѣли бы ему растолковать ее, онъ бы не понялъ, не повѣрилъ и разсмѣялся въ глаза истолкователю. Однимъ словомъ, это гадина почти наивная...

9.

Carlsbad 6 Sept. (25 Aug.) 1870.

Спасибо тебѣ, милый другъ, за твое письмо изъ Clarence-Villa. Я его получилъ вчера, въ самый день моего рожденія, т.-е., не 26-го, а 24-го августа. Презентъ сдѣлалъ не лоснящемуся лбу у Элефанта, а очень милой Жозефинѣ, въ Café-Salon. Впрочемъ, презентъ состоялъ изъ розана, который я вынулъ изъ петлицы и вручилъ ей между первой и второй пуговицами шпензера, за что она съ благодарностью пожала мнѣ руку. У нея лобъ не свѣтится, но очень свѣтятся зубы. Ты говоришь: «Положи себѣ за правило не ходить по горамъ». Но для чего же я ѣзжу въ Карлсбадъ, если не для того, чтобы учиться ходить по горамъ? И даже скажу тебѣ, что предстательствомъ всѣхъ святыхъ, равноапостольнаго князя Владиміра, Александра Невскаго, Зосима и Варѳоломея и благословеніемъ Богоотецъ Іоакима и Анны, я недурно сталъ ходить. Но, разумѣется, я себя не насилую, а хожу тихо и постепенно всякій день все выше и больше. Здѣсь находится M-me Soh...k, и принуждаетъ меня иногда ходить съ нею. Не могу слишкомъ на это жаловаться, потому что она дозволяетъ мнѣ молчать, а сама говоритъ. Но иногда она дѣлаетъ мнѣ вопросы такого рода:—Всякій вы годъ говѣете? А на отвѣтъ мой, что не всякій, спрашиваетъ:—Почему? Потомъ спрашиваетъ, съ должнымъ ли благоговѣніемъ я исповѣдаюсь? На что я ей отвѣчаю, что если говѣніе благо, то, безъ сомнѣнія, тутъ заключается и благоговѣніе. Отъ

этого я нѣкоторымъ образомъ проникнутъ слеемъ. Напротивъ того, когда я былъ здѣсь съ Гагаринымъ, то мы чокались подъ совсѣмъ иную пѣсню. Надобно быть всегда параллельнымъ къ обстановкѣ, сказалъ мудрецъ...

VII.

Письма къ Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу.

(1873—1875).

1.

Красный Рогъ, 21 окт. 1873.

Многоуважаемый М. М. Посылаю вамъ обѣщанную поэму. Если, паче чаянія, обращеніе къ вамъ, въ 26-ой строфѣ, вамъ не по сердцу, и вы найдете, что я призываю ваше имя всуе, то не угодно ли будетъ вамъ замѣнить этотъ стихъ слѣдующимъ:

«Да извинятъ читатели мнѣ это».

Если же вся 28-ая строфа окажется неподходящею къ вашему направленію, то вы могли бы опровергнуть ее въ выноскѣ.

А если при этихъ условіяхъ, или безъ нихъ, поэма вамъ годится, то благоволите послать гонорарій Соловьевичу. Если же она ни въ какомъ случаѣ вамъ не годится, то благоволите отослать рукопись Соловьевичу же.

Начиная съ мая мѣсяца по сію пору, я не переставалъ страдать почти ежедневно невральгическими болями въ головѣ, и въ эту самую минуту онѣ такъ сильны, что я едва могу писать и принужденъ кончить, несмотря на желаніе съ вами побесѣдовать. На-дняхъ мы поѣдемъ въ Montreux, а можетъ быть и дальше. Но я васъ прошу написать мнѣ нѣсколько строкъ въ *Брянскъ, на станцію Красный Рогъ*. Крѣпко жму вамъ руку и есмь вашъ Ал. Толстой.

2.

Парижъ, 2 января 1874 нов. ст.

Многоуважаемый М. М., пожалуйста, примите благоволительно подателя сего, племянника моей жены, князя Дмитрія Николаевича Цертелова, и если у васъ будетъ время, сведите его съ Гончаровымъ, Костомаровымъ и еще кой съ кѣмъ. Онъ—милѣйшій человѣкъ, котораго мы душевно любимъ, и очень недюжиннаго философическаго направле-

нія или, лучше сказать, философ. способностей. Простите, что доселѣ не отвѣчалъ на ваше письмо, доставленное мнѣ женой. Мои стихи въ полномъ вашемъ распоряженіи, а къ осени постараюсь совершить другіе.

P. S. Я былъ очень боленъ.

3.

France, Alpes Maritimes, Menton, Villa du Parc Tranquille,
15 (27) января 1874.

Многоуважаемый М. М., только сейчасъ прочелъ я въ первомъ № «В. Е.» мое стихотвореніе «Портретъ». Спѣшу благодарить васъ за сохраненіе, хотя и подъ вуалью, строфъ, заключающихъ въ себѣ обращеніе къ вамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по принятой привычкѣ, сообщаю вамъ о нѣкоторыхъ опечаткахъ, вкравшихся въ эту поэму, изъ которыхъ, впрочемъ, только одна имѣетъ нѣкоторую важность:

Строфа 17-ая, стихъ 8-ой: Типъ красоты мечта моя *сыскала*—напечатано: *искала.*

Строфа 27-ая, стихъ 7-ой: Для разныхъ нуждъ и выгодъ *матерьяльныхъ*—напечатано: *матеріальныхъ.*

Строфа 39-ая, стихъ 3-ій: Когда *для насъ* мучителенъ и сладокъ—напечатано: *для нихъ.*

Строфа 40-ая, стихъ 1-ый: О чудное мерцанье тѣхъ *времёнъ*—напечатано: *временъ.*

Строфа 55-ая, стихъ 6-ой: Что не *прошелъ* назначенный мнѣ срокъ—напечатано: *пришелъ.*

Строфа 71-ая, стихъ 6-ой: Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется *ковылъ*—напечатано: *ковыль.*

Строфа 74-ая, стихъ 2-ой: *Или* хотя полковникъ инженерный—напечатано: *иль* хотя.

Строфа 77-ая, стихъ 2-ой: Послышался старинный *менуетъ*—напечатано: *минуетъ.*

Строфа 78-ая, стихъ 4-ый: На цыпочкахъ въ торжественномъ *молчаньи*—напечатано: *молчаньѣ.*

Всѣ эти опечатки довольно незначительны, кромѣ находящейся въ 39 строфѣ, и я привожу ихъ единственно для очищенія совѣсти.

Между тѣмъ, получивъ отъ Краевскаго приглашеніе участвовать въ Сборникѣ «Складчина», въ пользу самарцевъ, я послалъ въ комитетъ, т.-е. въ редакцію «Голоса», окончаніе перваго дѣйствія моей драмы: *Посадникъ.* Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ сценъ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, выдаются два характера не лишенные занимательности. Я

бы очень былъ радъ, еслибы въ комитетѣ о «Складчинѣ», коего вы состоите членомъ, отрывокъ мой былъ прочтенъ Гончаровымъ; хочу самъ просить объ этомъ.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я отвѣтъ нашего милаго Костомарова юродствующему Погодину—но вотъ и все: я долженъ былъ возвратить № «Вѣстника» Ал. Жемчужникову, который получилъ его отъ Корсакова. Наши же экземпляры продолжаютъ пріѣзжать въ Красный Рогъ къ оставшимся тамъ членамъ колоніи. Надѣюсь вскорѣ опять получить книгу и прочесть на досугѣ. Если вы еще не читали сочиненія Погодина: «Простая бесѣда о мудрыхъ вещахъ», то совѣтую вамъ, не теряя времени, прочесть. Оно доставитъ вамъ неисчерпаемый источникъ удовольствія. Особенно тамъ есть описаніе, какъ Погодинъ разъ, возвращаясь ночью домой, сталъ опасаться, чтобы мѣсяцъ какъ-нибудь не упалъ съ неба. Но, благодареніе Всевышнему, ничего не случилось. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе ко Св. Троицѣ. Потомъ рекомендую вамъ статью: «о построеніи женщины», гдѣ описывается, какъ изъ одной посторонней «капельки» въ женщинѣ зарождается «Моцартъ съ своимъ Донъ-Жуаномъ», «Петрова воля» и «Сердце Карамзина». Въ заключеніе обращеніе къ какому-то святому, не помню къ которому. Мы еще въ Красномъ Рогу, когда прочли объявленіе объ этой книгѣ, съ жадностью выписали ее изъ Москвы *).

Прощайте, любезный М. М., дай вамъ Богъ никогда не знать тѣхъ головныхъ болей, которыми я страдаю съ самаго мая мѣсяца.

4.

30 января (11 февраля) 1874.
Menton, Villa du Parc Tranquille.

Спасибо вамъ, любезнѣйшій и многоуважаемый М. М., за присылку десяти экземпляровъ «Портрета», полученныхъ мною вчера, и за письмо отъ 25-го января, полученное мною сегодня; а особенное и отдѣльное спасибо за тотъ экземпляръ, гдѣ вы собственною рукой изобразили заглавіе съ означеніемъ: гдѣ и когда печатано и пр. Мнѣ, неизбалованному критикой, болѣе, чѣмъ другимъ авторамъ, пріятно находить такихъ читателей, какъ вы. Намедни я прочелъ

*) А все-таки Варяги были Скандинавы, а не Литовцы... и пр. (Приписка гр. А. К. Толстого).

рецензію «Портрета» въ «Голосѣ». Нѣкто W. обвиняетъ меня въ незнаніи грамматики за то, что я сказалъ: *движась*, вмѣсто *двигаясь*. Сей невинный критикъ не знаетъ, что есть два глагола: двигаться и движиться. Онъ же утверждаетъ, что я позволилъ себѣ эту ошибку въ угожденіе цезурѣ, а, какъ на бѣду, въ этомъ-то стихѣ цезуры и нѣтъ. Онъ же находитъ противнымъ грамматикѣ стихъ: «хотѣлъ хотѣть иное чѣмъ хотѣлъ». И вотъ какіе господа поучаютъ у насъ авторовъ и публику. А придраться ко мнѣ было можно, напр., въ стихѣ: «Не возбудить *чье-либо* подозрѣнье» вмѣсто *чьего-либо*, или въ стихѣ, гдѣ я употребилъ слово «развязанность» вмѣсто *развязность*. Но настоящихъ грѣховъ эти учители не видятъ. Радуюсь сердечно скорому появленію «Хивинскаго похода на Костомарова, Пыпина и прочихъ *іомудовъ*». Но что такое *іомуды?*.. іомудовъ не знаю. Я смотрѣлъ у Даля, и у него нѣтъ. Развѣ это то же самое... Тогда Погодинъ былъ бы и впрямь Собакевичъ. Къ слову о Далѣ, у меня набралось около 80 словъ, которыхъ въ его лексиконѣ нѣтъ. Не знаете ли вы, кто его продолжитель? Я бы ему послалъ. Голова моя продолжаетъ болѣе, чѣмъ болѣть: она болитъ всякій день, но раза два, три въ недѣлю она трещитъ, ноетъ, горитъ и разрывается вмѣстѣ съ шеей и спиной. Два доктора, изъ которыхъ одинъ знаменитость, а именно Вѣнскій Sigmund, нашли, что у меня въ головѣ подагра. Оно, можетъ быть, почетнѣе простой невральгіи, но я не честолюбивъ и промѣнялъ бы ее на самый скромный насморкъ или поносъ.

Буду ожидать съ живымъ участіемъ вашей «Русской Бесѣды» («Библіотеки») и поздравляю васъ съ этимъ добрымъ дѣломъ, при чемъ надѣюсь, что печать не будетъ слишкомъ мелка, ибо глаза еще дороже людямъ небогатымъ, чѣмъ богатымъ. Себѣ же вмѣню и въ честь, и въ удовольствіе, если же вы пожелаете помѣстить что-либо мое въ этотъ Сборникъ.

Чувствую приступъ головной боли и прекращаю письмо самыми лучшими вамъ пожеланіями и крѣпкимъ пожатіемъ руки.

5.

13 (1) іюля 1874. Carlsbad.

Простите великодушно, многоуважаемый М. М., что я такъ долго оставилъ безъ отвѣта ваше лестное письмо изъ Францесбада. Ничего стараго у меня не было, а новое,

несмотря на мое *цвѣтущее* здоровье, въ голову не приходило. Къ счастью вспомнилъ я, что есть у меня два ненапечатанныхъ стихотворенія, и благодаря помощи моей двоюродной сестры, прилагаю ихъ здѣсь какъ посильную жертву литературному фонду для его сборника.

Голова болитъ, спина ноетъ, а потому спѣшу кончить, дружески пожавъ вашу руку и пожелавъ вамъ добраго здоровья и всего хорошаго. Черезъ 5 дней ѣду въ Россію.

6.

Красный Рогъ, 22 сент. 1874.

Многоуважаемый М. М., получили ли вы изъ Карлсбада мое письмо, при которомъ я послалъ вамъ два стихотворенія для сборника, предполагаемаго Обществомъ для вспом. и пр.? И если получили, то когда состоится этотъ сборникъ? Позволяю себѣ предложить вамъ этотъ нескромный вопросъ, потому что я намѣренъ нынѣшнюю осень издать второе собраніе моихъ стихотвореній, а именно издать его въ Брюсселѣ или въ Парижѣ, куда я отправляюсь послѣ завтра. Если сборникъ Общества отложенъ на неопредѣленное время, то я помѣщу въ свое собраніе и посланныя вамъ два стихотворенія, если же срокъ его появленія назначенъ, то я ихъ не помѣщу. Вы очень обяжете меня отвѣтомъ въ Парижъ poste restante. Я только недѣли двѣ тому воскресъ: ни одна докторская знаменитость, изъ лечившихъ меня, доселѣ не могла избавить меня отъ ужасныхъ невральгическихъ болей, а избавилъ уѣздный Стародубскій врачъ Корженевскій, предписавъ мнѣ принимать три раза въ день новоизобрѣтенную соль подъ заглавіемъ: Litium. Всякому находящемуся въ моемъ положеніи желаю того же, а вамъ, сверхъ того, всякихъ благъ земныхъ, безъ ущерба небесныхъ. Крѣпко жму вашу руку и есмь...

7.

«*Carlsbad*, Marienbaderstrasse, Haus «Stadt Wien». 4 іюля (22 іюня). Свящ. муч. Евсевія. Мц. Юліаніи, Зины. (Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Мат. VI, 22—23). Отъ Р. Х. 1875.—Отъ сотвор. міра 7383.—Отъ основанія Рус. госуд. 1013.—*Отъ употребленія морфины 1-й.*

Стараюсь, любезный и многоуважаемый М. М., хотя издали уподобиться вамъ аккуратностью... Еслибы жившій на рѣкѣ Ловати родъ Богумила, а на рѣкѣ Надьѣ родъ

Борислава, а на рѣкѣ Волховѣ родъ Гостомысла состояли изъ васъ, то, конечно, не пришлось бы имъ звать варяговъ, а напротивъ, варяги позвали бы ихъ къ себѣ. Сейчасъ получилъ я ваше письмо изъ Киссингена. Дѣйствительно, я забылъ подписать *Дракона*, и прошу васъ сдѣлать это за меня; а если останется еще чернило на перѣ, то взять на себя трудъ измѣнить первый стихъ 30-й строфы слѣдующимъ образомъ:

«Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я...»

Шлемъ какъ-то проще, чѣмъ *шеломъ*. Что касается до послѣдней строфы, отъ которой есть только первый стихъ, позвольте—faire un petit étalage d'érudition, которую я этой зимой (въ Италіи) пріобрѣлъ отъ Michel Angelo Gaetani, duca di Sermonata. Терцинами писали въ Италіи и до Данта, но Данте первый сталъ заканчивать свои главы *четвертымъ* стихомъ, безъ котораго или послѣдняя строфа осталась бы безъ риѳмы, или бы, по сложности и безпрерывности *терцинной цѣпи*, никогда нельзя было бы кончить, ибо одна строфа требуетъ непремѣнно другую. Въ изданіяхъ Данта, которыя мнѣ случалось видѣть, этотъ четвертый стихъ (единственный четвертый въ концѣ каждой главы) стоитъ какъ у меня; или же онъ слитъ съ послѣдней строфой, или поставленъ послѣ нея уступомъ, но безъ нумераціи. Ставить точки я считаю неудобнымъ, ибо это предполагало бы неоконченность стихотворенія. Я думаю, лучше выпустить послѣднюю цифру и примкнуть стихъ:

«Обычные тамъ ведшей разговоры»

—къ строфѣ 193-й, сдѣлавъ небольшой уступъ, или, говоря правильнѣе, немного отступя.

...Въ Красномъ Рогу я буду черезъ десять дней. Былъ бы и ранѣе, но мы съ Тургеневымъ затѣяли публичное чтеніе въ пользу жителей Моршанска, что̀ совершится въ будущую субботу.

Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать въ Парижъ въ концѣ сентября...

Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ «Вѣстн. Европы» новую работу, а именно: «Охотничьи воспоминанія», въ прозѣ, которыя я уже началъ набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, что̀ взбредетъ въ го-

лову. Оно, если удастся, можетъ выдти характерно и интересно...

Крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вашъ—

Ал. Толстой.

VIII.

Письмо къ В. Д. Давыдову.

Петербургъ, 1-го декабря 1867.

Любезный и многоуважаемый Василій Денисовичъ!

Письмо ваше отъ 27 ноября получилъ я только третьяго дня, потому что живу теперь не въ Пустынькѣ, а здѣсь, въ городѣ, а именно на Гагаринской пристани, въ домѣ князя Гагарина. Съ недѣлю тому я писалъ къ Бѣгичеву и просилъ его дать мнѣ знать, когда я долженъ пріѣхать въ Москву на послѣднія репетиціи? Дѣло въ томъ, что *Смерть Грознаго* даютъ въ Веймарѣ въ концѣ нашего декабря и что я долженъ быть и тамъ. Что касается до прибавочной суммы, то это теперь сдѣлать невозможно, потому что смѣта утверждена и что даже по этой смѣтѣ деньги взяты взаймы. Но мнѣ сказали сегодня, что, можетъ быть, къ веснѣ что-нибудь прибавятъ, а пока пусть ставится и на 8 тысячъ. Не думаю, чтобы эта сумма была черезъ-чуръ мала; ибо, по мнѣнію самого Бѣгичева, въ Карлсбадѣ, дѣло должно было обойтись тысячъ въ 5 или 6. Главное то, что въ Москвѣ будутъ (я увѣренъ) играть хорошо, а здѣсь главная роль положительно играется *дурно*. Мнѣ сообщили распредѣленіе ролей, изъ котораго я увидѣлъ, что Грознаго будетъ играть *Шумскій*, Годунова—*Вильде*, Захарьина—*Садовскій*, а Гарабурду—*Самаринъ*. Полагая, что это распредѣленіе сдѣлано самимъ Бѣгичевымъ по соглашенію съ артистами, я отвѣчалъ, что совершенно имъ доволенъ. Къ сожалѣнію, я незнакомъ съ Московской труппой; но здѣсь мнѣнія раздѣляются: иные желали бы, чтобъ Грознаго игралъ Шумскій, другіе хотѣли бы видѣть въ этой роли Самарина. Но, разумѣется, ваше желаніе, которое есть также желаніе Московской дирекціи, будетъ исполнено, и роль Грознаго останется за Шумскимъ.

Завидую вамъ болѣе, чѣмъ могу выразить, что вы будете въ Римѣ; но не раздѣляю вашего воззрѣнія на папу и не желаю его смерти. Не желаю видѣть въ Римѣ Итальянскаго парламента, не желаю видѣть Колизей, обращенный въ казарму, ни сломанія древнихъ Римскихъ стѣнъ для украшенія города, какъ то сдѣлано во Флоренціи. Если вы еще

незнакомы со Львомъ Бобринскимъ, то вѣроятно въ Римѣ съ нимъ познакомитесь, и тогда, пожалуйста, скажите имъ que j'ai le mal du pays *). Господи, что скажутъ Катковъ и Аксаковъ?

Весь вашъ
Алексѣй Толстой.

IX.

Письмо къ М. П. Арнольди.

Флоренція, via Feruccio, 5. 11 марта 1875.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, сердечно благодарю тебя за ржаные сухари, которые только-что получилъ. Я уже думалъ, что ты забылъ свое обѣщаніе—и посрамился!

Ропща на прихоти судебъ
И въ испытаньяхъ малодушный,
Я ждалъ насущенный твой хлѣбъ,
Какъ ожидаютъ хлѣбъ насущный.
Мой легкомысленный животъ
Съ неблагодарностью кухарокъ
Винилъ въ забвеньи васъ—и вотъ
Приносятъ съ почты вашъ подарокъ!
О, кто опишетъ, господа,
Его эффектъ животворящій!
Краснѣй, краснѣй же отъ стыда,
Мой всяку дрянь животъ варящій!
Склони, въ смущеніи, свой взоръ,
Животъ, на этотъ коробъ хлѣбный!
И пой вседневно съ этихъ поръ
Его творцу канонъ хвалебный:
«Да не коснется злая боль
Ни рѣзь его пищеваренья!
Да обрѣтетъ онъ въ жизни соль
И смыслъ въ житейскомъ треволненьи!
Да посрамятся передъ нимъ
Его враги ошибкой грубой!
Какъ этотъ хлѣбъ несокрушимъ,
Да сокрушаетъ ихъ онъ зубы!
Его главы да минетъ рокъ
И да живетъ онъ долговѣченъ,
Какъ этотъ хлѣбъ, что̀ внукамъ въ прокъ
Предусмотрительно испеченъ!

Это только для риторики, ибо въ самый вечеръ полученья отъ него не осталось и слѣда: мы его сокрушили съ жадностью акулы и горько сожалѣли, что ты не прислалъ болѣ. Скажи, пожалуйста, у васъ ли въ домѣ онъ

*) У меня тоска по странѣ.

приготовляется, или вы получаете его изъ Аонинъ? Въ первомъ случаѣ я прибѣгнулъ бы къ твоему великодушію, прося прислать мнѣ еще; во второмъ прибѣгну къ великодушію Бутакова.

Ты забылъ прислать мнѣ музыку гр. Апраксина на одно изъ моихъ стихотвореній. Пожалуйста пришли! За симъ еще разъ благодарю, цѣлую ручки Нины Александровны и остаюсь искренно благодарный .

Ал. Толстой.

Братьямъ Васильчиковымъ прошу сердечно поклониться обоимъ.

X.

Письмо къ Е. П. Ковалевскому.

(1856).

Многоуважаемый Егоръ Петровичъ!

Давно подумывалъ я о васъ и собирался написать вамъ такъ, чтобы напомнить о себѣ и чтобы вызвать васъ на словечко; но частью отъ лѣни, частью отъ занятій не дѣлалъ этого; теперь кромѣ этого присоединилась еще просьба къ вамъ. Не пугайтесь и не думайте, что я прошу зачислить меня куда-нибудь въ посольство, просьба вотъ въ чемъ: я съ этой же почтой посылаю Константинову рапортъ объ отставкѣ; то пожалуйста скажите словечко въ Инспект. Депар., чтобы дѣло это сдѣлалось поскорѣе, и ежели увидите моего милѣйшаго начальника, и ему скажите, чтобы не задерживалъ отставки. А то онъ отговаривалъ меня и теперь какъ бы не сдѣлалъ этого. Вы меня знаете больше его; поэтому, ежели случится съ нимъ говорить объ этомъ, можете сказать ему, что я отъ службы ждать ничего не могу благоразумнаго, да и просто не способенъ къ ней, такъ изъ чего же мнѣ связываться. А занятій у меня дѣйствительно довольно, въ которыхъ эта лишняя служба все-таки стѣсняетъ меня. Планы мои объ обязанныхъ крестьянахъ не удались до сихъ поръ, но я не теряю надежды и можетъ быть сдѣлаю таки скоро почти такъ, какъ хотѣлъ. Не удалось главное отъ убѣжденія, откровенно распространеннаго въ народѣ, что въ коронацію, а теперь къ новому году, будетъ свобода всѣмъ съ землею и со всей землею. У насъ главная бѣда не только дворяне, привыкшіе съ закрытыми дверями и по французски говорить объ освобожденіи, но правительство уже такъ се-

кретничаетъ, что народъ ожидаетъ освобожденія, но на данныхъ, которыя онъ самъ придумалъ. Имѣя самое смутное понятіе о собственности земли и желая имѣть ее, народъ вездѣ рѣшилъ, что освобожденіе будетъ со всей землею. И это убѣжденіе выросло сильно, и ежели будетъ рѣзня съ нашимъ кроткимъ народомъ, то только вслѣдствіе этого незнанія своихъ настоящихъ отношеній къ землѣ и помѣщику; а правительство секретничаетъ изо всѣхъ силъ и воображаетъ, что это внутренняя политика, и ставитъ помѣщиковъ въ положеніе людей заслоняющихъ, интеріентирующихъ отъ народа милости свыше. И кончится тѣмъ, что насъ перерѣжутъ. Какъ я занялся дѣломъ въ подробности и увидѣлъ его въ приложеніи, мнѣ совѣстно вспомнить, что за гиль я говорилъ и слушалъ въ Москвѣ и Петербургѣ отъ всѣхъ *умныхъ* людей объ эмансипаціи. Когда-нибудь разскажу всѣмъ все и покажу журналъ моихъ переговоровъ съ сходкой. Вопросъ стоитъ вовсе не такъ, какъ полагаютъ умные: какъ рѣшить лучше? (вѣдь мы хотимъ сдѣлать лучше, чѣмъ во Франціи и Англіи)—а какъ рѣшить скорѣе? Слова, сказанныя Императоромъ въ Москвѣ, облетѣли всю Россію, запомнились всѣми тѣми, до кого они касаются: и помѣщиками и крѣпостными, и они касаются слишкомъ важнаго и натруженнаго вопроса, чтобы объ нихъ можно было забывать. Можно сказать, чтобы въ полку было 4 бат., а потомъ, чтобы было 30,—это не бѣда, а сказать, что нужно подумать о свободѣ, а потомъ забыть—нельзя. Но я хотѣлъ еще сказать, почему мнѣ нужно въ отставку. Я былъ очень, очень боленъ воспаленіемъ въ груди, которое два раза возвращалось, и главная причина болѣзни страданія печени, отъ которыхъ мнѣ нужны воды. Нынѣшній годъ я уже опоздалъ, а на будущій надо бы было, ежели бы я не вышелъ въ отставку, опять брать отпускъ. Несмотря на неудачу и болѣзнь, я отлично прожилъ въ деревнѣ эти три мѣсяца. И право, сердитесь не сердитесь, чудеснѣйшій Егоръ Петровичъ, а отлично жить на свѣтѣ.—Занимался я хозяйствомъ, охотой, природой, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, кажется даже влюбленъ былъ въ одну сосѣдку, милѣйшую деревенскую барышню, и написалъ сон., но, безъ скромности говоря, увѣренъ, что плохо. Жду суда одного господина, которому послалъ ее и которому очень вѣрю.—Что вы дѣлали? Неужели все грустили и все были недовольны той дѣятельностью, которая вамъ досталась на долю, все старались видѣть дурнымъ для того, чтобы имѣть гордое удовольствіе

возмущаться, и даже себя старались видѣть нехорошимъ, чтобы возмущаться, и на себя и на Бога немножко, зачѣмъ Онъ васъ сотворилъ. Вы, вѣрно, часто видите Блудовыхъ, передайте имъ, особенно А. Д. (графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ), мое искренное уваженіе и скажите ей, чтобы она тоже не возмущалась. Я открылъ удивительную вещь (должно быть, я глупъ, потому что, когда мнѣ придетъ какая-нибудь мысль, я ужасно радуюсь), — я открылъ, что возмущеніе, склонность обращать вниманіе преимущественно на то, что возмущаетъ — есть большой порокъ и именно нашего вѣка. Есть 2 — 3 человѣка, которые только возмущены, и сотни, которые притворяются возмущенными и потому считаютъ себя въ правѣ не принимать дѣятельнаго участія въ жизни. Разумѣется, я говорю не про васъ и про Блудову, но изъ литературнаго кружка есть много такихъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Но даже ежели человѣкъ искренно возмущенъ, такъ былъ несчастливъ, что все наталкивался на возмутительныя вещи, то одно изъ двухъ: или, ежели душа не слаба, дѣйствуй и исправь, что тебя возмущаетъ, или, что гораздо легче и чему я намѣренъ держаться, умышленно ищи всего хорошаго, добраго отворачиваніемъ отъ дурного, а, право, не притворяясь, можно ужасно многое любить и горячо любить не только въ Россіи, но у самоѣдовъ. Пожалуйста, черезъ Блудовыхъ узнайте, гдѣ мои кузины Толстыя, и попросите имъ очень отъ меня поклониться, ежели онѣ въ Петербургѣ.

Я чувствую, что это письмо нелѣпо, но пожалуйста не сердитесь на меня за это и отвѣтьте хоть буквально два слова. Я не умѣю какъ-то писать благоразумно и прежде всегда рвалъ свои письма, а теперь ужъ думаю: видно я такой. Пусть всѣ и знаютъ меня такимъ. Не бѣда, ежели они меня немного любятъ. А я надѣюсь, что вы меня немного любите, потому что я васъ очень люблю и уважаю.

Вашъ гр. А. Толстой.

1 октября (1856).

XI.

Письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ Новиковой

(рожд. Кирѣевой).

Krasnoi Rog. 27 Janvier 1869.

Comment commencerai-je: Madame — c'est trop guindé; chère Madame—c'est inusité; très chère Madame Novikoff—c'est trop familier; Oh Vous—c'est suranné. Je saute donc à pieds joints au milieu de ma lettre pour vous dire que nous avons été touchés de votre souvenir, et puisque vous êtes encore meilleure que nous ne le pensions, pourquoi diable,—pardon, il me semble que j'ai failli jurer, — pourquoi ne viendriez vous pas passer le printemps au milieu de vrais bois et de vraies prairies? Savez vous quoi? Faites-vous montrer le chemin par Markevitch qui possède toutes les marcheroutes nécessaires pour arriver ici—et faites un coup de tête! Je vous avertis que le printemps commence au mois de Mars. Si vous avez du goût pour les poules vivantes et non rôties, vous assisterez à l'installation d'une colonie de volatiles dans une charmante maisonnette entre un bois et une petire rivière, et si vous aimez à planter, n'importe quoi, vous en trouverez l'occasion. Si au contraire vous avez des goûts belliqueux, nous pourrons aller le soir à l'affût des bécasses de bois. Ne prenez pas ce que je dis pour une plaisanterie, rien n'est plus facile que d'arriver ici par le chemin de fer, et si vous allez à Vienne—c'est votre chemin. Vous êtes bonne et vous prenez intérêt à ce que je fais, littérairement parlant. Je vous dirai donc que j'ai fini le premier acte de Царь Борисъ.

Que Dieu vous garde, je vous serre et vous baise les mains et suis bien cordialement votre dévoué

Al. Tolstoy.

РѢЧЬ,

произнесенная гр. А. К. Толстымъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его 14-го марта 1869 г. въ Англійскомъ клубѣ г. Одессы въ отвѣтъ на рѣчь г. К. М. Базили.

Мм. гг. Честь, которую вы мнѣ оказываете, такъ велика и неожиданна, что я прошу вашего снисхожденія, если не умѣю выразить, какъ бы желалъ, всей моей признательности.

Ваше вниманіе, мм. гг., тѣмъ болѣе драгоцѣнно для меня, что оно относится столько же къ моей литературной дѣятельности, сколько къ тѣмъ задушевнымъ убѣжденіямъ, которыя я не разъ старался ею выразить.

Я счастливъ, что убѣжденія эти сходятся съ вашими. Они заключаются въ сознаваніи, что всѣ мы, сколько насъ ни есть,—отъ высокихъ сановниковъ, имѣющихъ подъ своимъ попечительствомъ цѣлыя области, до скромныхъ писателей,—не можемъ лучше содѣйствовать начатому нашимъ Государемъ преобразованію, какъ стараясь, каждый по мѣрѣ силъ, искоренять остатки, поразившаго насъ нѣкогда, монгольскаго духа, подъ какою бы личиною они у насъ еще ни скрывались.

На всѣхъ насъ лежитъ обязанность, по мѣрѣ силъ, изглаживать слѣды этого чуждаго элемента, привитаго намъ насильственно, и способствовать нашей родинѣ вернуться въ ея первобытное европейское русло, въ русло права и законности, изъ котораго несчастныя историческія событія вытѣснили ее на время.

Въ жизни народовъ, мм. гг., столѣтія равняются днямъ, или часамъ отдѣльной человѣческой жизни. Періодъ нашего временного упадка, со всѣми его послѣдствіями, составитъ лишь краткій мигъ въ нашей исторіи, если мы не въ немъ будемъ искать нашей народности, но въ честной эпохѣ, ему предшествовавшей, и въ свѣтлыхъ началахъ настоящаго времени.

Во имя нашего славнаго прошедшаго и свѣтлаго будущаго, позвольте мнѣ, мм. гг., выпить за благоденствіе всей русской земли за все русское государство, во всемъ его объемѣ, отъ края до края, и за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, къ какой бы національности они ни принадлежали!

Библіографія произведеній графа А. К. Толстого.

Составилъ П. В. Быковъ.

Журналъ Коннозаводства и Охоты.

1842.

Два дня въ Киргизской степи (№ 5. Стр. 51—75). Подписано: *гр. А. Т.*

Листокъ для свѣтскихъ людей.

1843.

Серебряика (Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ). Стих. (№ 40. Октябрь. Стр. 1. Съ рисунками князя Г. Г. Гагарина). Подписано: ***.

Вчера и сегодня.

1845.

Артемій Семеновичъ Бервенковскій (Книга первая. Стр. 119—132).

1846.

Амена. Отрывокъ изъ романа «Стебеловскій» (Книга вторая. Стр. 127—150).

Современникъ.

1854.

Шесть стихотвореній. I. Колокольчики мои (стр. 129—130). II. Ой, стоги, стоги (стр. 130—131). III. По греблѣ неровной и тряской (стр. 132—133). IV. Коль любить, такъ безъ разсудку (стр. 133). V. Умѣренность (Поразмысливъ аккуратно) (стр. 133—134). VI. Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ (стр. 134—136). (Т. XLIV. № 4. Апрѣль. Стр. 129—136).

Изъ досуговъ Козьмы Пруткова. I. Къ друзьямъ послѣ женитьбы. II. Эпиграмма. III. Письмо изъ Коринѳа. IV. Древній пластическій грекъ. V. Философъ въ банѣ. VI. Древней греческой старухѣ (Т. XLIII—XLVIII).

1856.

I. Милый другъ, тебѣ не снится (стр. 272). II. Волки. Баллада (Когда въ селахъ пустѣетъ) (стр. 273—274). III. Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала (стр. 274). IV. Дождя отшумѣвшаго капли (стр. 274—275). V. Ходитъ Спѣсь, надуваючись (стр. 275—276). VI. Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налету тяжелая бомба (стр. 276). (Т. LV. № 2. Февраль. Стр. 272—276).

Крымскіе очерки. I. Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ (стр. 5—6). II. Солнце жжетъ передъ грозою (стр. 6). III. Чуфутъ-Кале (Тяжелъ нашъ путь, твой бѣдный мулъ) (стр. 6—7). IV. Какъ чудесно хороши вы (стр. 7). V. Клонитъ къ лѣни полдень жгучій (стр. 8). VI. Вы все любуетесь на скалы (стр. 8). VII. Всесильной волею Аллаха (стр. 9). VIII. Привѣтствую тебя, опустошенный домъ (стр. 9—10). (Т. LX. № 11. Ноябрь. Стр. 5—10).

1857.

Пять стихотвореній. I. Волны (Колышется море; волна за волной) (стр. 9). II. Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ горя (стр. 9—10). III. (Изъ Сведенборга) Въ странѣ лучей, незримыхъ нашимъ взорамъ (стр. 10). IV. Острою сѣкирой ранена береза (стр. 11). V. О, не пытайся духъ унять тревожный (стр. 11). (Т. LXI. № 1. Январь. Стр. 9—10).

Отечественныя Записки.

1855.

Пѣсня стрѣлковъ Императорской фамиліи (Слава на небѣ солнцу высокому). (Т. CI. № 8. Августъ. Стр. 315—316).

1856.

I. Шумитъ на дворѣ непогода (стр. 55). II. Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ (стр. 56). III. Курганъ (Въ степи, на равнинѣ открытой) (стр. 56—58). IV. Ужъ ты нива, моя нивушка (стр. 58—59). V. Край ты мой, родимый край (стр. 59). VI. Средь шумнаго бала случайно (стр. 59—60). (Т. CVI. № 5. Май. Стр. 55—60). Подъ послѣднимъ стихотвореніемъ дата: 1851.

1866.

Смерть Ивана Грознаго. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. (Т. CLXIV. № 1. Январь, книжка 1. Стр. 1—116).

Русскій Вѣстникъ.

1856.

Шесть стихотвореній. I. Благовѣсть (Среди дубравы) (стр. 482—483). II. Князь Ростиславъ. Баллада (Князь Ростиславъ въ землѣ чужой) (стр. 483—484). III. Цыганскія пѣсни (Изъ Индіи дальной) (стр. 485). IV. Пустой домъ (Стоитъ опустѣлый надъ соннымъ прудомъ) (стр. 486—487). V. Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы (стр. 487). VI. Ужъ ты мать-тоска, горе-горевавьице (стр. 487—488). (Т. II. № 7. Апрѣль, книжка 1. Стр. 482—488).

1857.

Четыре стихотворенія. I. Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій (стр. 203). II. Сердце, сильнѣй разгораясь отъ году до году (стр. 204).

III. Что ты голову склонила? (стр. 204). IV. Смеркалось, жаркій день блѣднѣлъ неуловимо (стр. 205). (Т. VII. № 1. Январь, книжка 1. Стр. 203—205).

Четыре стихотворенія. I. Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты (стр. 427). II. Господь, меня готовя къ бою (стр. 228). III. Порой среди заботъ и жизненнаго шума (стр. 429). IV. Онъ водилъ по струнамъ, упадали (Стр. 430). (Т. VIII. № 7. Апрѣль, книжка 1. Стр. 427—430).

1858.

Десять стихотвореній. I. Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой (стр. 353). II. Изъ Гейне (Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра) (стр. 354). III. Б. М. Маркевичу (Ты правъ, мой своенравный геній) (стр. 354). IV. Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ (стр. 354—355). V. Источникъ за вишневымъ садомъ (стр. 355). VI. Ужъ ласточки, кружась надъ крышей, щебетали (стр. 355). VII. Не вѣтеръ, вѣя съ высоты (стр. 356). VIII. О, другъ, ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая (стр. 356). IX. Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья (стр. 357). X. Меня во мракѣ и въ пыли (стр. 357—358). (Т. XV. № 10. Май, книжка 2. Стр. 353—358).

Восемнадцать стихотвореній. I. Минула страсть, и пылъ ея тревожный (стр. 450). II. Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ (стр. 450—451). III. Ты знаешь, жизнь меня къ себѣ не привлекала (стр. 451). IV. Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала (стр. 452). V. Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы (стр. 452). VI. Ты жертва жизненныхъ тревогъ (стр. 452—453). VII. Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ (стр. 453). VIII. Съ тѣхъ поръ, какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты далёко (стр. 453—454). IX. Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ (стр. 454). X. Я васъ узналъ, святыя убѣжденья (стр. 455). XI. О, не спѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище (стр. 455—456). XII. La Madonna della Seggiola (Склоняся къ юному Христу) (стр. 456). XIII. Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна (стр. 456). XIV. Не пѣнится море, не плещетъ волна (стр. 457). XV. Не брани меня, мой другъ (стр. 457). XVI. Я задремалъ, главу понуря (стр. 457). XVII. Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой (стр. 458). XVIII. Горними тихо летѣла душа небесами (стр. 458). (Т. XV. № 11. Іюнь, книжка 1. Стр. 450—458).

Василій Шибановъ. Баллада (Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ). (Т. XVII. № 17. Сентябрь, книжка 1. Стр. 236—240)

1859.

*** Не отъ гоненій, не отъ злобы. (Т. XXII. № 16. Августъ, книжка 2. Стр. 600).

Изъ Гервега (Хотѣлъ бы я угаснуть, какъ заря). (Т. XXII. № 16. Августъ, книжка 2. Стр. 601).

1862.

Донъ-Жуанъ. Драматическая поэма (Посвящается памяти Моцарта и Гоффманна). (Т. XXXVIII. № 4. Апрѣль. Стр. 581—692).

Передѣланная сцена изъ «Донъ-Жуана». Письмо къ издателю. (Т. XL. № 7. Іюль. Стр. 213—227).

1866.

Два стихотворенія. I. Вздымаются волны, какъ горы (стр. 184). II. Пусть тотъ, чья честь не безъ укора (стр. 185). (Т. LXV. № 9. Сентябрь. Стр. 184—185).

Пантелей-цѣлитель (Пантелей-государь ходитъ пò полю). (Т. LXV. № 9. Сентябрь. Стр. 332—333). Чужое горе (Въ лѣсную чащу богатырь при лунѣ). (Т. LXV. № 10. Октябрь. Стр. 673—674).

1867.

Противъ теченія (Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный). (Т. LXIX. № 6. Іюнь. Стр. 617—618).

Магадева и баядера. Индѣйская легенда (Изъ Гёте. Магадевъ, земли владыка). (Т. LXXI. № 9. Сентябрь. Стр. 259—262). Дата: Веймаръ. 17 (29) сентября 1867 г.

1871.

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо. (Т. XCII. № 3. Мартъ. Стр. 294).

Пѣсня о Потокѣ-богатырѣ (Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй). I—XXVII (Т. XCIV. № 7. Іюль. Стр. 253—259).

Илья Муромецъ (Подъ броней съ простымъ наборомъ). 1—14. (Т. XCV. № 9. Сентябрь. Стр. 218—219).

Сватовство (По вешнему по складу). 1—60. (Т. XCV. № 9. Сентябрь. Стр. 220—228).

Баллада съ тенденціей (Порой веселой мая). 1—41. (Т. XCV. № 10. Октябрь. Стр. 593—598).

1873.

Садкò (Сидитъ у царя водяного Садкò). 1—53. (Т. CIII. № 1. Январь. Стр. 84—93).

1877.

Гаральдъ Свенгольмъ (Его голосъ звучалъ, какъ морская волна). (Т. CXXVII. № 1. Январь. Стр. 394).

1881.

Въ альбомъ (Стрѣлокъ на той полянѣ). (Т. LV. № 9. Сентябрь. Стр. 309—310).

1882.

Два неоконченныя стихотворенія. I. Когда являлася весна (стр. 403). II. Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой. (Т. CLVII. № 1. Январь. Стр. 403—404).

1884.

Семья вурдалака. Изъ воспоминаній неизвѣстнаго. Неизданный разсказъ. (Съ примѣчаніемъ переводчика Б. М. Маркевича). (Т. CLXIX. № 1. Январь. Стр. 5—31). (Оригиналъ написанъ по-французски).

1900.

Князю Д. Н. Цертелеву (Боюсь людей передовыхъ). (Т. CCLXX. № 11. Ноябрь. Стр. 201, въ статьѣ кн. Д. Н. Цертелева: «А. К. Толстой въ его стихотвореніяхъ»).

1901.

Письма русскихъ писателей. II. Графа А. Толстого. (Т. CCLXXVI. № 12. Декабрь. Стр. 471—472). Изъ Архива О. А. Новиковой Письма писаны по-французски.

Русская Бесѣда.

1857.

Стихотворенія. I. Лишь только одинъ я останусь съ собою (стр. 146). II. Станція (Что̀ за грустная обитель) (стр. 146—147). III. У приказныхъ воротъ собирался народъ (стр. 147—148). IV. Не Божіимъ громомъ горе ударило (стр. 149). V. О, честь ли то молодцу ленъ прясти (стр. 149). VI. Ты невѣдомое, незнаемое (стр. 150). (Т. III. Книга 7. Стр. 146—150).

1858.

Грѣшница. Поэма. I—VI. (Т. I. Книга 9. Стр. 83—88).

Ты почто, злая кручинушка (стр. 88—89). Звонче жаворонка пѣнье (стр. 89—90). Что̀ ни день, какъ поломя со влагой (стр. 90). Разсѣвается, разступается (стр. 90). (Т. I. Книга 9. Стр. 88—90).

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая (стр. 3). Вырастаетъ дума, словно дерево (стр. 4). Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ (стр. 4). Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить (стр. 5). Кабы знала я, кабы вѣдала (стр. 6). Ахъ, ты, гой еси, правда-матушка (стр. 6—8). Когда былъ обвиненъ старицкій воевода (стр. 8). (Т. III. Книга 11. Стр. 3—8).

1859.

Іоаннъ Дамаскинъ. I—XII. (Т. I. Книга 13. Стр. 5—30).

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна ни покою (стр. 5). Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку (стр. 5). И. С. Аксакову (Судя меня довольно строго) (стр. 6). (Т. II. Книга 14. Стр. 5—6).

Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ (стр. 4). Къ страданіямъ чужимъ ты жалости полна (стр. 5). О, если-бъ ты могла хоть на единый мигъ (стр. 5). Изъ Крымскихъ очерковъ (Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ) (стр. 5—6). Изъ Крымскихъ очерковъ (Обычной полная печали) (стр. 7). (Т. IV. Книга 16. Стр. 4—7).

Изъ Байрона (Ассиріяне шли, какъ на стадо волки) (стр. 3). Исполать тебѣ жизнь—баба старая (стр. 4—5). Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло (стр. 5—6). (Т. VI. Книга 18. Стр. 3—6).

Библіотека для Чтенія.

1857.

Тщетно, художникъ, ты мнишь... Стих. (Т. CXLI. № 1. Январь. Стр. 9—10).

Изъ А. Шенье. I. Ко мнѣ, младой Хромидъ. II. Вотъ онъ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ козъ. III. Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой. IV. Я вмѣсто матери уже считаю стадо. V. Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый. VI. Багровый гаснетъ день; толпится за оградой). (Т. CXLI. № 1. Январь. Стр. 10—11).

Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи, изд. П. О. Щербины.

1858.

I. Ходитъ Спѣсь надуваючись. II. Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала. (Стр. 376—377).

Искра.

1859.

Опрометчивость (быль). (Разъ архитекторъ съ птичницей спознался). Стих. (№ 28; Іюля 24. Стр. 276). Подписано: *Б. Ф.*

Развлеченіе.

1861.

Простуда (Увидя Юлію на скатѣ). Стих. (Т. VI. № 1. 7 Іюля. Стр. 11). Подписано: *Кузьма Прутковъ.*

День.

1861—1862.

Государь ты нашъ, батюшка. (1861. № 5; 11 ноября. Стр. 3).

На нивы желтыя нисходитъ тишина. (1862. № 17; 3 февраля. Стр. 1).

С.-Петербургскія Вѣдомости.

1866.

Письмо въ редакцію (№ 368). (О томъ, что пьеса неизвѣстнаго «Князь Серебряный» не имѣетъ ничего общаго съ романомъ гр. Толстого).

Литературная Библіотека.

1868.

Изъ Гейне. I. Ричардъ Львиное-сердце (Въ пустынной дубравѣ несется ѣздокъ). II. Обнявшися дружно, сидѣли. (№ 1. Январь. Стр. 68).

Современная Лѣтопись.

1868.

«Смерть Іоанна Грознаго» на Веймарской сценѣ (Изъ письма къ Б. М. Маркевичу). (№ 5; 18 февраля. Стр. 5—9).

Голосъ.

1868.

Письмо къ г. Ростиславу по поводу появленія г. Пильскаго въ роли Іоанна Грознаго. (№ 123; 4 мая. Стр. 3).

Вѣстникъ Европы.

1868.

Былина (Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ). (Т. I (CLXXXIII). № 2. Февраль. Стр. 425—430).

Коринѳская невѣста. Изъ Гёте. (Изъ Аѳинъ въ Коринѳъ многоколонный). (Т. II (CLXXXIV). № 3. Мартъ. Стр. 1—8). Съ примѣчаніемъ. Дата: Веймаръ. Сентябрь 1867.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ (въ стихахъ). (Т. III (CLXXXV). № 5. Май. Стр. 5—149). Дата: 17 марта 1868 г.

Проектъ постановки на сцену трагедіи «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ». (Т. VI (CLXXXVIII). № 12. Декабрь. Стр. 1—30).

1869.

Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ (Гаральдъ въ боевое садится сѣдло). (Т. II (CXC). № 4. Апрѣль. Стр. 789—793).

Пѣсня о трехъ побоищахъ (Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра). (Т. III (CXCI). № 5. Май. Стр. 154—162).

Пѣсня о походѣ Владиміра («Добро!»—сказалъ князь, когда выслушалъ онъ). (Т. V (CXCIII). № 9. Сентябрь. Стр. 1—16).

1870.

Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ (въ стихахъ). (Т. II (CXCVI). № 3. Мартъ. Стр. 196—256).

1871.

Стихотворенія. 1. Ругевитъ (Надъ древними подъемляся дубами) (стр. 5—7). 2. Гаконъ слѣпой (Въ десницѣ жива еще прежняя мочь) (стр. 8—9). 3. Ушкуйникъ (Одолѣла сила-удаль меня, молодца) (стр. 10). 4. Въ монастырѣ пустынномъ близъ Кордовы (стр. 11). (Т. II. (CCII). № 3. Мартъ. Стр. 5—11).

Стихотворенія. 1. То было раннею весной (стр. 603). 2. На тягѣ (Сквозитъ на заревѣ темнѣющихъ небесъ) (стр. 604—605). (Т. VI (CCVI). № 12. Декабрь. Стр. 603—605).

1873.

Стихотворенія. I. Эдвардъ. Народная шотландская баллада (Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ). 1—6. (стр. 257—259). II. Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца (стр. 260). III. Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь (стр. 261). (Т. I (CCXIII). № 1. Январь. Стр. 257—261).

Канутъ. Легенда (Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли). (Т. II (CCXIV). № 3. Мартъ. Стр. 249—256).

Слѣпой (Князь выѣхалъ рано средь гридней своихъ). 1—30. (Т. III (CCXV). № 5. Май. Стр. 158—165).

1874.

Портретъ. Повѣсть въ стихахъ. 1—87. (Т. I (CCXIX). № 4. Январь. Стр. 50—74).

1875.

Ты почто, злая кручинушка. (Т. I (CCXXV). № 1. Январь. Стр. 157).

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье. (Т. I (CCXXV). № 1. Январь. Стр. 158).

Драконъ. Разсказъ XII вѣка. Съ итальянскаго (Посвящается Я. П. Полонскому). (Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса). 1—193. (Т. V (CCXXIX). № 10. Октябрь. Стр. 581—605).

Литературная исповѣдь. Въ письмѣ къ проф. Де-Губернатису во Флоренціи. (Т. VI (CCXXX). № 12. Декабрь. Стр. 877—881).

1876.

Колодники. Посмертное стихотвореніе (Спускается солнце за степи). (Т. I (CCXXXI). № 2. Февраль. Стр. 710—711).

Посадникъ. Драма (въ стихахъ). Послѣднія два дѣйствія. (Т. II (CCXXXII). № 4. Апрѣль. Стр. 461—515).

1882.

Пѣвцу (Какъ селянинъ,—когда грозятъ). Изъ посмертныхъ стихотвореній. (Т. I (CCLXVII). № 1. Январь. Стр. 36). Сообщилъ кн. Д. Н. Цертелевъ.

1894.

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца. (Т. III (CCCXLI). № 5. Май. Стр. 116). Это стихотвореніе было уже напечатано въ «Вѣстн. Европы» и неизвѣстно для чего вторично помѣщено родственниками поэта.

1895.

Письма гр. А. К. Толстого друзьямъ. Отъ редакціи. Письмо I—XX. (Т. V (CCCXLIX). № 10. Октябрь. Стр. 628—661). Здѣсь впервые помѣщены стихотворенія: «Весеннія чувства необузданнаго древняго» («Дождусь ли той исторіи») (стр. 631), «Навозный жукъ, навозный жукъ» (стр. 649—650), «Вкусивъ елей твоихъ страницъ» (стр. 650), «Въ твоемъ письмѣ, о, Ѳеофилъ» (стр. 651—652), «Баллада» («Сидитъ подъ балдахиномъ» (стр. 657—658).

Тоже. Письмо XXI — XLIX. (Т. VI (CCCL). № 11. Ноябрь. Стр. 158—191). Здѣсь впервые помѣщены стихотворенія: «Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму» (стр. 166), «Пью-ль мадеру, пью ли квасъ я» (стр. 169), «Ja, ich fühl' mich frisch und munter» (стр. 173), «Элегія» («Гдѣ Майковъ, Мей и Минъ, и Марковъ, и Минаевъ») (стр. 176).

Тоже. Окончаніе. Къ княгинѣ Зайнъ-Витгенштейнъ. L—LVIII (Т. VI (CCCL). № 12. Декабрь. Стр. 616—634).

1897.

Изъ переписки графа А. К. Толстого. 1851—1875 гг. (Т. II—IV (CCCLVIII, CCCLIX и CCCLX). №№ 4, 6 и 7. Апрѣль, Іюнь и Іюль. Стр. 592—626, 606—640 и 93—127). Здѣсь стихотвореніе, появляющееся впервые: «Я вѣрю въ чистую любовь» (стр. 622).

1905.

Дневникъ графа Алексѣя Константиновича Толстого. 23 марта—31 мая 1831 года. (Т. I (CDV). № 1. Январь. Стр. 143—171).

1906.

Два дня въ Киргизской степи. (Т. I (CDXI). № 1. Январь. Стр. 450—460). Это дословная перепечатка брошюрки гр. А. К. Толстого, составляющей оттискъ изъ «Журнала Коннозаводства и Охоты» 1842 г. и выданной г-жой Хитрово за ненапечатанную вещь, будто бы извлеченную изъ рукописей поэта.

Изъ дружеской переписки гр. А. К. Толстого 1851—1875 гг. Письма къ А. П. Бахметеву 1866—1872 гг. 1—11. (Т. II (CDXII). № 4. Апрѣль. Стр. 691—701).

Одесскій Вѣстникъ.

1869.

Рѣчь, произнесенная на обѣдѣ, данномъ въ честь его 14-го марта 1869 г. въ Англійскомъ клубѣ г. Одессы, въ отвѣтъ на рѣчь г. К. М Базили. (№ 60, 16 марта).

Всемірная Иллюстрація.

1870.

Романъ Галицкій (Къ Роману Мстиславичу въ Галичъ посломъ). (Т. III. № 68 (16). Стр. 290), въ статьѣ «Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой».—Перепечатано въ «Русск. Вѣдомостяхъ» 1900. № 296 («Забытое стихотвореніе гр. А. К. Толстого») и въ «Славянскомъ Вѣкѣ» 1901. № 16.

Бесѣда.

1871.

Боривой. Поморское сказаніе. 1—40. (Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный). (№ 1. Январь. Стр. 5—12).

Гражданинъ.

1872.

Алеша Поповичъ (Кто весломъ такъ ловко правитъ). (№ 2. Стр. 46—47).

Складчина.

1874.

Сцены изъ перваго дѣйствія драмы: «Посадникъ». (Стр. 481—507).

Братская Помощь.

1876.

Послѣднее стихотвореніе (Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ). (Стр. 34—35). Дата: Флоренція. Май. 1875.

Русскій Архивъ.

1879.

Гр. А. К. Толстой о постановкѣ трагедіи: «Смерть Іоанна Грознаго». Его письмо къ Ростиславу и В. Д. Давыдову. (Т. II. Стр. 327). Первое письмо перепечатка изъ «Антракта» (1868. № 19; 19 мая), заимствовавшаго это письмо изъ «Голоса».

1889.

Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки. Стих. (Ч. III. № 9. Сентябрь. Стр. 134).

Россійская Библіографія.

1881.

Бисмаркъ, сидючи въ Берлинѣ (№ 83 (7). Стр. 154). Это просьба о Н. Ѳ. Щербинѣ.

Русская Старина.

1882.

Сонъ Попова. Поэма. 1—42. (Т. XXXVI. Кн. 12. Декабрь. Стр. 701—712). Съ предисловіемъ князя Д. Н. Цертелева. Дата: 1874.

Письмо къ М. П. Арнольди (Ропща на прихоти судебъ, стих. и проза). (Т. XXXIII. Кн. 3. Мартъ. Стр. 824—825).

1883.

Русская исторія отъ Гостомысла. 862—1868. Съ IX по XIX в. Шутка-поэма. 1—83. (Т. XL. Кн. II. Стр. 481—496). Дата: 1868

1884

Графъ А. К. Толстой въ письмахъ къ Я. П. Полонскому. 1863—1868. (Т. XLI. № 1. Январь. Стр. 195—198).

1886.

Единство (Шутка). (Друзья, ура! Въ единство). (Т. LII. Кн. X. Октябрь. Стр. 233—234).

Поправка къ стихотворенію «Единство». Сообщилъ М. П. Розенгеймъ. (Т. LII. Кн. II. Ноябрь. Стр. 734).

1887.

Единство. Шутка-стихотвореніе. 1—10. (Т. LIII. Кн. 2. Февраль. Стр. 512—514). По рукописи поэта сообщилъ А. В. Селивановъ.

Посланіе графа А. К. Толстого къ Ѳ. М. Толстому. I—II. (Вкусивъ елей твоихъ страницъ). (Т. LV. Кн. 9. Сентябрь. Стр. 144—145).

Album de M-me Olga Kozloff.

1883.

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо. (Стр. 53—54). Дата: Сорренто 10—22 апр. 1873.

Русское Обозрѣніе.

1892

Посланіе къ Лонгинову о Дарвинизмѣ (Правда-ль это, что̀ я слышу). (Т. I. № 1. Январь. Стр. 291—293).

Книжки „Недѣли“.

1900.

Баллада о камергерѣ Деларю (Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый). (Кн. II. Январь. Стр. 161—162, въ статьѣ Вл. Серг. Соловьева «Подъ пальмами»).

Образованіе.

1900.

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый. (Кн. 3. Мартъ. Стр. 100). Перепечатано изъ «Книжекъ Недѣли».

Памяти Бѣлинскаго.

1899.

Письма графа А. К. Толстого къ редактору «Вѣстника Европы» (1873—1874). 1—6. (Стр. 373—377).

Литературный Вѣстникъ.

1901.

Письма графа А. К. Толстого. 1—11. (Кн. V. Стр. 16). Сообщилъ Н. М. Буда-Жемчужниковъ.

1903.

Письмо графа А. К. Толстого къ Е. П. Ковалевскому (Егору Петровичу). 1 октября 1856. (Кн. VI. Стр. 119—121).

Новое Обозрѣніе.

1901.

Письма гр. А. К. Толстого къ И. С. Тургеневу (№№ 5563 и 5564).

Новое Время.

1901.

Письма гр. А. К. Толстого. Письма къ Н. М. Жемчужникову (№№ 8887 и 8894).

Отдѣльныя изданія.

Упырь. Сочиненіе *Краснорогскаго.* Спб. 1841. Въ привилегированной типографіи Фишера. Печатать дозволяется. 15 мая 1841. Цензоръ А. Никитенко. 16 д. л. 177 стр. Съ гравюрой.

Два дня въ Киргизской степи. *Гр. А. Т.* Безъ означенія мѣста и года печати. (Спб. 1842). 12 д. л. 25 стр. въ обложкѣ. (Оттискъ изъ «Журн. Коннозаводства и Охоты»).

Іоаннъ Дамаскинъ. М. 1859. Тип. Александра Семена. Печатать позволяется. Москва. Февраля 4 дня 1859 г. Цензоръ Д. Наумовъ. 8 д. л. 26 стр. (Изъ 1-й книги «Русской Бесѣды» 1859 г.).

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Двѣ части. М. 1862. Тип. М. Каткова и К°. 8 д. л. 182 стр. (Напечатано 50 экз. не для продажи).

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 1863. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д. 2 нен. и 300 стр.

Тоже. Изданіе второе. Спб. 1869. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д. л. 4 нен. и 300 стр.

Тоже. Изданіе третье. Спб. 1878. 8 д. л. Тип. М. М. Стасюлевича. VI, 378 и 2 нен. стр.

Тоже. Изд. четвертое. Спб. 1880. Тип. М. М. Стасюлевича. 8 д. л. VI и 360 стр.

Князь Серебряный. Повѣсть. Съ предисловіемъ кн. Д. Н. Цертелева. Съ портретомъ автора и 12 рисунками художника К. В. Лебедева, гравированными на мѣди А. Лалотъ. Изд. и тип. В. Готье. М. 1892. Больш. 8 д. л. XII, 392, II и 6 нен. стр.

Тоже. Изд. пятое. А. М. Калмыковой. Спб. 1896.

Тоже. Спб. 1900. Изд. и тип. книжн. склада М. М. Стасюлевича.

Тоже. Спб. 1902.

Смерть Іоанна Грознаго. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. (Безъ титула и означенія мѣста и года печати). Спб. 1866. Тип. А. А. Краевскаго. 8 д. л. 116 стр. (Оттискъ изъ «Отеч. Записокъ).

Смерть Іоанна Грознаго. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1866. Тип. Морского Министерства. 8 д. л. 176 стр.

Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма. М. 1866. Изд. Общ. Распространенія Полезныхъ Книгъ. 16 д. л. Университ. тип. 36 стр.

Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Поэма. Второе изданіе Общ. Распростр. Полезныхъ Книгъ. (Книжки для школъ № 143). М. 1876. Тип. В. Готье. 16 д. л. 36 стр.

Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. Выдержки изъ поэмы. Спб. 1887. Изд. Постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній. 8 д. л.

Проектъ постановки на сцену трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». Спб. 1866. Тип. Морского Министерства. 8 д. л. 50 стр.

Тоже. Изданіе М. Залшупина. Спб. 1900. Тип. В. С. Балашова и К°. 16 д. л. 60 стр.

Стихотворенія. Спб. 1867. Тип. Морского Министерства. Б. 8 д. л. 6 ненум., IV и 398 стр.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1868. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д. л. 159 и 2 нен. стр.

Проектъ постановки на сцену трагедіи «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ». Спб. 1869. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д. л. 39 стр. (Извлечено изъ «Вѣстника Европы». Декабрь 1868 года).

Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1870. Тип. Ф. Сущинскаго. 8 д. л. 144 стр.

Полное собраніе стихотвореній. Драмы, поэмы, повѣсти, былины, баллады, притчи, пѣсни, очерки (1855—1875). Два тома. Спб. 1876. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. л. XVI и 552 стр.—въ первомъ и 422—во второмъ. Съ предисловіемъ М. Стасюлевича.

Тоже. Второе, дополненное изданіе. Въ одномъ томѣ. Спб. 1877. Тип. М. М. Стасюлевича. 8 д. л. XVI и 552 стр.

Драматическая трилогія. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. III. Царь Борисъ. Спб. 1876. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. л. 150, 156 и 145 стр.

Посадникъ. Драматическое представленіе въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ. Въ стихахъ и прозѣ. Спб. 1877. Литографія Курочкина. 4 д. л. 144 стр.

Полное собраніе сочиненій. Четыре тома. Спб. 1882—1883. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. л. XVI и 367 — въ 1-мъ томѣ, 329 — во 2-мъ, 558—въ 3-мъ и II и 359 стр. въ 4-мъ.

Тоже. Подъ редакціей кн. Д. Н. Цертелева. Четыре тома. Спб. 1884. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. л. XVI, 367, 329 и 558 стр.—Тоже. Спб. 1885—1888. Вышли всѣ четыре тома.—Тоже. Спб. 1889. Вышли т. III и IV.—Тоже. Спб. 1890. Вышли т. I, II и IV.—Тоже. Спб. 1891. Вышли т. III и IV.—Тоже. Спб. 1893. Вышелъ т. IV.—Тоже. Спб. 1894. Вышелъ т. IV.—Тоже. Спб. 1895. Вышли всѣ 4 тома.—Тоже. 1896. Вышли всѣ 4 тома.—Тоже. Спб. 1897. Вышли всѣ 4 тома.—Тоже. Спб. 1898. Вышли всѣ 4 тома и вторично III и IV.—Тоже. Спб. 1899. Вышли всѣ 4 тома.—Тоже. Спб. 1900. Вышли т. III и IV.—Тоже. Спб. 1901. Вышелъ т. I.—Тоже. Спб. 1902. Вышли всѣ 4 тома.—Тоже. Спб. 1903. Вышли т. III и IV.—Тоже. Спб. 1904. Вышли всѣ 4 тома и вторично т. I, II и IV.—Тоже. Спб. 1905. Вышелъ т. IV.—Тоже. Спб.

1906. Вышли всѣ 4 тома.—Всѣ эти изданія напечатаны безъ малѣйшихъ перемѣнъ въ тип. М. Стасюлевича съ одинаковымъ числомъ страницъ.

Былины и стихотворенія. Рисунки Н. Н. Каразина. Изд. С.-Петерб. Комитета Грамотности. Спб. 1883. Тип. М. Стасюлевича. 16 д. л. 62 и 2 ненум. стр.

Тоже. Второе изданіе. (Безъ перемѣнъ). Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 16 д. л. 64 стр.

Іоаннъ Дамаскинъ. Выдержки изъ поэмы. Изд. Комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1887. Тип. О. Елеонскаго. 16 д. л. 29 и 2 нен. стр.

Упырь. Разсказъ. Съ предисловіемъ Вл. Соловьева. Изд. М. Залшупина. Тип. В. С. Балашова. 16 д. л. 177 стр. (Точная копія изданія 1841 года).

Сцена у ручейка. Слова гр. А. Толстого. Музыка Ю. Блейхмана. Безъ означенія мѣста и года печати. (Тип. Р. Голике. Спб. 1891). 8 д. л. 1 стр.

Донъ-Жуанъ. Драматическая поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Музыка Э. Ф. Направника. (Либретто). Спб. 1892.

Былины и стихотворенія гр. А. К. Толстого и В. А. Жуковскаго. Изд. Н. Аскарханова. Спб. 1899. Центр. тип. М. Я. Минкова. 16 д. л. 62 стр.

Тоже. Изд. 2-е. Спб. 1900. Владимірская паровая типо-литогр. 16 д. л. 64 стр.

Стихотворенія. Изд. Конф. и шоколадн. фабр. С. Васильева. Спб. 1904. Типо-лит. К. Фельдманъ. 32 д. л. 48 стр.

Садко. Былина гр. Алексѣя Толстого съ миніатюрами М. П. Соловьева. Безъ означ. мѣста и года печати. (Тип. А. Бенке. Дозв. цензурой 26 августа 1905 г.). 8 д. л. 8 стр.

Оглавленіе

IV ТОМА.

стр.

Дневникъ 3

Переписка.

Выдержки изъ переписки съ С. А. Миллеръ 37
Изъ писемъ къ друзьямъ:
I. Къ разнымъ лицамъ 181
II. Къ княгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ. 247
III. Изъ писемъ къ А. П. Бахметеву 266
IV. Письма къ И. С. Тургеневу. 274
V. Письма къ Я. П. Полонскому. 279
VI. Изъ писемъ къ Н. М. Жемчужникову 283
VII. Письма къ М. М. Стасюлевичу 290
VIII. Письмо къ В. Д. Давыдову 296
IX. Письмо къ М. П. Арнольди 297
X. Письмо къ Е. П. Ковалевскому. 298
XI. Письмо къ О. А. Новиковой 301

Рѣчь, произнесенная на обѣдѣ 14 марта 1869 г. въ Одессѣ. . . 302

Библіографія произведеній графа А. К. Толстого 303

513539
LR Tolstoi, Aleksyei Konstantinovich, Graf
T6542 Полное собраніе сочиненій.
v.4
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny.]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

ЗАЯВЛЕНЪ ОТДѢЛУ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.